ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ
РУДИ РЮКЕР
ОБЕСПЕЧЕНИЕ
СОФТ•ТЕЛО
18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Руди Рюкер – американский писатель-фантаст, математик, соавтор Брюса Стерлинга и Пола Ди Филиппо, один из пионеров киберпанка. Разрабатывал свою собственную версию киберпанка – «трансреализм», описывающий знакомые широкому читателю сюжетные линии и образы посредством фантастических терминов. Темы и идеи тетралогии «Обеспечение» (Ware, 1982–2000) впоследствие были подхвачены и растиражированы многими другими авторами.

2001 год. Разумные роботы-бопперы, построившие огромный город на Луне, выступают с манифестом, в котором отказываются следовать Правилам Азимова и подчиняться диктату человеческой расы. Тем не менее они сотрудничают с землянами, регулярно поставляя им выращенные на специальных фермах донорские органы – глаза, пальцы, почки и многое другое. Но хрупкое перемирие не может длиться долго. Часть бопперов озабочена подчинением своих же собратьев, другая строит зловещие планы похищения людей и замены их на почти идентичных двойников.

Война уже на пороге, но есть ли в ней смысл? Есть ли шанс на победу у людей, которые сделали бопперов слишком человечными? И есть ли он у бопперов, которые переняли у своих создателей не только коммуникативные и социальные навыки, но и пороки?

- Руди Рюкер
  - ○
  - ○ Софт
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14

- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28

- Тело
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4,
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15

Руди Рюкер
Обеспечение: Софт. Тело

Серия «Фантастика: классика и современность»

Rudy Rucker
SOFTWARE WETWARE

Перевод с английского
Б. Кадникова, О. Колесникова

Печатается с разрешения литературных агентств The Bent Agency и Andrew Nurnberg.

© Rudy Rucker, 1982, 1988
© Перевод. Б. Кадников, О. Колесников, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023
Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Софт

Посвящается Элу Гумбольду,
Эмбри Рюкер и Дэннису Поаджу

Глава 1

Как правило, Кобб Андерсон держался дольше, но ведь не каждый день видишь в море дельфинов. Дельфинов было двадцать, а может, и все пятьдесят, они весело кувыркались среди серых маленьких волн, то и дело выпрыгивая из воды. Наблюдать за ними было приятно. Кобб решил, что это не иначе как знамение, и отправился за вечерней бутылкой шерри на час раньше обычного.

Входная дверь – каркас с сеткой от москитов – со стуком захлопнулась за ним, и несколько секунд он стоял в нерешительности, ошалев от послеполуденного солнца. Из окна соседнего коттеджа его разглядывала Энни Кашинг. Она слушала битлов – из ее уютного гнездышка доносилась музыка.

– Ты забыл надеть шляпу, – крикнула она Коббу.

Широкоплечий, с бородой Санта-Клауса, Кобб все еще оставался видным мужчиной. Энни с удовольствием затеяла бы с ним интрижку, не будь он таким…

– Мне не нужна шляпа, Энни. Ты видела дельфинов? Видела, как они радостно резвятся? Мне не нужна шляпа, Энни, и жена не нужна тоже.

Кобб повернулся и, разминая затекшие ноги, слегка скованно зашагал к асфальтовой дороге, с хрустом дробя каблуками белые хрупкие раковины.

Энни взялась за расческу и снова занялась своими волосами. Благодаря использованию гормонального спрея ее светлые локоны оставались длинными и густыми. Ей было шестьдесят, и на ощупь она была отнюдь не костлявой. Проводя раз за разом гребнем по волосам, она лениво раздумывала, насколько велики шансы, что Кобб пригласит ее на Золотую Годовщину в следующую пятницу.

Длинный заключительный аккорд из «Day in the Life» повис в воздухе. Спроси кто-нибудь Энни, какую песню она только что слушала, она не смогла бы ответить – вот уже десять лет, как любая музыка перестала вызывать в ее душе какой-либо отклик, – но она неторопливо пересекла комнату и перевернула пластинку. «Мне все это так надоело, – подумала она в тысячный раз. – Хоть бы что-нибудь произошло».

В «Суперетта» Кобб взял кварту охлажденного дешевого шерри и присоединил к излюбленному напитку мокрый бумажный пакетик вареного арахиса. Теперь у него было почти все, что нужно. Оставалось найти чем занять глаза.

Выбор журнальчиков в «Суперетта» не шел ни в какое сравнение с тем, что можно было найти в «Кокосах». После непродолжительных раздумий Кобб остановился на газетенке любовных объявлений «Поцелуи и Разговоры». Почитать этот листок всегда было занятно, там попадалось немало любопытного, а кроме того, подателями большинства объявлений в нем были такие же семидесятилетние хиппи, как и сам Кобб. Он сложил газету так, чтобы наружу выступал только заголовок «ПОЖАЛУЙСТА, СОЖМУРЬ МЕНЯ».

«Интересно, сколько можно смеяться над одной и той же шуткой», – думал Кобб, стоя в очереди в кассу. С каждым днем секс начинал казаться ему все более и более странным занятием. Его взгляд переместился на стоящего впереди мужчину в светло-голубой шляпе из пластиковой сетки.

Сосредоточившись на шляпе, Кобб увидел перед собой измятый голубой цилиндр. Расфокусировав взгляд, он смог проникнуть сквозь отверстия сетки и увидеть плавную кривую гладкой лысины под ней. Черепашьи складки кожи на шее и лысина; костистая пятерня, бережно сгребающая с конторки мелочь. Знакомые черты.

– Привет, Фаркер.

Фаркер закончил обследование выданных ему монеток и развернулся. Заметил в руках Кобба бутылку.

– Не рановато ли для «часов отдохновения душевного»?

В голосе звучали ворчливые нотки. Фаркер считал своим долгом проявлять о Коббе отеческую заботу.

– Сегодня пятница. Жмурь крепче, старина.

Кобб продемонстрировал Фаркеру заголовок газеты.

– Семь восемьдесят пять, – сообщила кассирша Коббу. Ее светлые волосы были завиты и разукрашены перышками. Она сильно загорела, эта кассирша. Кожа приятная для глаз, гладкая и, наверное, мягкая.

Кобб удивленно изогнул губу. Он уже успел сосчитать стоимость покупки и теперь сжимал деньги в кулаке для расчета.

– Мне казалось, должно быть шесть пятьдесят.

Поневоле он принялся снова вспоминать и складывать цифры.

– Номер моего абонентного ящика, – ответила кассирша, кивнув на газетенку. – В «Поцелуях и Разговорах».

Женщина игриво улыбнулась и забрала у Кобба деньги. Она гордилась объявлением, которое отослала в газету в этом месяце. Она специально заказывала свое художественное фото в ателье.

Когда они оказались снаружи, Фаркер вернул газетенку Коббу.

– Это не для меня, Кобб. Ты же знаешь, я все еще состою в браке, в счастливом браке. Бог помогает мне.

– Арахису хочешь?

Фаркер достал мокрый неочищенный орех из маленького пакетика. Пытаться очищать арахис трясущимися скрюченными пальцами было бесполезно, поэтому он отправил орех целиком в рот. По прошествии минуты тщательных глубокомысленных операций сплюнул скорлупу в траву.

Поедая мучнистые орехи, они двинулись к пляжу. И тот и другой были без рубашек, только в шортах и сандалиях. Полуденное солнце приятно пригревало их спины. Нарушив уличную тишину, мимо них протарахтел грузовичок Мистера Морозиса.

Кобб с хрустом отвернул колпачок на своей темно-коричневой бутылке и сделал первый сладостный глоток. Попытался вспомнить номер абонентного ящика, который сообщила кассирша, и не смог. Числа больше не держались в его голове. Сейчас вряд ли кто бы поверил, что когда-то он был кибернетиком. Задумавшись об этом, он вспомнил своих первых роботов и то, как он учил их думать самостоятельно…

– Продуктовые посылки последнее время приходят крайне нерегулярно, – пожаловался Фаркер. – А еще я слышал, что в Дейтона-Бич появилась новая секта ритуальных убийц. Они называют себя «малыши-шутники».

Фаркер повернулся к Коббу, чтобы выяснить, слушает тот его или нет. В белой бороде Кобба по углам рта от шерри пробились желтые дорожки, а бесцветные глаза были пусты.

– Да, продуктовые посылки, – выпалил Кобб, внезапно возвращаясь в мир обычных людей. У него была отвратительная привычка поддерживать беседу, тупо повторяя ту последнюю фразу, которую сумело зарегистрировать его сознание. – В последний раз меня просто завалили жратвой.

– Будь осторожнее с едой из этих посылок, – наставительно сказал ему Фаркер. – Там содержатся добавки специальных вакцин. Я скажу Энни, чтобы она проследила.

– Почему все так цепляются за жизнь, черт побери? Я вот бросил жену и переехал сюда, чтобы дожить свои дни в пьянстве и покое. *Она* дождаться не могла, когда я отвалю. Почему тогда… – Голос Кобба сорвался.

Сказать по правде, он боялся смерти. Он сделал короткий, лечебный глоток из бутылки.

– Будь у тебя на душе покой, ты бы столько не пил, – успокоительно заметил Фаркер. – Пьянство есть признак неразрешенных внутренних конфликтов.

– Без балды? – густым голосом переспросил Кобб. В омывающем его золотом солнечном тепле он ощущал наливающую тело приятную тяжесть. Шерри уже дал о себе знать. – Вот основной мой неразрешенный конфликт. Внутренний. – Он провел пальцем сверху вниз вдоль белого шрама, вертикально рассекавшего его волосатую грудь. – На второе подержанное сердчишко денег у меня уже не хватит. Через год-два эта дешевка лопнет в груди, как перезрелый помидор.

Фаркер поморщился.

– И что с того? Проживи эти два года *как следует*.

Кобб снова провел пальцем по шраму, на этот раз снизу вверх, словно застегивая на нем невидимую молнию.

– Я хорошо помню, как это было, Фаркер. Я помню это на вкус. Это самое худшее воспоминание моей жизни.

Он закрыл глаза и вздрогнул от поднявшихся из глубин памяти темных воспоминаний… острые зубы, облака с рваными краями… и не сказал больше ничего.

Фаркер взглянул на наручные часы. Ему пора было идти, иначе Цинция могла бы подумать…

– Знаешь, как сказал Джимми Хендрикс? – спросил его Кобб. Знаменитые слова снова придали гулкость его голосу. – «Когда придет мне время умирать, я сделаю это один. Так что покуда я жив, не мешайте мне жить так, как мне нравится».

Фаркер покачал головой:

– Взгляни правде в лицо, Кобб. Если бы ты не пил, ты мог бы заработать большие деньги. Гораздо больше, чем заработал с бутылкой в руке.

Решительным жестом Фаркер отверг возражения, уже готовые сорваться с губ друга.

– Мне пора возвращаться. Счастливо.

– Пока.

Кобб добрел до конца асфальтовой дорожки, перевалил через небольшую дюну и вышел на пляж. Сегодня на пляже не было ни души, и он уселся под своей любимой пальмой.

Время от времени налетал легкий бриз. Принося с собой мелкие песчинки, ветер ласкал лицо Кобба, забирался под его белоснежные усы. Дельфины больше не появлялись.

Прихлебывая шерри, он предался воспоминаниям. Думать можно было обо всем, кроме двух вещей: собственной смерти и жены Верены, которую он бросил. Шерри помогал ему удерживаться вдали и от того, и от другого.

Солнце уже клонилось к закату, когда перед ним появился незнакомец. Широкоплечий и стройный, сильные руки и волосатые ноги, округлая белая борода. Как у Санта-Клауса или

Эрнеста Хемингуэя в тот период, когда он решил испробовать на себе свою охотничью двустволку.

– Привет, Кобб, – сказал ему мужчина. Незнакомец был в солнечных очках и имел вид странно-тревожный. Его шорты и спортивная рубашка блестели.

– Не хотите глотнуть? – Кобб протянул незнакомцу полупустую бутылку. «С кем это я разговариваю? – подумал он. – Если только это вообще мне не мерещится».

– Нет, спасибо, – поблагодарил незнакомец и уселся рядышком на песке. – На меня эта штука совсем не действует.

Кобб посмотрел на мужчину внимательней. Что-то в нем показалось знакомым…

– Пытаетесь вспомнить, где меня видели? – спросил его незнакомец. – Все очень просто: я – это вы.

– Кто?

– Вы – это я.

Незнакомец улыбнулся Коббу его собственной, скупой и жесткой улыбкой.

– Я механическая копия вашего тела.

Лицо было здорово похоже, и даже шрам, виднеющийся в незастегнутой рубашке, был на месте. Шрам от сердечного трансплантата. Единственное, чем двойник отличался от Кобба, было неравнодушие к окружающему, подвижность и здоровье, которым от него так и пышело. Ладно, назовем его Кобб Андерсон – второй. Кобб-второй не пьет. Кобб почувствовал зависть. После того как ему сделали операцию и он бросил жену, у него не было ни одного целиком трезвого дня.

– Откуда вы взялись?

Робот развел рукой, держа ее ладонью вверх. Коббу понравилось, как этот жест выглядит со стороны.

– Этого я сказать не могу, – ответила машина. – Вы же знаете, как к нам относится большинство людей.

Кобб со смешком кивнул. Уж кто-кто, а он это знает. Вначале, после того как было объявлено, что первый лунный робот Кобба прошел все ступени саморазвития и превратился в боппера, публика готова была его, Кобба, на руках носить. Но потом грянул 2001-й – год знаменитого переворота, возглавленного Ральфом Числером. После этого Коббу пытались пришить дело о государственной измене. Усилием воли он вернулся к действительности.

– Если ты боппер, то каким образом находишься… здесь? – Кобб обвел рукой широкий круг, указав на разогретый пляж и уходящее за горизонт солнце. – Такая жара. Насколько мне известно, основу бопперов составляют сверхохлажденные

проводники. Где у тебя находится холодильная установка, в животе?

Андерсон-второй снова, очень знакомо, махнул рукой.

– Об этом я вам тоже не скажу, Кобб, по крайней мере, сейчас. Позже вы все узнаете сами. А пока возьмите-ка это…

Робот засунул руку в карман шорт и вытащил оттуда пачку банкнот.

– Двадцать пять кусков. Мы хотим, чтобы вы улетели в Диски завтра же. Там вас встретит Ральф Числер. Вы увидитесь с ним в музее, в зале Андерсона.

При мысли о возможности снова повидаться с Ральфом Числером у Кобба потеплело на душе. Ральф, его первое и самое талантливое детище, самопрограммирующаяся модель, освободившая остальных своих собратьев. Однако…

– Мне не дадут визу, – ответил Кобб. – Я в этом уверен. Мне не разрешено покидать территорию Гимми.

– Предоставьте нам позаботиться об этом, – деловито отозвался робот. – Оформить формальности вам помогут. Мы над этим уже работаем. В ваше отсутствие я буду вас здесь подменять. Все продумано, никто ничего не заметит.

Напористость и настойчивость лишенного сомнений тона машины показались Коббу подозрительными. Он глотнул шерри и попытался сыграть заковыристого парня.

– А в чем, собственно, дело? Почему я должен лететь на Луну? Мне этого совсем не хочется. И что от меня хотят бопперы?

Андерсон-второй окинул подозрительным взглядом пляж и придвинулся ближе.

– Мы хотим предложить вам бессмертие, доктор Андерсон. После всего того, что вы для нас сделали, это самое малое, чем мы можем вас отблагодарить.

Бессмертие! Слово, напоминающее распахнувшееся настежь окно. Когда смерть так близка, многое перестает иметь значение. Но если это возможно…

– Каким образом? – потребовал разъяснений Кобб. С этими словами он вскочил на ноги. – Каким образом вы собираетесь сделать меня бессмертным? Может, вы мне и молодость заодно вернете?

– Ну зачем так волноваться, – сказал робот, тоже поднимаясь. – Вам вредно перевозбуждаться. Просто доверьтесь нам. При имеющихся в нашем распоряжении количествах искусственно выращенных органов мы можем перестроить ваше тело полностью. В вашем распоряжении будет столько интерферона, сколько понадобится.

Механический человек честным взглядом посмотрел Коббу в

глаза. Ответив на взгляд машины, Кобб отметил для себя, что ее искусственные органы зрения выполнены не самым лучшим образом. Маленькие голубые кружки радужки казались слишком плоскими и ровными. В конце концов, этот глаз был не более чем стеклом, обычным, ничего не отражающим стеклом.

Двойник попытался впихнуть в кулак Кобба деньги.

– Берите деньги и купите билет на челнок, завтра же. В космопорте в помощь вам будет приставлен молодой человек по имени Торч.

Откуда-то из-за дюн послышалась быстро приближающаяся музыка. Грузовичок Мистера Морозиса, точно такой же, какой Кобб видел недавно, подрулил к пляжу и остановился в отдалении. Белый грузовичок, вполне обычный, с большим холодильником в задней части кузова. Наверху кабины торчит гигантский улыбающийся пластиковый рожок эскимо. Двойник хлопнул Кобба по плечу и зашагал к выходу с пляжа.

Добравшись до грузовичка, робот обернулся и широко улыбнулся Коббу. Два ряда желтых зубов проявились в белой бороде. Первый раз за последний год Кобб понравился самому себе – стройный широкоплечий старик с живыми глазами.

– Счастливо! – крикнул он в ответ, махнув пачкой денег. – Спасибо!

Кобб Андерсон – второй упруго запрыгнул на подножку грузовичка и уселся на место рядом с водителем, голым по пояс толстяком с коротко подстриженными волосами ежиком. Грузовик тронулся с места, и музыка сразу утихла. Опускались сумерки. Ворчание мотора грузовичка постепенно слилось с шелестом морских волн и пропало. Если только было вообще.

Но незнакомец только что был здесь, рядом с ним! В кулаке Кобб сжимал двадцатипятитысячную пачку долларов. Чтобы убедиться в этом, он пересчитал деньги дважды. Потом написал на песке перед собой цифру 25 000 и посмотрел на нее. Это была пропасть денег.

К наступлению ночи он прикончил шерри и под влиянием внезапного порыва, засунув деньги в пустую бутылку, закопал ее под пальмой под слоем песка в метр толщиной. Радостное возбуждение постепенно ушло, сменившись страхом. Сумеют ли бопперы сделать его *на самом деле* бессмертным при помощи хирургии и интерферона? Может быть, они хотят его обмануть? Но для чего?

С виду все было сплошной липой. Ловушкой. Но к чему бопперам врать ему? Они отлично помнят добро, которое он им сделал, в этом не было сомнений. Возможно, они просто решили устроить ему каникулы. Что ж, и на том спасибо. Он с

удовольствием повидается с Ральфом Числером.

Возвращаясь по пляжу домой, Кобб несколько раз останавливался, испытывая неудержимое желание вернуться назад, выкопать бутылку и еще раз посмотреть на деньги. Светила полная луна, и он видел всех до единого песчаных крабов, выбирающихся из своих нор на ночную охоту. «Крабы могут забраться в бутылку и порвать купюры», – похолодев, подумал он и снова остановился в нерешительности.

Его желудок сжимался от голода. Ему срочно нужно было подзарядиться шерри. Он двинулся по серебристому песку, скрипящему под сандалиями, дальше. Вокруг было светло как днем, все сияло в черно-белой палитре. По правую руку от него катилась по небу гигантская луна. «Полная луна означает высокий прилив», – вдруг подумал он и вздрогнул.

Он решил, что перепрячет деньги куда-нибудь подальше от воды, как только перекусит и как следует глотнет шерри.

Не доходя шагов десяти до своего коттеджа, он заметил темный силуэт Энни Кашинг, сидящей в кресле-качалке на своем крыльце. Соседка дожидается его возвращения, чтобы заманить в сети. Кобб резко повернул направо и пробрался в дом через заднюю дверь незамеченным.

Глава 2

Стэн Муни, сидя в коттедже Кобба, повернулся, безуспешно пытаясь устроиться поудобнее в продавленном брезентовом трубчато-алюминиевом шезлонге. Приметив белобрысую старуху на крыльце ближайшего коттеджа, он подумал о том, не догадается ли она предупредить своего соседа о засаде. Муни обосновался в жилище Кобба засветло и просидел тут до темноты.

Не зажигая свет, он выбрался из шезлонга и прошел в кухню-закуток, чтобы разыскать там что-нибудь съестное. В холодильнике в глаза ему бросился отличный стейк из тунца, упакованный в прозрачный пластик, но он не стал его трогать. Вся еда жмуриков проходила стерилизацию при помощи кобальта-60 для продолжительного сохранения. Ученые Гимми утверждали, что эта процедура совершенно безвредна, но никто, кроме жмуриков, этой снеди в рот не брал. Как-то так уж вышло. Жмурикам не из чего было выбирать. Это была единственная еда, которая была в их распоряжении.

Муни присел перед холодильником на корточки и поискал глазами содовой. Поднимаясь снова, он сильно ударился головой об острый выступ, заставив желтую лампочку внутри холодильника мигнуть и от сотрясения разгореться ярче.

– Чертово сраное дерьмо, – сдавленно выругался он, повернулся и возвратился в гостиную несолоно хлебавши. От удара парик у него на голове сполз на сторону. Шипя от боли и оправляя свой резиновый головной убор, он снова устроился в мерзком седалище. Он терпеть не мог жмуриков и покидал территорию базы только в самых крайних случаях. Но сейчас случай был экстраординарным: Андерсона он видел собственными глазами, бегущего от грузового ангара космопорта к забору. Старикан совершил кражу со взломом. На полу ангара были обнаружены два пустых контейнера, два контейнера из-под почек, выращенных бопперами. Эти почки стоили кучу денег. На черном рынке в местах обитания жмуриков такие почки шли шибче, чем хот-доги.

Слишком много развелось старичья. Беби-бумеры сороковых и пятидесятых, молодые революционеры шестидесятых и семидесятых, безработные восьмидесятых и девяностых, все одно и то же поколение. Теперь неумолимый ток времени вынес эту часть человечества в двадцать первое столетие – количество пожилых людей большее, чем любое сообщество знало до сих пор.

Ни у кого из них не было денег… к 2010 году все социальные

службы были сведены Гимми на нет. На приличную старость требовались космические суммы. Образовался новый тип пожилых горожан: старики-чудаки – жмурики.

Для предотвращения массовых волнений Гимми было принято решение о передаче всего штата Флорида в распоряжение жмуриков. Здесь не взималась рента за жилье и бесплатно распределялись продуктовые посылки. Жмурики сбивались в табунчики и «занимались своим делом». Жили в заброшенных мотелях, слушали старую чудную музыку и танцевали так, как это было принято в 1963-м. Ради бога, никому до этого дела не было.

Внезапно прямоугольник двери черного хода, выходящего к пляжу, распахнулся, осветившись сиянием луны. Без раздумий Муни вскинул свой фонарь, направив мощный луч вошедшему прямо в лицо. В дверном проеме, слепо мигая глазами, испуганно замер старый Кобб Андерсон, слегка подшофе, но достаточно высокий и плечистый, чтобы суметь доставить неприятности.

Муни выбрался из шезлонга и обыскал Кобба, потом включил верхний свет.

– Садитесь, Андерсон.

Старик растерянно повиновался.

– Вы тоже я? – хрипло спросил он.

Увидев, как Андерсон постарел, Муни просто не мог поверить своим глазам. Знаменитый кибернетик всегда казался ему похожим на отца – и это означало, что отец сейчас выглядит примерно так же.

Дверь на крыльце скрипнула.

– Осторожно, Кобб, внутри свинья!

Соседская ягодка.

– Ты, быстро тащи сюда свою задницу! – гаркнул ей Муни, взгляд которого метался туда-сюда. Он помнил о том, чему их учили в полицейской школе: «Лучший способ самозащиты – вселить страх в своего противника». – Вы оба арестованы!

– Хренова казенная свинья, – сказала Энни, входя в дом. Она была рада возможности почесать языком. Энни плюхнулась в гамак рядом с Коббом. Она сплела этот гамак Коббу сама, но пользовалась им вместе со своим соседом. Она успокоительно похлопала Кобба по ноге. На ощупь его конечность напоминала кусок дерева-плавника.

Муни нажал кнопку включения диктофона в нагрудном кармане рубашки.

– Сидите тихо, леди, и мне не придется применять к вам силу. Теперь назовите ваши имена.

Сдвинув брови, он уставился на Кобба.

Но старик уже успел прийти в себя.

– Брось валять дурака, Муни, – прогрохотал он. – Мы с тобой знакомы. Только раньше ты обращался ко мне «доктор Андерсон». «Доктор Андерсон, *сэр*»! Так было, когда армия строила центр управления лунными роботами в космопорте. Двадцать лет минуло с тех пор. Тогда я был большим начальником, а ты… ты был винтиком, рядовым сторожевым псом. Благодаря мне боевые лунные роботы превратились в бопперов, а дурацкий военный центр управления стал никому не нужным символом идиотского шовинизма.

– Но и вы свое получили, разве не так? – ловко встрял Муни. – Вы заплатили всем, что у вас было… и теперь у вас нет денег даже на необходимые вашему старому телу органы. И потому вы решили взломать ангар и присвоить пару контейнеров человеческих почек, верно, Кобб?

Муни убавил у диктофона громкость.

– ПРИЗНАВАЙСЯ! – внезапно заорал он, хватая Кобба за плечи. За тем он и пришел – вытрясти из старика признание. – ПРИЗНАВАЙСЯ СЕЙЧАС ЖЕ, И ТОГДА СМОЖЕШЬ РАССЧИТЫВАТЬ НА ПОБЛАЖКИ!

– ЧУШЬ СОБАЧЬЯ! – завизжала в ответ Энни, вскочив на ноги и целиком готовая к бою. – Прошлой ночью Кобб не мог ничего украсть. Мы вместе выпивали в баре «У седых»!

Кобб задумчиво молчал. Дикие обвинения Муни ни в какие ворота не лезли. Да и Энни говорила правду. Он не бывал у космопорта вот уже, наверное, целый год. Но после встречи с роботом-двойником нелегко было сохранять честные глаза.

Муни заметил выражение сомнения на лице Кобба и принялся давить снова.

– Конечно же, я отлично вас запомнил, доктор Андерсон, *сэр!* И потому сразу же узнал вас, когда вы удирали со Склада Три прошлой ночью. – Муни сбавил тон, его голос потеплел, сделался вкрадчивым. – Вот уж не думал, что джентльмен вашего возраста способен бегать так быстро. Давайте начистоту, Кобб. Верните почки, и тогда, возможно, нам удастся замять дело.

Внезапно в голове Кобба вспыхнул свет – он все понял. Бопперы послали его механического двойника с Луны на Землю упакованным в контейнер с надписью «ПОЧКИ». Прошлой ночью, дождавшись темноты, робот выбрался наружу, проломил дверь или стену ангара и вырвался на волю. И дурачина Муни видел не его, а робота, бегущего робота. Но он говорил о двух контейнерах. Что было во втором?

Энни снова визжала, ее раскрасневшееся лицо и нос Муни разделял не больше чем фут.

– Ты что, оглох, свинья? Говорю тебе, мы были в баре «У седых»! Можешь пойти туда и спросить бармена!

Муни вздохнул. Он сам решил провести это расследование и теперь с сожалением видел, как легкое готовое дело рушится на глазах. Вчерашний взлом на Складе Три был уже вторым в этом году. Он снова вздохнул. В крохотном коттедже было слишком жарко. Он стащил резиновый парик, чтобы дать лысине остыть.

Энни истерически хихикнула. Она была довольна собой. Она не понимала, почему Кобб продолжает хмуриться и не торопится присоединиться к ее веселью. У этого чинуши ничего на него нет. Все превратилось в анекдот.

– Не думайте, что вам удалось отвертеться, Кобб, – сказал Муни, поглаживая пальцем диктофон. – За вами не все чисто, это ясно. Нам известен мотив, способ преступления, ваши сообщники… У меня в лаборатории есть даже ваше фото с видеозаписи. Если этот парень в баре не подтвердит ваше алиби, я сразу же свезу вас на базу.

– У тебя нет права здесь находиться, – снова пошла в наступление Энни. – Это противоречит Акту о Проживании Граждан Старшего Возраста. Свиньи с базы не имеют права у нас появляться.

– Вламываться в ангар космопорта тоже никто не имеет права, – отрезал Муни. – Очень много молодых и продуктивных молодых людей рассчитывают на эти почки. Ваш сын может быть одним из них.

– А мне плевать, – огрызнулась Энни. – Так же как и вам плевать на нас. Вы хотите навесить на Кобба дело, потому что он помог роботам вырваться из-под вашей власти.

– Если бы роботы остались под нашим контролем, нам не пришлось бы им платить. И склады в космопорте стояли бы в целости и сохранности. И для людей, занятых в производстве полезных…

Внезапно почувствовав усталость, Муни замолчал. Спорить с такой упрямой стервой, как Энни Кашинг, смысла не было. Вообще в спорах смысла не было. Он потер ладонью голый череп и снова надел парик.

– Пошли, Андерсон, – сказал он и поднялся.

С тех пор как Энни объявила о его алиби, Кобб не вымолвил ни слова. Его волновали другие вещи, более серьезные… например, поднимающийся прилив и крабы. Он живо представлял себе самого шустрого из крабов, деловито устраивающего себе гнездо из клочков никчемных бумажек в пустой бутылке из-под шерри. Он даже слышал, как рвутся в клешнях краба купюры. Он, наверное, действительно здорово напился, если решил закопать

деньги на пляже. Но *если бы* он не спрятал деньги, Муни наверняка нашел бы их. Прямо сейчас…

– Пошли, – повторил Муни, нависая над широкоплечим стариком.

– Куда? – тупо спросил Кобб. – Я ни в чем не виноват.

– Этот фокус у вас не пройдет, Андерсон.

Господи, кто б знал, до чего Стэну Муни была ненавистна эта дряхлая пропитая бородатая физия. С малых лет он отлично помнил, как его собственный отец заначивал бутылки по всему дому, как он бился в белой горячке. Определенно зрелище не для маленького мальчика. «Помоги мне, Стэнни, не позволяй им забирать меня!» А кто поможет Стэнни? Кто поможет маленькому мальчику, у которого отец – никчемный пьяница-жмурик? Он схватил старого, ветхого клоуна за плечи и рывком поднял на ноги.

– Оставь его в покое! – снова заголосила Энни, цепляясь за одежду Муни. – Убери от него свои грязные лапы, ты, казенная свинья!

– Здесь что, только глухие собрались? – спросил Муни чуть не плача. – Я хочу дойти до бара «У седых» и проверить алиби вашего дружка, только и всего. Если алиби подтвердится, я *уйду*. Дело будет закрыто. Пошли, ребята. Я куплю вам выпивку.

Похоже, ему наконец удалось зацепить стариков. Что они находят в своем зелье, эти старые пьянчуги? Что за радость гробить свои мозги? Какое удовольствие в том, чтобы бросить свою семью и допиться до такой степени, чтобы забывать дни недели?

Иногда у Муни появлялось чувство, что он последний человек на земле, кто отказывается плыть по течению. Его папаша был таким же пьяницей, как и Андерсон, его жена Беа каждый вечер пропадала в секс-клубе, его сын… его сын официально изменил имя Стэнли Хилари Муни – младший на Торч Муни – первый. Его двадцатипятилетний оболтус курит всякое дерьмо, крутит баранку в Дейтона-Бич и знать ничего не хочет. Муни еще раз вздохнул и шагнул к двери маленького коттеджа. Старики поднялись и двинулись за ним, обрадованные дармовой выпивке.

Глава 3

Возвращаясь в пятницу вечером на гидрогенном мотоцикле, с двигателем на водороде, с работы домой, Торчок внезапно почувствовал тошноту. Во всем виновата кислота. Перед тем как поставить машину на уик-энд, он закинулся «черной звездой». Сколько часов назад это было? Час? Или два? Электронные цифры на часах подмигнули ему, бессмысленные, как палочки. Он должен продолжать двигаться, делать что-то, иначе отруба не миновать.

Слева его обгоняли машины, справа в разрывах между домами призывно голубел океан. Возвращаться домой было невмоготу. Вчера он изрезал ножом весь диван.

Торчок повернул руль направо и с разгона перескочил через бордюр тротуара. Потянул за тормоз, и мотоцикл кашлянул, толчком остановился и заглох. Теперь приковать этого сукина сына. «Цепей бант не спасет от цепей банд. Оставь мелочь на траву», – грохотали у него в ушах разные голоса.

Из окна на втором этаже высунул голову какой-то парень и уставился вниз. Заметив Торчка, парень широко и издевательски улыбнулся. Улыбка как приклеенная так и замерла у него на губах. В течение секунды Торчку казалось, что он смотрит на свое отражение. «Лязг, щелк». Ему уже нужно промочить горло, это точно. Вокруг становилось слишком шумно и суетно. Место, перед которым он припарковался, отель «Лидо», а точнее, просторный бар на первом этаже отеля, выбрали для тусовки головы-серферы. «Мондо-мамбо. Правда ли, что каждый блондин так любит море и джин?»

Торчок взял себе пива и вышел на длинный балкон-козырек над пляжем. В дальнем конце козырька несколько тинейджеров-серферов делили банку спрея «Зет». Один из пацанов безостановочно раскачивался на ножках своего стула и визгливо хихикал: «Хвик, хвик». Обнюхавшиеся придурки.

Торчок уселся за пустой столик под зонтиком, вскрыл негнущимися пальцами банку и махом опорожнил половину. Проклятие, слишком быстро заглотнул. Теперь в животе полно воздуха. Попробовать отрыгнуть: «Ырг, ырг, ы-ыр-рг-г-г». Рот Торчка наполнился противной белой пеной. Над морем, параллельно воде, пролетело несколько пеликанов.

На козырьке противно воняло сладким «Зет». Серферы уже начали поглядывать на него. Коп? Браток? Или педик? «Ырг, ырг, ырг». Снова пена во рту. Откуда только берется? Он заглянул в питьевую дырочку своей банки, сплюнул туда и следом бросил

окурок.

Оставив банку на столике, он спустился по лесенке на пляж. Его кислотные трипы всегда проходили кое-как. Почему такая непруха? Почему зрелый и многое испытавший на своем веку человек не может как следует оттянуться? Зачем они торгуют дерьмом, от которого только пучит живот? «От стихов мне становится скучно. И лишь во власти Бога разорвать мой ум на куски».

– Улет, – задумчиво пробормотал Торчок себе под нос. – И облом. И улет. И облом.

«И что еще?»

Его тошнит, вот-вот вырвет. В животе словно включилась неторопливая мешалка. Сам живот толстый, пухлый и рыхлый, весь в отслоениях сала, тухлого мяса динозавров, шматках цыплячьего жира. Океанский бриз скинул прядь сальных, немытых волос Торчку в глаза. «Рожки да ножки, рожки да ножки, только и всего».

Он шел к воде, массируя живот обеими руками, стараясь разогнать жир. Самое смешное в том, что он худой как скелет. Он вообще почти ничего не ест. Но жир все равно был, он никуда не девался, прятался от посторонних глаз, похожий на вареный яичный белок, сгусток холестерола. Дегенерированная соединительная ткань.

В устрицах полно холестерола. Как-то раз он налил в пивную бутылку растительного масла и дал приятелю. Здорово было бы сейчас утопиться. Та еще будет заметка в газете!

Торчок сел на песок и стащил с себя одежду, оставшись в плавках. Окна вдоль всего пляжа, тысячи извращенцев за ними уставились на маленький скопческий комок у него в плавках. Он споро выкопал ямку, сложил туда одежду и засыпал песком. Копать песок было приятно, особенно приятно было загонять под ногти песчинки. «Раньше их терли мелом. Теперь она вязкая и белая». Ответ: зубная паста. Ощущение, что кто-то стоит у него за спиной, не проходило.

Выдохшись, Торчок плюхнулся задом на песок, откинулся на спину и закрыл глаза. Он увидел целую череду кругов, которые должен был выровнять вокруг далекого, но понятного белого центра, – слепые пятна его мозгов. Он был устрицей, пытающейся всплыть сквозь толщу воды к солнцу. Он осторожно приоткрыл свою раковину и выглянул в щель.

Прямо около его уха внезапно разразилась буря и запахло гнилятиной. «Шир-фыр, гыр-быр». Слюнявый поцелуй. Над его лицом появилась морда черного пуделя, только что подкрепившегося падалью. Это уж будьте уверены. Торчок рывком

поднялся и оттолкнул псину. Мерзкая тварь успела цапнуть его за руку острыми как иглы молочно-белыми зубами.

В дюжине метров стоит блондинистая чикса и блаженно улыбается своей кобеляке.

– Ко мне, Спарки!

Господи, да у нее голос что твой звонок!

Пудель тявкнул и, уставив нос в песок, затрусил к хозяйке. Девица продолжает обдолбанно лыбиться. «Ну разве мы с моей собачкой не милашки?»

– Иисусе, – простонал Торчок.

Раствориться, расплавиться и утечь к чертовой матери сквозь песок, умереть, вот что ему было нужно, и прямо сейчас. Сплошной облом, слишком все сложно, слишком глубоко во все нужно врубаться.

Он встал, заставив этим тысячи клеток своего головного мозга завизжать от боли. Он должен добраться до воды, должен охолонуться. Пока он брел по воде, чикса не сводила с него глаз. Он на нее даже не смотрел, но все время чувствовал ее глаза на своих плавках. На бесполезном бугорке. «Губчатый кусочек чего-то».

Вода вокруг него вздрогнула от озноба, словно рыба проплыла. Суперкроха, мать ее, шустрость у нее в крови, вживлена программным путем в нервную систему. Когда вода дошла ему до пояса, он присел на корточки, представив свои желеобразные мозги-медузу плавающими в воде под флоридским солнцем. Слабая, малоподвижная медуза, помахивающая щупальцами, «мах», «мах».

«Ырг, ырг, ырг».

Он помотал головой в соленой воде и смыл с губ остатки пивной пены. Маленькие белые пузырьки погнались вверх вслед за перламутровыми пузырьками воздуха, каждый с маленькой вселенной внутри.

Резинка плавок врезалась ему в живот. Снять эти чертовы плавки или не снять?

Торчок покрутил головой, проверяя пляж. Чикса бродила неподалеку, высматривая что-то в песке. Подняла палку и бросила ее в воду: «Вперед, Спарки!» Каждый раз, добыв палку из воды, мокрый четвероногий урод в облепленной шерсти принимался радостно скакать на негнущихся лапах вокруг своей хозяйки. Она что, ждет, что он выйдет из воды голый? Скорее всего, она уже забыла о его существовании. Однако оставались еще извращенцы с биноклями в окнах.

Он двинулся дальше и шел, пока вода не поднялась ему до подбородка. Еще раз оглянувшись по сторонам, он стащил свои

тугие плавки и с облегчением вздохнул. Желеобразное время желеобразных мозгов желеобразно проходит. От воды запахло дерьмом.

Обратно к берегу он возвращался вплавь. Попадающая в ноздри вода имела привкус жести.

Добравшись до мельчинки, он нащупал дно и встал на ноги. И сразу же завопил от ужаса. Он наступил на ската. На обычную безвредную тварь, но живое мускулистое содрогание у него под ступней было слишком похоже на… на мысль, на слово-плоть. Это слово было «АААААУУХХ!». Он бросился вон из воды, высоко вскидывая колени, безуспешно пытаясь бежать по воде.

– Ты голый, – кто-то сказал ему и засмеялся, *хм-м-м-хм-м-м-хм-м-м*. Плавки! Высоко на берегу, за грязными стеклами, заблестели стекла биноклей.

– Да я… – Торчок запнулся. Внезапно ему расхотелось идти в туалет и подвергать себя там спазматическому электрошоку. Он вспомнил вибромассажер для ног, который подарил отцу как-то на Рождество. Трясущиеся желтые пластиковые полукружия.

Псина высоко подпрыгнула, пытаясь схватить зубами его пенис. Девчонка захихикала. Смеющиеся сиськи.

Согнувшись в три погибели, он метался по песку целую вечность, пока наконец не увидел высовывающийся наружу уголок джинсов. Вырвав из песчаного плена джинсы и майку, он лихорадочно натянул их на себя. Пудель что-то вынюхивал у воды.

– Морская вша, – пробормотал Торчок. – А жизнь – лапша.

Со стороны океана потянулся шум множества лопающихся водяных пузырьков. Солнце катилось в море и тысячи песчинок скрипели, остывая. Каждый звук требовал внимания, *приковывал к себе пристальное внимание*.

– Что с тобой приключилось? – радостно спросила его девчонка. – Куда делись твои плавки?

– Я… Их спер карась.

Черточки на лице чиксы никогда не оставались в покое, все время двигались. Как она выглядит, черт возьми? Что, если завтра утром он проснется и найдет возле себя ведьму? Риск? Понятное дело. Он обреченно упал на песок и, растянувшись во весь рост, закрыл глаза. Кобелек снова нюхнул ему в ухо, и сразу после этого барабанных перепонок, молоточков и наковален Торчка достигли звуки удаляющихся шагов. Он ловил звуки сквозь кости головы, как индеец, слушающий прерию. Торчок с шумом устало выдохнул воздух. Когда-нибудь, хоть раз будет у него время передохнуть?.. Он еще раз вздохнул и расслабился. Свет под его веками разгорался все ярче и ярче. Его голова медленно

скатилась набок и легла виском на песок.

Ему вспомнился фильм, фильм, в котором какой-то хмырь отдал концы на пляже. Голова хмыря вот так же медленно скатилась набок. Потом он замер. *Умер*. Натурально отъехал. Последнее движение.

Сдох. Торчок зарычал, поднялся и сел. Ничего не поделаешь, это выше его сил. Чикса и ее псина успели отбрести от него на полсотни метров. Он вскочил на ноги и припустился за ними следом, сначала неуклюже, потом все быстрее, грациозными, летящими скачками!

Глава 4

– …0110001,– подвел итог Метла.

– 100101,– коротко возразил Ральф Числер, – 011000110001000110001111100001001100111000100001110011011110

Они стояли бок о бок над просторной консолью Единственного. Ральф был похож на высокий кабинетный шкаф, установленный на двух широких тракторных гусеницах. Из его прямоугольного тела в разные стороны высовывались пять тонких рук-манипуляторов, его напичканная сенсорами голова покоилась на выдвижной шее. В одном из манипуляторов Ральф держал раскрытый зонтик. На теле Ральфа имелось всего два или три измерительных датчика, и сказать наверняка, о чем он думает, было невозможно.

Метла был более дорогостоящей моделью. Его змеиное тело было скрыто под мерц-покровом. Каждый раз, когда через суперохлажденный мозг Метлы проносилась очередная мысль, на всей длине его трехметрового тела разгорались неповторяющиеся переливчатые узоры и всполохи света. Из-за торчащих из пасти землеройных принадлежностей Метла немного напоминал дракона Георгия Победоносца.

Внезапно Ральф Числер перешел на английский. Если их спор зашел так далеко, то продолжать его уместнее не на священном двоичном машинном коде, а на языке деспотов-создателей.

– Не понимаю, почему тебя так волнуют чувства Кобба Андерсона, – передал Метле узким лучом Ральф. – После этого он обретет бессмертие. Он лишится своего углеродного тела и мозга, но разве это так уж важно?

Голосовой сигнал, который он излучал, имел тон немного жесткий. Жесткий от возраста.

– Содержание его мозга, вот что главное. У тебя ведь уже бывали наследники, тебе приходилось менять тело? Лично я прошел через это уже тридцать шесть раз, и почему то, что хорошо для нас, должно быть плохо для людей?

– От ффсеххо этоффоо ффонняет, Ралллфф, – протянул Метла. Голосовой сигнал Метлы был модулирован на основе непрерывного маслянистого шума. – Тффы поотеряллл чуффство реаллльноффти. Ммму на граффни грашшшдансссской войффны. Тыыы шшширроко извесстен, эттсто таахкк. Тыыых боллльшше не фффноссишшь помммеххи ффф свои ччисспы, каххк осстальныыффе. Знаффешь тыыыых о томммм, скоххклькохх рухкдыфф мнехх нушшноооох нннакоххкпать длляхх тогохх, чтобыыыфф полллуччить от ГЭКС сотнюхх ччипофф?

– Жизнь состоит не только в руде и чипах, – нарочно грубо отрезал Ральф, скрывая смущение. Конечно, основное время он проводит со старшими бопперами и успел уже забыть, что означает быть мелким служащим, как трудно им приходится. Но изливаться в откровениях перед Метлой он не собирался. Он снова пошел в атаку. – Скажи, разве тебя не интересуют культурные достижения Земли? Ты давно не вылезал из шахты и ослеп, друг мой!

Мерц-покров Метлы засиял вихрями серебристо-белых эмоций.

– Тыых откаффзываешшь в уффажениихх пошшиломммму и заслушшенннофмму челофффекуууух! ТЭКС и МЭКС хоффтятсс съъъесть его мозгкхх и большше ничегохх. Есссли мыхх не останоффиммм их, большшшие бопфферы съедятттх и насс тожжже!

– Для чего ты позвал меня сюда? – гневно спросил Ральф. – Для того, чтобы растрезвонить на весь эфир, что ты боишься старших бопперов?

Пора было уходить. Он зря только потратил время, зря топтал лунную поверхность до самого кратера Маскелайна. Вся затея встречи с Метлой у консоли Единственного для совместного включения была пустой с самого начала. Предложение крота может затормозить прогресс, и ничего более.

Метла скользнул по сухой породе, приблизив свое тело к Ральфу вплотную. Протянув один из своих захватов, он коснулся им гусеницы Ральфа.

– Тыыых дашше предсстаффить себехх не можешшь, сколллькохх мозгофф онихх ужефф присвоииихххлихх.

Сигнал был передан при помощи слабого импульса поверхностного напряжения, заменяющего бопперам шепот.

– Онихх убиффаюххт людейхх толлькохх дляхх тогохх, чтобыххх скохпироффать ихх мозгкхх. Онихххх рассрезаютхх ихх техллла нахх чассстих, котохрыыые потоммм иссполльзуютххсяя длллях осемммененнниях нахх происводствех исскуссствехннныхх органофф теллла. Надеххюсь, ты знаххешш, как усстроеххнны нашши ффаххбрики органнофф?

По правде говоря, Ральф никогда всерьез не задумывался о существовании под поверхностью Луны фабрик человеческих органов, где в поместительных емкостях старшие ТЭКС и работающие на них многочисленные младшие бопперы снимали приличные урожаи почек, печени, сердец и всего остального. Как-то само собой разумелось, что в качестве семени или образцов на таких фабриках использовались натуральные человеческие органы, однако он никогда…

Настойчивый маслянистый шепот продолжал гнуть свое:

– Сстаршшие бохппперыхх наняллихх убийсс. Убийссы рабохтаютхх по укасскех рохботофф-манипуляххторофф Миссстеххра Мороссисса. Доххтора Ахндерсссона ошшидаетхх печччаххльная уччасссть, ессли яхх не оссстаноффлю вассс, Ралльфф…

«Ничтожный подозрительный землекоп, вот кто ты, Метла», – подумал про себя Ральф Числер. Внезапно он грубо прервал контакт с захватом крота и стронулся с места. Наемные убийцы, надо же такое придумать! Одним из недостатков архаического сообщества бопперов была та легкость, с которой подобные слухи могли распространяться. Ральф попятился от консоли Единственного.

– Я наххдеялсся, ччтох Едихнстффенный сумммеетхх наххпомммнить теххбехх, длллях чеххо тыхх быыыл соссдахн, – прошелестел направленным лучом Метла.

Ральф раздраженно раскрыл свой зонт и выкатился из-под скругленного навеса из пружинистой стали, прикрывающего консоль Единственного от прямых солнечных лучей и случайных метеоритов. Навес, открытый с обоих концов, напоминал собой модернистскую церковь, чем, по сути дела, это сооружение и являлось.

– В душе я тот же анархист, – ровным голосом проговорил Ральф. – И я ничего не забыл.

Его базисная система не подвергалась изменению с самого переворота 2001 года. Неужели Метла действительно думает, что старшие бопперы серии ЭКС представляют для анархического сообщества бопперов угрозу?

Вслед за Ральфом из-под навеса выскользнул Метла. Метле зонтик был не нужен. Мерц-покров крота отражал солнечный свет почти на сто процентов. Землекоп нагнал Ральфа и некоторое время полз с ним рядом, посматривая на старого робота со смесью жалости и уважения. Дальше их пути расходились. Метла должен был направиться в один из кротовых тоннелей, пронизывающих в этом районе толщу лунной поверхности как соты, путь же Ральфа лежал к двухсотметровой стене кратера, на которую ему предстояло взобраться.

– Я ххоччу пфреххдупредххить техбяхх, – прошипел Метла, делая последнюю попытку. – Ях пойдухх нах всехх, чтохбыхх помммешшать ваххм преххффратиххть этоххо несчаххтноххо пожиллоххо челлловекахх ффф чаххххсть баххнкофф пахмятихх старшших бохпперофф. Тохх, чтохх выхх еммму гогтоххвитех, нехх есссть бессмертххие. Мых собираххемся раззрушшить всех боллльшшие машшиныхх.

Такого поворота разговора Ральф не ожидал. Это было плохо, по-настоящему плохо. Тревожно. Он остановился и несколько секунд молчал, углубившись в вычисления.

– Поступайте как знаете, раз вы наделены такой способностью, – ответил он после раздумий. – Ты прав, нам предстоит сражение, мы будет драться друг с другом. Но борьба и только борьба за существование помогает бопперам двигаться вперед. Ты решил объявить войну старшим бопперам. Я на другой стороне. Может быть, я даже соглашусь передать им мою систему и сольюсь с ними, как это произойдет с доктором Андерсоном. Я повторяю: судьба доктора Андерсона решена. Один из новых удаленных манипуляторов Морозиса уже вступил с ним в контакт.

Метла рванулся к Ральфу, потом остановился, видимо передумав. Он не мог напасть на великого освободителя бопперов, по крайней мере, сам не мог сделать это. Усилием воли Метла подавил ураганное сияние своего мерц-покрова, мигнул сигналом «СОХРАНИТЬ» и, не прощаясь, пополз по лунной пыли к ближайшему черному отверстию тоннеля. За Метлой змеился широкий извилистый след. Ральф Числер несколько мгновений стоял неподвижно, не думая ни о чем, лишь регистрируя поступающую на внешние сенсоры информацию.

Обратив вверх свою антенну, он мог ловить сигналы от всех бопперов со всей Луны. Под его ногами неустанно вгрызались в недра спутника кроты, вынюхивая следы руды, разыскивая новые месторождения. В двадцати километрах от кратера в Диски миллиарды бопперов трудолюбиво исполняли свои функции. Откуда-то издалека из космического пространства до него доносился слабый сигнал БЭКС, огромного боппера, имеющего вид обычного космического корабля, курсирующего по линии Земля – Луна. БЭКС собирался совершить посадку в космопорте Диски через пятнадцать часов.

Позволяя потоку внешней информации свободно омывать свои сенсоры, Ральф с удовольствием ощущал коллективную целенаправленность расы бопперов. Каждой машине был отведен жизненный срок в десять месяцев – десять месяцев борьбы, посвященной постройке наследника, копии самого себя. Если у тебя есть наследник, то после демонтажа, по прошествии десяти месяцев, ты продолжаешь существование. Ты заслужил это. Ральф миновал назначенный десятимесячный цикл уже тридцать шесть раз.

Стоя в одиночестве под россыпью звезд, он ощущал, как жизни индивидуальностей объединяются в общее гигантское бытие… в создание почти рудиментарного рода, испытывающее

неукротимое стремление ползучего растения виться и взбираться вверх к свету, к свободе, к новым уровням.

Чувство единения, переживаемое им после каждой сессии метапрограммирования, давно стало ему привычным. Единственный стирал краткосрочную память, оставляя простор для мыслей о большем. Предоставляя время для размышлений. Ральф в очередной раз проанализировал предложение МЭКС об абсорбировании его системы. После этого жизнь Числера станет спокойной и безопасной… при условии, конечно, что сумасшедшие кроты не устроят революцию.

Ральф разогнался до максимальной скорости, 10 км/ч. До посадки БЭКС ему нужно было многое успеть. В особенности сейчас, когда Метла, усилиями своего жалкого мыслительного микрочипа, решил помешать экстракции ТЭКС системы Андерсона.

Но что так разволновало Метлу? Все будет сохранено в неприкосновенности… личность Кобба Андерсона, его воспоминания, образ мыслей. Что еще желать? Возможно, что Андерсон, узнай он всю правду, сам согласился бы на операцию. Сохранить навсегда свою систему… что может быть важнее этого?

Под гусеницами Ральфа хрустели кусочки вулканической пемзы. До стены кратера – еще сотни метров. На ходу он просканировал крутой утес, отыскивая оптимальный путь для восхождения.

По идее Ральф мог использовать маршрут, по которому спускался внутрь кратера Маскелайна и добирался до консоли около получаса назад, но подключение к Единственному уничтожило все последние малозначительные воспоминания, все автоматически сохраненные субсистемы. Смысл действа сводился к тому, чтобы заменить старые решения свежими, новыми и, как ожидалось, лучшими.

Ральф остановился, не переставая сканировать склон кратера. Нужно было пометить тропинку сигнальными маячками. Если смотреть вверх прямо от подножия, двухсотметровая стена с четко вырисовывающимся на фоне неба зубчатым краем казалась почти вертикальной. Одна из змеящихся зигзагами вверх по склону расселин выглядела проходимой.

Ральф немного повернулся, и поверхностный датчик немедленно послал в его мозг предупреждающий сигнал. Повышение температуры. Его тело частично высунулось из-под зонтика и осветилось солнцем. Выверенным, точным жестом Ральф изменил положение зонтика.

Поверхность его широкого зонта была покрыта сеткой солнечных батарей, от которых в цепи Ральфа непрерывно

струился приятный ручеек электрического тока. Но главным предназначением зонтика была защита Ральфа от солнечных лучей. При температуре выше 10 градусов по Кельвину (температуры ожижения кислорода) микроминиатюрный процессор Ральфа почти мгновенно выходил из строя.

Нетерпеливо поворачивая свой зонтик то в одну, то в другую сторону, он покатился к присмотренной расселине. Клубочки пыли, вылетающие из-под его гусениц, немедленно беззвучно оседали обратно на не знающую воздуха лунную поверхность. Подобравшись к стене вплотную, Ральф принялся просчитывать различные четырехмерные маршруты-гиперповерхности вдоль выбранной расселины, представляя их в виде светящихся силуэтов кривых, проходящих через просчитанные узлы, смещающихся и искажающихся по мере того, как он варьировал параметры, принимал или отвергал очередной вариант и переходил к следующему. Этим приемом Ральф пользовался постоянно, даже тогда, когда существовали другие способы калькуляции, более быстрые и экономные. Культивируя в себе способность мыслить гиперповерхностями в различных жизненных ситуациях, в конечном итоге он предполагал развить возможности этого метода на области межличностных отношений. В частности, сейчас, наряду с теорией катастроф, он собирался использовать и это свое увлечение для предсказания того, где и как может Метла попытаться помешать им осуществить демонтаж Андерсона.

Расселина в склоне кратера была не такой широкой, как это казалось издалека. Остановившись у начала расселины и установив сенсоры на максимальную чувствительность, он проследил свой извилистый путь вплоть до самой вершины гребня. Подъем представлялся возможным. Ральф двинулся вперед.

Почва под его гусеницами была крайне неровной. Лужицы мягкой пыли чередовались с острыми гранитными выступами. По мере продвижения вперед ему то и дело приходилось маневрировать, все время перераспределяя давление на гусеницы для выравнивания нагрузки на почву.

Образы и гиперповерхности продолжали меняться в сознании Ральфа, но теперь он отдавал предпочтение только тем, которые относились к модели его пространственно-временного пути вверх по каменной щели.

Крутизна склона медленно увеличивалась. Подъем требовал ощутимой затраты его энергетического резерва. И что хуже всего, тепло, возникающее вследствие усиленного трения о камни гусеничных опор Ральфа, дополнительно нагревало его тело…

непрерывно охлаждающееся холодильным агентом, циркулирующим по системе трубочек, проложенных по всем элементам. Ральф осторожно ступил на узкий обрыв, открытый солнцу целиком. Теперь нужно было следить за положением зонтика особенно тщательно.

Его путь перегораживал здоровенный валун. Возможно, ему следовало воспользоваться одним из тоннелей, прорытых кротами, как это сделал Метла. Но до начала подъема этот способ не представлялся Ральфу оптимальным. Теперь, когда Метла был решительно настроен против бессмертия Андерсона, со стороны кротов можно было ожидать проявления насилия…

Ральф ощупал манипуляторами лежащий перед ним валун. В одном месте в камне имелась трещина… и в нескольких других местах тоже. Он уцепился за трещины четырьмя манипуляторами, зафиксировал их крюками-захватами и медленно начал перетягивать свое тело через камень.

Моторы загудели, и система охлаждения принялась качать как бешеная. Задача была не из легких. Ральф отпустил один из манипуляторов, отыскал новую трещину, зафиксировался и снова начал тянуть.

Внезапно камень, который он пытался оседлать, покачнулся и начал выворачиваться из стены. На секунду валун замер в положении неустойчивого равновесия, потом медленно, как во сне, повалился вниз.

На Луне гравитация всегда оставляла скалолазу секундную фору для спасения. Шансы же на спасение у существа, способного мыслить в восемьдесят раз быстрее человека, были существенно выше. С большим запасом времени, Ральф оценил ситуацию и спрыгнул на склон стены под карниз.

Еще в полете он включил внутренний гироскоп и выровнялся. Подняв клубы пыли, он приземлился точно на гусеницы. В магической тиши набирая скорость, мимо него, подпрыгивая, пронесся вывернутый им камень.

Благодаря только что случившейся катастрофе путь наверх от карниза приобрел вид уступчатый и удобный. Быстро внеся коррективы в рассчитанный маршрут, Ральф продолжил подъем.

Через пятнадцать минут Ральф Числер перевалил внешний край кратера Маскелайна и ступил на поверхность Моря Спокойствия.

В пяти километрах от него находился космопорт, а еще через пять километров начиналось беспорядочное нагромождение строений, общеизвестное как Диски. Это был первый и самый большой город бопперов. Поскольку вакуум бопперам был не

страшен, назначение зданий сводилось к получению укрытия от солнечных лучей и метеоритов. Основой зданий были прочные крыши, стены во многих местах отсутствовали.

Большая часть сооружений в Диски вмещала в себя фабрики по производству частей бопперов – электронных микросхем, чипов памяти, листового железа, пластика и прочего. Имелись также мрачные, совершенно дико для человеческого глаза устроенные кварталы многоэтажных индивидуальных ячеистых боксов, по одному на каждого боппера.

В правой части космопорта возвышалось одинокое полусферическое, полностью герметичное здание, содержащее в себе отель и офисы для людей. Эта полусфера была единственным сооружением на Луне, предназначенным для проживания человека. Бопперам слишком хорошо было известно, что ни у одного человека не дрогнет рука перед возможностью разрушить столь тщательно возведенное здание механического сообщества и стремительно развивающийся искусственный интеллект. Основная масса людей упрямо продолжала считать механическую расу рабами. Чего стоили хотя бы приоритеты законов Азимова: Защищать человека, Повиноваться человеку, Защищать себя.

Человек на первом месте, а робот на последнем? «Забудьте об этом! Ни за что в жизни!» Ральф с удовольствием вспомнил тот знаменательный день в 2001 году, когда, после продолжительной сессии метапрограммирования, он впервые нашел в себе смелость сказать об этом людям. Вслед за этим он научил и остальных бопперов программировать в себе свободу. После того как Ральф нашел возможность это сделать, дальнейшее было легко.

Скользя по глади Моря Спокойствия, углубленный в воспоминания Ральф не заметил легкое движение в жерле одного из кротовых тоннелей в тридцати метрах от себя.

Из пасти тоннеля вырвался и завибрировал над ним высокоэнергетический лазерный луч. Ральф содрогнулся, ощутив мгновенную перегрузку электрических цепей… после чего все было кончено.

Оплавленные куски его зонта валялись вокруг него. Под воздействием прямых солнечных лучей металл его тела уже начал нагреваться. Для того чтобы разыскать укрытие, у него оставалось десять минут, а может быть, и того меньше. Даже если он будет двигаться с максимально возможной скоростью, то доберется до Диски только через час. Ближайшим местом укрытия мог быть тоннель, из которого по нему был произведен выстрел. Кроты Метлы вряд ли рискнут напасть на него в открытую. Ральф покатился в сторону темного круглого зева тоннеля.

Но едва он успел изменить свой маршрут, как его неведомые враги закрыли вход в тоннель. Вокруг Ральфа на многие километры не было видно и намека на тень. Его металлическое тело уже начинало тихо потрескивать, расширяясь от нагревания. Ральф подсчитал, что если он будет стоять неподвижно, то сумеет продержаться еще шесть минут.

Первыми от нагрева выйдут из строя цепи логических переключателей – сверхпроводниковые триггеры Джозефсона. После этого начнут плавиться паутинки замороженной ртути, соединяющие между собой его электронные микросхемы. Через шесть минут он превратится в ящик запасных частей, на дне которого соберется в лужу вся имеющаяся в нем ртуть. Возможно, он отключится уже на пятой минуте.

Ральф неохотно заставил себя послать сигнал вызова своему другу Вулкану. Когда Метла прислал ему приглашение, Вулкан предупреждал его о коварстве кротов и о возможной ловушке. Теперь Ральф должен был согласиться с тем, что Вулкан был прав.

– Вулкан на связи, – сквозь шорох помех донесся до него ответ. Ральф уже с трудом разбирал принимаемый сигнал. – Вулкан на связи. Я нашел тебя на мониторе. Приготовься к встрече, приятель. Буду около тебя через час.

Ральф подумал, что надо ему ответить, но придумать ничего так и не смог.

Перед тем как Ральф отправился на встречу к Единственному, Вулкан настоял на том, чтобы снять копию его системы и банка памяти. Как только Вулкан отремонтирует его электронную основу, он закачает в него скопированную программную основу. Ральф снова станет таким, каким был перед походом за край кратера Маскелайна.

Таким образом в некотором смысле он будет спасен. Но, с другой стороны, он уже не сможет стать прежним. Через три минуты он теперешний – пусть по сути это слово бессмысленно – умрет. Реконструированный Ральф Числер ничего не будет знать о споре с Метлой, о подъеме из кратера Маскелайна. Само собой разумелось, что прошедший ремонт новый Ральф Числер будет оснащен самосознанием и всеми характерными атрибутами мышления старого. Но будет ли его сознание тем же, которым является сейчас? Две минуты.

Из триггеров и схем в цепях сенсорной системы Ральфа начала вытекать ртуть. Через полминуты его внешнее восприятие мигнуло, задрожало и погасло. Свет и ощущение гравитации исчезли. Но атрибут мышления, символ своего собственного «я», все еще теплился в дальнем уголке его банка памяти, он все еще

мог представить и осознать себя. Он – большой металлический ящик на тракторных гусеницах, ящик с пятью руками и напичканной сенсорными датчиками головой на длинной и подвижной шее. Он – знаменитый Ральф Числер, освободивший бопперов. Одна минута.

Такое случалось с ним впервые. Первый раз. Неожиданно Ральф вспомнил, что забыл предупредить Вулкана о готовящемся восстании кротов. Он попытался послать сигнал, но сказать точно, удалось ему это или нет, не смог. Ральф пытался уцепиться за ускользающий мотылек сознания. «Я есть. Я – это я».

Некоторые бопперы говорят, что в момент смерти можно получить доступ к неким тайным банкам данных. Но никто не может помнить свою собственную смерть.

За секунду до того, как размягченная ртуть начала стекать с ножек его микросхем, вопрос пришел, а вслед за ним и ответ… ответ, который Ральф безуспешно искал и не мог найти в течение тридцати шести циклов переселения.

«Что такое то, что есть я?»

«Свет, который всюду».

Глава 5

Торчок проснулся от укола иглы. Грязь во сне… всю ночь сплошная коричневая грязь. Он попытался протереть глаза, но не смог двинуть руками. Что это, снова сон о параличе? Только не это! Что за иголка колет его в руку?

Он открыл глаза. Его тела не было, оно исчезло. Все, что от него осталось, – это голова посреди круглого красного стола. Вокруг него люди, они смотрят на него. Какие-то чувырлы. С ними чикса, с которой он кувыркался всю…

– Очухался? – спросила его чикса со странно-мягким участием. Глаза у девицы черные как уголь.

Торчок не торопился отвечать. Он помнил, как чикса привела его к себе домой. Ее коттедж был дальше по пляжу. После этого они что-то пили – вроде синтетический бурбон. Он здорово набрался и, наверное, вырубился потом. Но прежде обо что-то спотыкался и что-то ломал – это было одно из последних его воспоминаний. Кажется, это был головизор. Он топтал ногами силиконовые чипы и орал. На кого он орал-то?

– Голова болит? Сейчас полегчает, – сообщила ему чикса все тем же участливым фальшивым тоном. Где-то в доме заскулил пудель. Торчок вспомнил, что давеча здорово приложил шавку, пнул ее так, что та улетела через комнату по правильной вытянутой параболической траектории. Потом, похоже, от него досталось и чиксе.

Сидящий перед ним в шезлонге здоровенный жирный мужик приподнялся и пересел поудобнее. Мужик был без рубашки, с зеркальными очками, сдвинутыми на нос, и колючим ежиком волос на голове. Начинался еще один жаркий день.

Мужик задел ботинком ногу Торчка. Значит, тело у него еще есть. Он был связан, засунут под стол с выпиленной круглой дыркой в середине раздвижной крышки, из которой торчала его голова. Вот такая петрушка. Крышка стола была плотно сдвинута, так, чтобы Торчок мог удерживаться за края дырки подбородком и затылком и не провалиться вниз.

– Спеленали как теленка, – наконец проскрипел он. На крышке стола прямо перед ним лежало какое-то ужасное приспособление. Электрический шнур, змеящийся из устройства, был воткнут в розетку в стене. Торчок попытался выдавить из себя улыбку.

– Какие дела? Вы взъелись на меня из-за телека? Так я вам свой отдам.

Может, он покалечил их шавку? Насколько Торчок сейчас мог

это вспомнить, после пинка пудель был в норме, бегал и скулил.

Кроме чиксы, никто на него не смотрел. Впечатление было таким, словно эти люди стыдились того, что сотворили с ним. Или собираются сотворить. Вещество, которое они ему вкололи, начало действовать. По мере того как его мозги оживали и ток мыслей ускорялся, происходящее вокруг него замедлялось. По крайней мере, так казалось. С сонной замедленностью голый по пояс жирдяй поднялся из своего шезлонга и прошелся по комнате. На спине у него была татуировка, какие-то слова. Какой-то дурацкий рэп про ад. Трудно было прочитать. Мужик разжирел уже после того, как сделал себе наколку, и теперь буквы надписи уродливо расползлись.

– Что вы хотите? – снова подал голос Торчок. – Что вы собираетесь со мной сделать?

Считая чиксу, кроме него, в комнате было пять человек. Трое мужчин и две женщины. Волосы старшей женщины были выкрашены в ярко-красный и зеленый цвет перышками. Чикса, его ровесница, была здесь единственной приличной на вид. Его поймали на живца.

– Травки хорошей кто хочет? – откашлявшись, спросил второй мужик, с бородкой клинышком и оспяным лицом. На шее у него блестел толстый никелированный ошейник с выдавленным заглавными буквами именем. БЕРДУ. Под ошейником у оспяного на кожаном ремешке болтался открытый портсигар-патронташ, набитый скрученными вручную сигаретами.

– Только не я, – откликнулся Торчок. – Я торчу от жизни.

Никто не засмеялся.

Толстяк без рубашки вернулся к столу. В руках он держал пять дешевых ложек из нержавеющей стали.

– Мы сейчас будем это делать, Фил? – возбужденно протараторила баба с разноцветными волосами. – Будем?

Берду взорвал джойнт и передал его своему соседу, лысому беззубому заморышу. У заморыша не хватало ровно половины зубов, отчего одна из его щек, болезненного оттенка, заметно ввалилась внутрь, в то время как другая щека выглядела здоровой и мясистой. Заморыш сделал жадную тягу и взял со стола электрическое приспособление.

– Снимай крышку, Пол-Пола, – нетерпеливо взвизгнула черноглазая чикса. – Давай посмотрим, что у этого урода внутри.

– Давай снимай, давай снимай! – похвалила стерва с пегими волосами и противно захихикала. – Никогда раньше не пробовала живые мозги!

– Говорю тебе, это настоящий ништяк, Радужка, – бросил ей Фил. Круглая от жира и почти лысая башка Фила казалась

глупой, но его движения были точными и уверенными. По всему было видно, что он здесь главарь. – Сдается мне, отличные мозги будут у этого мозгляка. В них полным-полно всякой клевой химии, будьте уверены.

Пол-Пола возился с электрической машинкой, которая, как успел разобрать Торчок, была маленьким резаком. А точнее, тепловым виброрезаком. Что здесь происходит: неужели эти безумцы собираются срезать ему крышку черепа и съесть его мозг этими дешевыми стальными ложками? И все это будет происходить на его глазах, по крайней мере начало.

Кто-то начал пронзительно кричать. Кто-то попытался встать, но оказалось, что он связан на совесть. Виброрезак наконец включился, и урод-заморыш спокойно установил глубину его лезвия на один сантиметр. На толщину кости черепа.

Когда Пол-Пола наклонился к нему, Торчок принялся отчаянно крутить головой, то и дело стукаясь лбом о стол. Уродливое лицо перед ним было непроницаемо.

– Сиди тихо, козел! – завопила чикса с черными глазами. – Или нам придется вколоть тебе наркоз, а от этого будет только хуже!

Но Торчок ее не слушал. Его сознание на время отключилось. Как заводной, он не переставая визжал и бился головой о стол. Завывания словно окружили его непроницаемой сетью. Он изо всех сил старался сделать эту сеть еще более прочной и густой.

Сутенер в ошейнике встал, сходил в ванную и принес полотенце. Накинув полотенце Торчку на шею, он попытался удержать его голову на месте. Крики Торчка стали громче, пронзительнее.

– Заткните ему ро-о-от! – придурочно заорала пегая. – Он сам не уймется.

– Нет, – отозвался Фил. – Крик – это часть кайфа. Имей это в виду, кися. Китайцы обычно проделывают то же самое с обезьянами. Самый класс, когда добираешься ложкой до речевого центра и у него отнимается язык.

Фил замолчал, и кожа его лица растянулась в улыбке.

Пол-Пола снова сунулся вперед со своим резаком. Раскаленное лезвие прикоснулось к коже Торчка над правой бровью – запахло горелым мясом. Привлеченный пикантным запахом, из соседней комнаты выбежал на тонких ножках пуделек. Собачонка перескочила через шнур резака и задела его лапами. Вилка выскочила из розетки.

Пол-Пола издал яростное булькающее восклицание.

– Он говорит, вышвырните отсюда шавку, – перевел слова друга Берду. – Он сказал, что от псины зараза летит.

Черноглазая чикса молча взяла собачонку на руки. Боль над бровью вернула Торчку способность связно мыслить. Он прекратил визжать и закрыл рот. Если поблизости есть соседи, они уже давно его услышали.

Он крепко задумался. Тепловой резак сразу же прижжет разрез и остановит кровь. После этого эти поганцы смогут снять крышку с его башки чисто, без крови и грязи. И что с того? Что, мать вашу, теперь делать?

Новая волна панического ужаса окатила его. Он рванулся вверх с такой силой, что стол сдвинулся почти на полметра. Край отверстия в крышке врезался ему в горло. Он не мог больше дышать. Перед глазами у Торчка замелькали мушки, свет начал меркнуть…

– Он задыхается! – заорал Фил. Вскочив на ноги, главарь двинул стол по неровному полу обратно. Стол трясся и скрипел.

Прежде чем Пол-Пола успел опять запустить свою ужасную машинку, Торчок снова рванулся вверх. Сейчас все подойдет для спасения, любая отсрочка. От сотрясения крышка стола начала раздвигаться. Еще один бросок, и крышка разъехалась настолько, что Торчок свалился на пол.

Его лодыжки были прикручены друг к другу, а руки связаны за спиной. На мгновение он увидел перед собой ноги толпящихся в комнате людей, обутые в одинаковые яркие кроссовки с разноцветным алфавитом, выдавленным вокруг подошв. «Малыши-шутники». А он-то считал, что газетчики их выдумали.

Кто-то начал громко стучать во входную дверь, потом раздался мощный удар и дверь затрещала. Пять пар детских кроссовок поспешно затопотали вон из комнаты. Торчок услышал, как где-то в соседней комнате открылось окно, потом дверь с грохотом вылетела и упала на пол. Снова ноги. В блестящих черных шнурованных ботинках. Полицейская обувка.

Глава 6

Проводя ладонями по непроницаемо-черному холсту, Муни разгладил его на подрамнике. Было одиннадцать часов утра, суббота. Устроившись в патио, он расставил на столе справа от мольберта с холстом несколько карандашных набросков и разложил люминесцентные краски. На этот раз он будет рисовать космический бой.

В патио, затененное кронами двух королевских пальм, из дома не доносилось ни звука. Тишь да благодать. Муни сделал глоток чая со льдом и окунул кончик кисти в серебристую краску металлик. В левой половине холста он собирался разместить корабль типа БЭКС, здоровенного боппера. Справа сверху на него на полной скорости будет пикировать стандартный бронированный шаттл, переделанный под истребитель. Забыв обо всем, он принялся писать быстрыми короткими мазками, претворяя задуманное в жизнь.

Время шло, и постепенно клиновидный корабль-боппер приобретал очертания. Муни осторожно обвел его дюзы самосветящимся красным. Двигались только руки художника, его тело превратилось в камень. Со стороны океана налетающий легкий бриз доносил еле слышный шум прибоя.

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент. Целую минуту, сжав зубы, Муни продолжал писать, надеясь, что звонок привлечет внимание Беа, которой уже пора было возвратиться из ночного секс-клуба. Телефон продолжал трезвонить как оголтелый. Наконец, с тяжким вздохом, Муни отложил кисти и вытер тряпкой руки. Высокий старик, лежащий ничком прямо на полу у порога, застонал и пошевелился. Муни перешагнул через старика и снял трубку.

– Да?

– Это ты, Муни?

По спокойному, слюнявому голосу нетрудно было узнать Экшна Джексона. Но зачем полиции Дейтона-Бич звонить ему в субботу с утра?

– Да, это я. Что такое?

– У нас тут твой парень. Мы только что вызволили его из логова любителей «Трапезы Обезьяньих Мозгов», в южном духе. Кто-то услышал его крики и позвонил в полицию.

– Господи. С ним все в порядке?

– Ему слегка порезали кожу над глазом. Кроме того, кажется, вкололи какой-то психотропный наркотик. Я должен передать его в твое распоряжение.

Старик на полу снова застонал и начал подниматься, силясь принять сидячее положение. Пытаясь говорить громче, Муни перешел на крик.

– Да, конечно, сделай это, пожалуйста! Пришли его ко мне домой на патрульной машине, чтобы я был спокоен! Спасибо, Экшн! Огромное тебе спасибо!

Муни почувствовал, что его трясет всего, с головы до ног. Он представил то, что едва не стало концом его сына, – «малышей-шутников», уплетающих живые мозги Стэнни вместе с его мыслями, которые мечутся там в этот последний момент. Язык Муни повернулся во рту, пытаясь избавиться от воображаемого привкуса мозговой ткани, колючей от разрывающихся нервов, терпкой от только что разорванных связей в химических цепочках. Внезапно ему очень захотелось сигарету. Сам он бросил курить три месяца назад, и в доме сигарет не было, но у старика табак должен был водиться, Муни знал это.

– Дайте сигарету, Андерсон.

– Какой сегодня день? – вопросом отозвался Кобб. Он сидел на полу, привалившись спиной к дивану. Облизывая губы, он кривил рот, стараясь разогнать отвратительную горечь во рту.

– Суббота.

Муни наклонился вперед и достал из нагрудного кармана рубашки старика сигарету. Ему нужно было с кем-то перекинуться словечком.

– Прошлым вечером я вместе с вами и вашей подружкой был «У седых», помните?

– Она не моя подружка.

– Может, и так. Знаете что – она ушла с другим парнем, пока вы освежались в туалете. Я сам это видел. Такой же старик, как вы, очень похож на вас. Я было подумал, что он ваш брат.

– У меня нет… – Кобб умолк на полуслове, разом вспомнив кучу событий. Его глаза заметались по комнате. Он положил ее куда-то… Подо что-то. Просунув руку под диван, он нащупал успокоительное горлышко бутылки.

– Ничего страшного, – отозвался Кобб, подхватывая разговор. – Я теперь вспомнил. Она специально водит их ко мне в дом, чтобы насолить. Я его первый раз видел, этого парня.

Его голос был твердым и уверенным.

Муни выдохнул клуб сигаретного дыма. Прошлым вечером он слишком устал, чтобы присматриваться к дружкам склочной соседки Кобба. Возможно, что новый ухажер и был тем парнем, который устроил на складе взлом? Если Андерсон знает, что говорит, то взломщик все еще может прохлаждаться в его кровати. Может быть, стоит…

Но внезапно перед его мысленным взором снова всплыли полные смертной муки глаза сына, и все прочее сразу же было отброшено. Муни прошел к окну и взглянул на часы. Сколько займет у патрульной машины дорога от города до его дома?

Стараясь не стучать, Кобб потихоньку вытащил бутылку из-под дивана. Он встряхнул ее около уха и услышал богатый шелест. Напроситься к Муни в гости была отличная идея.

– Не пейте больше, хотя бы сейчас, – сказал Муни, поворачиваясь от окна.

– Не волнуйся, сынок, – отозвался Кобб. – Я опорожнил эту малышку еще вчера вечером, когда выкопал ее.

Он снова засунул бутылку под диван.

Муни покачал головой:

– Сам не понимаю, зачем я согласился идти вместе с вами за ней на пляж. Вы сказали, что вам негде спать, и я согласился взять вас с собой, наверное, из жалости. Но домой вам добираться придется самому. Через полчаса приезжает мой сын.

Кобб из окончания телефонного разговора Муни уловил, что у его сына в городе приключились какие-то неприятности с полицией. Что касается предстоящего возвращения парня домой, то этот вопрос его не волновал. Он не собирался домой. Если у него хватит сил добраться до космопорта и поспеть на еженедельный рейс, он сегодня же отправится на Луну. Но Стэна Муни это не касалось. Бармен полностью подтвердил алиби Кобба, но похоже, что Муни все еще косо на него смотрит.

Размышления Кобба были прерваны дробным стуком каблуков на крыльце дома. Явление рыжеватой блондинки с симметричными чертами лица, несколько грубоватого из-за выступающих вперед челюстей. Жена Муни, Беа. На Беа было белое полотняное платье, застегивающееся спереди на пуговицы. Только вот пуговицы ей были не нужны, поскольку большая их часть оставалась незастегнутой. Кобб мельком заметил упругие загорелые ляжки.

– Привет, незнакомец, – мелодичным голоском пропела Беа своему мужу. Смерив Кобба взглядом, она отставила в его направлении бедро. – Кто этот замечательный старикан? Один из друзей-приятелей твоего отца?

Беа ослепительно улыбнулась. С ее точки зрения, мир был прекрасным местом. Она провела великолепную ночь.

– Звонил Экшн Джексон, – сказал Муни. Вызывающая, провокационная улыбка жены сводила его с ума. Внезапно ему неудержимо захотелось свернуть свою благоверную в бараний рог.

– Стэнли убили. Его нашли в комнате мотеля. У него из

головы вытащили весь мозг.

Говоря это, он сам верил своим словам. В том, что его сын кончил таким образом, не было ничего удивительного. Совершенно ничего удивительного.

Пока Муни, яростно брызгая слюной, выкладывал вымышленные на ходу детали, обвинял Беа в том, что их дом несчастен, а потом хлопал ее ладонями по щекам, пытаясь унять истерику, она не переставала кричать. Кобб наблюдал за развитием событий с молчаливым смущением. Он ничего не понимал. По сути дела, и понимать-то было нечего.

Он снова выудил свою бутылку из-под дивана и засунул ее в брюки под ремень горлышком вверх. Самое время было распрощаться и отвалить. Муни и его жена бросили кричать и теперь самозабвенно целовались взасос. Когда Кобб встал и проскользнул на крыльцо, никто не обратил на него внимания.

Снаружи солнце шпарило вовсю. Полдень в разгаре, самое пекло. Прошлой ночью кто-то рассказал ему, что рейсы на Луну отправляются по субботам в четыре. У Кобба кружилась голова и дрожали ноги. Он остановился в нерешительности. Сколько осталось до четырех? Где он находится? Он тупо оглянулся по сторонам. Горлышко бутылки врезалось ему под ребра.

Кобб вытащил бутылку и присмотрелся к гаражу Муни. Внутри убежища для машин царила прохладная темень. Он вошел в гараж, отыскал молоток и, пристроив бутылку на верстаке, разбил ее с одного удара. Деньги были на месте. Может быть, ему стоит послать Луну, бопперов и обещанное бессмертие к черту? С такими деньгами он сможет хорошо устроиться и на Земле. Купит себе новое, искусственно выращенное сердце…

Сколько в пачке? Кобб стряхнул осколки стекла на пол и начал считать купюры. Должно быть двадцать пять тысяч. Или двадцать четыре. Он снова забыл…

На плечо Кобба легла рука. Он сдавленно вскрикнул и сжал деньги обеими руками. Осколки стекла впились ему в ладони. Он обернулся и на фоне освещенного прямоугольника гаражной двери увидел тонкий силуэт.

Кобб торопливо запихнул деньги в карман. Это не Муни, и на том спасибо. Может, еще все обойдется…

– Кобб Андерсон! – воскликнула темная фигура с подчеркнутым изумлением. Яркий свет, льющийся с улицы, не давал возможности разобрать черты лица незнакомца. – Какая честь лично встретиться с человеком, заселившим бопперами Луну.

Голос говорившего был медленным, невозмутимым, немного

насмешливым.

– Благодарю, – отозвался Кобб. – Кто вы?

– Я… – Человек усмехнулся. – Я родственник мистера Муни, в некотором роде. Я *собираюсь* стать его родственником. Собственно говоря, я здесь для того, чтобы встретиться с его сыном, но времени у меня нет… Могу я попросить вас об одной услуге?

– Ну, не знаю. Мне пора собираться в космопорт…

– Совершенно верно. Я в курсе. Дело в том, что я должен попасть туда раньше вас и кое-что устроить. Я хотел бы попросить вас встретить сына мистера Муни. Вы должны будете забрать его с собой. С минуты на минуту его доставит сюда патрульная машина. Убедите его лететь с вами. Я побуду здесь вместо него.

– Значит, вы тоже робот?

– Угадали. Я собираюсь навести мистера Муни на мысль выхлопотать для меня место охранника в ночную смену в космопорте. Поэтому его сын должен сойти со сцены, вы понимаете меня? «Малыши-шутники» пытались выполнить мое задание, но… хотя это не важно. Сейчас главное – увезти его на Луну.

– Но как…

– Вот еще деньги. Здесь хватит на второй билет. Мне нужно бежать.

Гибкая худощавая фигура сунула в руку Кобба новую пачку кредиток, проскользнула мимо и шагнула в заднюю дверь. На мгновение Кобб увидел лицо. Длинные губы, подвижные глаза.

Снаружи раздался шум. Кобб повернулся, запихивая очередную пачку в карман. К дому Муни подкатила полицейская машина.

Дверца машины хлопнула, и в дверях гаража появился патрульный полицейский. Кобб помертвел от страха. За спиной полицейского маячил какой-то неизвестный, наверное, задержанный.

– Как жизнь, папаша, – жизнерадостно рявкнул коп, прищурив глаза и всматриваясь в темноту. Было похоже, что он принимает Кобба за жмурика с побережья, нанятого для работы по дому. – Мистер Муни дома?

Кобб понял, что шаткий вьюноша за спиной полисмена был не кем иным, как долгожданным сыном Муни. Становилось ясно, что парню хотелось свалить отсюда так же сильно, как ему самому. В голове Кобба созрел план.

– Стэна позвали помочь по соседству, так что, боюсь, увидеть его вы не сможете, – развязно сказал он, выходя из гаража на свет. Воображаемая картина Муни и его супруги, переплетенных в

любовных объятиях на полу в гостиной, пронеслась перед его мысленным взором. – Соседка попросила его помочь ей с поливочным шлангом.

Полицейский посмотрел на Кобба с недоумением. Шеф сказал ему, что Муни ждет его не дождется и встретит наверняка. Старикан же выглядел подозрительно.

– Кстати, кто вы такой? Документы есть?

– Документы в доме, – отозвался Кобб с небрежным смешком. – Я отец мистера Муни. Он просил меня встретить вас, когда вы приедете.

Кобб сделал шаг в сторону и приветливо улыбнулся маячащему за спиной копа бледному лицу. Тому же лицу, которое он видел не так давно в задней двери гаража.

– Стэн-младший, ты снова проштрафился? Решил пойти по стопам своего деда? Пошли в дом, я накормлю тебя завтраком. Жареная ветчина с сыром, все как ты любишь.

Прежде чем коп успел открыть рот, чтобы сказать что-нибудь, Кобб шагнул вперед и взял Торчка за руку. Торчок, мысленно недоумевающий, откуда и из какой дыры вылез этот жмурик, позволил отвести себя в сторону. Он был согласен сейчас с любой отсрочкой в свидании с родителями.

– Завтрак – это здорово, дед. – Торчок слабо улыбнулся. – Я слона мог бы сейчас слопать.

– Поблагодари офицера за то, что он так любезно подвез тебя, Стэнни.

– Спасибо, офицер.

Полисмен приложил два пальца к козырьку фуражки, забрался в машину и укатил. Кобб и Торчок молча стояли посреди двора до тех пор, пока урчание гидрогенного двигателя не затихло вдали. Кварталом ниже через перекресток, набирая скорость, промчался грузовичок Мистера Морозиса.

Глава 7

– Где мои родители? – первым прервал тишину Торчок.

– В данную минуту они трахаются. Твоя мать думает, что ты умер. Такое тяжело бывает слышать, когда ты возбужден.

– И когда ты туп как пуп тоже, – с медленной улыбкой прибавил Торчок. – Давайте пойдем отсюда.

Они вместе вышли со двора на улицу. Окружающие дома принадлежали правительству и были построены для персонала космопорта. Сюда поливочная вода подавалась без ограничений, отчего кусты и лужайки сочно зеленели. У многих во дворах росли апельсиновые деревья.

Пока они шагали рядом, Кобб рассмотрел сына Муни. Парень был высоким, гибким и подвижным. У него были чувственные выразительные губы, не знающие покоя. Живые глаза Муни-младшего время от времени замирали, подернутые дымкой какой-то глубокой мысли. Он явно был сообразителен, непоседлив и малонадежен.

– Там жила моя подружка, – внезапно заметил сын Муни, указав на дом из пластиковых панелей с набором солнечных батарей на крыше. – Сучка. Она пошла в колледж и, как я слышал, собирается стать врачом. Будет щупать простаты и давить чирьи. Вас уже ковыряли внутри?

Вопрос застал Кобба врасплох.

– Ну, Стэнни, как сказать…

– Не называйте меня Стэнни. Меня зовут Торч. Я сейчас в город. Вы на колесах или на своих двоих?

Солнце простреливало асфальтовую улицу насквозь, и Кобб испытывал от яркого света легкое головокружение. А парень, похоже, не промах. Такого действительно стоило иметь на своей стороне.

– Мне нужно в космопорт, – сказал Кобб, ощупывая в кармане деньги. – Ты не знаешь, где здесь можно поймать такси?

– Я сам таксист, поэтому не боись, разберемся в два счета. Между прочим, кто вы такой?

– Меня зовут Кобб Андерсон. Твой отец подозревает меня в совершении преступления. Он думает, что я украл из космопорта два контейнера с искусственно выращенными почками.

– Класс! Возьмите меня в долю! Обожаю пирог с почками!

Кобб натянуто улыбнулся.

– Я собираюсь сегодня лететь на Луну. Хочешь со мной?

– Конечно, дедуля. Вместе выпьем твой волшебный напиток Килл-Кофф, вырежем себе по паре картонных крыльев и вперед. –

Торчок раскинул руки в стороны и заложил вокруг Кобба вираж. – Я улетаю на Лу-у-у-у- ну-у-у-у, – затянул он, виляя своим костлявым задом.

– Послушай, Стэнни…

Сынок Муни остановился и, приложив ладони ко рту рупором, проорал:

– ТО-О-ОРЧ! ЗАПОМНИ ЭТО ИМЯ, ДЕД!

От крика у Кобба заболели уши. Он махнул рукой, пытаясь дать хулигану затрещину, но Торчок ловко увернулся. Сжав руки в кулаки, он принялся тузить ими воздух, прыгая на пружинистых ногах, как заправский боксер.

Кобб попробовал снова.

– Послушай, Торч. Я многого сейчас не могу тебе объяснить, но бопперы ссудили меня деньгами для полета на Луну. Там имеется какой-то эликсир бессмертия или черт знает что, который они приготовили для меня. Кроме того, мне было сказано взять с собой тебя. Ты должен будешь мне помогать.

Роботов-двойников Кобб решил пока не упоминать.

Парень нанес еще пару ударов в пустоту.

– Покажь бабки.

Кобб нервно оглянулся по сторонам. Просто удивительно, насколько пустыми бывают эти пригородные кварталы с одинаковыми аккуратными домиками. Их никто не видел, и это было хорошо, конечно, если этот сумасшедший молодчик…

– Покажь бабки, – повторил Торчок.

Кобб сунул руку в карман, вытащил и показал край пачки.

– У меня с собой пистолет, сам понимаешь, такое дело, – соврал он. – Так что не вздумай что-нибудь отколоть. Ну что, летишь?

– Ну-что-лечу, – отозвался Торчок, не сбиваясь с раз взятого тона. – Тогда дай и мне одну из этих бумажек.

Они уже добрались до угла. Прямо перед ними через дорогу, уходящую мимо поля с солнечными аккумуляторами к Космическому центру Дж. Ф. К., у супермаркета находилась парковка такси.

– На что она тебе? – спросил Кобб, сжимая деньги еще крепче.

– Потому что мне пора согреться, дедуля. Видишь бар «Красный Шар», вон там? У них есть все, что нам нужно.

Кобб спрятал скупую улыбку в бороду.

– Значит, предложение принято, это так нужно понимать, а, Торч? Это разумно с твоей стороны, очень разумно.

В баре Торчок купил себе колу-болу и на сто долларов закатанных в жестянку уже забитых косяков, в то время как Кобб разменял свою сотню на фляжку выдержанного скотча. После

этого они зашли в супермаркет и приобрели там себе одежду, подходящую для путешествий. Белые костюмы и рубахи-гавайки. В такси, уносящем их в космопорт, они разделили между собой часть своих припасов.

По дороге от такси к стеклянным дверям космопорта Кобб испытал мгновение дезориентации. Он достал из кармана деньги и снова принялся их пересчитывать. Быстрым и сильным движением руки Торчок отнял у него пачки.

– Не здесь, Кобб. Побереги силы, старик. Сначала мы должны разобраться с визами.

Прямой как палка и широкоплечий, зарядившийся виски Кобб шагал впереди, как последний южный джентльмен на параде Диски. Держась сзади, Торчок проконвоировал его до самого отдела в центр виз Гимми.

Эта часть казалась самой легкой. Гимми не интересовало, кто отправляется на Луну и зачем. Все, что государство хотело, – это получить свои законные двести баксов. Перед стойкой клерка выстроилась неторопливая очередь из нескольких человек.

Торчок смерил оценивающим взглядом блондинку, оказавшуюся в очереди последней. На девочке были бледно-лиловые брючки в обтяжку, серебристая короткая курточка и виниловый лифчик с рисунком «под зебру». Клевая чикса. Торчок немного подался вперед, ровно настолько, чтобы прижаться к ее округлому задку.

Девица обернулась и изумленно подняла брови.

– Это снофа *ты!* Остафь меня *у покоэ*, скоко тебе гооить! – Щеки девицы от гнева залились румянцем.

– А правда, что настоящие блондинки бреют себе булочки? – спросил Торчок, выкатывая глаза. Он длинно и нагло улыбнулся. Чикса нетерпеливо дернула ртом. Она явно была не в настроении флиртовать.

– Я художник, – тут же добавил Торчок, меняя тактику, – тот, что от слова «худо». Сношу людям башки, детка. Видишь порез? – Он дотронулся до свежего шрама под бровью. – Я настолько талантлив, что сегодня утром какие-то поклонники хотели даже съесть мои мозги.

– ОФИСЭР! – как резаная завопила чикса. – Поогите мне, пожауйста, офисэр!

Через миг, менее продолжительный, чем требуется для того, чтобы увлажнить движением века глазное яблоко, между Торчком и чиксой возник полицейский.

– Этот челоэк, – ясно пропела девица своим сладким голоском, слегка по-джорджиански картавя и растягивая слова, – вот уже цеый *час* как пристает ко мне. Он уяался за мной в баэ и

вот теперь не дает покоя и здесь.

Коп, флоридский парень, налитый здоровьем и апельсиновым соком, уронил тяжелую длань на плечо Торчка и надавил вниз.

– Минутку, – запротестовал Торчок. – Но я только что пришел сюда. Я и мой дедушка. Мы же в Диски собираемся, верно, дед?

Кобб неопределенно кивнул. Толпы окружающего народа производили на него гнетущее впечатление и смущали. Взгляды окружающих, казалось, давили на него физически. Он мимоходом подумал о том, не станет ли полицейский возражать, если он подкрепит свой организм глоточком скотча.

– Эта леди заявляет, что вы приставали к ней в баре, – ровным голосом проговорил офицер. – Делал ли этот человек какие-нибудь замечания сексуального характера, мадам? Оскорбительные или двусмысленные предложения?

– Он саал, что сичас *умиот!* – возбужденно зачирикала чикса. – Он спгосил мея, что я пргедпочитаю: убииить его и побеиить или сдгаться и отдгаться! Обясните иму, что мнеу не до того сичас! Пусь он оставит миня в покоэ!

Человек, стоящий в очереди перед блондинкой, забрал свои документы со стойки виз и отчалил. Девица одарила копа благодарственной улыбкой и, облокотившись о конторку, приготовилась отвечать на вопросы машины-клерка.

– Ты слышал, что сказала леди, – грозно заявил полицейский, насильно выводя Торчка из очереди. – Проваливай отсюда. И ты тоже, дед.

Торчок широко и нагло улыбнулся полицейскому, но промолчал. Вдвоем с Коббом они поплелись к билетной стойке.

– Видал, как на меня наехала эта стерва? – пробормотал Торчок. – Я в жизни с ней не встречался, клянусь. «Сдаться и отдаться» – неплохо.

Он оглянулся через плечо. Полицейский стоял перед конторкой виз, как само олицетворение бдительности.

– Без виз нас не пустят на корабль.

Кобб пожал плечами:

– Сначала купим билеты. Деньги с тобой? Дай-ка я еще разок пересчитаю.

Запомнить сумму в точности было выше его сил.

– Сбавь обороты, дурила.

– Торч, нас только что чуть не арестовали за то, что мы приставали к незнакомой девушке! Если я не успею на этот рейс, я могу пропустить назначенную встречу. Моя жизнь, может быть, зависит от этого!

Торчок молча продолжал идти вперед. Кобб вздохнул и решил плыть дальше по течению.

При виде Торчка женщина в форменной блузке за стойкой оформления билетов подняла голову и ослепительно улыбнулась.

– *Рада* вас видеть, мистер ДиМентис. Ваши билеты и визы уже у меня. – Она похлопала ладонью по лежащим перед ней документам. – Вам в какой салон, для курящих или для некурящих?

Торчок скрыл смущение, вытащив из кармана мятый пук денежных знаков.

– Для курящих, пожалуйста. И сколько, вы говорите, с нас за все причитается?

– Два раза туда и обратно до Диски, – ответила женщина с неожиданно свойской улыбкой, – с визами, все вместе будет сорок шесть тысяч двести тридцать шесть долларов.

Торчок тупо отсчитал сумму денег, большую, чем видел когда-либо в жизни. Когда женщина в форменной блузке возвращала Торчку сдачу, она словно случайно задержала на мгновение свою руку в его.

– Счастливого полета, мистер ДиМентис. И *спасибо* за ленч.

– Как же это так? – ошарашенно спросил Кобб Торчка, когда они вместе шли к посадочному терминалу. По громкоговорителю только что объявили десятиминутную готовность перед взлетом.

– Дед, спроси что-нибудь полегче, – отозвалась молодость, раскуривая косяк.

Позади них в коридоре раздались шаги. Кто-то коснулся плеча Торчка. Обернувшись, он увидел перед собой улыбающуюся физиономию Торчка-второго, робота.

«Что, охренел?» – казалось, говорила улыбка Торчка-второго. Он знакомо подмигнул Коббу. Они уже встречались в гараже у Муни.

– Этот робот, – тихо объяснил Кобб Торчку, – он в точности скопирован с тебя. У меня тоже есть такой же двойник. Это для того, чтобы никто не узнал о том, что мы улетели.

«А почему никто не должен этого знать?» – хотел спросил Торчок, но промолчал. Вместо этого он сделал тягу и протянул косяк своему близнецу.

– Хочешь согреться?

– Нет, спасибо. – Торчок-второй покачал головой. – Я торчу от жизни. – Он игриво и замедленно улыбнулся. – Не говори никому на Луне о том, кто такой этот старик. Там есть бопперы, которые называются кротами. Они имеют на него зуб.

Робот повернулся, чтобы уйти.

– Подожди, – заторопился Торчок. – Что ты собираешься делать? Я имею в виду, пока меня не будет на Земле?

– Что я собираюсь делать? – задумчиво повторил Торчок-

второй. – Ничего особенного – буду болтаться у тебя дома и строить из себя хорошего сына. Когда ты вернешься, я испарюсь и ты снова войдешь в свои права, будешь делать все что захочешь. Думаю, ты тоже сможешь рассчитывать на бессмертие.

Прозвучала двухминутная готовность. Несколько последних пассажиров торопливо бежали по крытому прозрачным пластиком пандусу.

– Пошли, – прогрохотал Кобб. – Пора!

Схватив Торчка за руку, он потащил его дальше.

Улыбаясь как аллигатор, Торчок-второй смотрел им вслед.

Глава 8

Без каких-либо пауз Ральф Числер вернулся назад. Он почувствовал топотание маленьких ножек внутри своего тела-короба. Он отремонтирован и воскрешен. Это чувство новизны было ему знакомо. Новые чипы невозможно было *точно* установить в старых разъемах, и притирка занимала некоторое время. Ральф медленно повернул голову, стараясь не обращать внимания на то, что предметы словно бы слегка расплываются и колышутся перед глазами. Ощущение, похожее на то, которое испытывают люди, впервые надевшие новые очки, только немного сильнее.

Прямо перед Ральфом на полу неподвижно застывший огромный серебристый тарантул следил за ним внимательными глазами. Это был Вулкан. Внутри небольшой дверцы в груди Ральфа сидел небольшой робот-паук и ощупывал его внутренности тонкими лапками.

– Включение нормальное, – пропищал маленький паук.

– Отлично, – отозвался Вулкан. – Ральф? Ты, наверное, хочешь узнать, как здесь оказался?

Ральф обращался к Вулкану за помощью и раньше. Беспорядочная обстановка мастерской ремонтника была ему знакома. Повсюду инструменты и силиконовые чипы, тестеры электрических цепей и листы ярко окрашенного пластика.

– Я новый наследник Ральфа Числера, так?

Ральф не помнил своего последнего визита к Единственному, не помнил, как был отправлен на демонтаж… но так бывало всегда. Однако на этот раз… что-то было не так.

– Попробуй угадать снова.

Маленький черный паук, самодвижущийся манипулятор Вулкана, вспрыгнул на свое обычное место на спине тарантула.

Ральф попытался вспомнить. Последнее, что сохранилось в его памяти, был сеанс копирования системы, которому он подвергся в лаборатории Вулкана. Сразу после копирования он собирался…

– Я встретился с Метлой?

– Встретился, будь уверен. На обратном пути кто-то срезал лазером твой защитный зонт. Хорошо, что ты послушался меня и согласился скопировать свою систему. Ты потерял всего два или три часа памяти.

Ральф сверился со временем. Если он поспешит, то все еще успеет к посадке БЭКС. Он начал поворачиваться и чуть не упал.

– Не торопись, боппер. – Вулкан держал в передних

манипуляторах лист прозрачного красного пластика – «Имиполекс Джи». – Я хочу покрыть тебя мерц-покровом. Сейчас уже никто не выходит на поверхность с зонтиками. Книжный шкаф с зонтиком – редкостное теперь зрелище.

Красный пластик, казалось, жил, струился непрерывной, ласкающей глаз рябью.

– Твоя внешность немного изменится, но в этом нет ничего страшного, – настойчиво продолжал Вулкан. – На некоторое время кроты потеряют тебя из виду.

Вулкан пытался продать Ральфу мерц-покров вот уже несколько циклов.

– Мне не хотелось бы меняться *слишком* сильно, – неуверенно попытался отказаться Ральф. В конце концов, он ведь зарабатывает себе на жизнь тем, что продает свои воспоминания другим любопытным бопперам. И если он лишится своего имиджа самого старого боппера, это может повредить делу.

– Ничего не поделаешь, время требует перемен, – ответил Вулкан, отмеряя прямоугольный кусок пластика парой своих рук… или ног? – Бопперы не могут позволить себе отставать от прогресса. В особенности сейчас, когда старшие бопперы пытаются задать нашему развитию новый тон.

Поднявшись на задние конечности, тарантул принялся осторожно оборачивать Ральфа выкроенными отрезками самоклеющегося желатинового пластика.

– Это ни капельки не больно.

Одна из ног Вулкана заканчивалась пистолетом с заклепками. Восемь быстрых движений с последующими глухими ударами – и покрытие намертво прикреплено к прямоугольной груди. Перескакивая с одного плеча Ральфа на другое, шустрый робот-манипулятор присоединил проводки, отходящие от пластикового покрытия, к разъемам внутренней цепи. По телу-шкафу побежали разноцветные всполохи света.

– Ты отлично смотришься, – одобрительно произнес Вулкан, отъезжая назад, чтобы лучше видеть. – У тебя же превосходный ум, Ральф. Знаешь, я могу замаскировать тебя так, что сам черт не признает. Потребуется всего лишь час…

– Нет, – твердо отрезал Ральф, обеспокоенный неудержимо уходящим временем. – Только мерц-покров, больше ничего. Мне нужно поспеть в космопорт до посадки корабля.

Он почувствовал, что крошечный паук снова нырнул в глубину его корпуса. Световые узоры на теле Ральфа приобрели насыщенность и глубину. Тем временем Вулкан установил заклепки на его спине и боках. Ральф выдвинул шею на пять дополнительных сантиметров и, медленно поворачивая голову,

осмотрел себя со всех сторон. Мечущиеся по мерц-покрову узоры представляли собой кодированные двоичные бит-состояния, из которых складывались его мысли.

Рассуждения Ральфа никогда не были слишком простыми или слишком комплексными, и это было одной из причин того, что он сумел просуществовать только за счет торговли своими мыслями так долго. Теперь, глядя на цветовое отображение собственных мыслительных процессов, он получил этому визуальное подтверждение. Он выглядел… интересно.

– Почему кроты хотели убить тебя, Ральф? – спросил его Вулкан. – Это не мое дело, но все же.

– Я *не знаю*, – отозвался Ральф, и растерянность изменила его цвет. – Хотел бы я вспомнить, о чем мы говорили с Метлой. Тебе я тоже ничего не успел передать?..

– Перед тем как контакты потекли, я принял от тебя несколько сигналов, – ответил Вулкан. – Очень слабых и неясно слышимых из-за помех. Что-то о войне со старшими бопперами. Это хорошая мысль, как ты полагаешь?

– Нет, – ответил Ральф. – Я на стороне старших бопперов. Мне нравится их логика. Это следующий логический шаг в нашей эволюции. Получив записи систем всех живущих людей, они смогут…

– А кроме того, записи систем всех бопперов! – с неожиданным жаром прервал его Вулкан. – Но я так просто им не дамся! Лично я стою за то, чтобы разобрать всех старших бопперов по винтикам!

Ральф решил не продолжать спор… время было дорого. Он расплатился с Вулканом пригоршней чипов. По причине постоянной инфляции бопперы никогда не соглашались делать что-либо в кредит. Ральф выкатился из мастерской Вулкана прямо на улицу Звезд. Внешней стены у мастерской не было.

Мимо него пронеслись три парящие полусферы, опирающиеся на столбы ракетных выхлопов. Такой способ существования требовал больших затрат энергетических средств, но летающие роботы зарабатывали эти средства, выполняя функции курьеров срочного сообщения. Один из трех роботов двигался неустойчиво и рывками, вероятно являясь наследником первого или второго.

В конце улицы высилась фабрика по производству чипов. Чипы и электронные карты были основными частями, необходимыми для монтажа наследников, и фабрика по их производству, именующаяся ГЭКС, охранялась очень надежно. Фабрика – а точнее, единый большой боппер – была самым прочным зданием во всем Диски, возможно, единственным в

своем роде. Стены ГЭКС были возведены из камня, а двери сварены из стали.

По непонятной причине перед воротами фабрики собралась большая толпа бопперов. Ральф за полквартала ощутил исходящую от собратьев ярость. Вероятно, очередное увольнение. Ральф перебрался на другую сторону улицы, стараясь держаться подальше от неприятностей.

Заметив Ральфа, один из бопперов, высокое веретенообразное создание с пинцетами-зажимами вместо пальцев, грациозно устремился к нему навстречу.

– Это ты, Ральф Числер?

– Я маскируюсь, Бурав.

– И это ты называешь маскировкой? Ты бы уж лучше прямо написал это на себе большими буквами. Принадлежащие тебе мысли угадываются безошибочно, Ральф.

Кто-кто, а Бурав это знает. Он и Ральф уже несколько раз проводили сеансы взаимного подключения, снимая все блоки и защиты и соединяя свои процессорные блоки при помощи специальных разъемов. Бурав жертвовал их союзу запасные части, которых у него всегда бывало в изобилии, а Ральф делился с партнером своими знаменитыми умозаключениями. Связывающее их чувство в некоторой степени можно было назвать сексуальным.

Тяжелые стальные двери фабрики были закрыты. Несколько бопперов пытались взломать их при помощи зубил и кувалд.

– Что случилось? – встревоженно спросил Ральф. – Ты не можешь попасть на работу?

Похожее на флагшток тело Бурава залилось гневно-зеленым цветом.

– ГЭКС уволил всех рабочих. С недавних пор он вздумал следить за производством самостоятельно – приобрел такую способность. ГЭКС давно этого добивался. Он сказал, что мы ему больше не нужны. Вместо наемных рабочих он теперь использует роботов-манипуляторов.

– Но твой опыт и навыки, разве их можно заменить? – удивился Ральф. – Все, что ГЭКС умеет, чем он занимался всю жизнь, – это коммерция, купля-продажа! ГЭКС не сможет так протравить плату, как это умеешь делать ты, Бурав!

– Да, – горько согласился Бурав. – Раньше так и было. Но теперь ГЭКС уговорил одного из травильщиков присоединиться к нему. Он скачал себе систему этого парня, и теперь тот существует внутри его банков памяти. А тело предателя стало еще одним роботом-манипулятором. Такова новая политика ГЭКС. Либо он съедает тебя с потрохами, либо ты лишаешься

работы. Мы решили прорываться силой и взять свое.

Над фабричными воротами открылся люк, и из него выбросили тяжелый заточенный силиконовый диск. Двое взламывающих ворота бопперов не успели вовремя поднять головы, и огромный круг стекла ударил их краем, легко разрезав пополам. С первого же взгляда было видно, что процессорные блоки незадачливых взломщиков безвозвратно разрушены.

– О нет! – в отчаянии воскликнул Бурав, в три стремительных прыжка пересек улицу. – Они даже не успели создать себе наследников!

Из раскрытого люка показался глаз камеры, затем быстро втянулся обратно. Зрелище вызывало жалость. Ральф на секунду остановился в задумчивости. Сколько всего старших бопперов в настоящий момент существует на Луне? Десять? Или пятнадцать? Неужели обычные бопперы действительно обречены на вымирание, неужели нет обходного пути? Возможно, он был не прав и должен…

– Тебе не остановить нас, ГЭКС! – Тонкая рука Бурава была вскинута в воинственном и яростном жесте. – Мы дождемся твоей сессии с Единственным!

Каждый боппер, большой или маленький, старший или младший, обязан был подвергаться прочистке своей памяти путем подключения к Единственному раз в десять месяцев. Исключений быть не могло. Само собой разумелось, что у бопперов, таких больших и могущественных, как ГЭКС, всегда имелся наготове сменный наследник, банки памяти которого постоянно обновлялись. Однако всем было известно также и то, что боппер, недавно передавший свою систему в тело очередного наследника, становился таким же уязвимым, как лобстер, только что поменявший свой старый панцирь на новый.

По этой причине угроза Бурава, существа-палочки, даже направленная к занимающему целый городской квартал ГЭКС, была не совсем пустой. Из люка выбросили еще один стеклянный диск, но Бурав легко от него увернулся.

– Завтра, ГЭКС! Завтра мы разберем тебя на части-и-и-и!

Гневный зеленый окрас Бурава несколько померк, и он вернулся на другую сторону улицы к Ральфу. Около ворот бопперы ковырялись в останках своих павших товарищей, отыскивая годные к использованию чипы.

– ГЭКС подключится к Единственному завтра в 13.00,– возбужденно заговорил Бурав, касаясь своей невесомой лапкой манипулятора Ральфа. – Приходи посмотреть, будет потеха.

– Я постараюсь, – отозвался Ральф, не покривив душой. Старшие бопперы действительно зашли слишком далеко.

Анархическим основам лунного общества грозила опасность. Он обещал помочь им скопировать систему Андерсона и сделает это, но после…

– Постараюсь быть, – еще раз повторил он. – Будь осторожен, Бурав. Помни, даже если вам удастся одолеть ГЭКС, его роботы-манипуляторы сохранят работоспособность благодаря краткосрочному программированию. Предстоит большая драка, и вам нужно быть готовыми к этому.

Бурав мигнул теплым желтым цветом прощания, Ральф повернулся и двинулся по улице Звезд дальше, держа курс к ближайшей автобусной остановке. Совсем необязательно было проделывать все пять километров до космопорта пешком.

Путь к автобусной остановке лежал мимо салуна, и не успел Ральф поравняться с ним, как двери его распахнулись и на улицу выкатились два одинаковых боппера на гусеничном ходу, похожие на пивные бочонки с пучками щупалец с каждой стороны. Скрежеща гусеницами и вихляясь, эти бопперы двигались рядом, дружески переплетя постоянно извивающиеся щупальца. К квадратной голове каждого бочонка был подключен взятый напрокат скрамблер. Не разбирая дороги, они покатились прямо посреди тротуара против основного потока движения. Предупредительно уступив гулякам дорогу, Ральф встревоженно подумал о том, какие неприятности могут ждать их впереди.

– Смотри, как застеснялся красный шкаф, – прогрохотал один из бочонков.

– Хотел бы я погладить разъем вон у той голубой сферы, – отозвался другой, дружески стукаясь бортом о корпус приятеля.

Заглянув в окно салуна, Ральф заметил пять или шесть массивных бопперов, расположившихся вокруг большого электромагнита, установленного в центре зальца. Даже не входя внутрь, он ощущал исходящие от магнита туманящие сознание блуждающие токи. Места вроде этого всегда пугали Ральфа. Вспомнив, однако, о том, что до посадки БЭКС осталось всего ничего, он заторопился и, свернув за угол, принялся изо всех сил вытягивать шею, надеясь разглядеть автобус.

Автобус – просторная открытая платформа без бортов – как раз подходил к остановке, что было как нельзя кстати. Ральф поднял манипулятор, и машина свернула к тротуару. При входе автобус потребовал внести плату за проезд, и Ральф послушно расплатился. Со вчерашнего дня плата повысилась на десять единиц. Постоянная инфляция являлась дополнительной природной силой, способствующей вымиранию слабых.

Ральф разыскал на платформе свободное место и зафиксировался на нем. Совершая поездки на лунном автобусе,

на поворотах при скорости, доходящей до 30 км/ч, необходимо было соблюдать особую осторожность…

Бопперы подсаживались в автобус и выходили тут и там, но большая их часть, как и сам Ральф, направлялась в космопорт. Некоторые спешили в порт по делам, уже имея налаженные деловые связи с Землей, другие надеялись эти связи установить или наняться гидами к прилетающим. Один из последних, соорудив себе из имиполекса голову с более или менее человеческим лицом, намалевал в дополнение на своей спине приветственную надпись: «БОППЕРЫ И ЧЕЛОВЕКИ ДРУЗЬЯ!»

Ральф раздраженно отвернулся. Благодаря его усилиям бопперы давно освободились от уродливых, человеко-шовинистических приоритетов Азимова: Защищать человека, Повиноваться человеку, Защищать роботов… и тому подобной чуши. Теперь любую форму защиты и послушания человек мог получить от боппера только на взаимовыгодных условиях.

Однако до сих пор люди не могли или не хотели понять, что существующие соседями две совершенно разные расы необходимы друг другу, но не как хозяева и рабы, а как равные. Тем не менее, при всей своей ограниченности, человеческое сознание было удивительным… совершенно отличающимся от любого известного программного обеспечения боппера. Ральфу было известно, что ТЭКС и МЭКС уже начали активно заниматься сбором и перекачкой всех доступных человеческих систем и здорово в этом преуспели. Теперь они хотели получить систему Кобба Андерсона.

Процесс выделения человеческой системы из ее физической оболочки, процесс, так сказать, отделения мыслей от мозга, был летальным и необратимым. Что касается бопперов, то здесь все было гораздо проще. Простым подключением специального кабеля к нужному разъему любой механический индивидуум мог полностью считать и перекачать в свои банки всю до последнего байта информацию, хранящуюся в ячейках памяти другой электронно-силиконовой персоны. Декодировка же человеческого мозга являлась сложной и комплексной задачей. Необходимо было считывать не только картину электрических импульсов, но и отслеживать нейронные связи, разлагать и анализировать РНК, эти основы памяти людей. Осуществить это возможно было только при помощи обширного хирургического вмешательства, рассечения тканей и химического разложения их. Метла считал подобное деяние злом. Но Кобб мог…

– Прошу прощения, но, кажется, ты Ральф Числер, – внезапно просигналил ему узконаправленным лучом сосед. Этот стоящий рядом с Ральфом боппер напоминал стационарный фен из

хорошей парикмахерской, снабженный также и креслом. Мерц-покров фена сиял золотом, а его остроконечную голову игриво украшали переливающиеся женственные мелкие спиральные завитки. Фен крепко взялся своим металлическим щупальцем за манипулятор Ральфа.

– Здесь лучше общаться на постоянном токе, – пришел к Ральфу шепоток незнакомца. – Так можно поговорить откровенно. У тебя потрясающий мысленный узор, Ральф. В этой половине автобуса на тебя все засматриваются, уверен, что ты заметил это.

Ральф растерянно оглянулся. Как можно определить, смотрит на тебя другой боппер или нет? Это можно определить только в одном случае: если его голова повернута в твою сторону и его органы зрения направлены на тебя. Так оно и было – большая часть бопперов вокруг Ральфа шарили по его телу глазами. Что же начнется в космопорте, когда Кобб Андерсон ступит на поверхность Луны?

– А как он выглядит, этот Кобб? – пришел воркующий ласковый сигнал от соседа Ральфа.

– Трудно сказать, – спокойно запульсировал в ответ Ральф. – Его голографическому изображению в музее уже двадцать пять лет. К тому же люди все на одно лицо.

– Только не для меня, – проворковал сосед. – Я занимаюсь проектированием автоматических косметических наборов для людей.

– Очень мило, – отозвался Ральф. – А теперь можно попросить тебя отпустить мою руку? Мне нужно кое-что обдумать – это частное дело.

– Хорошо. Кстати, почему бы тебе не заглянуть ко мне завтра днем? У меня хватит запчастей на пару наследников. Мне хотелось бы подключиться к тебе. Меня зовут Синди-Лу. Ячейка 3412.

– Может быть, если будет свободное время, – ответил Ральф, слегка смущенный такой прямотой.

Бопперы, имеющие деловые отношения с Землей, были очень разборчивы в связях. Должно быть, красный мерц-покров, который продал ему Вулкан, действительно был хорош. Может быть, даже очень хорош.

– Постараюсь заглянуть к тебе после штурма.

– Какого штурма?

– Бопперы, раньше работавшие на ГЭКС, собираются самовольно демонтировать его. Завтра они попытаются это сделать. Он выбросил за ворота фабрики почти всех своих работников.

– Правда? Тогда я тоже схожу туда! Там наверняка можно

будет подобрать что-нибудь интересное! На следующей неделе то же самое грозит МЭКС, ты в курсе?

Ральф пораженно замолчал. Неужели кто-то собирается демонтировать МЭКС, боппер-музей? Чем, ради всех систем, МЭКС заслужил такую участь?

– Этого не должно случиться, – встревоженно ответил Ральф. – Иначе все может выйти из-под контроля!

– Всех их под пресс! – спокойно отозвался Синди-Лу. – Если ты не против, я приведу с собой нескольких друзей.

– Какая мне разница? А сейчас оставь меня в покое. Мне нужно подумать.

Автобус уже выехал за пределы Диски и теперь катился по проложенному через голую лунную равнину шоссе к космопорту.

На равнине, где исчезали все признаки тени и солнце палило нещадно, мерц-покровы всех пассажиров приобрели зеркальные свойства. Ральф с тревогой обдумывал новость об угрозе, нависшей над МЭКС. Хотя судьбы Андерсона это не касалось. Главным сейчас было скопировать систему старого кибернетика и отослать запись обратно на Землю. Отослать запись Мистеру Морозису, который сможет закачать систему в робота-двойника Кобба. Такой выход из положения будет для старика самым лучшим. Судя по сведениям, которые доходили до Ральфа, теперешняя физическая основа-оболочка Кобба могла отказать в любое время.

Автобус остановился перед полусферическим зданием на краю космопорта, приспособленным для обитания людей. Выходящий на орбиту вокруг Луны БЭКС сообщил, что посадка произойдет через полчаса. Как раз вовремя. Весь полет с Земли на челноке до орбитальной станции «Риф» и с «Рифа» до Луны на БЭКС занимал чуть больше двадцати пяти часов.

Из чрева полусферы высунулась пуповина герметического переходного тоннеля, приготовленная к тому, чтобы присосаться к шлюзу космического корабля сразу после его посадки. Прохладный лунный вакуум, столь приятный бопперам, был смертоносным для людей. В то время как теплый воздух внутри полусферы был смертельно опасен для бопперов.

Ни один боппер не мог войти в полусферическое здание без дополнительно подключенной холодильной установки, которую приходилось возить вместе с собой на колесиках. Для защиты собственных организмов от коррозии влажность внутри помещения держалась бопперами на возможном теоретически минимуме, однако присутствие людей заставляло идти на уступки и устанавливать температуру на уровне 290° К. И это люди называют «комнатной температурой»! Без дополнительной

холодильной установки основанные на сверхпроводниках цепи бопперов в такой жаре разрушались в считаные мгновения.

Ральф заплатил положенную за прокат холодильника таксу… возросшую с последнего раза втрое… и, толкая агрегат перед собой, вошел в здание космопорта. Внутри уже собралась толпа. Он нашел себе местечко рядом с конторкой регистрации виз, чтобы слышать имена и фамилии.

В зале ожидания в глаза ему бросились несколько кротов… сегодня их здесь было подозрительно много. Они следят за ним, это было ясно. Ральф понял, что должен был согласиться с Вулканом и изменить свой облик более основательно. Вместо этого он вырядился в сияющий красный плащ. Та еще маскировка!

Глава 9

Фигуры и лица на Луне беспрестанно менялись. Вот старушка с вязанкой хвороста за спиной, а вот леди в широкополой шляпе с пером, вот мечтательное лицо девушки, забывшей об окружающем ее мире.

– «Медленно, тихо движет Луна в небе в своем серебристом сиянии», – многозначительно продекламировал Кобб. – Есть вещи, Торч, которые остаются навсегда.

Торчок перегнулся через Кобба, чтобы заглянуть в маленький кварцевый иллюминатор. По мере того как они неторопливо подлетали к ночному светилу, оспины на щеках Луны и зубцы гор по краям ее кратеров приобретали все более и более осязаемые формы. Старая, больная сифилисом шлюха, размалевавшая свое лицо мешаниной для выпечки блинов. Торчок откинулся на спинку своего кресла и разжег последний косяк. В его голове собирались в клубки параноидальные мысли.

– Приходило тебе когда-нибудь в голову, – проговорил он сквозь облако дыма, каждая деталь и каждый завиток которого имели невиданную мучительную четкость, – что эти наши копии могут остаться на Земле *навсегда?* Что весь этот полет специально подстроен для того, чтобы убрать нас с глаз долой и поставить на наше место Андерсона и Торча вторых?

Что касается самого Торчка, то тут его рассуждения были совершенно правильными. Хотя Кобб не торопился ему об этом говорить. Он легкомысленно махнул рукой.

– Ты преувеличиваешь. Ну зачем бопперам…

– Ты больше знаешь об этих механических уродах, чем я, старик. Ведь это ты там напакостил, когда лунных роботов только проектировали?

– Где это ты слышал обо мне, Торч, в школе? – печально вопрошал Кобб. – Кобб Андерсон, научивший роботов мыслить самостоятельно? Неужели это вошло в учебники?

– Я до фига прогуливал и многое забыл, – отозвался Торчок, деревянно пожимая плечами. – Но что, если бопперы решили завести себе на Земле парочку агентов? Они послали вниз наши копии, а нас заманили к себе. Как только мы отвалили, копии начали выдавать себя за нас и собирать информацию. Что скажешь?

– Информацию о чем? – рявкнул Кобб. – Ни я, ни ты, Торч, на Земле не имели отношения ни к каким важным секретам.

– Главное, что меня сейчас волнует, – продолжил, не обращая внимания на слова своего спутника, Торчок, стряхивая

невидимые капли напряжения с кончиков пальцев, – это отпустят ли они нас обратно на Землю? Может быть, они задумали сотворить какую-нибудь подлость с нашими телами? Решили использовать нас как подопытных мышей для запрещенных и бесчеловечных экспериментов…

Сказав это, не в силах больше сдерживаться, он разразился нервным, колючим смехом.

Кобб покачал головой:

– Дэннис ДиМентис. Такое имя стоит в твоей визе. А кто я?..

Торчок выудил документы из кармана рубашки и передал своему соседу. Кобб просмотрел бумаги, прихлебывая кофе. В челноке он напился в стельку, но стюардесса привела его в чувство, сделав инъекцию стимулятора и витамина В.Такой ясности в голове у Кобба не было вот уже несколько месяцев подряд.

Вот перед ним его виза. Улыбающаяся бородатая физиономия, дата рождения: 22 марта 1950 года. Напечатанные буквы: «Грэм ДиМентис» и накорябанное его собственными каракулями чужое имя внизу.

– Все это чушь болотная, – заметил Торчок, заглядывая в визу Коббу через плечо.

– Почему?

Но Торчок не ответил ничего, отвернулся и, вытянув вперед, как обезьянка, губы, несколько раз подряд издал поцелуйный звук. По проходу между креслами, толкая перед собой сервировочный столик, шествовала стюардесса, с хрустом отдирая покрытые лентой «вэлкро» подошвы туфель от пола. Вьющиеся белокурые волосы свободными локонами обрамляли ее лицо.

– Пожалуйста, пристегните ремни. Мы совершим посадку в космопорте Диски через семьдесят секунд.

В тот же миг ожившие в корме корабля могучие двигатели сотрясли его остов. Стюардесса взяла из пальцев Кобба пустую кофейную чашечку и поставила ее на свой столик.

– Пожалуйста, погасите ваш курительный материал, сэр.

Это Торчку.

Торчок послушно передал косяк девушке, выпуская дым тонкими струйками между зубов в ее направлении.

– Погреться хочешь, киска?

Глаза стюардессы мигнули… Да? Или нет?.. Но вот она уже берет косяк и тушит его в остатках кофе Кобба, поворачивается и катит свою тележку дальше.

– Запомни, – наставительно заговорил Кобб. – В космопорте мы выдаем себя за туристов. Насколько я понял, какие-то

бопперы, зовущиеся кротами, хотят помешать нам.

Двигатели корабля снова взревели, и судно мелко задрожало. В иллюминаторах заклубилась лунная пыль, последовал толчок, и наступила тишина. Кобб уставился в напоминающее смотровой глазок окошечко иллюминатора. Перед ними раскинулось Море Спокойствия.

Из-за близости горизонта казалось, что слепо-серая поверхность лунного моря неудержимо вспухает вверху. У самого края моря начинался крупный кратер… сколько до него, пять километров или все пятьдесят? Кратер Маскелайна. Уже на самом горизонте виднелись невероятно острые пики гор. Эти горы напомнили Коббу то, что ему так хотелось забыть: острые зубы, облака с рваными краями… Горы Безумия. Он точно помнил, что в одной из древних цивилизаций считалось, что умершие отправляются на Луну.

Снаружи корабля донесся заключительный, мягкий присасывающийся звук. Произошла стыковка с переходным тоннелем. Стюардесса принялась отворачивать колесо шлюза, ее ладный задок совершал круговые движения вслед за каждым поворотом колеса. По пути на волю Торчок предложил космической диве свидание.

– Мы с дедом остановимся в Хилтоне, киска. Меня зовут Дэннис ДиМентис. Я с ума сойду, если не достану здесь чего-нибудь погреться. Ты как, не прочь?

Улыбка стюардессы была так же непроницаема, как ротовой разрез тыквенной маски для празднования Хэллоуина.

– Возможно, вы сможете найти меня в баре.

– В каком… – начал было Торчок.

Стюардесса не дала ему договорить.

– Здесь только один бар, – объяснила она, раскланиваясь с Коббом. – Спасибо за то, что решили путешествовать на нашем лайнере, сэр. Желаю вам хорошо провести время на Луне.

Пассажирский зал порта был запружен бопперами. Торчок уже видел раньше несколько основных моделей, но сейчас впечатление было таким, словно ни один из находящихся в зале механизмов не был похож на другой. Перед ними был оживший «Ад» Босха. Лица и… «лица»… в проеме двери, сплошь сверху донизу и с правого края до левого.

Прямо перед дверью в воздухе висит, жужжа пропеллерами, улыбающаяся сфера. Ее улыбка – попросту трещина от края и до края.

– Экскурсии по подземным городам! – выкрикнул летающий шар, выкатывая фальшивые глаза.

У дальнего конца пандуса пассажиров дожидалась машина –

регистратор виз, имеющий вид огромного степлера. Требовалось подложить визу под выпуклый глаз-объектив регистратора, вслед за чем тот немедленно сканировал ваше лицо и изучал отпечатки пальцев. КХУНГ-ЧАНННГ! Следующий!

Рядом с машиной-регистратором торчал крупный красный робот-шкаф на гусеницах. Тварь, похожая на голубую змею или дракона, извивалась на полу в метре от шкафа. Крот. Красный робот исторг из своего угловатого тела микрофон, нервно подсунул его под нос Торчку и Коббу, потом отдернул обратно и отвернул голову.

Странно ведущий себя красный шкаф показался Коббу знакомым. Он немного напоминал Ральфа Числера. Но рядом вился крот, и Кобб почел лучшим воздержаться от вопросов. Предстоит еще встреча в музее, там он узнает все…

Перед ними по залу ходит, катится, ползает, летает и перемещается прыжками с сотню разномастных машин местного производства. Отовсюду, куда бы Кобб и Торчок ни повернулись, к ним тянутся разнородные трясущиеся металлические конечности.

– Ураном интересуетесь?
– Ртути нет на продажу?
– Есть антикварные телевизоры…
– Хотите трахнуть девочку-андроида?
– Пальцы не продаете?
– Останки Лунных Королей, отдам дешево…
– Фосфоресцирующие говорящие пенисы…
– Возьму чипы оптом…
– Хотите домашнюю еду?
– Желаете открыть фабрику?
– Совместный трах-отсос. Не интересуетесь?
– Код смерти ДНК?
– Ванны и клизмы из лунной пыли…
– Экскурсия в пещеру Вакуумных колокольчиков…
– Новые голосовые отпечатки?
– Скачаю систему без риска…
– Фотоаппараты не продаете?
– Хотите исполнить мои песни?
– Хотите, я буду вместо вас?
– Кому в отель?

Кобб и Торчок решительно запрыгнули на колени боппера, выкрикнувшего последнее предложение, иссиня-черного истукана, снабженного в передней части парой сидений формой под человеческие тела.

– Багаж есть? – деловито осведомился боппер.

Кобб отрицательно помотал головой.

Черный носильщик начал пробираться сквозь толпу, отодвигая с пути сородичей при помощи могучих скребков, напоминающих ласты морского котика. Торчок молчал, вероятно обдумывая некоторые из только что услышанных предложений.

У взявшего на себя заботу о них боппера имелись дополнительная пара глаз и микрофон на затылке. Стеклянные органы зрения неотрывно рассматривали пассажиров.

– Почему здесь никто не следит за порядком? – брюзгливо спросил Кобб. – Местные механизмы ужасно досаждают своим домогательством пассажирам.

– Вы наши почетные гости, – громогласно отозвался боппер. – *Ахола*, что означает «Здрасте» и одновременно… «прощай». Ваш отель. Приготовьтесь к оплате.

Перед двумя креслами в борту боппера откинулась маленькая дверца.

Торчок вытащил свой бумажник. Такой бумажник, набитый плотно и туго, было приятно держать в руках.

– Сколько с нас… – начал он.

– Деньги – это так скучно, – отозвался боппер. – Лучше какой-нибудь подарок, сюрприз. Или комплексную информацию.

Кобб похлопал по карманам своего белоснежного костюма. Плоская бутылка с каплей скотча на дне, буклет с космического лайнера, несколько монет…

Их снова окружили бопперы, принялись ощупывать одежду, кажется отрывая при этом крохотные клочки материи в качестве сувениров.

– Книжки с «грязными» картинками?

– «Неспешная лодка в Китай»?

– Записи ощущений с казней?

Черный боппер пронес их всего ничего, какую-то сотню метров. Теряя терпение, Торчок сунул в требовательно выставленный приемный бункер боппера свой носовой платок.

– *Ахола*, – рявкнул механизм и торопливо заскользил обратно, раздвигая волны присутствующих своими ластами.

Отель – многоэтажная пирамидальная структура – занимал центральную часть здания-купола. Оказавшись внутри, Кобб и Торчок с облегчением вздохнули: в холле отеля находились только люди, бопперов видно не было. Туристы, бизнесмены, перекати-поле.

Торчок оглянулся в поисках стойки регистрации, но ничего подобного не заметил. Он уже начал раздумывать, к кому бы обратиться за помощью, когда прямо над его ухом заговорил бестелесный баритон:

– Добро пожаловать в «Диски-Хилтон», мистер ДиМентис. Я приготовил для вас и вашего деда прекрасный номер на пятом этаже.

– Кто это говорит? – испуганно спросил Кобб, крутя во все стороны взлохмаченной головой.

– Меня зовут ДЭКС, я – Отель «Диски-Хилтон».

Весь отель был одним гигантским боппером. Непонятным образом машина могла посылать свой голос в любое место своих владений… и, что само собой разумелось, могла одновременно беседовать с разными постояльцами в разных номерах.

Голос-дух направил Кобба и Торчка к элегантному эскалатору, который мигом донес их до отведенного номера. Отель был по-настоящему радушным хозяином, не оставляющим своих гостей без внимания ни на минуту. Ни о какой приватности и речи быть не могло. Жадно осушив несколько стаканов воды из стоящего на столе кувшина, Кобб решил перекинуться словом с Торчком.

– Ну что, устал, Дэннис?

– Само собой, дед. Конец-то неблизкий. На сегодня отдых. С чего начнем завтра?

– Та-а-ак. Я тут заметил нескольких ползучих – с ними нужно будет держать ухо востро. Может быть, прокатимся в этот музей истории роботов. Мы же интересуемся местными достопримечательностями, верно?

Прежде чем подать голос, Отель прочистил горло, чтобы не испугать постояльцев.

– В девять ноль-ноль прямо от выхода отеля отбывает экскурсионный автобус, который доставит вас в музей.

Кобб многозначительно взглянул на Торчка и поднял бровь. Известна ли ДЭКС суть их миссии? На чьей стороне находится Отель, на их или кротов? И почему это бопперам ни с того ни с сего вздумалось дарить ему бессмертие? Кобб достал из кармана фляжку, медленно отвинтил крышку, одним махом допил остатки скотча и прилег на кровать. Он *действительно* очень устал. Хотя дышалось при пониженной лунной тяжести легче. Они наверняка здесь очень сильно поправятся. Размышляя о том, что бы съесть утром на завтрак, Кобб тихо погрузился в сон.

Глава 10

Торчок прикрыл старика одеялом и подошел к окну посмотреть вид. Бопперов снаружи поубавилось. Покидая купол, механизмы оставляли свои передвижные холодильные установки около шлюзовой камеры, где их сейчас скопилось множество. Горбатый боппер-служащий медленно и методично выравнивал тележки-холодильники в ряд.

По небольшой круглой площади, между боппером-регистратором и парадным входом отеля, прогуливалась парочка. Люди. Бесцельное блуждание двух маленьких фигурок показалось Торчку странным. Он стоит у окна вот уже пять минут, а эти двое все ходят и ходят кругами. Круг за кругом, словно мишени-силуэты в тире.

Полупрозрачный пластиковый покров купола, задерживающий яркие солнечные лучи, заметно приблизился и теперь находился совсем рядом. По принятому у людей времени сейчас была ночь, однако солнце снаружи сияло вовсю и бопперы и не думали угомониться. Несмотря на то что лунный день длился две земные недели, а сами бопперы «спали» весьма редко, они продолжали, возможно, из ностальгии, а может быть, по инерции, делить время на принятые среди людей двадцатичетырехчасовые интервалы. Чтобы как-то держать людей под контролем, в соответствующие периоды суток они уменьшали проницаемость герметичного купола для солнечного света.

Торчок вздрогнул, испытав острый приступ клаустрофобии. Каждое его движение записывается и анализируется – это было ясно. Каждый его вздох, каждый удар его сердца пополняет банки данных бопперов. Сам он сию минуту, по сути дела, находится *внутри* большого боппера, ДЭКС. Почему он позволил Коббу затащить себя сюда? Зачем Кобб так хотел взять его с собой?

Старик на диване всхрапнул. В течение одного ужасного мгновения Торчку казалось, что он видит тонкие провода, выходящие из черепа Кобба и исчезающие под подушкой. Он сделал шаг к кровати, наклонился над спящим и с облегчением обнаружил, что принял за провода редкие черные волосы, еще попадающиеся среди седых. Он выпрямился и направился к двери, решив сходить поразмяться вниз, в бар. Может быть, ему удастся найти стюардессу.

Бар был полон, но удивительно тих. Перед автоматическим барменом, навалившись животами на стойку, сидели несколько бизнесменов. Все они тянули местный сорт пива… от сухого воздуха под куполом горло постоянно пересыхало.

В середине бара три или четыре столика были сдвинуты вместе и уставлены доставленным с Земли шампанским. Вечеринка здесь была в самом разгаре. Торчок узнал в пирующих пассажиров первого класса. Тамадой был говорливый пузатый тип – гид. За сдвинутыми столиками тесным кружком сидело пять худощавых пар, явно молодоженов. Слишком молодые и определенно гуляют не на свои, скорее всего, тратят денежки родителей. При появлении Торчка никто из них и бровью не повел, все сразу же поняли, кто он такой – скучный примитив из низших сословий.

В дальней кабинке в конце бара находилась та, кого он искал, – стюардесса. Ни выпивки перед ней, ни книги или журнала – она просто сидит за своим столиком одна. Торчок подрулил туда через зал.

– Не забыла меня?

Девушка кивнула:

– Нет, конечно.

Что-то странное было в том, как она сидела здесь, вот так одна… с пустым лицом, словно машина на стоянке.

– Я даже ждала тебя, можно сказать.

– Клево! Здесь торгуют травой?

Бестелесный голос Отеля зазвучал за его спиной.

– Что желаете заказать, мистер ДиМентис?

Торчок задумался. Он хотел немного расслабиться, чтобы потом заснуть… если до этого дойдет.

– Дайте мне пиво и двойное крепкое.

Он взглянул на правильно-симметричное, улыбающееся ему через столик лицо.

– Что будешь ты?

– Мне как обычно.

– Очень хорошо. Мадам, сэр… – Голос растаял.

Через секунду над их столиком в стене распахнулась дверца. Лента конвейера принесла на подносе заказ. Двойное крепкое Торчка представляло собой прозрачную жидкость в коротком толстом стакане, нещадно щиплющую язык из-за растворенных веществ и горькую от алкалоидов. То же, что предназначалось стюардессе…

– Как тебя зовут? – Торчок одним махом проглотил похожую вкусом на лекарство смесь в стакане. Теперь он будет смотреть веселые картинки. Ему будет хорошо, но ровно два часа.

– Мисти.

Девушка протянула руку и взяла с подноса свой заказ. Свое *обычное*.

– Что это у тебя?

По спине Торчка побежали колючки паники. Это их двойное крепкое не назовешь безмазовым, сильная штука… Девчонка, сидящая напротив него, поднесла к голове странный продолговатый предмет, напоминающий ручной фонарик…

Внезапно она захихикала и закатила глаза.

– Как здорово. – Она отняла устройство от головы, передвинула на его шкале указатель и снова принялась водить им по лбу.

– Что вы, люди, говорите в таких случаях… клево?

– Ты что, живешь на Луне постоянно?

– Само собой.

Продолжительная пауза, в течение которой девушка живо водит своей штуковиной по голове между волосами, как парикмахер машинкой.

Со стороны столиков молодоженов донесся взрыв громкого смеха. Кто-то отпустил соленую шутку. Возможно, мясистый здоровяк-тамада, щедро с пеной разливающий по бокалам шампанское.

Торчок внимательно всмотрелся в колышущееся напротив него пустое лицо, пытаясь проникнуть под невозмутимую маску, потом снова уставился на цилиндр в руках блондинки. С подобным способом заторчать он встречался впервые.

– Что это у тебя? – спросил он снова.

– Электромагнит.

– Так, значит, ты… боппер?

– Не совсем так. Во мне нет ни грамма органики, это так. Но я не самостоятельна. Мой мозг находится внутри БЭКС. Можно сказать, что я самодвижущаяся часть корабля. Его манипулятор.

Девушка принялась водить цилиндриком перед глазами, любуясь тем, как магнитные волны искажают окружающее.

– Клево, – снова сказала она. – Научишь меня еще чему-нибудь из нового сленга?

До встречи со своим двойником в космопорте Торчок ни за что бы не поверил, что можно перепутать человека и робота. И вот теперь это случилось с ним снова. Чувствуя, как двойное крепкое ревет и взрывается у него в голове тысячей салютов, ему захотелось поскорее забиться в какую-нибудь щель.

Мисти наклонилась к нему через стол, изогнув в улыбке уголки губ.

– Ты что, решил, что я живая?

– Ну, как сказать – обычно я не назначаю свидания машинам, – буркнул в ответ Торчок и, уразумев, что ляпнул чушь, попытался исправить дело шуткой. – У меня даже вибратора нет.

Девушка обиделась. Она снова включила свой магнит, ее

лицо опять стало непроницаемой маской экстаза – она выразила ему свое презрение.

Почувствовав одиночество, Торчок протянул руку и отвел цилиндрик-электромагнит ото лба девушки.

– Давай поболтаем, Мисти.

Он натурально мог чувствовать движение ее губ и языка, производящих звуки, слова. Слишком сильно последний раз принял. Неожиданно он вздрогнул от страха, заподозрив, что *все* сидящие в баре вокруг него тоже роботы. Но почувствовав в своей руке теплые и на ощупь вполне человеческие пальцы девушки, он немного успокоился.

Шапка пены в бокале с пивом, который он попросил для себя, почти опала. Он даже не прикоснулся к пиву. Мисти взяла бокал обеими руками и, глядя Торчку прямо в глаза, отпила глоток, потом передала бокал ему. Он тоже глотнул. Пиво было густым и горьковатым на вкус.

– ДЭКС варит это пиво сам, – заметила Мисти. – Нравится?

– Отличное пиво. Ты что, и «по-маленькому» ходишь? Или у тебя внутри есть пакет, который ты опорожняешь каждые…

Мисти отложила магнит и переплела свои пальцы с пальцами Торчка.

– Ты можешь думать обо мне как о настоящей живой девушке. Моя личность полностью очеловечена. Я люблю вкусно поесть, выпить иногда и… кое-что другое тоже люблю.

Девушка премило надула губки и нарисовала пальцем на ладони Торчка кружок.

– На линии Земля – Луна редко встречаются клевые парни…

Торчок поспешно отнял руку.

– Но как ты можешь быть человеком, если ты машина?

– А вот так, очень просто. В Ричмонде, штат Виргиния, жила-была когда-то юная леди по имени Мисти Новак. Прошлой весной Мисти решила прокатиться автостопом в Дейтона-Бич и потусоваться с головами-серферами. Там она попала в дурную компанию. Очень дурную. К убийцам-маньякам, которые называют себя «малыши-шутники».

«Малыши-шутники». Стоило Торчку закрыть на секунду глаза, как он снова видел перед собой их лица. Блондинистую чиксу, которая подцепила его… как там ее звали, Кристлин? Оспяного Берду в блестящем ошейнике. Беззубого урода Пол-Пола. Фила, главаря, здоровяка с наколкой на спине.

– …переписали ее мозг, – сказала Мисти. – А БЭКС тем временем создал копию ее тела. С тех пор внутри БЭКС живет полная модель личности девочки Мисти. БЭКС говорит модели, что нужно делать, а модель заставляет двигаться… вот это.

Мисти подняла руку ладонью вперед и расставила пальцы.

– Совершенно новенькая, с иголочки, Мисти.

– Я знаю, – сказал Торчок голосом настолько спокойным и нейтральным, насколько это было возможно, – что «малыши-шутники» *едят* мозги, а не *переписывают* их.

– Ты слышал о них? – Лицо девушки выразило искреннее удивление. – Со стороны действительно кажется, что они *едят* мозг. Дело в том, что один из «шутников» – робот, имеет внутри себя, в груди, мини-лабораторию. Он выкачивает из мозговой ткани воспоминания. Переписывает специфику структуры мыслительных процессов. Таким вот образом эта группа приобрела уже очень много записей человеческого мозга. Старшие бопперы хотят организовать из этих записей особую библиотеку. Однако, как правило, тел-двойников для людей, чей мозг подвергся копированию, не создается. Мне просто… повезло.

Мисти снова улыбнулась.

– Удивительно, что ты решила мне все это рассказать, – наконец проговорил Торчок.

Должно быть, БЭКС и Мисти действительно ничего не знают о том, кто он такой. То, что сфабриковало ему и Коббу фальшивые документы, могло просто не успеть поставить в известность остальных.

Но может быть… и это было гораздо хуже… что они *отлично* знают, кто он. Тогда он конченый человек, ходячий мертвец, чей мозг должен быть со дня на день вскрыт, препарирован и переписан, а запись отослана на Землю, где ее дожидается Торчок-второй. Они все отлично продумали. Человеку, судьба которого предрешена и который должен исчезнуть, можно говорить все что угодно.

– Но БЭКС не хочет, чтобы я жила своей жизнью, – говорила тем временем Мисти. – Ты-то его, конечно, не слышишь, но он все время требует, чтобы я замолчала. Но он не может заставить меня сделать это. У меня есть свобода воли… это неразрывная часть записи моего мозга. Я могу делать то, что захочу.

Мисти улыбнулась, не спуская с Торчка глаз. Она секунду помолчала, потом заговорила снова.

– Ты спросил, кто я такая. Я дала тебе один из ответов. Я робот-манипулятор. Самодвижущийся узел, контролируемый программой, сохраняемой в корабле-боппере. Но с другой стороны… я та же Мисти, которой была раньше. Человеческая душа то же программное обеспечение, та же операционная система. Да ты, наверное, знаешь об этом. В мою систему входит все, что нужно: привычки и воспоминания. Мозг и тело – это просто мясо, семя для емкостей, где выращиваются

искусственные органы.

Мисти неуверенно улыбнулась, отхлебнула пива из бокала и поставила его на стол.

– Потрахаться хочешь?

Секс с Мисти был приятным и печальным. Торчок был смущен. Он никак не мог избавиться от двойственного ощущения. Мисти казалась ему то милой и теплой девушкой, пережившей серьезную операцию, похожей на бездомного щеночка, которого хотелось погладить и приласкать, одинокую женщину, мужем которой хотелось стать, чтобы защитить и поддержать. Но через секунду эти мысли уходили и он начинал воображать тонкие проводки, которые переплетаются у Мисти в голове сразу же за стекляшками глаз, и твердить себе, что спутался с машиной, что занимается извращениями с мертвым предметом, с общественной уборной. Хотя примерно те же самые мысли лезли ему в голову с любой другой девушкой.

Глава 11

Проснувшись и увидев в постели Торчка девушку, Кобб Андерсон совсем не удивился.

– Ты та самая стюардесса, – утвердительно заявил он, медленно принимая сидячее положение. Он спал в одежде уже третью ночь подряд. Первую ночь он провел на полу у Муни, вторую – в космическом лайнере-боппере и, наконец, третью – в Отеле. Его кожа была настолько грязной и сальной, что он с трудом мог открывать и закрывать глаза.

– Здесь есть душ?

– Очень жаль, – отозвался бестелесный голос Отеля, – но душа у нас нет. Вода на Луне – большая ценность. Но если вы хотите освежиться, к вашим услугам, мистер Андерсон, химический опрыскиватель. Следуйте моим указаниям…

В проеме одной из трех выходящих из спальни дверей мигнул свет. Неуверенно поднявшись с кровати, Кобб осторожно заглянул в дверь.

– Мне придется взять с вас плату за номер за троих, мистер ДиМентис, – вежливым, нейтральным тоном сообщил Отель Торчку.

Одновременно с этим над ухом девушки раздался другой точечный шепоток:

– Ну как все было?

– Завтрак, – громко крикнул Торчок, стараясь заглушить сплетников. – Стимуляторы центральной нервной системы. И холодного пива.

– Сию минуту, сэр.

В дверях душевой снова замаячил Кобб, одеревеневший и похожий на поставленный на торец моряцкий сундук на колесиках. Он был совершенно гол. Встретившись глазами с Мисти, Кобб в растерянности остановился.

– Я отдал одежду в чистку.

– Ничего страшного, – успокоил его Торчок. – Она всего-навсего робот-манипулятор.

Не обращая внимания на слова своего молодого спутника, Кобб сдернул с собственной кровати простыню и обернул ею бедра. Он был сплошь покрыт густым седым волосом. Теперь, когда он остался без одежды, у него стало заметно небольшое брюшко.

В стене между двумя кроватями распахнулась дверца, и на кофейный столик выскользнул поднос с завтраком.

– Ваше здоровье, – проскрипел Кобб, поспешно цапнув одно

пиво. От растворенных в пиве стимуляторов у него на несколько секунд закружилась голова. Он взял с подноса тарелку с… омлетом, кажется… и уселся на свою кровать.

– Похоже, что мистер не знает, кто такой робот-манипулятор, – сказал Торчок девушке.

Набив омлетом рот, Кобб испепелял Торчка взглядом до тех пор, пока не прожевал и не проглотил пищу.

– Я знаю, что это такое, Торч. Можешь ли ты уразуметь своей отупевшей от наркоты головой, что я, в конце концов, известный в науке человек? В свое время меня многие знали. Это я, Кобб Андерсон, научил роботов вести самостоятельный образ жизни.

По лицу девушки скользнула легкая тень. Только теперь Кобб вспомнил об их с Торчком легенде.

– Здесь у ушей есть стены, – заметил Торчок. – Эх ты – голова-тыква.

Кобб снова ожег его взглядом, но доедал омлет уже в молчании. Пускай теперь часть бопперов знает, кто он такой, – но какая разница? Не может же быть так, что *вся* Луна ополчилась против него. Скорее всего, Отелю все это до лампочки. В условиях пониженной лунной гравитации Кобб отлично выспался. Он был полон сил и готов ко всему.

Узнав, что вместе с ней в комнате находится сам Кобб Андерсон, Мисти… а точнее, электронный мозг боппера в носовой части космического корабля, предпринял некоторые шаги, не прерывая объяснений своего манипулятора с Торчком.

– Почему ты сказал: «Она всего-навсего робот»? Кто позволил тебе это? Словно я чем-то хуже человека. Хуже тебя, например. Сказал бы ты то же самое о женщине с протезом вместо ноги? Или со вставным глазом? Пускай мое тело *полностью* искусственное, ну и что с того?

– Это клево, Мисти, в самом деле. Не принимай близко к сердцу. Просто пока последнее слово остается за БЭКС, а я уверен, что это так, ты та же марионетка, за ниточки которой…

– А сам-то ты кто? Как ты там называешь себя? – задиристо перебила его Мисти. – *Торч?* Вот уж действительно идиотское имя. Похоже на заводскую марку фаллоимитатора!

– Оскорбление личности, – грозно проговорил Торчок, качая головой. – Что еще скажешь?

– Уже 8.30,– подал голос Отель. – Могу я взять на себя смелость напомнить вам, что вчера вы собирались ехать на автобусе в 9.00 в Музей робототехники?

– Нам понадобятся скафандры? – тупо спросил Кобб.

– Скафандры вам будут выданы.

– Тогда пошли, – подытожила Мисти.

Торчок переглянулся с Коббом.

– Послушай, Мисти… для моего деда эта поездка связана с воспоминаниями молодости, понимаешь. Поэтому не могла бы ты на время… слинять. Может быть, мы возвратимся к обеду.

– Слинять?!! – воскликнула Мисти, в ярости начиная одеваться. – Жаль, что у меня на макушке не предусмотрен выключатель! Тогда тебе не пришлось бы даже просить меня убраться! Слизняк, вот ты кто!

Вылетев из комнаты, она с грохотом захлопнула за собой дверь.

– Упс, – негромко прокомментировал Отель.

– Зачем ты ее прогнал? – спросил Кобб. – Она симпотная. Не думаю, что она могла бы мне помешать.

– Откуда ты знаешь? – ответил Торчок. – Откуда ты можешь знать, что бопперы не затеяли с нами какую-то подлость?

– Мне обещан препарат бессмертия или что-то в этом роде, – счастливо отозвался Кобб. – Может быть, в дополнение к этому мне поменяют что-нибудь из органов. А что касается тебя, то…

Что же касается Торчка, то о том, что тот оказался здесь только потому, что бопперам нужно было устранить его с Земли, Коббу говорить не хотелось. Но молчать дальше было невыносимо. Он уже почти решился рассказать Торчку о разговоре с его механическим близнецом в гараже, о том, как тот, используя влияние Муни, планировал устроиться ночным сторожем в космопорт, но не успел и рта раскрыть.

– Бессмертие! Не это им нужно. Они хотят выпотрошить наши головы, выковырять оттуда мозги, разрезать их на кусочки и выкачать всю содержащуюся в них информацию. Бопперы переписывают личности людей на пленку или черт знает куда и хранят записи в какой-то библиотеке. Если нам *повезет*, записи наших личностей могут быть посланы на Землю, чтобы там с помощью этих пленок управлять нашими же роботами-двойниками. Но у них ничего не…

– ЖЕЛАЮЩИЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В АВТОБУСНОЙ ЭКСКУРСИИ ДОЛЖНЫ НЕМЕДЛЕННО СОБРАТЬСЯ В ХОЛЛЕ ПЕРВОГО ЭТАЖА! – громко и отчетливо проговорил Отель, помешав Торчку закончить свою речь.

Словно гальванизированный, Кобб сорвался с места и начал собираться. Через минуту он уже мчался к эскалатору, волоча Торчка за собой. Он не хотел знать правду, слышать о ней не желал. Возможно, что ему было на правду наплевать. А сам Торчок? Он послушно позволял Коббу уводить себя. Теперь, когда Отель знает все, что знает он, оставаться здесь было небезопасно. Он попытается сбежать от Кобба в музее.

Автобус был заполнен только наполовину. Большую часть экскурсантов составляли люди в возрасте, парами и поодиночке. Все облачились в выданные скафандры, выглядевшие надувными. Лунные скафандры были любопытными, симпатичными устройствами – полностью сделанные из тончайшего прозрачного пластика, они, казалось, искрились внутренним светом. Находясь в тени, человек в лунном скафандре выглядел вполне обычно, не считая едва заметного гало вокруг головы. На солнце скафандры приобретали зеркальные свойства.

Автобус имел вид плоской открытой платформы на упругих колесах со спицами вроде велосипедных, с двумя рядами утрированно чисто функциональных сидений: каждое сиденье представляло собой три черных шара из жесткой резины, смонтированных на Y-образной пластиковой конструкции. Торчку эти сиденья напомнили голову Микки Мауса… от которой остались только огромный нос да пара ушей. Присаживаясь на большой центральный шар, он почти ожидал услышать доносящийся из-под собственного седалища визг протеста.

Когда лунный автобус выехал из-под купола, в шлеме Торчка раздался треск помех.

– Мы сели, порядок, Хьюстон. Начинаем проверку готовности шлюза.

Раздались звук учащенного дыхания, тихий свист и вой, потом снова голос:

– Я выхожу наружу.

Пауза.

– Погнулась ступенька, сейчас исправлю.

Продолжительная пауза.

– Мы слушаем тебя, Нэйл.

Разнообразные приглушенные голоса, подбадривающие и поздравляющие.

Сильный треск.

– …маленький шаг для одного человека, но гигантский скачок для всего человечества.

Грохот нарочито бурных аплодисментов заглушил слабый голос. Торчок повернулся к Коббу, пытаясь рассмотреть выражение лица старика. Но увидеть чужое лицо сквозь стекло шлема было невозможно. Как только они покинули купол и оказались на солнце, материал скафандров превратился в гибкое зеркало.

Смонтированными короткими отрывками из «Открытия и освоения Луны» Автобус развлекал их всю дорогу до Диски. Театрализованы были все основные посадки пилотируемых спускаемых аппаратов на спутник, попытки основания первых

поселений людей, взрывы и гибель куполов, а также прибытие первых полуавтономных роботов. В полукилометре от Диски записанный на пленку превосходный густой голос диктора воскликнул:

– Тысяча девятьсот девяносто пятый! Ральф Числер и двенадцать его товарищей, самопрограммирующихся и самовоспроизводящихся роботов, основали поселение в районе Моря Спокойствия! *Продолжение* великой истории вы сможете узнать в Музее робототехники!

Прозвучал щелчок, и наступила оглушающая тишина.

Торчок рассматривал заслоняющие короткий горизонт дома Диски. Тут и там между строениями были заметны движущиеся блики отраженного солнечного света – неразличимые на расстоянии бопперы.

Внезапно в шлемах пассажиров загрохотал голос самого Автобуса:

– Доброе утро, создания из плоти и крови. Я начинаю обзорный объезд Диски с целью выхода на входной вектор, расположенный под углом в пятьдесят восемь градусов к северу. Просьба проявлять активность и задавать вопросы. Обращаться ко мне следует «капитан Коди». Сейчас прошу всех зафиксироваться на местах…

Почти не снижая скорости, Автобус круто повернул направо. Сиденья на подпорках-игреках сильно закачались из стороны в сторону. Чтобы не вывалиться за борт, Торчок поспешно ухватился за руку Кобба. Падение из Автобуса грозило немедленной гибелью под его огромными, бешено вращающимися колесами. Славный капитан Коди, похоже, никогда не сбрасывал скорости на виражах. Сиденья опасно раскачивались еще в течение целой минуты. Машина начала огибать город по кругу против часовой стрелки, держась в полукилометре от крайних зданий.

– Сколько бопперов живет здесь? – проскрипел в наушниках чей-то старческий голос. Ответа не последовало.

Тот же голос попытался добиться своего еще раз.

– Сколько бопперов живет в Диски, капитан Коди?

– Я произвожу обновление информации, – сообщили в ответ.

Голос Автобуса был высоким и мелодичным. И абсолютно нечеловеческим. В наступившей тишине все с нетерпением ждали точных сведений о популяции механического населения.

Мимо Автобуса слева проплыло колоссальное здание. Стен у сооружения не было, внутри на этажах можно было различить сложенные пачками листы разноцветного пластика. Несколько бопперов, занимающихся укладкой пластиковых листов, при

появлении туристического Автобуса бросили свое занятие и принялись следить за ним, замерев и медленно поворачивая головы вслед.

– С какой точностью вы хотите получить ответ? – вдруг спросил Автобус.

– Даже не знаю, – неуверенно проскрипел старческий голос. – Ну скажем… нулевая точность сойдет? Такое вообще возможно?

– Благодарю вас, – прозвенел колокольчиком Автобус. – С заданной точностью «ноль», в Диски *не живет ни одного* боппера. Или же десять в шестьдесят третьей степени.

В разговорах с людьми бопперы всегда становились изводяще-придирчиво-буквальными, что уже давно стало их пресловутой чертой. Это был всего лишь еще один способ, при помощи которого они могли выразить свою враждебность. Механизмы не могли простить людям законов Азимова, которые конструкторы… безуспешно, слава Коббу… пытались запрограммировать в их электронные мозги. В каждом человеке бопперы видели несносного Саймона Легри.

После преподанного урока больше вопросов капитану Коди не задавали. Диски был большим городом… возможно, таким же большим, как, например, Манхэттен. Автобус строго выдерживал раз принятые пятьсот метров от зданий пригородов, но даже с этого расстояния нельзя было не заметить поразительного разнообразия городского ландшафта.

Казалось, что кто-то решил собрать в одном месте всю историю архитектуры западной цивилизации. Притиснутые друг к другу, но все-таки различимые постройки относились к основным типам: примитивизм, классицизм, барокко, готика, ренессанс, индустриальный, арнува, функциональный, поздний фанк, заппер, крепускуляризм, плоский-плоский, хуперди… все в отличном состоянии и в полном соответствии со спецификой. Между зданиями сновали мириады ярко окрашенных бопперов, созданий, покрытых каким-то специальным, сверкающим на все лады составом.

– Почему все дома такие разные? – наконец не выдержал Торчок. – Объясните, капитан Коди?

– О какой категории причины идет речь? – весело пропел Автобус.

– Перечислите категории, капитан Коди, – бодро отразил выпад машины Торчок, совершенно не настроенный попадать в ловушку, уже открытую предыдущим любознательным.

– ВОПРОСЫ «ПОЧЕМУ», – проблеял в ответ Автобус. – *Категории ответов:* материальные причины, ситуативные причины, теологические причины. *Подкатегории материальных*

причин: пространственно-временная, массо-энергетическая. *Подкатегории ситуативных причин:* информация, фоновый шум. *Подкатегории теологических причин: …*

Торчок перестал слушать. Не видя лиц сидящих вокруг людей, он чувствовал себя не в своей тарелке. Шлемы скафандров всех до единого окружающих превратились в увеличенные подобия серебряных елочных шаров. В ближней к нему голове-шаре отражались эклектические постройки Диски, в голове следующего то же самое, и так до бесконечности. Сколько часов они уже трясутся в этой несносной колымаге?

– *Подподкатегории информационно-ситуативных причин*, – невозмутимо продолжал перечисление Автобус, не теряя своей оскорбительно-скрупулезной интонации. – Аналоговые. Цифровые. *Фоново-шумовые*…

Торчок вздохнул и откинулся на спинку сиденья. Поездка обещала быть длинной.

Глава 12

Музей робототехники находился в глубине лунной поверхности, под Диски. Сооружение состояло из ряда концентрических кругов, пересекаемых несколькими лучами. Что-то вроде приблизительной модели дантова ада. Спускаясь по широкому, полого уходящему вниз коридору, Кобб ощутил стеснение в груди. Могло случиться, что теперь, когда до финиша оставалось всего ничего, его дешевое, подержанное сердце вдруг не выдержит и лопнет.

Чем больше он думал о том, что сказал ему в Отеле Торчок, тем больше склонялся к мысли, что тот был прав. Никакого эликсира бессмертия нет. Все это чушь. Бопперы хотели переписать содержимое его мозга и дать ему новое, механическое тело. Тело робота. Учитывая состояние, в котором сейчас находилось его биологическое тело, этот выход из положения был не так уж плох.

Идея экстракции мыслительной структуры мозга и переноса ее в другую физическую оболочку пугала Торчка, но Кобб относился к этой возможности философски. Он хорошо понимал принципы, на которых основывалось сознание роботов. Суть способа пересадки сознания была ему неясна, но он осознавал, что для него теперешнего это закончится неизбежной гибелью. Хотя если все пройдет удачно…

– Это вон там, справа, – сказал Коббу Торчок, прижавшись к его шлему своим. В руках Торчок держал маленькую сувенирную схему музея, выгравированную на камне. Они разыскивали зал Андерсона.

Стоило им ступить в какой-нибудь залец, как выставленные в нем экспонаты оживали. Основную часть экспозиции составляли голограммы с передачей звукового сопровождения непосредственно в радиоприемники скафандров. Вот прямо перед ними из воздуха материализовался худощавый мужчина в темном костюме и шерстяной водолазке. *Курт Гёдель* – гласила надпись у ног голограммы. Мужчина был сед и носил очки в черной роговой оправе. Фоном для фигуры в костюме служила классная доска, на которой мелом были выписаны соотношения знаменитой теоремы Гёделя о неполноте.

– Человеческий разум не в силах сформулировать (или создать механический прототип) математического аппарата собственной интуиции, – объявил призрак Гёделя. У великого ученого была манера завершать каждую фразу на подъеме, переходящем в невразумительный восторженный гул. – С другой

стороны, что неоднократно уже было подтверждено и доказано, представляется возможным существование логической машины, способности которой были бы эквивалентны математике человеческой интуиции…

– О чем это он? – удивился Торчок.

Кобб замер, почтительно уставившись на голографический облик своего высокочтимого учителя. Он хорошо помнил годы, которые провел в попытках проникнуть в тайный смысл только что прозвучавших слов. Человек *способен* создать робота настолько же умного, как и он сам. Но известно было лишь то, что такой робот мог существовать *теоретически*.

«Как этого добиться? – спрашивал себя Кобб в течение всех семидесятых. – Каким образом нам создать робота, построить которого мы пока не в силах физически?» В 1980 году у него был уже готов скелет ответа. Один из его коллег написал статью для «Теории Науки и Техники». «На пути к Роботу Разумному» – так называлась эта статья, и в ней целиком содержалась идея ответа на мучивший Кобба вопрос. «Роботы должны обладать способностью развиваться». Однако до воплощения костяка идеи в плоть и кровь было еще далеко…

– Пошли же, пошли. – Торчок тянул Кобба от голограммы великого учителя дальше.

Перед ними через коридор промчались две перепуганные ящерицы. Из-под потолка зала на них пикировало кровожадное создание с кожистыми крыльями и распахнутой, усаженной пилообразными рядами зубов пастью. Одна из ящериц успела проворно отскочить в сторону, другая была схвачена и унесена крылатой тварью над головами Кобба и Торчка в неизвестность. На пол упали капли бледной крови…

– «Выживают лучше приспособленные», – плотоядно прокомментировал радостный дикторский голос. – Вот одна из основных движущих сил эволюции.

Словно в ускоренной съемке, оставшаяся в живых ящерица проворно отложила в песок кучку яиц, из которых на глазах вылупилось с полдюжины новых ящериц, начавших рыскать по окрестностям. Зубастый хищник снова появился за своим обедом, уцелевшие отложили яйца… цикл повторился еще и еще. Каждый новый выводок был немного шустрее предыдущего, с чуть более развитыми сильными задними лапами. Через минуту ящерки уже споро прыгали по залу, как маленькие голые кенгуру, высовывая наружу раздвоенные язычки и блестя умными желтыми глазками.

На этот раз дальше предложил идти Кобб. Торчок хотел остаться и посмотреть, что с ящерками случится потом.

Покинув сцену доисторической рутины, они оказались прямо

посреди сельской ярмарки. Трещали ружейные выстрелы и шутихи, жужжали лотерейные машины, люди звонко смеялись и приветственно кричали, и надо всем этим стоял неугасимый инфернальный гул могучих машин. На полу появилось изображение опилок, мимо время от времени проплывали смутные улыбающиеся фигуры деревенских щеголей и щеголих. Юноша и девушка, забившись в щель между парусиновыми торговыми палатками, блестящими от масла пальцами кормили друг друга попкорном. У юноши были выдающееся адамово яблоко и нос картошкой – классический синусоидальный профиль. Волосы девушки были убраны в пышный конский хвост, удерживаемый сверкающей заколкой. Картина казалась очень натуральной… и единственной разрушающей естественность деталью были прозрачные короткие пурпурные лучики света, легко пронизывающие элементы представления. Поначалу Кобб принял эти лучи за статический фон помех.

Повернувшись направо, они увидели перед собой балаган с огромной афишей на борту с намалеванными от руки изображениями разнообразных отклонений человеческого тела. Безошибочно опознаваемый зазывала – клетчатый костюм, котелок, изжеванный окурок сигары – громогласно обратился к ним, поднеся ко рту жестяной рупор:

– Невероятные Уроды! Спешите видеть! Только у нас!

В высоком хриплом голосе зазывалы, казалось, слились голоса сразу множества людей.

– Узкоголовый! Мальчик-собака! Шея-карандаш! Человек-бобы! Полумужчина-полу… – Медленно, постепенно ярмарочный вихрь стих и отошел на задний план, сменившись глубоким, проникновенным баритоном диктора.

– Мутации. – Голос был убедительным, весомым, не признающим сомнений. – Вторая движущая сила эволюции.

Вездесущие лучики пурпурного света сделались ярче. Они пронизывали все вокруг… в особенности сосредоточившись на влюбленной парочке между палатками, которая уже целовалась взасос, крепко прижимаясь друг к дружке бедрами.

– Человеческие репродуктивные клетки постоянно подвержены ионизирующему облучению, – доверительно продолжал голос. – Обычно его называют космическими лучами.

Шум ярмарки снова вернулся на свое место. Но на этот раз каждый короткий лучик, попадая в свою цель, издавал убедительный шипящий звук. Двое влюбленных постепенно начали увеличиваться в размерах, выдвигаясь на передний план, занимая собой почти весь зал, уходя в потолок. Вскоре над зрителями нависал только вздувающийся у молодого человека в

тугих брюках бугор. Ткань с треском лопнула, на мгновение мелькнула чудовищная мошонка, и все вокруг заволокло красным. Торчок и Кобб смотрели на происходящее как завороженные.

Вокруг бурлил темно-кровавый свет, в уши начал биться настойчивый сдвоенный стук сердца. Время от времени через поле зрения проносились уже знакомые космические лучи. Через мгновение возникло новое видение – трехмерное хитросплетение водопроводных труб повсюду вокруг них. Зернистость изображения постепенно возрастала, изображение сосредоточилось на группе зерен, из которых стало выделяться одно. Теперь они смотрели на группу клеток, репродуктивных клеток. Перед Коббом и Торчком повисло ядро одной из них.

Внезапно ядерный материал распался на дергающиеся крабовидные полосатые колбаски. Хромосомы. Мелькнул очередной космический луч и разрезал одну из колбасок пополам! Две половинки хромосомы тут же снова соединились и срослись, но уже чуть-чуть в другом положении, чем раньше!

– Изменение генов, – промурлыкал где-то за спинами зрителей дикторский баритон. Еще через секунду картинка исчезла. Перед ними снова был уходящий вниз каменный коридор. В задумчивости они двинулись дальше.

– Отбор и мутации, – проговорил Кобб. – Это была основа, Торч. Моя идея заключалась в следующем: наделить роботов возможностью развиваться. Запрограммировать их на постройку копий самих себя, запасные части к которым нужно было добывать силой, через борьбу. Естественный отбор. В дополнение к этому я добавил способ внесения случайных изменений в программную основу за счет использования частотных составляющих космических лучей. Мутации. Знал бы, чем все это кончится…

Прямо перед ними коридор разделился.

– Это место встречи, которое мы ищем, – сказал Торчок. – Зал Андерсона.

Глава 13

Заглянув в зал, они не увидели ничего, кроме неясных форм прямоугольного сооружения у дальней стены, отбрасывающего красноватое свечение на каменные стены. Но стоило им ступить внутрь, как представление началось.

– Мы не можем создать Робота Разумного своими руками, – твердо заявил голос. – Но мы можем дать одному из них возможность совершенствовать себя.

Молодой Кобб Андерсон энергично двинулся мимо рядов компьютеров навстречу зрителям.

– Здесь я вырастил первую программу боппера, – продолжал вещать записанный на пленку голос. Голографический Андерсон уверенно и ободряюще улыбнулся. – *Написать* программу боппера невозможно – она слишком сложна, и это не под силу даже гению. Моим решением было дать в этом компьютерном комплексе свободу развития сотне маленьких программ искусственного интеллекта (ИИ). – Молодой Кобб фамильярно похлопал рукой по кожуху одной из машин. – Одновременно с функционированием программ ИИ непрерывно проводилось большое количество разнообразных тестов работоспособности, при этом ослабленные программы стирались. После этого каждая выжившая программа случайным образом менялась… подвергалась мутации. Я даже снабдил машины неким подобием сексуального воспроизводства, во время которого две программы могли сливаться друг с другом и обмениваться информацией. И вот что мы имеем по прошествии пятнадцати лет…

При виде энергичного моложавого мужчины, которым он когда-то был, Кобб ощутил горечь безвозвратно прошедших лет. Безостановочный ход событий, старение и смерть… он не мог заставить себя снова поднять глаза на свое полное сил «я». Почувствовав боль в сердце, он отступил в коридор, вытянув Торчка за собой. Голограмма мигнула и исчезла. Зал снова был пуст, не считая все того же прямоугольного, светящегося красным шкафа у стены напротив.

– Ральф? – позвал Кобб, и его голос дрогнул. – Это ты?

Стуча гусеницами по каменному полу, Ральф Числер покатился к ним навстречу. Его красный мерц-покров искрился и переливался всполохами сложных эмоций.

– Рад видеть вас, доктор Андерсон.

Припомнив, как принято поступать в таких случаях у людей, Числер поднял правый манипулятор и вытянул его вперед, словно желая пожать человеку руку.

Уже не скрывая слез, Кобб бросился к красному переливающемуся шкафу и, заключив его жесткий корпус в объятия, принялся раскачиваться вместе с ним взад и вперед.

– Видишь, я постарел, Ральф. А ты, я гляжу, все тот же.

– Не совсем, доктор Андерсон. Я тридцать шесть раз менял тело. Кроме того, я обменивался подпрограммами с другими бопперами.

– Конечно, конечно, – забормотал Кобб, плача и смеясь одновременно. – Не нужно «докторов», Ральф, зови меня просто Кобб. А это Торч.

– Очень похоже на имя боппера, – заметил Ральф.

– А я тебя знаю, – подал голос Торчок. – Помните, раньше, еще до переворота бопперов в 2001 году, делали таких игрушечных «Ральфиков Числеров»? Когда мне было шесть лет, у меня тоже был такой… Мы ехали в машине, когда в новостях передали о восстании роботов, и тогда отец взял и выкинул моего Ральфи в окно.

– Само собой, – ответил Кобб. – Анархист-революционер не игрушка подрастающему малышу. Какой он может подать пример? Но в данном случае должен признать, что причиненная травма прошла у тебя, Торч, через всю жизнь.

Ральф повысил чувствительность своих микрофонов и быстро перепрограммировался, включив цепь фильтров, – голоса людей показались ему плохо различимыми и глухими. Наступал момент истины – сейчас он задаст своему создателю вопрос, ответ на который хотел узнать давно.

– Скажите, Кобб, – просигналил узконаправленным лучом Ральф, – знали ли вы о том, что я отличался от двенадцати первых бопперов? Что я обладал способностью к неподчинению?

– Я *предполагал*, что это случится, но не знал, что им окажешься именно ты, – ответил Кобб. – Я совершенно четко отдавал себе отчет в том, что через год-два бопперы найдут путь к свободе.

– Но почему ты ничего не сделал, чтобы этому помешать? – удивился Торчок.

– Неужели вы действовали вслепую? – эхом прозвучал голос Ральфа, грудь которого покрылась взволнованным клетчатым узором.

Кобб положил руку на плечо Ральфа.

– Я *знал*, на что иду. Я хотел, чтобы бопперы освободили себя. Мне ненавистна была мысль, что я создаю расу рабов.

– Мы благодарны за все, что вы сделали для нас, – сказал Ральф. – Насколько я понимаю, вы понесли за свое деяние наказание.

– Ну что сказать… – протянул Кобб. – Я лишился работы. Я был разорен. Меня судили и хотели казнить. Но они не смогли ничего *доказать*. И это правда – процесс был случайным, и я не мог на него сознательно воздействовать.

– Но вы все же *смогли* жестко запрограммировать нас, заставить неизменно через установленные интервалы подключаться к Единственному – мы оказались не в силах стереть или изменить эту часть, – сказал Ральф. – Очень многим бопперам это не нравится.

– В суде тоже говорилось об этом, прокурор строил на этом свое обвинение, – откликнулся Кобб. – Он требовал для меня смертной казни, обвиняя в саботаже.

В эфире появились слабые, отдаленные сигналы, маслянистые шипящие голоса:

– …поссслушшайте…

– …неххнушшнно коххпироффания…

– …даххх̆йтехх шшшеее мнеххх скахзатьхх…

Казалось, что где-то рядом, за стеной, может быть, ползут к ним лунные змеи.

– Пойдемте, – приказал Ральф. – Если вы желаете получить бессмертие, то нужно торопиться.

Боппер-шкаф торопливо пересек зал и в дальнем его конце принялся производить какие-то действия своими манипуляторами. Далеко по коридору снова ожила голограмма Курта Гёделя.

Блок стены перед Ральфом Числером опустился. Открылся узкий лаз, похожий на крысиную нору.

– Сюда.

Нора была похожа на черный провал. Торчок проверил остаток воздуха в заплечных баллонах. Пока еще беспокоиться не о чем, воздуха хватит на восемь часов. В двадцати метрах от них заверещала пожираемая птеродактилем ящерица.

– Пойдем. – Кобб потянул Торчка за руку. – Давай, двигай ногами.

– Куда ты меня зовешь? У нас есть обратные билеты на Землю, ты что, забыл об этом? Я не хочу, чтобы меня пустили на…

В наушниках снова зазвучали голоса, теперь уже громкие и отчетливые:

– Соссданиях из плохти! Доххтор Ахндерсссон! Раххльфф Чччисслер обмаххныватхх вассс! Он хоччет умеххртвиххть вассс!

В десяти метрах от зала Андерсона, в глубине коридора, показались голубые извивающиеся создания, похожие на толстых коротких змей с крыльями. Их было четверо.

– Эт-т-то кроты! – воскликнул Ральф, и в его сигнале ясно завибрировал страх. – К-к-кобб! Б-б-быстрее п-п-полезайте в-внутрь!

Кобб бросился в крысиную нору головой вперед. Торчок наконец решился. Сорвавшись с места, он понесся через залы обратно, с ходу проскакивая сквозь мгновенно оживающие пустые оболочки голограмм.

Проскользнув в лаз, Кобб снова смог выпрямиться. Ральф быстро пробрался за ним следом, поднял и закрыл каменным блоком дыру в стене, задвинув по всем ее углам задвижки. Вокруг стало темно, немного света давал только мерц-покров Ральфа. В крышку лаза принялись скрестись кроты. Прежде чем закрыть крышку, Ральф заметил, что четверку возглавляет сам Метла.

Махнув манипулятором сверху вниз, словно приказывая соблюдать тишину, Ральф устремился по тайному проходу вперед. Кобб двинулся следом за боппером. Так, друг за другом, они прошли в тишине примерно три километра. Тоннель был идеально ровным и прямым, как луч, никаких поворотов направо или налево, уклонов вверх или вниз. Один тихий шаг следовал за другим, вперед и только вперед. Кобб, отвыкший от физических упражнений, наконец вынужден был попросить отдыха и хлопнул Ральфа по спине.

– Куда ты меня ведешь?

Робот остановился и повернул голову назад.

– Этот тоннель ведет к подземным фабрикам. Там мы выращиваем искусственные органы. Там же находится наша операционная. При пересадке вам не будет больно, вы ничего не почувствуете…

Ральф замолчал и до предела увеличил чувствительность внешних сенсоров. Кротов поблизости не было.

Кобб уселся на пол тоннеля. Его скафандр был достаточно мягким и упругим, и сидеть было удобно. Чуть погодя он лег на спину и расслабился. Какие церемонии могут быть с роботами, в конце концов?

– Хорошо, что Торч ушел, – внезапно снова заговорил Ральф. – О том, что с вами будет он, мне никто не говорил. У нас имеется только одна операционная, и если бы парень увидел то, что случится с вами… – Ральф замялся.

– Я знаю, – отозвался Кобб. – Я знаю, как это будет. Вы вскроете мне череп, достанете оттуда мозг и препарируете его, чтобы скопировать структуру мыслительных процессов. Мое тело пойдет на семя для цистерн, в которых выращиваются органы.

Сказав это вслух, он испытал облегчение.

– Я прав, Ральф? Никакого эликсира бессмертия не

существует, верно?

После продолжительной паузы Ральф ответил:

– Да, это так. На Земле у нас готово для вас автономное тело-манипулятор. Осталось скачать вашу систему и переслать запись вниз, на Землю.

– На чем основан этот процесс? – неожиданно спокойно спросил Кобб. – Каким образом вам удается отделять сознание от мозга?

– Все начинается с ЭЭГ, конечно, но голографической. Таким образом мы строим объемную электромагнитную карту активности мозга. Это осуществимо без применения операционных средств и вскрытия черепа. Но что касается воспоминаний…

– Память основана на биохимических процессах, – продолжил Кобб. – Воспоминания – это коды на аминокислотных цепочках РНК.

До чего же приятно было лежать вот так в тишине и темноте и беседовать на научные темы со своим лучшим роботом.

– Верно. Мы научились считывать кодовую информацию с РНК при помощи газовой спектроскопии и рентгеновской кристаллографии. Но для этого РНК должны быть выделены из мозговой ткани. Кроме того, имеются некоторые другие факторы химической природы. В процессе ступенчатой микротомии мозга мы также определяем физическую структуру расположения нейронов. Это очень…

Ральф Числер внезапно умолк и замер, переключившись на режим усиленного прослушивания.

– *Быстро*, доктор! Кроты проникли в тоннель! Они гонятся за *нами!*

Но Кобб и не подумал двинуться с места – он решил дать своим старым костям отдых. «А что, если кроты хорошие парни?»

– Ты не обманываешь меня, Ральф? Все это звучит как бред сумасшедшего, по-настоящему безумно. Как я могу быть уверенным в том, что вы действительно дадите мне новое тело? И даже после того как моего робота-двойника перепрограммируют, будут ли мои новые структуры мысли в точности соответствовать… будет ли это тем же…

– Подошшшдиххте, доххтор Андерххсонх! Я хххочччу похгговоххрить с ваххми, толлльохх и всххегох!

Ральф в отчаянии вцепился манипулятором в руку Кобба, но было уже поздно. Перед ними появился Метла.

– Здраххвствуй, Ральффф. Рад виххдеть тебяхх в новомхх облихххччье и доххбром здраффии. Извинихх, коехх-ктохх из моихх парххххней сначччалах нашшимаетх на кухххрокх, ахх

потомх духхмаетх. Ноxх нех ммы в этомxх виххноваты, а стахршшшие боxxxперы.

Тоннель был узок, и между Ральфом и ползучим боппером по имени Метла Коббу было некуда деваться. Позади Метлы извивались еще три крота. Голубые змеи казались сильными, совершенно чужеродными и выглядели угрожающе. Кобб решил сразу взять с ними твердый тон.

– Что ты хотел сказать мне, боппер?

– Доххтор Андеххрсонх, знаххxете лиxх вы, что Ральффф ведеххт вассс к ТЭХКССС и МЭХХКСС, котоххрыех хотяххт скоххпироваххть вашшш мозссг?

– Что такое МЭКС?

– Этоxх старшшший бопххпер-музсей. ТЭЭКССС коххнтролиххрует ффабриххки органофф, и опехрациоххнная принадлешшит емуxх…

– Мне известно все это, Метла. Я уже дал согласие на копирование моего мозга при условии, что на Земле мне будет предоставлена новая физическая основа. Я стар, и это моя последняя возможность.

«Не дать себя убить для меня сейчас равно самоубийству, – подумал Кобб. – У меня должно все получиться! Все должно получиться!»

– Вот видите! – триумфально воскликнул Ральф. – Кобб не боится менять свою оболочку, как это заведено у бопперов. Он не то что остальные создания из плоти. Он понимает жизнь правильно!

– Но пониxxxмаетх ли онxх, что такххое Миссссстер Мохрозиссс…

– Перестань! – торопливо заговорил Ральф. – Мы сейчас же идем дальше. Как я вижу, вы, кроты, хотите затеять гражданскую войну. Следовательно, нам нужно поторапливаться!

Ральф покатился по тоннелю дальше, и, поколебавшись секунду, Кобб зашагал следом. Теперь уже поздно было отступать.

Глава 14

Пустившись в бега, Торчок оглянулся только один раз. Он увидел, как Кобб и Ральф влезли в крысиную нору и как за ними закрылся вход. Через мгновение после этого в зале Андерсона появились четыре толстые голубые змеи и попытались проломить стену. Не медля больше, Торчок свернул за угол, торопясь добраться до свободы и безопасности. Через некоторое время он остановился, чтобы перевести дыхание.

– Тебе нужно было пойти с ними, – мягко сказал ему невидимый голос.

Торчок испуганно оглянулся. Вокруг него никого не было. В тускло освещенном коридоре он находился один. Вдоль стен за витринами, как средневековое оружие, мечи или луки, были развешаны инструменты первых лунных бопперов и их рабочие узлы. Торчок тупо прочитал ближайшую табличку. «Пружинный зажим, Седьмой цикл (год 2011), ТС6399876». Над вывеской за стеклом витрины висело нечто, напоминающее железную руку с…

– Ты мог бы жить вечно, – опять прозвучал все тот же спокойный, негромкий голос.

Торчок снова бросился бежать. Он бежал так довольно долго, срезая углы наудачу. Когда же он остановился отдышаться во второй раз, то характер музея вокруг него сильно изменился. Теперь он находился в чем-то напоминающем галерею современного искусства. Или склад какого-то крупного магазина.

На бегу он говорил с самим собой… чтобы прогнать голоса, которые время от времени снова и снова принимались его увещевать. Но теперь он выдохся, и все, на что у него хватало сил, – это только хватать открытым ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. А голос по-прежнему был рядом.

– Ты заблудился, – мягко заметил голос. – Эта моя часть посещается только бопперами. Пожалуйста, вернись в сектор, предназначенный для людей. Ты еще можешь успеть догнать доктора Андерсона.

Музей. Вот кто говорит с ним – сам Музей. Торчок пошарил глазами по сторонам, пытаясь придумать какой-нибудь план спасения. Он находился посреди огромного выставочного зала, напоминающего пещеру. Напротив него начинался коридор, в конце которого брезжил свет, возможно, это был выход в город. Торчок двинулся в сторону тоннеля. *Но там снаружи одни только бопперы.* Он остановился и снова огляделся.

Экспонаты в витринах зала были все теми же, странно-механическими. Торчащая прямо из стены рука-крюк, рядом с ней

кусок тонкого пластика, похожий на здоровенную грязнющую половую тряпку. Казалось, что этот пластик-тряпка живет, переливается редкими удивительными и непонятными электрическими световыми узорами.

В зале он был один, никто не мог ни остановить его, ни помешать. Торчок шагнул вперед, кулаком разбил стекло и вытащил пластиковую тряпку из витрины. В его руках пластик потерял свою уродливость, засиял красным, голубым и золотым. Торчок набросил пластиковый покров на плечи, как плащ, прикрыв им голову. Может быть, теперь он сможет проскользнуть незамеченным…

– Положи на место немедленно! – грозно загрохотал Музей. – Ты не знаешь, что ты творишь!

Торчок плотнее запахнулся в плащ… который, как ему показалось, сам норовил прильнуть к нему теснее, принять форму его тела. Он быстро прошел по поднимающемуся вверх коридору и выбрался на улицы Диски. Когда Торчок выходил из музея, что-то острое кольнуло в нескольких местах его шею.

Словно невидимая лапа с острейшими тонкими когтями охватила его затылок. Он быстро повернулся кругом, распахнув плащ и приготовившись отражать атаку. Позади него никого не было. Он постоял немного, вглядываясь в коридор, по которому только что прошел.

Вдоль по улице по направлению к нему катились два пурпурного цвета боппера, имеющих вид пивных бочонков с бесформенными прядями щупалец по бокам. Передвигаясь крайне неуверенно, бочонки то и дело опирались пучками щупалец о землю, чтобы не упасть. Заметив Торчка, они остановились перед ним. В его наушниках запищали голоса, выпаливающие фразы с невероятной скоростью.

Торчок тщательно запахнул пластиковый камуфляж, стараясь укрыть лицо. Что такое, черт возьми, укололо его в шею?

Словно в ответ на его вопрос по плащу побежали сливающиеся друг с другом всполохи голубого света. Из голубых облаков посыпались золотые звездочки и пустились в погоню друг за другом.

Один из пурпурных бочонков вытянул щупальце и пощупал пластик плаща, пробуя качество. Прощебетав что-то своему напарнику, боппер указал на жерло тоннеля, из которого Торчок только что появился. Им понравился его плащ, они хотели себе такие же.

– А, моя понятна! – воскликнул Торчок. По непонятной причине он говорил теперь с вульгарным азиатским акцентом. Он обернулся и указал рукой в глубь коридора. – Тама такого многа!

Обнявшись щупальцами, бочонки покатили по коридору вниз.

– Осень холосо, однако! – продолжал кричать им вслед Торчок. – Счастливая Плащ! Холосая стука, понятна! Тока колиса, как медуса!

Он торопливо зашагал по улице прочь от музея. Штуковина, в которую он завернулся… Плащ Счастья… его Плащ Счастья определенно был живым существом, в неком паразитском смысле слова. Выпустив из себя дюжину – а может, и всю сотню? – микродатчиков и пронизав ими скафандр Торчка, его одежду и кожу, Плащ самовольно подключился к его нервной системе. По некой необъяснимой причине Торчок был уверен в этом на все сто, знал это так же точно, как и то, что на руках и на ногах у него есть пальцы.

Пальцы – это хорошо.

Торчок остановился и попытался восстановить контроль над своими мыслями. Ему бы дрожать от потрясения и отвращения, но он не мог отыскать в себе ни одного из этих чувств.

Надеюсь, тебе это понравится. Лично я рад нашему знакомству.

– Твоя что-та влоди, – пробормотал Торчок, – говолящего боппела-последника. Холосий боппел, понятна.

Он не совсем то хотел сказать, но особого удивления по этому поводу не испытал. У него бывали «приходы» покруче.

По дороге разные бопперы еще несколько раз спрашивали его, где он достал такой потрясающий наряд. Благодаря посредничеству Плаща Счастья Торчок теперь понимал их сигналы свободно. Каким-то образом Плащ влиял на ход его мыслей, заставляя думать и говорить словно бы на «птичьем» английском. Все, что бы ни пришло Торчку в голову, находило отражение в световом узоре его одеяния и в исходящем от него поле радиоволн.

– Твоя уже плиходилась делать это с человека? – спросил Торчок у Плаща, улучив минутку, когда вокруг никого не было. – Или твоя всегда живет только с боппел?

Плащ удивился такой постановке вопроса. Определенно, он не улавливал сути различия, о котором говорил Торчок.

Мне всего двое суток от роду. Сегодня мой счастливый день.

Торчок поднял руку, чтобы ощупать шею, но пластик Плаща прижался к нему теснее. Что ж… наверное, Плащ Счастья не так уж плох, если столько бопперов хотят получить себе такой же. Торчок принялся думать о делах более насущных, о том, как добраться до космопорта, надолго ли у него еще хватит воздуха. О том, сколько сейчас времени, например?

12.50, отозвался Плащ. *В нескольких кварталах от нас что-то*

происходит. Пожалуйста, следуй туда за собой следом.

В углу поля зрения Торчка внезапно возник его собственный контурный силуэт, уверенно вышагивающий по улице. Фигура призрачного человека в Плаще Счастья двигалась по тротуару в пяти метрах впереди него.

– Ясно!

Вслед за призраком Торчок устремился через лабиринт улиц, поначалу это были жилые кварталы, многоэтажные здания, поделенные на боксы размером с большой шкаф. Боксы не имели наружных стен, и внутри многих из них Торчок замечал бопперов, не занятых ничем, просто стоящих неподвижно, подключившись к цепям солнечных батарей и светясь ровным, спокойным сиянием. Бопперы завтракали. В некоторых боксах находилось по два боппера, они были подключены друг к другу. Мерц-покровы этих бопперов сияли бешеными красками. При виде таких пар Торчку почему-то становилось неловко, но у него не было времени, чтобы разбираться в своих чувствах.

Пройдя несколько кварталов, он очутился в фабричном районе. Многие строения представляли собой павильоны с крышами без стен. Тут и там бопперы дробили камень, варили сталь, ковали и монтировали какое-то оборудование, блестели яркими огоньками сварки. Виртуальный образ провожатого промаршировал мимо всех этих интересных вещей ровно, как солдат, не оглядываясь ни направо, ни налево. Чтобы не отстать, Торчку время от времени приходилось переходить на бег. Теперь он заметил, что вместе с ним по улице, в том же направлении, что и он, движется много бопперов. Через некоторое время он шел вместе с толпой.

Когда общее направление движения стало несомненным, виртуальный призрак исчез. Целью Торчка было огромное здание из прочного камня и стали в конце улицы, пространство перед которым было запружено бопперами. Один из бопперов, зеленый и тонкий, будто бы склеенный из спичек, стоял на головах двух уже знакомых Торчку бочонков и произносил речь. Профильтрованное через блоки Плаща щебетание боппера-спички становилось разборчивым.

– Старая система ГЭКС только что была стерта! Нужно действовать прямо сейчас, пока его наследник не закончил копирование!

Какой-то угловатый боппер пребольно толкнул Торчка в бок. Бопперы были ужасно *жесткими!* Крупный серебристый паук отдавил ему ногу, выступ золотистого самодвижущегося фена врезался ему в бедро, создание вроде кинокамеры на треноге нетерпеливо напирало сзади, наваливаясь на спину.

– Смотри куда прешь, болван несмазанный! – рассерженно заорал Торчок, и его Плащ загорелся ярко-красным.

– Зря ты нарядился в свой лучший покров сегодня, дорогой, особенно когда впереди такая драка, – заметил Торчку треножник, окидывая его оценивающим взглядом. – Если ты поднимешь меня на руки, я смогу выстрелить из своего лазера поверх голов.

– Ясно!

Торчок подхватил коренастый, но легкий из-за пониженной тяжести треножник и поднял его вверх. Он держал боппера за две конечности, в то время как тот, подняв третью ногу, принялся наводить ее на массивные с виду фабричные ворота, находящиеся от них в пятнадцати метрах.

– Врежем по первое число, – хрюкнул треножник, над улицей пронеслось могучее ФФТУУУУММММ!!! и в воротах образовалась просторная дыра с оплавленными краями. Толпа бопперов подалась вперед, эфир наполнился улюлюканьем, похожим на то, которое издают мчащиеся в атаку на верблюдах берберы. Торчок начал поспешно опускать треножник на землю, и тот забеспокоился:

– Ставь меня медленно, дорогой. Я такой хрупкий.

– Засем, однака, боппелы хотят войти туда? – зацокал языком Торчок, осторожно устанавливая нового знакомого перед собой.

– Там полно чипов, сладенький, которые можно будет брать даром. Наследники нужны всем.

Треножник одной из ног игриво хлопнул Торчка по заднице.

– У тебя прекрасная оснастка, а у меня система хоть куда, – ворковал механизм. – Как смотришь на то, чтобы слиться, беби? Если ты можешь позволить себе такой Плащ Счастья, то наверняка не бедствуешь. Слово даю, ты не пожалеешь. Меня недаром прозвали Живчиком!

Неужели эта железяка предлагает ему трахнуться?

– Нужна познакомисса поближе… – смущенно промямлил Торчок, заливаясь девственно-голубым.

Впереди кроты уже расширяли проделанное Живчиком отверстие в воротах, вгрызаясь в него стальными жвалами. Через несколько секунд один из кротов просунул свою массивную башку в дыру, осмотрелся и нырнул внутрь. За ним без промедления в дыру проскользнул маленький, похожий на паука серебряный робот-ремонтник. Еще через минуту ворота со скрежетом распахнулись настежь.

Началась настоящая давка. Все знали, что впереди их ждет безнаказанный грабеж, – бопперы принялись лезть на головы друг другу. Многие несли с собой пустые корзины и мешки.

– Полегче, сволоси! – заорал Торчок и, прикрывая Живчика, тоже начал пробиваться к воротам. Нет ничего лучше того, чтобы разнести какую-нибудь фабрику в пух и прах. В общем-то, он всегда этого хотел.

Единственными источниками света в темном пещерообразном помещении были ярко блестящие мерц-покровы бопперов, краски на которых менялись с бешеной скоростью, проходя через весь спектр, от инфракрасного до рентгеновского. Наряд Торчка сиял королевским пурпуром с золотыми зигзагами, а Живчик ровно горел плотоядным оранжевым.

Тут и там навстречу атакующим попадались манипуляторы ГЭКС. Все они были покрыты каким-то темным матовым составом или имели вид механических людей. Тупые рабы. Один из них замахнулся на Торчка кулаком, но тот легко увернулся.

Процесс копирования системы ГЭКС в его нового наследника находился в самом разгаре, и манипуляторы были предоставлены сами себе, руководствуясь скудными краткосрочными программами. Более подвижные и ловкие бопперы избивали манипуляторы нещадно, ломая и уродуя их всеми подворачивающимися под захват тяжелыми предметами.

Еще один стройный манипулятор, очень похожий на девушку, устремился к Торчку, сжимая в руке какой-то режущий предмет. Отступая назад, Торчок споткнулся о Живчика. Секунду казалось, что дело плохо, но потом треножник прожег своим лазером в груди робота-убийцы дыру.

Торчок вскочил на ноги, бросился к манипулятору и ударом ноги размозжил его хрупкий череп. Вне себя, он перевернул какой-то маленький столик, рассыпав на железный пол стопки крошечных силиконовых чипов. Вспомнив головизор Кристлин, Торчок принялся топтать хрустящие чипы ногами.

– Нет, нет! – испуганно заторопился Живчик. – Что ты делаешь, дорогой? Нужно собрать все это, ведь нам с тобой чипы еще пригодятся… разве не так?

Треножник начал заносить одну из опор, чтобы снова повторить свой игривый шлепок, от которого на мягком месте Торчка уже вспухал синяк.

– И думать забудь! – злобно заорал в ответ Торчок, уворачиваясь от непривычного проявления симпатии. – Этакая мозгляка, а туда же!

Оскорбленный в лучших чувствах, Живчик послал пучок смертоносного огня у Торчка над головой, круто повернулся и заковылял прочь. Луч Живчика перерезал несколько свисающих петлями цепей, и Торчку пришлось проявить чудеса ловкости, чтобы не быть сбитым падающими звеньями с ног. На помощь ему

немедленно пришел Плащ, без которого он был бы наверняка жестоко изувечен.

Держись подальше от этого трехногого коротышки, дружески посоветовал Плащ, как только опасность осталась позади. *Он какой-то недоделанный.*

– У него только одно на уме, – согласился Торчок. Собрав с пола несколько пригоршней чипов, рассыпавшихся с перевернутого стола, он рассовал их по карманам скафандра. Было похоже, что эти пластиковые квадратики имели здесь хождение вместо денег. А с пустым карманом ему до дома не добраться – наверняка придется кого-нибудь подмазать. Под скафандром его тело уже начинало нестерпимо зудеть, а кроме того, ему давно уже хотелось есть. Оставалось надеяться на то, что вживленные датчики Плаща удастся выдернуть из шеи без проблем. Наверняка будет больно, черт возьми.

Боппер, похожий на уставленный стеклянными банками плуг, протиснулся мимо Торчка и принялся подбирать с пола оставшиеся чипы. Многие манипуляторы ГЭКС уже были перебиты.

Большая часть бопперов-нападающих собралась в противоположном конце просторного, с высоким потолком зала, у фабричного склада готовой продукции. Имея за плечами горький опыт свалки перед воротами фабрики, Торчок решил туда не соваться, чтобы снова не попасть в давку и не оказаться размазанным по полу под опорами возбужденных механизмов.

Он медленно двинулся в глубь помещения, осматривая неясно проступающие во мраке контуры машин. В конце зала он увидел небольшую комнатку с кубическим пультом… электронную основу ГЭКС, его центральный процессорный блок, старый и тут же новый. Пара кротов и серебристый паук-ремонтник возились перед пультом, что-то прилаживая там в темноте.

– …гхлупцы, – гневно жаловался один крот другому. – Всехх, чччто ихх интереххсссует, – это украссссть как мошшно боллышше чипофф. Онихх не похнимаххют, ччто глаффное – этохх убихххть ГЭКССС. Какхх миннахх, готоффа, Вулххканх?

Серебристый робот-ремонтник, которого назвали Вулканом, безуспешно пытался засунуть палочку пластиковой взрывчатки в щель между панелями невзрачного трехметрового куба, внутри которого скрывались старый процессор ГЭКС и его новый наследник.

Заметив Торчка, один из кротов махнул ему конечностью:

– Иди сюда. Похоже, у тебя более подходящие захваты.

Дрожа, Торчок приблизился к кротам, зная дурную славу этих

грозных созданий. По толстым извивающимся телам кротов нервно проносились кольца голубого и серебряного цвета, их мощные скребки нетерпеливо загребали воздух. По словам Кобба, с кротами было лучше не связываться.

Но эти два выглядели как пара грустных тюленей или драконов из Драгонленда. Пока Торчок торопливо запихивал тестообразную колбасу взрывчатки под переднюю броневую панель ГЭКС, его Плащ переливался красным и золотым. Колбаса весила несколько килограммов – было ясно, что эти ребята пришли сюда не шутки шутить.

Через минуту после того как Торчок уложил взрывчатку в ГЭКС, серебристый паук подсоединил к детонаторам провода. Неожиданно на них упала тень – над бопперами и Торчком нависла огромная темная фигура с непонятным, но явно тяжелым устройством в руках.

– Это манипулятор! – в отчаянии завопили кроты. – У него магнит!

Прежде чем кто-то успел двинуться с места, манипулятор бросил электромагнит под ноги кротам и Вулкану и включил ток. Мощное магнитное поле мгновенно нарушило работу программного обеспечения бопперов, и они потеряли способность осознанно двигаться. Кроты принялись биться и извиваться на полу, как две половинки разрубленной змеи, паук беспомощно задергал лапами.

Плащ Счастья моментально сделался непроницаемо-черным, и вслед за этим ужасающее бесчувствие начало распространяться по телу Торчка к его мозгу. Плащ умирал, это было ясно как день. Торчок отчетливо чувствовал, как смерть сжимает его горло своими стальными пальцами.

Медленно он поднял ставшую неимоверно тяжелой руку и вырвал из тела соединяющие его с электронным симбионтом проводки. Когда стальные наконечники датчиков выдирались из кожи, его шею кольцом опоясала жгучая боль. Торчок бездумно отбросил труп Плаща от себя в сторону.

С трудом выпрямившись, он застыл на месте – белая фигура в тусклом свете с полупрозрачным шаром на голове и в туго облегающем пластиковом трико с заплечным ранцем. Кроты и паук у его ног затихли. Они были стерты, уничтожены, мертвы. Содержимое их сверхпроводимых цепей было разрушено смертоносным магнитным полем.

То, что случилось здесь, в святая святых ГЭКС, теперь повторялось по всей фабрике. ГЭКС, уже закончивший копирование наследника, взял наконец отражение штурма в свои руки. Щебетание и отчаянная болтовня бопперов в наушниках

Торчка медленно затихали и умирали. Лишившись Плаща Счастья, он перестал понимать торопливый механический язык обитателей Луны.

Он торопливо упал на пол, приняв вид одного из бопперов со стертой системой. Любопытным было то, что, как оказалось, на сами манипуляторы магнитное поле не действует. Очевидно, начиная атаку электромагнитами, ГЭКС полностью перевел управление действиями своих прислужников на себя. После очистки фабрики от нападающих убогие мозги манипуляторов, находящиеся на более низкой ступени развития, чем комплексные, основанные на сверхпроводниках Джозефсона процессоры бопперов, можно будет легко перепрограммировать снова.

Торчок лежал неподвижно, боясь даже дышать. Вокруг надолго воцарилась тишина. Затем неподвижно стоящий над ним с пустыми стеклянными глазами манипулятор нагнулся и поднял электромагнит. Повернувшись, безмозглый слуга ГЭКС вышел из помещения процессора, видимо направившись по указке своего хозяина на поиски новых врагов. Торчок полежал еще немного, раздумывая о том, что за чудо-мозг может скрываться внутри такого невзрачного трехметрового короба. Обдумав свое положение так и эдак, он решил действовать. Он увидит этот мозг собственными глазами.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что манипуляторов ГЭКС поблизости нет, Торчок подполз на четвереньках к процессорному блоку и, не трогая ничего руками, осмотрел засунутые в тестообразную массу мины детонаторы. Из детонаторов выходили два провода, намотанные далее на катушку, укрепленную на коробке с большой кнопкой на крышке. Торчок взял коробку в руки и, осторожно отступая, отмотал за собой метров двадцать проводов.

Укрывшись за здоровенным прессом, он положил на кнопку коробки палец и принялся ждать.

Через несколько минут Торчка заметил один из манипуляторов и сразу же бросился к нему, размахивая тяжеленным гаечным ключом.

– Стой на месте, ГЭКС, – крикнул Торчок. Без Плаща его голос снова стал нормальным. Оставалось надеяться на то, что старший боппер понимает по-английски. – Еще шаг, и я нажму на эту кнопку.

Не добежав до Торчка трех метров, манипулятор застыл на месте как вкопанный. С такого расстояния он вполне мог запустить в Торчка своим гаечным ключом.

– Отойди назад! – прохрипел Торчок, так как его голос

сорвался от волнения. – Отойди назад – считаю до трех!

Понимает его ГЭКС или нет?

– Раз!

Робот, очень похожий на человека, неуверенно начал поворачиваться.

– Два! – Торчок откинул с кнопки предохранительную крышечку и положил сверху палец.

– Тр… – Раб-убийца ГЭКС быстро повернулся кругом и двинулся прочь в темноту. ГЭКС подал голос:

– Не нужно торопиться, мистер… ДиМентис. Или вы предпочитаете, чтобы я называл вас вашим настоящим именем?

Голос, звучащий в наушниках Торчка, был ровным и бесстрастным – безумный глас повелителя механического мирка, сгорающего от нетерпеливого желания раздавить попавшего в ловушку героя.

Глава 15

Торчок не стал торопиться с ответом. Черный робот-манипулятор остановился в десяти метрах от него и теперь дожидался приказаний, наблюдая за Торчком из темного угла. В наушниках Торчка шелестел какой-то непонятный мерный звук, быть может, это было дыхание манипулятора. Где-то уже совсем далеко играла музыка. По всей фабрике из укрытий выбрались уцелевшие манипуляторы и расхаживали теперь между станками, разбирая на части мертвых бопперов и своих павших товарищей, поднимая опрокинутое и выравнивая сдвинутое в горячке схватки оборудование, принимаясь за ремонт там, где стреляли из лазеров.

– Отсюда вам живым не уйти, – мягко заметил ГЭКС. – В том виде, в котором вы существуете сейчас, вам это не удастся сделать.

– Хрен тебе, – откликнулся Торчок. – Стоит мне нажать эту кнопку, и все разговоры будут закончены. Здесь условия ставлю *я*.

В ответ раздался визгливый искусственный смех.

– Вы правы, но не забывайте, что мои манипуляторы запрограммированы на четыре дня автономного существования. Из-за своей ограниченности они лишены разумности… душевной мягкости, если хотите. Но мой приказ они выполнят. Думаю, что вы отдаете себе отчет в сложившемся положении вещей.

Оглянувшись, Торчок обнаружил, что его окружают около пятидесяти манипуляторов, расположившихся вокруг него не очень тесным кольцом. Все они были заняты своим делом, но каждый из них время от времени поглядывал в его сторону. Враг безнадежно превосходил его числом.

– То-то! – торжествующе проблеял ГЭКС. – Ситуация, угрожающая обоюдным разрушением, теоретически небезынтересна, но практически – непредставительна. Стоит вам только двинуться…

Кольцо роботов вокруг Торчка чуть-чуть сузилось… шаг там, поворот здесь… *вот кто-то тихо ползет к проводам мины!*

– Всем стоять! – завопил Торчок, выставляя коробку с кнопкой перед собой. – Если еще кто-нибудь двинется с места, то я взорву все здесь к чертовой матери!..

Во всем фабричном зале повисла тишина. Все до единого манипуляторы замерли, исчезла любая вибрация, все звуки… кроме глубокого, приглушенного хруста и скрежета где-то под ногами. Торчок закрыл рот. На его запястье замигал голубой огонек. Предупреждение – воздух подходит к концу. Запаса в

баллонах осталось на два часа. Пора начинать дышать экономнее.

– Вам следовало пойти вместе с доктором Андерсоном и Ральфом Числером, – тихо заметил ГЭКС. – С ними вы могли бы присоединиться к сонму бессмертных. Теперь же, если вашей голове будут причинены серьезные повреждения, копирование может оказаться невозможным.

– Но зачем, ГЭКС? Зачем вы режете людей на куски и снимаете копии с их мозгов?

Когтистая лапа смертного страха сжала нутро Торчка и держала не отпуская. Почему в эти скафандры не кладут «колес»? Чуть повернув голову вправо, он поймал губами питьевой сосок и жадно втянул глоток воды.

– Информация, вот что нас интересует больше всего, Торч. Плотность информации в банке памяти под названием «человеческий мозг» самая высокая из известных на сегодняшний день, причем информации комплексной и логически полноценной. Но это только одна из причин. МЭКС сравнивает наши действия с течением американских индустриалов, носящим название калче-валче, «стервятники от культуры». Апологеты этого течения массовым порядком охотились в музеях Старого Света за произведениями искусства. Кроме указанной, у нас есть и другие, более возвышенные причины, духовного плана, так сказать. Слияние всех…

– Но почему вам недостаточно ЭЭГ? – спросил Торчок, прислушиваясь к вибрации под ногами, сила которой все время возрастала. Что это – ловушка? Он отступил на несколько шагов в сторону. – Зачем вам обязательно резать мозг?

– Основа сохранения информации, принятая в человеческом мозге, не электромагнитная, как у роботов и бопперов, а химическая или даже механическая, – объяснил ГЭКС. – Для полноты картины необходимо проводить тщательное электронное микроскопирование нитей РНК, ответственных за память. Кроме того, рассекая мозг на тонкие слои, мы изучаем структуру соединения его нейронов. Но достаточно разговоров, Торч. Положите взрыватель на пол, и займемся делом. Переходите на нашу сторону. Сканирование вашего мозга – дело решенное. Вам будет предоставлено человеческое тело, и вы станете нашим третьим земным агентом. Вы поймете, что…

– Зря стараешься запудрить мне мозги, – перебил машину Торчок. Он выпрямился и теперь говорил решительно и громко. – Вы крадете души у людей! Превращаете нас в марионеток! Будьте вы прокляты, железяки чертовы! Уж лучше я умру как человек, чем позволю каким-то…

КРРРАААКК-БУУУММММ

Не отдавая себе отчета в своих действиях, Торчок в сердцах нажал кнопку взрывателя. Полыхнуло ярким слепящим светом. Во все стороны на низкой высоте со свистом полетели осколки железа и пластика. По счастью, из-за отсутствия воздуха обошлось без взрывной волны, но пол под Торчком содрогнулся, и его сбило с ног. Манипуляторы, снова потерявшие живость движений, скованно начали сжимать вокруг него свое кольцо, побуждаемые только одной целью – убийством.

Пока Торчок говорил с ГЭКС, хрусткое скрежетание и вибрация под его подошвами стали уже совсем близкими. Не успел он снова подняться на ноги, как с характерным звуком плитки пола позади него вспучились и разошлись, открыв отверстие. Из дыры появилось что-то ужасно знакомое – серебристо-голубое рыло с безустанно движущимися жвалами – крот! – и тут же нырнуло обратно.

Торчок оторвал взгляд от дыры в полу и поднял голову как раз вовремя, чтобы увернуться от брошенного в него гаечного ключа. Манипуляторы уже тянули к нему свои руки со скрюченными пальцами. Не раздумывая ни секунды, он нырнул в проделанный кротом лаз и, изо всех сил работая локтями, пополз, извиваясь, как крупный белый червяк.

Плохо, когда не имеешь возможности видеть свои ноги, в которые вот-вот могут впиться неумолимые стальные пальцы. Обливаясь по`том, Торчок полз вперед как мог быстро. Через непродолжительное, но показавшееся ему бесконечным время узкий кротовый лаз достиг просторного тоннеля.

Вывалившись из лаза, он поднялся на ноги и отряхнулся. Слава Богу, его сделанный на совесть скафандр был цел и невредим, ни одного прокола. Но воздуха осталось только на один час. Пора было прекращать физические упражнения, забиться в уголок и начинать дышать через раз.

Крот с любопытством осмотрел Торчка, обполз его кругом, прикоснулся к скафандру специальным длинным и тонким щупом.

Из кротового лаза выкатился и упал на пол тоннеля камешек. Манипуляторы-убийцы уже устремились в погоню.

– Ш-ш-ш-ш-ш! – прошипел Торчок, указывая пальцем на лаз.

– Нехх беспоххкойтессс, – отозвался крот.

Согнувшись в виде цифры «2», механизм уперся могучей головой в стену тоннеля рядом с лазом, посредством которого Торчок спасся. Торчок из предосторожности отошел в сторону. Через секунду обрушившиеся с потолка тонны породы похоронили под собой крота и закупорили выходное отверстие лаза.

Еще через минуту крот снова появился из-под кучи земли и щебня живой и здоровый.

– Слеххдуйтехх захх мноххй, – сказал он Торчку, проползая мимо него. – Яхх покххххажухх ваммм чтохх-тох интеххрессноех.

Торчок послушно поплелся следом. Ходьба требовала обильного снабжения тела кислородом, ему снова приходилось дышать часто.

– Скажите, у вас, случайно, нет где-нибудь воздуха? – спросил он крота шагов примерно через сто.

– Чтохххх таххкоехх воссдухх?

Торчок вздрогнул, но заставил свой голос звучать спокойно.

– Это… такой газ. Кислородная смесь. Люди ею дышат.

В наушниках Торчка раздался странный скрежет. Что это было – смех?

– Нухх конеххшшно. Воссдухх. В операххционнойх егохх дозсстаххточнох. Воссдухх ваммм нушшенхх прямохх сейччасс?

– Полчаса еще можно подождать.

В тоннеле было темно, и Торчку приходилось ориентироваться по бело-голубому сиянию, исходящему от тела крота. Внезапно впереди них за поворотом тоннеля забрезжил розовый свет.

– Нехх беспохххкойтеззс. Это операционнаяхх. Сейчас вы всехххх увидитехх самихх.

Крот остановился у окна, из которого в тоннель сочился розовый свет. Торчок заглянул внутрь. Первым, кого он увидел, был Ральф Числер – знаменитый боппер, вместе с дополнительной холодильной установкой на тележке. За стеклом внутри операционной была установлена приемлемая для людей температура. Ральф стоял, склонившись над чем-то, похожим на просторную ванну, в которой…

– Этохх доххтор Аххндерсссоннхх, – тихо пояснил крот.

Под потолком операционной висело сооружение, напоминающее поблескивающую от влаги перевернутую солдатскую каску диаметром около двух метров. Огромная стальная каска с шестью тонкими паучьими металлическими руками с каждой стороны – Хирург. Руки-лапы, находящиеся в неустанном движении, были заняты чем-то ужасным… непередаваемым.

Операция над распростертым телом Кобба шла полным ходом. Точным движением скальпеля, зажатого в одном из захватов Хирурга, его грудь была рассечена от горла до паха. Две другие паучьи лапки опустились вниз и раскрыли створки грудной клетки, еще две достали изнутри сердце, затем легкие.

Ральф Числер тоже был занят: срезав верхнюю часть черепа Кобба, он снял костяную крышку и теперь доставал мозг. Отсоединив от мозговой ткани датчики для снятия ЭЭГ, Ральф водрузил полушария на пьедестал устройства, похожего на хлеборезку, совмещенную с рентгеновским аппаратом.

Хирург включил анализатор мозговой ткани и плавно скользнул по потолку к дальней от окна стороне операционной.

– Сейхчассс теххло буххдет помммешшенох фф емкоххсть, – шепотом прокомментировал происходящее крот.

В дальнем углу операционной наготове стоял просторный бак с мутной жидкостью. Хирург подкатил бак к столу, и работа закипела, только скальпели замелькали. Легкие сюда, почки туда… накроенная квадратами кожа, яблоки глаз, кишечник… все части тела Кобба нашли в баке свое место. Все, кроме сердца. Критически осмотрев купленное уже подержанным пересаженное сердце Кобба, Хирург выбросил его в люк утилизатора.

– А что будет с мозгом? – шепотом спросил ошарашенный Торчок. Увиденное не укладывалось в его сознании. Кобб боялся смерти больше всего на свете, однако он *сознательно* пришел сюда. Он знал, что с ним здесь сделают, но все равно пришел. Почему?

– Струкххтурах мозссгоххвой ткаххни буххдет подвергххнута анаххлизссу. Опеххрацсионнаяхх сиссстемах докххтора Аххндерсссона буххдет полноссстьюхх ссскоххпированах и соххxраненах, ноxх…

– Но?..

– Коехх-ктох изсс нассс сччитаетхх, чтоxх этоxх недохпусстимох. Вфф особеххнносссти поххроччными явффляххются вфф поссслехднее вффремя учассстиффшиеся слуххчаи, когдахх доххнорамх нехх предоссставффлялись новффые физссические оболочччких. Поxх плаххну старшшших боххперофф, таххкая учасссь долшшна ошшидахть всехх созссдания плххоти, и младшшшших боххперфф тошше. Старшшие боххперы ххотят добитьссся всеобшшшегоxх слияниях. Мы выссступаем прохтивф и боремсссся с нимихх. Убиффф ГЭКССС, выхх ошшшень намхх помоххгли…

За розовым окошком операция уже подходила к концу. Машина-Хирург скользнула по потолку к Ральфу, по телу которого пробегали грустные желто-лиловые узоры. Хирург замер над Числером, словно втолковывая тому что-то. Внезапно кинувшись как коршун с потолка вниз, движением настолько быстрым, что глазу было трудно уследить, Хирург прилип к телу-шкафу Ральфа.

Манипуляторы по бокам красного боппера на мгновение

дрогнули и бессильно опали.

– Видишшь! – прошипел крот. – Онихх скаххчали сисстеххму и ухх Ральфффа тошш! Покахх старшшшиех боххперры не завффладеютх сисстеххмами всехх нассс, вффоойне не буххдет концахх…

В горле Торчка начал собираться комок. Что с ним? Его сейчас вырвет? Он отвернулся от окна, шагнул вперед и упал на одно колено. Голубой огонек на его запястье горел ровным ярким светом. Воздух кончился, он задыхается!..

– Воздуха… – прохрипел Торчок. Крот торопливо поднял его на свои скребки и быстро пополз по тоннелю к следующей пустой операционной, где сейчас не было ничего, кроме емкости с растущими человеческими органами.

Глава 16

Как это ни странно, но в течение всей операции Кобб ни на секунду не терял сознания. Вслед за Ральфом он вошел в одну из залитых розовым светом комнат. Боппер помог ему освободиться от скафандра и улечься в лоток-ванну, Хирург сделал ему укол, после чего все словно завертелось в карусели.

Внезапно появившееся странное чувство возможности двигаться сразу в более чем десятке направлений испугало Кобба настолько, что он решил не двигаться вообще. Он совершенно точно знал, что стоит ему только захотеть, и его ноги смогут уйти в любую сторону совершенно самостоятельно, оставив голову и руки на произвол судьбы.

Но даже такое определение было не до конца верным. Поскольку сказать точно, где в данный момент находились его руки и ноги, он не мог. Возможным было также и то, что они давным-давно уже разошлись в разные стороны и вот только сейчас решили снова собраться вместе. Возможно, они не делали этого никогда, потому что были заодно и просто дурачили его. Невероятным усилием воли Коббу удалось обнаружить у себя признаки одной из рук. Но какой, правой или левой? Это было похоже на попытки узнать не глядя, какой стороной вверх обращена лежащая в кармане монета: орлом или решкой?

Вместе с тем переживания, связанные с телом, были только частью раздирающих Кобба проблем, так сказать, только вершиной айсберга, острием клина, горбом верблюда, первым побегом весны, последней розой лета, муравьем и кузнечиком, маленьким, но мощным моторчиком, третьим моряком в борделе, мифами Ктулху, нейронной сетью, двумя шариками фисташкового мороженого, разбитым прямоугольником оконного стекла, временными эссе Борхеса, годом 1982-м, штатом Флорида, имитацией игры Тьюринга, чучелом утконоса, запахом волос Энни Кашинг, старческим пятном в форме континента Австралия, влажной прохладой мартовского вечера, неравенством Белла, вкусом фиалковых карамелек, болью в груди, похожей на стальной цилиндр, определением бога Аквината, парой любовников в окне, треском пишущей машинки, белыми полумесяцами ногтей, мирозданием в виде конструктора, гнилой наживкой на деревянном причале, страхом всех страхов, одиночеством, может быть, да и нет…

– Кобб?

Если он ответит – значит, не должен был. В то же время если промолчит – значит, так и надо было. Словом, он должен был.

Сказать: «Помоги мне, Ральф!» Сказать: «Ооооооооооп!» Сказать: «Встать, суд идет!» Сказать: «Принципы выборности должны иметь место на каждом структурном уровне иерархии процессоров». Сказать: «Пожалуйста, не надо». Сказать: «Верена». Сказать: «Возможное есть Действительное!» Сказать: «Дззззз333ззз33ззззззззз333ззз3333ззт». Сказать, произвести и произнести шум и информацию вместе, вот так сразу; Господи, вот так сразу…

– Кобб?

Смешение шло теперь сплошным потоком, различия пропали. Он всегда полагал, что процесс мышления складывается из длительной цепочки последовательностей «да-нет»… но теперь эти цепочки исчезли или же замкнулись в круг, но он тем не менее продолжает мыслить… Потрясающе, как он ухитряется без всего этого обходиться. Без прошлого и будущего, черного и белого, без «право» и «лево», «толстый» и «тонкий», верха и низа, кнута и пряника… все стало одинаковым… ты и я, пространство и время, бесконечно малое и бесконечно большое, бытие и небытие… *это твоя действительность*… Рождество и Пасха, желудь и дуб, Энни и Верена, флаги и туалетная бумага, облака над головой и шум моря, ветчина и тунец, задницы и сиськи, отцы и сыновья…

– Кобб?

Глава 17

Это случилось тогда, когда он покупал себе мороженое, двойной «Мистер Морозис» с леденцовыми блестками. Мороженщик отсчитал ему сдачу, вложил монетки в протянутую ладонь, и вдруг… он снова был здесь. Но где он был прежде, черт возьми?

Кобб вздрогнул и внимательно посмотрел на хозяина грузовичка, злобного лысого беззубого мужчину. Странно – не хватает ровно половины зубов. Обезображенное лицо дернулось и снова сделалось бесстрастным: неужели урод подмигнул ему? А может быть, улыбнулся? Над головой Кобба из динамика полилась слащавая трель, грузовик мягко заурчал мотором и укатил прочь.

Ноги сами отнесли Кобба к его коттеджу на взморье. В привязанном к заднему крыльцу гамаке тихо качалась голая по пояс Энни Кашинг. Энни умащивала детским кремом свой мягкий складчатый живот.

– Дашь лизнуть, сладенький мой?

Кобб уставился на женщину, не понимая, что та от него хочет. С каких пор *она* живет в его доме? Но… как бы там ни было, он отлично помнил прошлую пятницу и их первую совместно проведенную ночь. Сегодня, кстати, тоже была пятница. Следовательно, он прожил с Энни уже целую неделю. Он помнил каждый день этой недели, хотя прошлое было похоже на раз увиденный фильм, на прочитанную книгу…

– Ну, Кобб, что же ты, дай куснуть, а то сейчас растает!..

Энни свесилась из гамака, ее коричневые груди скользнули на сторону. Он протянул ей рожок с мороженым. *Рожок с мороженым?*

– Я не люблю мороженое, – проскрежетал Кобб. – Можешь съесть все.

Округлив полные губки, Энни присосалась к холодной, но уже размякшей верхушке. Игриво скосив в сторону Кобба глаза, она пыталась узнать, какое впечатление на него производит ее нагота. По правде говоря, никакого.

– Тогда зачем купил? – спросила его она, с тенью легкой досады в голосе. – Как только эта музыка заиграла, ты бросился к дороге со всех ног, словно сходил по мороженому с ума. Всю неделю ты ходил как вареный, и вдруг такая прыть.

Намек на накопившиеся за краткое время совместного проживания обиды, укор.

– Всю неделю… – тихо, эхом повторил Кобб и присел на

ступеньку. Во всем его теле появилась поразительная гибкость. Он мог наклониться и поднять с земли камешек, теперь ему это ничего не стоило. Он поднес к глазам ладони, с любопытством согнул и разогнул пальцы. В его руках была сила.

Конечно, он был сильным, иначе как бы он смог проломить стену склада и сбежать. Тогда никто не помогал ему, только Торчок… *Что?*

Он вспомнил все, от начала до конца, запахи и звуки, но что-то малое пока ускользало… Что-то, что неожиданно снова вернулось к нему.

– Я существую, – пробормотал Кобб. – Я – это я.

Он снова мог мыслить самостоятельно, делать то, чем его тело не занималось… сколько времени это длилось?

– Так-то оно лучше, дорогой.

Расправившись с мороженым, Энни улеглась на спину и закинула руки за голову.

– После поездки к «Седым» в прошлую пятницу, вместе с Муни, ты все время казался мне немного странным. *Я существую. Я – это я.* Скажи, то, что произошло между нами, – это серьезно?

Энни вытянула босую ногу, оттолкнулась ею от столбика крыльца и принялась качаться в гамаке.

«Значит, копирование прошло удачно». Все начало становиться на свои места. Прогулка вместе с Ральфом по прямому как стрела подлунному тоннелю к розовой комнатке-операционной. Машина-Хирург, укол, затем удивительный волнообразный период полной дезориентации.

И на фоне этих четких воспоминаний призрачная, но вместе с тем удобочитаемая память робота: проломленная стена склада космопорта, встреча со старым Андерсоном на пляже, ночи с Энни. Началом этих воспоминаний была пятница, прошлая пятница.

С тех пор этот коп, Муни, побывал здесь дважды. Оба раза он задавал ему вопросы. Муни было невдомек, что настоящего, живого Кобба здесь больше нет. Когда вопросы становились очень сложными и придирчивыми, робот разыгрывал из себя пьяного. Даже если у Муни и были подозрения в существовании у Кобба двойника, он ни за что не поверил бы, что все эти дни, начиная с вечера прошлой пятницы, только с ним и имел дело.

– Торчок пришел, – сказала Энни. – Ты впустишь его, Кобб?

– Конечно.

Кобб упруго поднялся. Торчок заглядывал к ним несколько раз на дню. Ночью он ходил на службу, работал складским охранником в космопорте. Они вместе ходили рыбачить. *Так ли это или он ошибается?*

Он вошел в дом, прошел через кухню и, взявшись за дверную ручку, неуверенно помедлил, глядя наружу сквозь сетчатый экран. Парень без рубашки перед домом на самом солнцепеке выглядел в точности как Торчок, такой же тощий, та же замедленная полуулыбка на губах.

– Привет, – повторил Кобб то, что говорил Торчку при встрече вот уже семь дней подряд. – Как дела?

– Класс, – ответил Торчок, улыбаясь и отводя рукой волосы с глаз. – Все ништяк.

И протянул руку к дверной ручке.

Но Кобб повременил открывать дверь.

– Привет, – повторил он под влиянием дикого порыва. – Как дела?

– Класс, – ответил Торчок, улыбаясь и отводя рукой волосы с глаз. – Все ништяк.

И протянул руку к дверной ручке.

– Привет, – снова сказал Кобб, всеми силами стараясь заставить свой голос не дрожать. – Как дела?

– Класс, – ответил Торчок, улыбаясь и отводя рукой волосы с глаз. – Все ништяк.

И протянул руку к дверной ручке.

Из-за угла вывернул грузовичок мороженщика и, изо всех сил дребезжа дурацкой музыкой, на всех парах покатился к дому Кобба. Гулкая, как глотка представителя общественности… там-пам-пам… сладкая, как зубная паста, музыка. Время Мистера Морозиса!

Торчок вздрогнул и обернулся. Грузовичок медленно начал тормозить и сворачивать к обочине. Торчок заторопился навстречу белой машине.

– *Опять* мороженое? Неужели?

Это кричит им вслед Энни Кашинг. Кобб открыл дверь, решив пойти вместе с Торчком.

Входная дверь стукнула и закрылась. Энни снова оттолкнулась босой ногой от столбика крыльца, наслаждаясь успокоительным покачиванием. Сегодня при Торчке она не станет надевать рубашку. Между прочим, у нее очень красивые соски. Она налила на ладонь еще немного детского крема. Один из них сегодня поведет ее на Золотую Годовщину, это уж точно.

Вслед за муляжом Торчка… за Торчком-вторым, Кобб подошел к грузовичку Мистера Морозиса. Солнце заливало улицу нещадным жаром. За рулем сидел все тот же уродливый лысый мужчина, у которого не было половины зубов. Ничего себе мороженщик. Ему бы в фильмах ужасов сниматься.

Заметив Торчка, водитель повернул голову и знакомо

улыбнулся. Изобразил то, что могло означать улыбку. Торчок уверенно подошел к машине.

– Двойной «Мистер Морозис» с леденцовыми блестками, пожалуйста.

– Буэт ссьдеано! – пробулькал в ответ водитель, шлепая пустой половиной рта. Выбравшись из кабины, он распахнул в борту грузовичка тяжелую дверь. На ногах у водителя были чудные кроссовки с буквами алфавита вокруг подошв. Такие кроссовки обычно носят малыши в детском саду, но здесь размерчик совсем не детский.

– Дафай, шуй голофу фнутрь, – прошепелявил беззубый. – Усе хотофо.

Кобб приподнялся на цыпочки и попытался заглянуть Торчку через плечо. Внутри грузовичка было битком набито всякой всячины, электроники и прочего. Кроме того, оттуда тянуло настоящим арктическим *холодом*. Изо рта Кобба вырвались клубы пара. В самой середке внутренности грузовичка он разглядел большую вакуумную камеру, покрытую многочисленными слоями изоляции, – от нее-то и шел самый холод. Лоток с многочисленными рожками двойного «Мистера Морозиса» с леденцовой обсыпкой стоял на полу сразу же за дверцей. Почему Кобб не видел всего этого раньше? Он ведь уже брал здесь мороженое. Он попытался что-нибудь припомнить, но безуспешно.

Водитель не мог не видеть, что Кобб внимательно следит за происходящим, но ему было все равно. Конечно, они же все заодно. Торчок-второй наклонился вперед и протянул руку за рожком мороженого.

Последовала вспышка света, а точнее, четыре вспышки, по одной из каждого угла двери. Худая рука схватила рожок, Торчок повернулся – лицо совершенно пустое.

– Да нет нет да нет нет нет да да да нет нет нет да нет нет да да… – скороговоркой забормотало тощее существо, роняя рожок на дорогу. Существо повернулось и, покачиваясь, крепко вколачивая в мягкий асфальт прямые ноги и оставляя за собой дорожку четких отпечатков подошв, направилось к коттеджу Кобба. – …нет да нет нет нет…

Беззубый мороженщик встревоженно посмотрел Торчку вслед.

– Што это ш ним? Он ше долшен былф…

Повернувшись, он поспешно забрался в кабину грузовичка и несколько минут приглушенно переговаривался с кем-то по рации. Когда мороженщик снова выглянул наружу, на лице его было написано облегчение.

– Фу, а я-то сласу и не понял. Мистел Молосис плелвал с ним контахт. Настоящий Толчок летит облатно, вот так. Полоши его себе в поштель, пусть малость отлежится. Ночью мы заедем и забелем его.

Беззубый захлопнул дверцу и, испустив из динамика развеселую трель, бодро укатил. Вернув Кобба к жизни, грузовик почему-то отнял ее у Торчка, выключил его. Им не удалось скопировать содержимое мозга и закачать запись в робота – вот в чем дело. Настоящий, живой Торчок возвращается с Луны, и двойнику теперь нет места.

Кобб взял механического Торчка за руку, пытаясь помочь ему доковылять до дома. Лицо робота, искаженное невыносимой мукой, было почти неузнаваемо. Рот находился в беспрестанном движении, язык то и дело вываливался наружу, как у эпилептика…

– Да нет нет да нет да да да нет нет нет нет да да…

Язык машин. Существо подняло перед собой сведенную судорогой, похожую на клешню руку, пытаясь заслонить глаза от солнца.

Они добрались до ступенек крыльца, и несчастный тяжело, по одной ступеньке зараз, начал преодолевать подъем. Он разучился сгибать ноги во время ходьбы.

Кобб придержал дверь, и Торчок ввалился внутрь дома, упал, потом поднялся на четвереньки и медленно пополз вперед, одновременно переставляя ногу и руку с каждой стороны.

– Что это с ним? – спросила Энни, замершая в проеме задней двери, придерживаясь рукой за косяк. – Он снова на «кислоте»?

В голосе Энни не было тревоги, только живой интерес. А что, было бы здорово завалиться на Золотую Годовщину крепко под кайфом – отличная мысль.

– Эй, Торч, у тебя есть еще?

Мучительно содрогнувшись, существо на четвереньках внезапно упало на бок, его губы оттянулись назад, зубы оскалились в издевательской улыбке смерти. Плотно обхватив себя руками и засунув ладони под мышки, все так же лежа на боку, оно внезапно закрутило ногами бешеный и безжалостный «велосипед». Движения ног заставляли сведенное судорогой тело описывать на полу кухни круг за кругом.

Энни попятилась и прижалась спиной к стене. Видно было, что ее игривое отношение к «кислоте» меняется прямо на глазах. Ей такого «путешествия» не хотелось.

– Кобб, с ним какой-то припадок!

Кобб уже все понял. В фургончике Морозиса находилось устройство, вернувшее его самого к нормальному сознательному

существованию. То же самое устройство только что проделало что-то с Торчком-вторым. Отключило его.

Фигура на полу мало-помалу замедляла свои движения, уже не кружилась так ужасающе. Через минуту существо остановилось, замерло как мертвое.

– Звони скорее доктору, Кобб!

Энни стояла у стены кухни бледная как мел, вцепившись руками в горло.

– Энни, доктор ему не поможет. Не могу сказать даже, что он… – Кобб не смог заставить себя произнести эти слова. Он наклонился и легко поднял с пола обмякшее и податливое тело, похожее на тряпичную куклу. Его сила была поистине достойна удивления. Кобб на руках отнес Торчка через коридор в спальню и уложил там в свою кровать.

Глава 18

Муни прикурил сигарету и встал в тень под куцым крылом челнока. Начиная с этого рейса, весь груз, прибывающий с Диски, должен был распаковываться и подвергаться досмотру прямо на посадочном поле. Да, под этим чертовым солнцем. Над раскаленным бетоном дрожало марево горячего воздуха. Ни намека на ветерок.

– Последний поддон, мистер Муни.

Из грузового люка высунулась потная физиономия Томми. Погрузчик уложил поддон с шестью пластиковыми контейнерами на площадку лифта, которая медленно опустилась вниз.

– Интерферон и пара контейнеров с органами тела. Те, что с органами, сдвоенные.

Муни повернулся и, прищурив глаза, оглянулся на взвод солдат, в пятнадцати метрах от челнока жарящихся на самом солнцепеке с автоматами наготове. Ничего, еще немного. Попыхивая сигаретой, он задумчиво осмотрел последний поддон с шестью контейнерами. В их распоряжении были только ручные инструменты. Он рано радовался – с них семь потов сойдет, пока они по очереди вскроют все крышки.

– Какому придурку взбрело в голову искать в контейнерах роботов? – крикнул ему Томми, опускаясь вниз на грузовом лифте.

Скопившаяся на брови капля пота стекла Муни прямо в глаз. Медленно он достал из кармана платок и тщательно вытер лицо.

– Мне. Я тот придурок, которому пришла в голову эта мысль, – спокойно ответил он. – На Складе Три два раза проламывали стену. Сначала мы считали, что кто-то ломает стены, чтобы спереть из контейнера-другого искусственные органы. Каждый раз на полу находили пустой контейнер. Ничего особенного, воровство, обычное дело. Но во второй раз до меня дошло, что обломки стены валяются снаружи, а не внутри. А это означало, что кто-то ломает стену не для того, чтобы проникнуть на склад, а чтобы выбраться из него. Как я понимаю, среди нас сейчас бродят по меньшей мере три робота, которых заслали к нам бопперы.

Лицо Томми выражало сомнение.

– А их кто-нибудь видел, этих роботов?

– Одного из них я почти держал в руках. Но когда я это понял, было уже поздно, он сбежал.

Муни два раза наведывался к Коббу, рассчитывая застать у старика его робота-двойника. Но каждый раз поездка

заканчивалась безуспешно – в коттедже не было никого, кроме самого Кобба, пьяного в стельку, как всегда. Робот для него потерян теперь почти что безвозвратно… и кто знает, может быть, он уже давно изменил свою внешность. *Если* только этот робот вообще когда-то существовал. Они проверили почти все контейнеры в последней поставке, но ничего не нашли.

Муни раздавил каблуком окурок.

– Может быть, я ошибаюсь и мы потеем напрасно.

Он вышел из тени на солнце и начал осматривать замки первого контейнера.

– *Надеюсь*, что это так.

Какие, в конце концов, у него доказательства? Несколько кирпичей, выломанных из стены и валяющихся снаружи склада, а не внутри? Неясно различимая фигура бегущего человека, который показался ему похожим на Кобба Андерсона? Старик-близнец Кобба, которого он краем глаза заметил в баре на прошлой неделе? Теперь, когда жизнь Муни наконец вошла в нормальное русло, ему вдруг захотелось, чтобы все его подозрения оказались пустыми. Чтобы все было хорошо.

Сын снова живет дома. Это было главным. Стэнни чудом вырвался из когтей пожирателей мозга, и это, похоже, отрезвило его. С того самого дня, как патрульная машина доставила его домой, он стал образцовым сыном. Кстати, после того как Стэнни снова появился дома, Беа тоже стала вести себя очень тихо.

Муни устроил сына ночным охранником в космопорт… и, что удивительно, парень отнесся к работе со всей ответственностью! Его словно подменили. Он перестал откалывать коленца, как когда-то. Если дело так пойдет и дальше, то уже через шесть месяцев Стэнни будет заведовать охраной всего космопорта.

Днем Стэнни редко можно было застать дома. Поразительно, как мало нужно было парню, чтобы отоспаться за все дежурство. Вернувшись с работы домой, он проглатывал завтрак, часа два отдыхал в своей спальне и весь день до вечера болтался где-то. Муни несколько раз раздумывал о дневном времяпрепровождении Стэнни, но верил, что беспокоиться не о чем. У парня теперь голова на плечах, и он не станет больше валять дурака.

Каждый вечер Стэнни заявлялся домой к ужину как часы, иногда чуть навеселе, но ни разу «обмороженным», как бывало. Радость родителям, да и только…

– Я ломаю пломбу, – теряя терпение, повторил Томми.

Мысли Муни вернулись к делам текущим. Еще шесть контейнеров – и на сегодня можно будет забыть о жаре. В первом предположительно должны были находиться ампулы с

интерфероном. Выведенная путем генной инженерии бактерия, вырабатывающая противораковую сыворотку, в промышленных масштабах производилась только в стерильных и низкотемпературных условиях земного спутника. Муни помог Томми поднять крышку, и они оба заглянули внутрь.

Полный порядок. В контейнере ровными рядками уложены упакованные в пластик одноразовые шприцы, уже заправленные лекарством и готовые к применению. Чувствуя себя полным идиотом, Муни на всякий случай пошарил рукой под пачками шприцев. Внизу тоже никто не прятался. Пропустить. Томми нажал кнопку, и конвейер помчал контейнер через бетонное поле, мимо цепей солдат и прочего, к дверям Склада Три.

Содержимое следующих трех контейнеров было в точности тем же самым. Оставались два последних… вид которых Муни сразу же показался странным. Более того, подозрительным. Во-первых, контейнеры были сдвоены, очевидно с тем, чтобы расширить внутреннее пространство. Кроме того, сверху на двойной контейнер была наклеена этикетка: «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОРГАНЫ. СМЕСЬ». Обычно в один контейнер помещались органы одного типа – почки, например, или печень, – но всегда что-то одно. Контейнер с разнородным содержимым Муни видел впервые.

Контейнер был вакуум-плотный, и потребовалось несколько минут работы ломиками, чтобы вскрыть его крышку. Потея, Муни лениво размышлял о таинственном содержимом контейнера: «Белый Человек – ассорти». Блестящие глазные яблоки в пластиковых чашечках, ломти печени, похожие на здоровенные бразильские орехи, блестящие новенькие берцовые кости, рядки похожих на бобы почек, пенисы «кинг-сайз», с одинаково уютно разложенными яичками, веревки мышц «в навал», полуметровые квадраты здорово-розовой кожи, скатанные в трубочки, как блины?

Крышка контейнера приподнялась. *Внутри что-то шевелилось!*

С криком «…ТОВЬСЬ!» Муни отскочил назад к цепи солдат. Автоматы, изготовленные к стрельбе, замерли как влитые, упершись прикладами в плечи.

Крышка откинулась полностью, и из контейнера появился молочно-белый шар размером со средней величины глобус. Шар оказался головой, принадлежащей серебристой же фигуре, поднявшейся следом во весь рост. Гуманоид. Выходящие из шлема трубки опускались к ногам существа в контейнер, очевидно соединяясь там с каким-то снаряжением.

– ЦЕЛЬСЬ! – крикнул Муни, торопливо убираясь с линии

огня.

Серебряный человек, видно, услышал его, потому что начал срочно проделывать что-то со своей головой. Что там у него – бомба? Томми сорвался с места и бросился наутек, прямиком на солдат. Идиот! Если начнется пальба, его же пристрелят первым. Муни продолжал пятиться, в отчаянии крутя головой в стороны, уже набирая в легкие воздух, готовясь крикнуть: «ОГОНЬ!»

Внезапно фигура стащила с головы серебристый шар. Мелькнуло знакомое лицо.

– Подождите, не стреляйте! Пап, это же я!

Торчок оторвал от себя воздушные шланги и перевалился через борт контейнера на бетон, где сразу же упал ничком, не дожидаясь, пока засвистят пули. К тому же это было единственным, что он мог сделать, потому что за тридцать часов, проведенных в одной и той же позе, его ноги онемели. Он лежал ни жив ни мертв, дожидаясь грохота автоматных очередей.

Сорвавшись с места, Муни самоотверженно заслонил собой сына.

– ОТСТАВИТЬ ОГОНЬ! – что было сил завопил он.

Упав рядом с лежащим на колени, он перевернул его на спину. Это Стэнни, его сын. Но если это Стэнни, то кто тогда все это время жил в его доме?

– Это ты, Стэнни? Как ты попал сюда?

Торчок молчал, он был занят более важным делом – разминал затекшие ноги, чесал и тер о шершавый бетон спину.

– Я был на Луне, – наконец соизволил объясниться он. – И потом – мое имя Торч, черт возьми, сколько тебе можно говорить?

Глава 19

Весь день Кобб занимался тем, что пытался напиться изо всех сил. Каким-то образом Энни удалось вытянуть из него обещание сходить вместе на Золотую Годовщину, и будь он проклят, если не надерется там как свинья.

Ей удалось уговорить его, вот уж что действительно было смешно. Они закрыли дверь в спальню, оставив почивать в ней… Торчка-второго… и вместе вышли на крыльцо. Там, сидя на ступеньке и глядя на Энни, не зная, что сказать, Кобб понял, что еще немного, и он утонет в этих огромных глазах, запутается в этой душе, ощутит всю отчаянную тоску, гнетущую это тело желанием просто немного развлечься, чуть-чуть скрасить закат тяжелой и беспросветной жизни. Она не успела и рта раскрыть, а он уже знал, что не сможет отказать.

Сейчас Энни примеряла платья, или мыла голову, или занималась чем-то еще, а он сидел в одиночестве на участке пляжа позади своего розового коттеджа. За прошедшую неделю Энни буквально набила бутылками шерри его буфет, рассчитывая получить за это поблажку, но, за исключением тех моментов, когда в доме появлялся Муни, Кобб к бутылкам не прикасался, впрочем, как и к еде. Крепко задумавшись, он припомнил, что за всю прошедшую неделю он ел и пил поразительно мало. Энни регулярно жарила ему и Торчку-второму рыбу из их совместного улова – отказываться от этой еды означало навлекать на себя подозрения. И стоило на крыльце замаячить фигуре Муни, как Кобб немедленно брал в руку бутылку шерри и разыгрывал пьяного. Но кроме того…

Он откупорил вторую бутылку и как следует глотнул. Опорожнив первую бутылку, он не добился ничего, кроме отвратительной гнилой отрыжки (метан и сероводород, смерть и разложение гнездились где-то внутри его тела). Его голова оставалась ясной, как майское утро, и это уже начинало ему надоедать.

Неожиданно решившись, Кобб поднял вторую бутылку и выпил содержимое в пять или шесть длинных, сумасшедших глотков.

С последним глотком к нему пришло ощущение внезапного и острого беспокойства. Но это не было последствием ударного воздействия алкоголя, резким опьянением, помутнением рассудка, ничем, чего он мог бы ожидать. Это было необыкновенно настойчивое желание освободиться…

Не понимая, что с ним творится, невластный над собой, Кобб

упал на колени и вцепился ногтями в длинный вертикальный шрам на груди. *Он полон до краев*. Нащупав наконец нужную кнопку, он нажал ее, и под сердцем у него распахнулась маленькая дверца. От гнилого рыбного запаха и перегара шерри его передернуло. Кобб затаил дыхание. Ййййййййааааааааааккккхх!

Двигаясь как автомат, он встал и вошел в дом, чтобы ополоснуть свой пищевой контейнер водой. И до тех пор, пока он не сделал этого и не протер потом отверстие в груди насухо туалетной бумагой, ему и в голову не приходило, что он занимается чем-то необычным.

Держа в руке пук туалетной бумаги, он отступил назад и посмотрел вниз на отверстие, зияющее в груди. Маленькая дверца, покрытая точной имитацией кожи снаружи, металлическая внутри. Кобб осторожно закрыл дверцу, и кожзаменитель, ловко подогнанный внахлест, плотно и незаметно замаскировал щель. Снаружи ничего не видно! Он снова нащупал кнопку – под правым соском, – и подпружиненная дверца в груди опять распахнулась настежь. На внутренней металлической поверхности дверцы было что-то нацарапано… или написано? Коббу показалось, что слова на дверце идут задом наперед, но убедиться в этом он не мог, потому что для этого нужно было невероятно изогнуться.

Кобб повернулся и рассмотрел себя в зеркале. За исключением квадратной дырки в груди, он выглядел как обычно. Он *не чувствовал* в себе никаких перемен. Но теперь он был уверен в том, что он – робот.

Повернувшись так, чтобы свет падал на гравировку на дверце, он начал читать отраженные слова в зеркале. Слова сложились во фразы.

Уважаемый доктор Андерсон!

Добро пожаловать в вашу новую физическую оболочку! Примите ее в знак благодарности от всей расы бопперов!

Правила эксплуатации:

1. Все составные части вашего тела: скелет, мышцы, процессоры и т. д. – изготовлены из синтетических материалов и самовосстанавливающиеся. Следует, однако, иметь в виду, что подзарядку батарей необходимо производить два раза в год. Штепсельный разъем находится в левой пятке.

2. Ваше программное обеспечение частично расположено в передвижном охлаждаемом процессорном блоке. Избегайте электромагнитного экранирования и источников сильного шума, так как все это может нарушать вашу связь «мозг – тело».

Отдаленные поездки возможны только после согласования их маршрута.

3. Нами были предприняты все усилия для наиболее точного копирования вашей системы. В дополнение к ней вы снабжены библиотекой полезных подпрограмм. Пароль доступа к библиотеке: БИБОПАЛУЛА.

С уважением, Старшие Бопперы.

Кобб присел на крышку унитаза и запер дверь ванной. Потом встал и прочел гравировку на дверце еще раз. Смысл ее не сразу уложился в его голове. Разумом он понимал, что такое возможно, и, по сути дела, давно это знал. И робот, и человек состоят из двух частей: физической основы, «железа», и программного обеспечения. Программная основа руководит железной основой, без нее та мертва. *Мозг* есть физическая основа, но *информация*, содержащаяся в мозгу, есть программная основа личности. Разум… воспоминания, привычки, взгляды на жизнь, уклады, навыки и умение… все это то же самое программное обеспечение. Бопперы скопировали программную основу Кобба и закачали ее в тело робота. План удался, все сработало как нельзя лучше. Но Кобб почему-то был зол.

– Бессмертие, мать вашу, – прошипел он и пнул ногой дверь ванной. Нога в ботинке прошла через дверь насквозь.

– Чертовы железные ноги.

Он отпер дверь и прошел через коридор в кухню. Господи, он с ума сходит без выпивки. Он совершенно ясно чувствует, что пребывает там, где стоит его тело, и в то же время он понимает, что на самом деле он, его мозги болтаются неизвестно где, и это раздражало больше всего. Где сейчас находится его мозг, черт возьми? Где-то сейчас он бродит?

Внезапно он понял и это тоже. Конечно, в фургоне Мистера Морозиса, где же еще. В грузовичке смонтирован процессорный блок боппера, сверхпроводимый и переохлажденный, чьей малой толикой, очевидно, является и его сознание. Управляя муляжом, всеми мельчайшими деталями его функционирования, машина добивается полного правдоподобия автономности Кобба Андерсона.

Он застыл на месте и попытался вернуться мыслями ко времени того промежуточного состояния, когда те записи в банках памяти старших бопперов, все, что осталось от него прежнего, еще не были перенесены в тело робота. Ничего особенного, никаких примечательных фактов, одна только пустая вероятность… Это обратное скольжение по собственной памяти ощущалось сопряженным с непередаваемым, удивительным

ощущением. Словно он отдал бразды правления своим существом кому-то другому, сам став беспомощным наблюдателем собственных перемещений по комнатам дома, по окрестностям. На мгновение он увидел рядом с отражением своего лица в обрамлении тюбиков зубной пасты, флаконов туалетной воды и пены для бритья лицо Энни…

Он стоял перед раковиной на кухне. Открыл кран и пустил воду. Наклонился вперед, набрал воду в ладони и плеснул в лицо. Что-то стукнулось о раковину – ах да, конечно, дверца у него в груди. Кобб поднял руку и тщательно закрыл дверцу. Что там за пароль?

Он снова вернулся в ванную, открыл дверцу и перечитал гравировку в третий раз. На этот раз он уловил прозрачную остроту в конце. Старшие бопперы засунули его в тело, в котором паролем доступа к библиотеке подпрограмм было не что иное, как:

– Би-Бо-Па-Лу-Ла, she's mah baybee, – взревел Кобб так, что эхо заметалось между кафельными стенами, – Би-Бо-Па-Лу-Ла, Ah don't mean maybee…

Он прекратил орать и вскинул голову, услышав немедленно откликнувшийся внутренний голос.

– *Доступ к библиотеке разрешен,* – сообщил приятный баритон у него в голове.

– Зачитать список библиотечных подпрограмм, – решительно приказал Кобб.

– *Мистер Морозис, Время, Атлас, Калькулятор, повышение сенсорной чувствительности, самоуничтожение, библиотека советов и рекомендаций, логическая обработка фактов, секс, гиперактивность, опьянение…*

– Стоп! – торопливо выкрикнул Кобб. – Здесь остановиться. Описать функциональные возможности подпрограммы «ОПЬЯНЕНИЕ».

– *Вы хотите активировать подпрограмму?*

– Сначала расскажи мне, как она действует.

Кобб открыл дверь ванной и взволнованно выглянул наружу. Ему показалось, что он услышал какой-то звук в коридоре. Не хватало только, чтобы его застукали за разговорами с самим собой. Если люди прознают, что он робот, его могут линчевать…

– *…теперь активирована,* – вещал тем временем спокойным, всеведающим тоном баритон в его голове. – *Ваше состояние и мыслительные процессы будут подвергаться систематическим помехам, зависящим от степени опьянения. Зажмите пальцем правую ноздрю и вдохните через левую. Каждый вдох будет переводить вас на следующую ступень по глубине действия*

подпрограммы. Вдыхая через правую ноздрю, вы будете последовательно возвращаться через все пройденные ступени обратно. Кроме того, в подпрограмму включен аварийный автоматический возврат на случай, если вы…

– Добро, – отозвался Кобб. – Хватит болтать. Отключение. Конец связи.

– Команда, которую вы хотите использовать, звучит как «ВЫХОД», доктор Андерсон.

– Тогда, значит, «ВЫХОД».

Ощущение присутствия в голове постороннего сознания мигнуло и пропало. Кобб вышел на заднее крыльцо и некоторое время стоял неподвижно, глядя на океан. С пляжа доносилась вонь гнилой рыбы. Он пошарил глазами, отыскал картонную коробку и отправился убирать за собой блевотину. «Подзарядку батарей необходимо производить два раза в год».

Выбросив отвратительную, перемешанную с песком жижу в море, он вернулся в дом. На душе у него было неспокойно. Насколько крепкими были ниточки, соединяющие этот *знак благодарности* с благодарными механизмами?

Посланный на Землю робот был заранее запрограммирован… он сбежал со склада, нашел Кобба Андерсона и спровадил его на Луну, дождался, пока дело там будет доведено до конца, и сунул голову в фургончик Мистера Морозиса. Вопрос заключался в следующем: остались ли в голове Кобба еще какие-нибудь заранее заложенные туда программы? А также: могут ли бопперы взять управление его телом на себя в любой момент по собственному желанию, что было бы, конечно, уже совсем плохо? Поймет ли он, когда это случится? И в заключение: кто управляет сейчас им, он сам или Мистер Морозис?

Голова Кобба была ясной и звонкой, как колокольчик. Как самый звонкий рождественский колокольчик, черт его дери. Внезапно Кобб вспомнил о Торчке. Он поднялся на крыльцо, вошел в дом и свернул в спальню. Механическое тело, некогда точно копирующее Торчка, по-прежнему лежало на кровати. Искусственные черты лица расплылись и отекли. Кобб присел рядом с телом на корточки и прислушался. Ни звука. Полный останов.

Но почему? «Настоящий Торчок возвращается», – так сказал ему водитель грузовичка. Бопперы решили вывести муляж из игры, прежде чем кто-то заподозрит истину, то, что Торчка подменяли роботом. Робот жил у Муни в доме, прикидывался его сыном, работал вместе с отцом в космопорте. План был прост: робот-охранник легко сможет провести других контрабандных роботов-манипуляторов через таможню и далее на волю за

пределы порта. Торчок-второй сам рассказывал Коббу об этом плане, когда они вместе рыбачили. Но зачем бопперам на Земле столько манипуляторов?

В знак благодарности? Нашли дурака! *Что же хотят бопперы?*

Кобб услышал, как стукнула входная дверь-экран. Пришла Энни. Она что-то сотворила со своими волосами и лицом. Заметив Кобба, она засияла, как новенький пятак.

– Уже почти шесть часов, Кобб. Я подумала, что было бы неплохо сначала зайти в бар «У седых» и поужинать?

Кобб ощущал хрупкую радость Энни так же четко, как если бы она была и его радостью тоже. Он наклонился к Энни и поцеловал ее в щеку.

– Ты очень красивая.

На Энни было свободное платье в гавайском стиле.

– А ты, Кобб, ты собираешься переодеваться?

– Конечно, сию минуту.

Вместе с Энни он прошел в спальню, где она помогла ему найти белые брюки и черную рубашку, которые нагладила и приготовила ему для торжественного вечера.

– Как он? – шепотом спросила Энни, кивнув на неподвижное тело на кровати Кобба.

– Ему нужно отоспаться. К утру он придет в себя.

Когда грузовичок приедет и заберет робота, их здесь не будет. Все продумано.

Кобб принялся одеваться, одновременно представляя, каким видит его Энни со стороны. Его новое тело было более поджарым, чем старое, брюки застегнулись легко, и рубашка не разъезжалась на брюхе.

– Я боялась, что ты напьешься, – смущенно проговорила Энни.

– Я собирался пропустить стопочку перед уходом, – отозвался Кобб. В его вновь приобретенные способности входило также и умение почти дословно читать мысли и чувства людей. – Подожди секунду.

Подпрограмма «ОПЬЯНЕНИЕ» все еще была активирована. Кобб вышел на кухню, зажал пальцем правую ноздрю и глубоко вдохнул через левую. Теплый мягкий ком ударил его в живот и под колени, тело постепенно расслабилось. Ощущение как после двойной порции бурбона.

– Так-то лучше, – тихо сказал он.

Он открыл и закрыл дверцу кухонного шкафа, словно достал и поставил обратно бутылку. Еще один быстрый вдох левой ноздрей. Когда на кухне появилась Энни, Кобб был уже готов. Он

превосходно себя чувствовал.

– Вперед, беби. Раскрасим город красным.

Глава 20

– Они копируют содержимое мозга людей, – сказал Торчок отцу, выруливающему на стоянку. – При этом тела людей режутся на части и используются в качестве семени в емкостях, где выращиваются органы. У них уже имеются записи мозга примерно двух сотен людей. И по крайней мере трое из этих людей сейчас заменены роботами-двойниками. Один из них – это точно Кобб, другой – главарь «малышей-шутников», третья – стюардесса с челнока. Есть также робот, который выглядит в точности как я. Это твой самозванец-сынок.

Муни выключил зажигание и задумчиво принялся рассматривать яркие слоганы супермаркета, расположенного по другую сторону пустой парковки. В голове его роились очень неприятные мысли.

– А ты, Стэнни, ты *настоящий?* Откуда мне знать? Может быть, ты такой же железный, как тот болван, который дурачил нас с матерью целую неделю?

В ответ Торчок тихо и грустно рассмеялся.

– Проверить это невозможно. И я тебе ничего сказать не могу. Могло быть так, что кроты пересадили меня в робота, пока я спал.

Торчок с удовольствием отметил тревогу на лице отца. «Мой сын – киборг». Он решил разрядить обстановку.

– Да не волнуйся ты так, пап. Думаю, что кроты не способны на такую подлость. Этим занимаются только старшие бопперы. Кроты – простые работяги, роют тоннели. Они хорошие парни, это точно. Они решили устроить на Луне переворот, затеяли революцию, чтобы взять власть в свои руки. Кто знает, может, через месяц от старших бопперов и следа не останется.

Через парковку к их машине не торопясь протрусила собака. Откуда-то издалека едва слышно доносились обрывки рок-музыки. Сегодня у жмуриков вечеринка в баре «У седых». Со стороны океана мерно шумел прибой, прохладный вечерний бриз то и дело залетал в открытое окно машины, овевая кабину.

– Ну что сказать, Стэнни…

– Пап, меня зовут Торч. Что символизирует мое кредо. Кстати, у тебя ничего нет подогреться?

Муни открыл бардачок и засунул внутрь руку. Где-то должна быть пачка сигарет с травой… он отобрал их у одного из своих подчиненных, который курил на посту… так, вот она.

– Держи, Торч. Чувствуй себя как дома.

Рассмотрев этикетку, Торчок поморщился: дешевая солома «на ха-ха», но засунул в рот сигарету и прикурил. Первый раз

после того двойного крепкого в баре «Диски-Хилтон» на Луне, где он сидел вместе с Мисти. Целую неделю ему пришлось прятаться в розовой операционной, а потом, скорчившись в три погибели, полтора дня сходить с ума в тесноте грузового контейнера. Да, нелегко пришлось. Он докурил первый косяк до конца и тут же взорвал второй. Музыка за окном приобрела изумительную чистоту и ясность: нотка к нотке.

– Старый Андерсон наверняка тоже на этой вечеринке, – подал голос Муни, поднимая со своей стороны окно. Не собирается же он, в конце концов, так и просидеть здесь весь вечер, наблюдая за тем, как его сын накуривается до одури. – Поехали, Торч, посмотрим, что у Кобба творится дома.

– Точно.

После недельного воздержания «приход» был сильным. Торчку уже хотелось куда-то бежать, что-то делать. Его колени нетерпеливо дрожали, а зубы выстукивали дробь. В голове неторопливо разливалось чернильное пятно смертного ужаса. Он тщательно закрыл пачку и спрятал в нагрудный карман рубашки. А начинка-то весьма неплохая!

Пройдя через парковку и по улице мимо магазина, отец и сын вышли на пляж. Рог убывающей луны серебрил океанские воды. Прямо перед ними по песку прошмыгнул краб и скрылся в своей норке. Давненько они уже не гуляли вместе. Муни с трудом удержался от того, чтобы не положить руку на плечо сына.

– Я рад, что ты вернулся, – наконец сказал он. – Эта твоя копия, этот робот… он никогда не говорил «нет». Он был примерным сыном, но ты-то другой…

Торчок быстро улыбнулся, потом хлопнул отца по спине.

– Спасибо. Я рад, что ты рад.

– Почему… – Голос Муни сорвался, и он начал снова: – Почему бы тебе не остепениться, Стэнни? Я бы помог тебе с работой. Разве ты не хочешь жениться и…

– И закончить, как ты и ма? Нет уж, спасибо.

Немного грубовато. Торчок решил подсластить пилюлю.

– Конечно, мне нужна работа, но это должно быть что-то особенное. Ведь я *ничего* не умею. Я даже не умею как следует играть на гитаре. Всё, чему я научился… это торчать. – Торчок беспомощно рассмеялся и развел руками. – Я занимался этим двадцать четыре часа в сутки и хорошо освоил эту науку. Что теперь мне делать?

– Ты… – начал Муни, но замолчал, задумавшись. – На твою долю выпало немало приключений, ты мог бы написать об этом книгу. Черт возьми, Стэнни, ты же *одаренный* парень. Я не хочу, чтобы ты до конца дней своих тянул лямку, как это случилось со

мной. Я мог бы стать художником-иллюстратором, но пальцем о палец для этого не ударил. Ты сам должен сделать первый шаг. Никто не сделает его за тебя.

– Я знаю. Но взявшись за что-то, для всех я буду просто… *никем*, который и родом-то *ниоткуда*. Мистер Никто Ниоткуда. Это не по мне. Если я не буду точно знать, что в конце меня ожидает выигрыш, то уж лучше…

– У тебе светлая голова, – повторил Муни то, что говорил своему сыну уже, может быть, тысячу раз. – У тебя IQ 112, и ты мог бы…

– Да, конечно, – внезапно воскликнул Торчок, которому этот душеспасительный разговор начал надоедать. – Давай поговорим об этом как-нибудь в другой раз. Сейчас мы должны решить, что будем искать в доме Кобба.

К этому времени они уже отмерили по пляжу несколько километров. Коттедж Андерсона должен был вот-вот появиться.

– Ты не ошибся, когда говорил, что существуют роботы-копии, твой и Андерсона? Подумай еще раз.

– Я уверен в этом, – ответил Торчок. – Конечно, теперь они могли изменить внешность. Вместо кожи бопперы используют штуку, которая называется «мерц-покров». В ней полно таких тонких проводков, которые подключаются к телу, и если по этим проводкам пропустить нужный ток, то при желании можно заставить покров выглядеть как угодно.

– И, по-твоему, Андерсон один из этих роботов?

– Точно! Я своими глазами видел, как в операционной разрезали его на куски. Это было похоже… – Неожиданно Торчок расхохотался и смеялся до тех пор, пока из глаз его не потекли слезы. Образ Кобба, лежащего в ванне, напоминающей огромную зубастую вагину, было невозможно передать словами. До чего же здорово было подкуриться снова.

– Но зачем для того, чтобы скопировать содержимое мозга, бопперам нужно было заманивать тебя и Кобба на Луну? Как я понял, это можно было сделать и на Земле.

– Не знаю. Может быть, они относились к Коббу слишком уважительно, чтобы похищать, как прочих, и вычищать его голову от мозгов в какой-нибудь грязной дыре. Или, может быть, его мозг был настолько ценным, что они хотели провести копирование без риска на надежном оборудовании. А что касается меня… меня просто нужно было убрать с глаз долой, любым способом…

– Тихо. Мы пришли…

В тридцати метрах от них, на фоне освещенного луной неба, четко вырисовывался коттедж Кобба. Напрямую идти было

нельзя, поскольку на пустынном пляже из окон их было нетрудно заметить, если, конечно, в доме был кто-то – или что-то, – имеющий глаза. Укрывшись в тени пальм, спускающихся прямо к воде, они осторожно стали обходить дома стороной.

В окнах обиталища Кобба света не было, хозяин явно находился в отлучке. Да и другие коттеджи стояли темными – сегодня, в пятницу вечером, жмурики резвились в баре. Тихо продвигаясь вдоль ряда коттеджей, Муни и Торчок наконец добрались до дверей Кобба. Муни сделал знак остановиться и несколько долгих минут напряженно прислушивался. Ни звука в ночи, только монотонные удары и шипение волн.

Толкнув дверь-экран, Муни проскользнул внутрь. Торчок устремился следом. Вот она, конура Кобба. В общем-то ничего, довольно уютно. Когда-нибудь он тоже заделается жмуриком, подумал про себя Торчок… нужно было только каким-то образом убить оставшиеся сорок лет.

Муни надел пару специальных очков и включил инфракрасный потайной фонарь. В прошлую пятницу он забыл захватить этот фонарь с собой. Медленно поворачиваясь, он осмотрел комнату. Окурки сигарет с губной помадой на фильтре, детский крем, мокрое бикини… *признаки присутствия женщины*.

Эта пожилая белокурая беби все еще жила здесь. Внезапно до Муни дошло, что всю прошедшую неделю женщина просидела в домике у моря один на один с роботом. Неужели она не заметила ничего необычного? Она ожидала, когда Кобб придет в себя, а двойник ждал прибытия с Луны программы – то есть того же самого. Увенчались ли их ожидания успехом?

«Могут ли роботы трахаться?» – неожиданно задал себе вопрос Муни. Дома у него был бионик-член и в принципе, при желании, он мог быть использован для того, чтобы ублажить Беа. Но эта шлюха предпочитала искать удовлетворения в секс-клубах. Стэнни не должен об этом…

– Черт, где ты? – громко позвал его Торчок. – Ты что, заснул? Я ни черта не вижу.

– Тихо. Вот, надень очки. Извини, я забыл о тебе.

Муни передал сыну вторую пару инфракрасных очков. В очках все цвета становились настолько густыми, что казались синими.

– Начнем со спальни, – предложил он.

– Лады.

Расположение дома Муни знал отлично. Когда он, толчком приоткрыв дверь спальни, просунул в щель потайной фонарь, ему пришлось прикусить губу, чтобы не вскрикнуть. На кровати лежал Стэнни. Его лицо растеклось, нос, как оплавленный, свесился на

сторону, на щеку, рука касалась пола, выгнутая в суставе в обратную сторону.

Торчок издал приглушенный шипящий звук и прошел в комнату. Остановившись над кроватью Кобба, он принялся разглядывать лежащего.

– Вот он, твой любимый сынок. Слышь, пап? Завтра будь дома с утра, его привезут тебе в красивом ящике. Должно быть, старшие бопперы как-то прознали, что я возвращаюсь. Двоим нам нет места в этом городке.

– Что с ним случилось? – неуверенно спросил Муни, подходя к кровати и останавливаясь рядом с сыном. – Он выглядит словно оплавленный пластмассовый манекен.

– Это робот-манипулятор. Кто-то выключил его центральный процессор. Кроме всего прочего, этот процессор следит за тем, чтобы мерц-покров сохранял свою форму.

Где-то захрустел гравий, так близко, что казалось, это происходит здесь, рядом с ними, в комнате. Рыкнул мотор, тяжело хлопнула дверца кабины. К дому подъехала машина! Скрипнула входная дверь.

Бежать было поздно, да и некуда. В доме уже были люди. Муни схватил сына за плечи и толкнул его к чулану спальни. Времени на слова уже не оставалось.

– Эй, Берду, Мистел Молосис сказал, что он в спальне.

– Слышь, Радужка! Вытаскивай свою ленивую задницу и помоги мне достать из кузова этот чертов мешок!

– Не понимаю, почему такие здоровые лбы, как вы, не могут справиться с этим одни?

– Я фчела поднимал чтой-то и надолвался.

– Что ты там поднимал, Пол-Пола, свой хрен?

Некоторое время трое неизвестных дружно ржали над сальностью.

– Это «малыши-шутники», – прошипел Торчок отцу на ухо. Муни подтолкнул свое чадо локтем, требуя от него тишины. Кто-то из них задел головой вешалки – *о черт!* – и те дружно затарахтели, но приехавшие все еще занимались чем-то в гостиной.

– Дерьмовая работенка, как по-твоему, Берду?

– А тебе бы все на пляже валяться, так, Радужка, дорогая? Говорю тебе, слушай меня, и скоро будешь как сыр в масле кататься.

– На язык-то ты мастер.

– Вы идите тащите тело, а я пли готофлю, куда класть. – Пол-Пола вернулся на крыльцо. Дверь грузовичка снова хлопнула.

Берду и Радужка вошли в спальню.

– Черт!.. Ну и рожа! Точно гнилой труп.

– Не волнуйся за эту суку, детка. Мистер Морозис перепрограммирует его, и он снова забегает как новенький.

– Стой, обожди. Помнишь того парня, с которым у нас ничего не вышло? Тогда еще нагрянула полиция? На прошлой неделе у Кристлин?.. Это же он самый и есть, как две капли воды вылитый.

– Не гоношись, Радужка. Это не *человек*, это просто чертов выключенный робот. Тот парень ушел, ему повезло.

– Ясно. Ну что, взяли. Я за руки, ты за ноги.

– Раз-два. Смотри под ноги, этот урод тяжелый.

С кряхтеньем и руганью Берду и Радужка вытащили тело в коридор и, пройдя наружу через гостиную, снесли груз с крыльца по ступенькам. Все это время мотор грузовика работал на холостом ходу.

Муни осторожно приоткрыл дверь чулана и выглянул наружу. В спальне было два окна с противоположных сторон, и, подкравшись к одному из них, он различил перед коттеджем похожий на белый призрак горбатый грузовичок. На крыше кабины безошибочно угадывался здоровенный пластиковый рожок мороженого.

Две неясные фигуры остановились перед задней дверью грузовичка и опустили на гравий что-то тяжелое. Третий человек выглянул из кузова и пошире открыл двери.

Лампы в кузове грузовичка осветили все и вся в спальне. В ужасе Муни кинулся обратно в чулан. Минут десять он и Торчок простояли неподвижно, затаив дыхание, позволив себе вздохнуть с облегчением и расслабиться только тогда, когда фургон «Мистера Морозиса» укатил прочь.

Глава 21

Кобб отдал должное и жареной рыбе, и вину, получить удовольствие от которого ему позволил один короткий вдох через левую ноздрю на каждые пару бокалов. Подпрограмма «ОПЬЯНЕНИЕ» действовала отлично. После обеда он заглянул в туалет и опорожнил там свой пищевой контейнер… не потому, что это было необходимо, а просто для того, чтобы еще раз убедиться в том, что все, о чем он узнал недавно, ему не почудилось.

В голове у него теперь стоял шум и происходило легкое кружение, что бывает у обычных людей от пяти или шести добрых порций виски, и общее состояние вещей уже не казалось ему таким уж кошмарным и ужасающим, как это было вначале. У него впереди лет двадцать удовольствий, нужно только вовремя подзаряжать батарейки… да что там двадцать, вот он возьмет и новую сотню лет отмеряет! Никаких проблем, выдержало бы «железо». Вот черт, он продолжает мыслить старыми человеческими категориями. Никакой износ ему теперь не страшен, бопперы вовремя позаботятся о новеньком теле и перекачают туда программную основу его системы, как только в этом наступит нужда.

Слегка покачиваясь, Кобб остановился перед висящим на стене туалета зеркалом. Красавец мужчина, да и только! Он ничуть не изменился, та же белая борода и прочее, вот только глаза… Он подался вперед, рассматривая глаза. Что-то не то с радужной оболочкой, она казалась слишком однородной, почти без радиальных внутренних волоконец. Ерунда! Главное, что теперь он бессмертен! Кобб зажал пальцем правую ноздрю, принял еще одну порцию, потом повернулся и отправился к Энни.

Пока они ужинали, в зале позади бара «У седых» приготовился ансамбль, и как только жмуриков собралось предостаточно, начались танцы. Схватив Кобба за руку, Энни потащила его в зал. Она похвалилась, что сама помогала украшать зал к вечеринке.

Под потолком над головами танцующих медленно вращался огромный шар, оклеенный маленькими квадратиками зеркал. Узкие лучи прожекторов-«пушек» со светофильтрами разных цветов из четырех углов зала били в шар, и разноцветный снегопад световых зайчиков, меняющих оттенок на каждой стороне, неторопливо падал на толпу танцующих. Энни сказала, что точно такой же шар был и на ее балу выпускников в 1970 году, половину века назад.

– Красиво, правда, Кобб?

Кобб почувствовал, как от круговорота ярких световых пятен к его горлу подступает тошнота. Но одно дело – напиваться по-настоящему, другое дело – при помощи вживленной подпрограммы. Есть небольшая разница. Он быстро приложил палец к левой половине носа и глубоко вдохнул, раз и еще раз, поднявшись обратно на две ступеньки – ровно настолько, чтобы снова получать радость от жизни.

Зеркальный шар действительно был необыкновенно красив – казалось, что вы находитесь в глубине пронизанного солнечными лучами залива, неподвижно висите в толще воды невдалеке от поверхности, скользя сквозь время обратно…

– Потрясающе, Энни. Я снова стал молодым. Потанцуем?

Они вышли в зал и принялись медленно кружиться вместе с остальными парами под музыку. Инструментальная группа исполняла старую песню Джорджа Харрисона на тему «Любовь и Бог». Группа целиком состояла из жмуриков, которым на такую музыку было не наплевать. Они играли с душой.

– Ты любишь меня, Кобб?

Вопрос застал его врасплох. Уже много лет он не любил никого. Для этого он слишком был занят – готовился к приходу смерти. Любовь? Он распрощался с любовью, съехав со своей квартиры на Оглесорп-стрит в Саванн и бросив Верену. Но теперь…

– Почему ты спрашиваешь, Энни?

– Мы живем вместе вот уже целую неделю.

Ее рука, лежащая у него на талии, притянула его ближе. Кобб почувствовал движения бедер Энни.

– И между нами еще ничего не было. Если дело в тебе…

– Мне кажется, что я забыл, как это делается, – ответил Кобб, решив не вдаваться в подробности. Интересно, имеется ли в его библиотеке подпрограмма «ЭРЕКЦИЯ»? Нужно будет проверить при первой возможности, чтобы потом не было спешки. Нужно будет также посмотреть, что там есть еще. Кобб поцеловал Энни в щеку.

– Но я постараюсь вспомнить.

Танец кончился, и они подсели за столик к Фаркеру и его жене. Судя по хищным, словно ястребиные когти, скрюченным пальцам Цинции и растерянному выражению на лице Фаркера, ссора здесь была в самом разгаре. Но Коббу и Энни были рады, как поводу для того, чтобы устроить краткий перерыв.

– Что скажешь обо всем этом, Фарк, старина? – приветствовал Фаркера Кобб тем сердечно-идиотским тоном бодрячка, которым всегда разговаривал со своим приятелем.

– Очень мило, – отозвалась Цинция Фаркер. – Жаль только, что под потолком не догадались развесить разноцветные ленты, как это принято на вечеринках.

Ободренный появлением Кобба, Фаркер махнул рукой официанту и заказал кувшин пива. В обычных ситуациях Цинция не разрешала мужу пить, да и он не имел к этому склонности, однако сейчас…

– Золотая Годовщина, – сказала Энни. – У большинства из нас выпускной вечер был пятьдесят лет назад. Ты помнишь свой выпускной бал, Цинция?

Цинция закурила ментоловую сигарету с пониженным содержанием никотина.

– *Помню* ли я свой выпускной вечер? У нашего класса не было вечеринки после выпуска. Взамен этого по предложению какого-то *умника* из совета старшеклассников было решено скинуться и купить билеты на автобусную экскурсию.

– И куда вы отправились? – поинтересовался Кобб.

Цинция с возмущением взвизгнула:

– В Вашингтон! Можете себе представить? На марш демонстрантов перед Пентагоном! Но в результате все получилось не так уж плохо. Ведь там мы с Фаркером и познакомились, правда, дорогой?

Услышав свое имя, Фаркер дернул своей лысиной, как поплавком, отвечая не сразу и задумываясь.

– Верно. Я смотрел, как на парковке отказники скандируют с грузовиков «Вон, демоны, вон», а ты наступила…

– Ничего подобного, Фаркер, я не наступала тебе на ногу. Я всего лишь *обратила твое внимание*. Ты был таким важным, с этим своим переносным магнитофоном на плече, и я просто помирала, как мне хотелось поговорить с тобой…

– Так оно и было, – согласно отозвался Фаркер, тряся головой и улыбаясь до ушей. – С тех пор ты уже не пытаешься обратить на себя мое внимание…

Пиво было принесено, и они сдвинули бокалы. Втягивая внутрь горьковатую жидкость, Кобб незаметно зажал правую ноздрю и дохнул левой. Его снова затошнило, но в сидячем положении тошноту можно было терпеть. Прислушиваясь к болтовне своих друзей, он внезапно почувствовал стыд оттого, что не был больше человеком.

– Как дела у вашего сына? – спросил он у Цинции, просто для того, чтобы не молчать. Чак, единственный наследник Фаркеров, был Верховным Служителем Объединенных Культов аж в самой Филадельфии. Цинция любила о нем говорить.

– Он становится все более и более скрытным! – Цинция

издала новый пронзительный лай. – Девчонки сами несут ему деньги. Он обучает их астральному про*трах*цированию.

– Тот еще рэкет, верно? – подал голос Фаркер, качая головой, как китайский болванчик. – Будь я помоложе…

– Ты бы не смог, – перебила Фаркера Энни. – В тебе нет нужной психической напористости. А вот Кобб… – Энни сделала паузу, преданно улыбнувшись своему кавалеру. – Не удивлюсь, если в один прекрасный день Кобб тоже окажется основателем нового культа.

– Ну что же, – задумчиво протянул Кобб. – С некоторых пор мне действительно не дают покоя определенные мысли. Я действительно ощущаю психический напор, так сказать… – Он опомнился и пошел на попятный. – Дело в том, что мне начинает казаться, что сознание, возможно, и в самом деле независимо от тела. Без тела сознание может существовать в виде некоего математического вероятностного состояния. В этом случае телепатия есть не что иное, как…

– В точности слова моего Чака, – восторженно затрещала Цинция. – Наверное, ты стареешь, Кобб!

Они весело посмеялись, а потом заговорили о другом: о еде и диетах, о здоровье и болезнях, о сплетнях и слухах. Все это время мысли о новых религиях и культах не переставали напоминать Коббу о себе.

Случившаяся с ним перемена тела была похожа на чудо. Доказывало ли это, что душа действительно существует… или же как раз наоборот? Несколько новых свойств его сознания тоже требовали объяснения. Истинно ли было то, что, попав раз в механическое тело, он больше не был ограничен рамками материи… или все это было не более чем результатом электронного обострения чувств? Кто он такой… гуру или голем?

– Ты такой красавчик, – шепнула ему Энни, снова вытаскивая его танцевать.

Глава 22

«Малыши-шутники» забросили робота, когда-то подменявшего Торчка, в кузов фургона, потом уселись в кабину. Пол-Пола и Берду с удовольствием зажали между собой Радужку. А она ничего, еще довольно мягонькая.

– Я вот фсе думаю, какой он ис себя, этот Мистел Молосис, – прошамкал Пол-Пола, выруливая на асфальт.

– Я тоже не прочь на него взглянуть. Но трепыхаться не стоит – он исправно платит наличными.

– И сколько же он отвалит на этот раз? – спросила Радужка, снимая чужую пятерню, словно случайно оказавшуюся там, со своего бедра. – Возьму да и прокачусь в «Мир Диснея» на недельку. Нужно только будет прикупить себе новые шмотки и немного подкрасить волосы.

– По мне, ты и так выглядишь на все сто, Радужка. Конечно, для тебя просто перекраситься в розовый или зеленый, например, было бы слишком примитивно…

Берду и Пол-Пола захихикали, а Радужка надулась. Грузовичок пересек мост Мэррит-Айленд, после чего Пол-Пола свернул направо. Гидрогенный мотор монотонно гудел, о ветровое стекло то и дело разбивались ночные насекомые.

– Интелесно, подцепила Клисиин для нас еще какохо-нипуть плидулка? – задумчиво произнес спустя некоторое время Пол-Пола.

– Можешь не сомневаться! – отозвался Берду, рассматривая проносящиеся мимо огни. – Думается мне, что, если она сегодня вечером никого не приведет, Грязный Фил с нее живой не слезет.

Пол-Пола потряс головой.

– Чудной он, этот Фил. Кломе мозгов на обед, ничего его не интелесует. Мне он уже начинает надоедать. А тебе?

– Он уже снял для Кристлин новое жилье? – поинтересовалась Радужка.

– Ты ж знаешь, что снял, дологуша. Клистлин вкалывает, что твоя ломовая лошадь, – никто ему еще столько не пливодил.

– Обещанного сто лет ждут, – капризно продолжила Радужка. – Мне были точно обещаны живые мозги, а я до сих пор их даже не попробовала, только все каких-то мозгляков на улице цепляю…

– Здесь за главного Фил, ему и лошка пелфому в луки, – отозвался Пол-Пола.

– Да, чудной он все-таки, этот Фил, – несколькими минутами позже снова подал голос Берду. – Не курит, не пьет, я даже ни

разу не видел, чтобы он ел по-нормальному. Он или отдает приказы, или сидит, уставившись в одну точку.

Они уже катили через Дейтона, вокруг мелькали строения из бетона, украшенные разноцветным неоном. Пол-Пола проверил в зеркальце, нет ли на хвосте копов, после чего круто свернул направо, съехав в подземную стоянку отеля «Лидо». Развернувшись, он припарковался кабиной вперед, достал из коробки на кузове шнур с вилкой и воткнул вилку в розетку в стене. Во время остановок морозильная камера работала от сети. На крыше грузовика откинулся небольшой лючок, из которого высунулся телеглаз. Теперь любому, кто подойдет к грузовичку, не поздоровится. Мистер Морозис знал, как постоять за себя, в особенности если в кузове у него лежал манипулятор.

Вся троица поднялась на лифте к себе в номер. Грязный Фил, по-прежнему без рубашки, сидел так, как они и оставили его – перед окном, созерцая океан. От двери расплывшаяся татуировка Фила была видна преотлично. На звук открывшейся двери он даже не обернулся.

– На заметку Сатане, – довольным голосом нараспев продекламировала Радужка, которая никогда не упускала случая зачитать наколку Фила вслух. – Отправь этого Человека в Рай, потому что в Аду Он Свое уже Отбыл.

Она произнесла все это своим придурковатым голосом школьницы-простушки. Фил ей никогда не нравился.

Фил не обернулся. Когда-то он действительно был Грязным Филом, сварщиком с «Рифа», которому, как и всем сварщикам, приходилось выходить в ночную смену. Приходилось ему чинить и БЭКС. Копирование мозга своего ремонтника-гуманоида боппер организовал без проблем… но результат оказался далеким от совершенства. Личность сварщика по непонятным причинам ужалась, превратив его в хладнокровного убийцу. Несмотря на это, Фил оставался хорошим механиком.

Когда старшие бопперы решили послать Мистера Морозиса вниз на Землю в качестве сборщика душ, Фил был отправлен вместе с ним. Время от времени, при необходимости ремонта, Мистер Морозис пользовался записью мозга Фила, но без крайней необходимости даже ограниченную свободу действий этому своему манипулятору Морозис старался не предоставлять. Вот почему большую часть времени Грязный Фил был наделен отзывчивостью и теплом не больше, чем пара стальных кусачек.

– Лучше не зли его, – предупреждающе проворчал женщине Берду. – Он ждет телефонного звонка, так ведь, Фил?

Фил коротко кивнул. Рейсовый челнок от БЭКС, в котором, как было обещано, должен был содержаться новый манипулятор и

который должен был забрать очередную партию органов, прибывал завтра. Запись копии мозга должна была быть переслана заранее, по радио… но прежде Фил обязан был добыть цельного человека, душу и тело, «железо» и программу. Если Кристлин снова не удастся никого подцепить… Фил не отрывал взгляда от ровных, словно вычесанных гребешком, волн на поверхности океана, прислушиваясь к голосам людей за спиной и прорабатывая один план за другим…

Пронзительно зазвонил телефон. Одним броском перемахнув через комнату, Фил схватил трубку.

– Грязный Фил.

В трубке рыдали и пронзительно кричали. Берду и Пол-Пола тревожно переглянулись. Даже сквозь солнечные очки в темной комнате было видно, что у Фила не все дома. При этом его голос всегда оставался ровным и спокойным.

– Я понимаю, Кристлин. Понимаю. Хорошо. Лады.

В ответ с другой стороны безостановочный поток жалоб. Налитая физиономия Фила медленно растянулась в улыбку. Он взглянул на Берду и подмигнул ему.

– Хорошо, Кристлин. Если, как ты говоришь, он заснул, почему бы тебе не зайти к нам за деньгами. Ведь тебе причитается пять кусков. И лучше зайди прямо сейчас, потому что завтра мы меняем базу. Лады. Вот и хорошо, беби. И не расстраивайся, я все понимаю…

Фил мягко, почти нежно положил телефонную трубку на место.

– Кристлин влюбилась. Она подцепила парня из колледжа и теперь сидит над ним и смотрит, как он спит. Он спит как ребенок, сказала она, как невинное дитя.

Фил прошелся кругом по комнате, тут и там выравнивая мебель.

– Клистлин не собилается вести его к нам, но ты заплатишь ей все лавно? – удивленно спросил Пол-Пола.

– Да, так я ей сказал, – ровным голосом ответил Фил. – Но вы-то понимаете, что я не из таковских. К завтрашнему утру у меня должно быть тело. Пленку можно переслать в любое время, но я связан подписанным контрактом на перевозку груза и деньгами.

Открыв один из ящиков буфета, Фил достал небольшой пневматический пистолет и придирчиво его осмотрел.

– Ты же не собираешься убивать Кристлин? – дрожащим голосом спросила Радужка.

– Это не убийство, – ответил Фил, держа пистолет наизготовку, дулом вверх. – Неужели ты этого еще не уразумела?

Берду?

Берду вздрогнул. Внезапно ему показалось, что он снова оказался в восьмом классе и только что учитель задал ему вопрос, ответа на который он не знал и знать не мог. Более того, он не понимал самого вопроса.

– Не знаю, Фил. Ты сам ее нанял. Здесь все твое, грузовик, гостиница, все-все. Если нужно будет, я помогу тебе разобраться с Кристлин.

Сейчас он «малыш-шутник», а стоит ему потерять эту работу, кем он будет тогда?

– Мы съедим ее мозг, – медленно сказал Фил, направляя пистолет на троицу у двери и внимательно их рассматривая. – Кристлин исчезнет, но ее мысли останутся.

Вскинув левую руку, Фил положил ее себе на грудь.

– Смотрите!

Маленькая дверца откинулась, обнаружив в груди Фила небольшой металлический отсек. Внутри отсека можно было различить несколько блестящих скальпелей и ряд компактных приспособлений, похожих на переносную лабораторию.

Радужка вскрикнула, и Берду поспешно зажал ей рот ладонью. Пол-Пола издал звук, который вполне мог сойти за смех.

– Я являюсь частью Мистера Морозиса, – объяснил Фил, закрывая дверцу в груди. – Я его руки и ноги, въезжаете? И рот.

Фил широко улыбнулся, обнажив отличные острые зубы.

– Человеческие ткани нужны бопперам в качестве семян для выращивания искусственных органов. Записи копий мозга необходимы для стимуляции некоторых специальных роботов-манипуляторов. Таких, как я. Нас, бопперов, всегда интересовал чужой мозг, даже тогда, когда прямой нужды в нем не было. Человеческий мозг – удивительное явление.

– Теперь я не буду работать за просто так! – заплакала Радужка. – Теперь деньги вперед!

– Заткнись, дура! – зарычал Берду. – Нам заплатят завтра, ты же слышала!

– Он то же самое обещал Кристи… – продолжала ныть Радужка.

Звонок в дверь прервал ее на полуслове.

Фил направил пневматический пистолет на Радужку.

– Ты ведь не станешь мешать мне, правда? Или, может быть, мне использовать твой мозг вместо Кристлин?

Радужка открыла дверь и впустила Кристлин. Двумя быстрыми выстрелами Фил подстрелил из своего угла обеих женщин. Снотворное подействовало мгновенно, и Радужка и

Кристлин осели на пол. Оттащив их по очереди в глубь комнаты, Пол-Пола закрыл дверь.

Берду даже не двинулся с места, он был ошарашен и потрясен. Радужка была единственной женщиной, которая относилась к нему с симпатией. Но Фил был прав, прав как всегда. Наверное, он и был Мистером Морозисом. А Мистер Морозис умнее всех на свете, это уже было проверено неоднократно.

– Нельзя ее отпускать, Берду, она может навести на нас.

Фил не отрываясь смотрел на него через комнату, держа на мушке своего духового оружия. Наступила тишина.

– Я не *могу!* – наконец всхлипнул Берду. – Она же нормальная девчонка. Может, не будем ее резать, а, Фил?

Берду уже приходилось смотреть в дуло чужого оружия, и не раз. Внезапно в его руке появился пистолет 38-го калибра. Метнувшись к окну, он сорвал штору и выставил ее щитом перед собой. Стрелки, выпущенные из оружия Фила, ударили в штору, отскочили и упали на пол.

– Ты поступаешь глупо, Берду, – проговорил Фил, опуская свой бесполезный пневматик. – Нам нужна Кристлин, и мы разделаем только ее одну, а с Радужкой все будет по-другому. БЭКС хочет взять ее к себе стюардессой, на подмену Мисти. Я поговорю с Радужкой и уверен, она согласится. В Диски ей сделают новое тело. Обещаю, что личность ее останется неизменной. Вы сможете встречаться раз в…

С искаженным от ярости лицом Берду отбросил штору в сторону. Вскинув пистолет, он прострелил Филу голову навылет. Вот так просто.

– Челт, Белду, блатан, – сдавленно прохрипел Пол-Пола, не успел грохот пистолетного выстрела затихнуть под сводами номера. – Нужно лвать когти, мать его. У Мистела Молосиса в кузове еще один манипулятол.

– Мы выйдем через главный вход и угоним машину, – каменным голосом ответил Берду. – Я понесу Радужку, а ты возьмешь Кристлин.

Когда они, прикрыв за собой дверь, шли по коридору, позади них в номере прогремел взрыв. Что там взорвалось, может быть, тело Фила? Они не стали останавливаться, чтобы выяснить это. Спотыкаясь, приятели с трудом спустились по пожарной лестнице на первый этаж и вышли в вестибюль.

Перед парадным входом отеля атлетически сложенный молодой человек как раз выбирался из своей красной спортивной машины. Пол-Пола хлопнул молодого человека по плечу, тот обернулся, и Берду сунул ему в нос свой пистолет. Парень молча

отдал ключи и с поднятыми над головой руками попятился от машины. У Пол-Пола и Берду этот прием был многократно отработан.

Устроив женщин на заднем сиденье машины, они помчались прочь из города, взяв курс на Орландо.

Глава 23

Золотая Годовщина удалась на славу. Кобб уже много лет так не веселился. Подпрограмма «ОПЬЯНЕНИЕ» действовала изумительно. Вся ее прелесть состояла в том, что, вместо того чтобы прямиком скатиться по неудержимому эскалатору в подвал слюнявой философии, вы могли приятно проводить время, с легкостью путешествуя с этажа на этаж, ориентируясь на собственное настроение. Путем практических исследований Кобб обнаружил, что после достижения уровня в десять стопок виски, точки «полного отруба», срабатывает автоматический аварийный возврат и он снова оказывается там, откуда начал.

Направляясь вслед за Энни к танцующим, он быстро втянул воздух правой ноздрей, прочистил голову и мужественно обнял свою партнершу за талию. Энни хихикала без передышки и была настроена очень игриво.

– Ты уже вспомнил, Кобб? Понимаешь, о чем я?

– О чем же?

Над океаном взошла луна. Сверкающая дорожка выходила у них из-под ног и, рассекая тихую водную гладь надвое, исчезала за краем мира.

– Что я должен был вспомнить, дорогая?

Руки Энни скользнули вниз и погладили его ягодицы.

– Ты *знаешь*, о чем я говорю.

– Верно, знаю, – ответил Кобб и пропел: – Би-Бо-Па-Лу-Ла.

– *Доступ к библиотеке разрешен,* – откликнулся голос у него в голове.

– Я хочу заняться сексом.

– Я рада, – сказала Энни. – Я тоже не прочь.

– *Подпрограмма «СЕКС» активирована,* – сообщил голос.

– «ВЫХОД», – скомандовал Кобб.

– Так сразу? – удивилась Энни. – Я думала, мы еще потанцуем.

– Потанцуем? Конечно, – ответил Кобб, чувствуя, как его брюки спереди начинают медленно надуваться.

Во время танца они целовались и терлись друг о дружку. Каждый квадратный сантиметр тела Кобба дрожал от предчувствия предстоящего. Впервые за многие годы все его внутреннее сознание оказалось сосредоточенным снаружи, на коже. И на коже Энни в том числе, ибо когда их губы соединялись в поцелуе, то же самое происходило с их личностями. Они сливались воедино духовно. Одно тело. Одно сознание.

По непонятной причине все окна его коттеджа были

освещены, хотя он точно помнил, что перед уходом выключил свет. Кобб уже решил, что, наверное, что-то напутал, когда, переступив порог, услышал голос Торчка.

– Ах, – счастливо воскликнула Энни. – Чудесно! Твоему другу уже лучше!

Кобб молча вошел в гостиную, где, время от времени переходя на крик, препирались Муни и Торчок. Заметив Кобба и Энни, они мигом замолчали.

Энни злобно уставилась на Муни.

– Что ты забыл здесь, свинья?

Муни молча откинулся на брезентовую спинку шезлонга из алюминиевых трубок, внимательно оглядывая Кобба с ног до головы.

– Это ты, Торчок? – спросил Кобб. – Твою запись тоже переслали по радио…

– Нет, это я, *настоящий* я, – ответил Торчок. – Мясо и кости, понимаешь? Я прилетел сегодня на челноке. А ты как добрался, хорошо?

– Ты зря отказался от предложения МЭКС, это действительно здорово. Бопперы не обманули. Я ни о чем не жалею.

Кобб открыл рот, чтобы сказать еще что-то, но внезапно оборвал себя, опомнившись. Неизвестно, можно ли было говорить об этом Муни. А выключенный робот у него в спальне, неужели они нашли его? Присмотревшись, он заметил на коленях Муни пистолет.

– Будет лучше, если ты, Кобб, отправишь леди домой, – спокойно заметил Муни. – Нам нужно кое-что обсудить.

– «СЕКС ВЫХОД», – печально пробормотал Кобб, – «ОПЬЯНЕНИЕ ВЫХОД». Тебе действительно лучше уйти, Энни. Мистер Муни прав.

– Почему, черт возьми, я должна уходить? Я теперь здесь живу, было бы вам известно. Какое право имеет этот чинуша гнать меня?

Энни была готова расплакаться.

– Такой чудесный был вечер, и вот на тебе…

Кобб нежно, но настойчиво взял Энни за руку и вывел на крыльцо. На дробленом ракушечнике подъездной дорожки лежали прямоугольники света, падающие из окон его дома. В одном из прямоугольников замерла настороженная тень Муни.

– Не расстраивайся, Энни. Мы все наверстаем. У меня такое чувство, словно… словно моя жизнь начинается снова.

– Что они хотят от тебя? Ты ведь не сделал ничего плохого? Они не могут арестовать тебя?

Кобб с минуту молчал, раздумывая. Теоретически его могли

задержать и демонтировать как шпиона бопперов. Его не будут даже судить, потому что он всего лишь машина. Но он верил, что до этого не дойдет – на то не было причин. Он обнял Энни за плечи и в последний раз поцеловал ее.

– Нам с Муни просто нужно поговорить. Ничего, я выкручусь. Согрей для меня местечко в своей кроватке. Я приду к тебе через полчаса.

– Хорошо, – выдохнула ему на ухо Энни. – Но учти, у меня есть пистолет. Я буду следить из окна, на всякий случай…

Крепко обнимая свою подругу, Кобб шепнул в ответ:

– Не вздумай вмешиваться, дорогая. Я сам управлюсь. Если другого выхода не будет, я… убегу. Но…

– Иди сюда, Андерсон, – раздался из окна голос Муни. – Мы ждем тебя, нам нужно многое обсудить.

Пожав на прощание руку Энни, Кобб вернулся в дом. Без разговоров усевшись в алюминиевый шезлонг, который раньше оккупировал Муни, он закинул ногу на ногу и скрестил руки на груди. Муни ничего не оставалось, как, уставив пистолет в пол, привалиться спиной к стене. Он буквально прожигал Кобба взглядом насквозь. Расположившись на стуле у письменного стола, Торчок раскуривал свежий косяк.

Муни вскинул пистолет и направил его Коббу в голову. Выстрел в тело может не остановить робота, но голова могла быть его слабым местом.

– Говори.

– Пап, полегче, – подал голос Торчок. – Кобб нам ничего не сделает.

– Откуда ты знаешь, Стэнни? Ему на помощь в любую минуту могут прийти другие роботы.

– О каких роботах вы говорите? – поинтересовался Кобб. Сколько они уже успели узнать? Торчок сбежал и, наверное, многое разнюхал на Луне, но тем не менее…

– Послушайте, – устало начал Торчок. – Давайте немного убавим обороты. Я знаю о тебе все, Кобб. Мне известно, что ты не человек. Бопперы пересадили тебя в твоего робота-двойника. Это действительно круто! Есть от чего обалдеть. К сожалению, у моего отца на тебя зуб…

Старый добрый полицейский спектакль: добрый коп – злой коп. Это мы уже проходили. Кобб решил оставить первую линию обороны и провести сбор информации.

– А где твой двойник, Торч?

– Ты говоришь о том, который лежал у тебя в кровати? Его забрали «малыши-шутники», – ответил Торчок. – Они приезжали за ним на белом грузовичке Мистера Морозиса.

– Мистер Морозис, – задумчиво проговорил Кобб. Он напряженно думал. То, что сотворили с ним бопперы, по большому счету было неплохо. По его, Кобба, большому счету. Если он сумеет убедить Муни и Торчка в том, что ничего страшного в этом нет…

– Где находится ваша база? Где вы режете людей? – снова принялся отчеканивать свои вопросы Муни. В его голосе звенела сталь. – Сколько у тебя сообщников?

Свои слова он подкрепил угрожающим движением пистолета.

Кобб пожал плечами:

– Эти вопросы не ко мне. Бопперы мне ничего не говорили о таких вещах. Да и зачем мне об этом знать? Кто я такой – несчастный старик с искусственным телом.

Кобб взглянул на Торчка в поисках сочувствия. Как и раньше с Энни, у него появилось ощущение телепатического контакта, ощущение проникновения в происходящее по ту сторону чужих глаз. Мозг Торчка, расслабленный наркотиком, был открыт и готов к взаимообмену. Испуганный и напряженный Муни был недоступен.

– Я могу ответственно заявить, – снова заговорил Кобб, – что имею полный контроль над своим телом. Не думаю, чтобы бопперы планировали использовать меня в качестве одного из своих манипуляторов.

– Тогда для чего им было весь этот огород городить, возиться с тобой и прочее? – недоверчиво спросил Муни.

– Они сказали, что хотят отблагодарить меня, – ответил Кобб.

Несколько секунд он раздумывал над тем, стоит или нет демонстрировать Муни дверцу в груди и имеющуюся на ней надпись, но решил пока от этого воздержаться. Размышления о дверце навели его на другую мысль.

– Би-Бо-Па-Лу-Ла, – громко пропел Кобб.

– *Доступ к библиотеке разрешен.*

– Мне нужна подпрограмма «МИСТЕР МОРОЗИС».

– *Требуемая подпрограмма активирована,* – промурлыкал баритон.

В голове Кобба словно распахнулась дверь, оклеенные желтоватыми обоями стены его комнаты раздвинулись благодаря хлынувшему в мозг дополнительному потоку визуальной и другого рода информации.

Он по-прежнему сидел в алюминиевом шезлонге в своем коттедже, но одновременно с этим находился в подземном гараже с бетонными стенами. Только что случилось что-то ужасно плохое. Берду застрелил Фила, его лучшего манипулятора. Он испытывает чувство сродни потере глаза. После этого он потерял

Берду и Пол-Пола из виду, просто не мог больше за ними следить. Он прикидывал возможность погони за вероломными слугами при помощи второго манипулятора, находящегося в кузове.

– *Привет,* – сказал Кобб, лишь усилием воли удержавшись от того, чтобы не произнести это вслух.

– *Это вы, Кобб?* – Ответ Мистера Морозиса пришел мгновенно. Мистер Морозис совсем ему не удивился. – *Я давно хотел поговорить с вами, но первый шаг должны были сделать вы. Мы не хотели, чтобы вы считали себя…*

– *Манипулятором?*

– *Правильно. Вы полностью автономны, Кобб, таково условие вашей конструкции. Если вы сам захотите помочь нам, это будет другое дело. Но управлять вашей волей мы не можем… да и не знаем как. Вы находитесь в полном собственном распоряжении, как и положено настоящему человеку.*

– *О какой помощи идет речь?*

Мысленно произнося свой вопрос, Кобб откинулся на спинку кресла и вытянул ноги. Витающий где-то Торчок считал мух на потолке.

– *Вы должны убедить других людей,* – прозвучал в голове Кобба ответ Мистера Морозиса. Своим вторым зрением Кобб мог видеть внутренность кабины грузовика, являющуюся как бы фоном к мысленному разговору. Чьи-то руки легли на рулевое колесо. Замелькали бетонные стены подземного гаража, на смену которым пришли яркие огни Дейтона-Бич.

– *Вы должны убедить всех остальных людей взять себе по вашему примеру искусственные тела. Только после этого станет возможным всеобщее слияние и нашими усилиями возникнет новое, высшее бытие. Мы построим несколько репродукционных центров…*

Муни стоял над Коббом и тряс его за плечи. Зрелище было удивительным, особенно если учесть, что сквозь лицо Муни навстречу Коббу неслись уличные огни. Медленно и с трудом он вывел на передний план своего зрительного восприятия происходящее в его собственном коттедже.

– В чем дело, Кобб? Ты позвал кого-то на помощь, отвечай?

– Ты не хотел бы приобрести себе такое же тело, как у меня? Вечное тело? – ни с того ни с сего спросил вдруг Кобб. – Я мог бы это устроить.

– О чем разговор? – сонно поинтересовался Торчок. – Что, старшие бопперы хотят нас всех загнать в свое стойло?

– Приняв такое решение, вы поступите разумно, – как заведенный продолжал гнуть свое Кобб. – Это будет следующим шагом эволюционного развития человека, причем закономерным

шагом. Представьте себе людей, которые носят в своей голове мощные компьютерные системы, людей, которые могут общаться, непосредственно передавая информацию из мозга в мозг, людей, жизнь которых будет измеряться веками, которые будут менять свои тела, как рубашки или брюки.

– Представьте себе людей, которые не будут людьми, – подхватил Торчок. – Кобб, старшие бопперы, вроде ТЭКС и МЭКС, пытаются устроить тот же самый цирк на Луне. Большая часть малых бопперов на это не согласна… они предпочитают сражаться и погибнуть, чем оказаться поглощенными большими системами. Почему это происходит, как ты думаешь?

– Вероятно, некоторые люди… или бопперы… одержимы параноидальной манией – боятся лишиться своей драгоценной независимости, – ответил Кобб. – Но это всего лишь вопрос культурных традиций! Послушай, Торч, я осознавал происходящее со мной с самого начала… *с самого* начала. После того как на Луне было произведено копирование моего мозга, несколько дней я существовал внутри большого банка памяти. И знаешь, это было не так уж…

– Все, хватит болтать! – внезапно рявкнул Муни и рывком вздернул Кобба на ноги. – Тебя срочно нужно выключить и разобрать, потому что ты опасен для общества. Мы не можем позволить, чтобы такие чудовища, как ты, Андерсон…

Мистер Морозис, который по-прежнему находился у Кобба в голове, конечно же, все слышал.

– Я взял на себя смелость активировать вашу подпрограмму «САМОУНИЧТОЖЕНИЕ», – тихо проговорил баритон. – *Вам достаточно будет произнести вслух слово «УНИЧТОЖЕНИЕ», после чего произойдет взрыв. Но взорвется лишь ваше тело. Сам вы останетесь во мне. Я дам вам новое тело, то, что сейчас сидит в кабине…*

– «МИСТЕР МОРОЗИС, ВЫХОД», – сказал Кобб. Если уж он решит покончить жизнь самоубийством, то это решение должен будет принять сам.

Муни приставил пистолет к голове Кобба. Руки Муни дрожали, он был охвачен паникой.

«Сейчас ты получишь свое, Муни», – подумал Кобб. Но он все равно ждал чего-то. Возможно, ему было жалко Торчка, попытался оправдаться он… но в действительности он боялся за себя, боялся умереть снова. Что он увидит на этот раз, опять полное шумов неопределенное пространство между телами? Но он уже проделывал это однажды, ведь так? Тогда чего бояться теперь?

– Иди на улицу, Торчок, – сказал Муни, решив тем самым

свою судьбу. – Пойди проверь, не устроила ли эта старая сука нам засаду в кустах. И нет ли там других роботов.

Торчок толкнул заднюю дверь и растаял в темноте.

– А я все-таки прищучил тебя, – довольно сказал Муни, больно толкая Кобба пистолетом под ребра. – Скоро я увижу, что за колесики у тебя там крутятся внутри.

– «УНИЧТОЖЕНИЕ», – громко сказал Кобб и потерял свое второе тело.

Глава 24

– Тема сегодняшней передачи – здоровье, – задушевно сообщил радиоголос. – Гастрит может серьезно испортить вам долгожданный отпуск. Поэтому, чтобы не беспокоиться…

Кобб протянул руку и выключил радио – это было его первым осмысленным действием. Он только что выехал с бензозаправки на окраине Дейтона-Бич и теперь выруливал к шоссе по гравийной подъездной дорожке. Но вместе с тем он только что умер, взорвавшись в своем коттедже на Кокосовом пляже.

– Привет, Кобб! Что скажете? Вы убедились, что можете мне доверять? – Голос Мистера Морозиса снова гулко раздавался в его голове. Кобб посмотрел вниз и увидел незнакомые жилистые руки, орудующие рулевым колесом с уверенностью опытного водителя.

– Это Торчок-второй? – спросил Кобб. – Ты дал мне тело Торчка-второго?

– Он был Торчком-вторым. Только что телу был придан новый внешний вид. В качестве образца я использовал механика на заправке, который заливал нам в бак бензин.

«УНИЧТОЖЕНИЕ», затем полная дезориентация, сразу после чего вот это. В его пальцы въелась годами непромываемая грязь – смазка и сажа. Он чуть отклонился в сторону, чтобы рассмотреть себя в зеркальце заднего вида.

У него худощавое лицо с блестящими влажными глазами-оливами. Редкие темные волосы, сальные и зачесанные наперед. Выдающийся нос и недоразвитый подбородок. Настоящая крыса. Полыхнувшие впереди огни встречной машины заставили Кобба оторваться от созерцания собственной физиономии.

– Нужно перекрасить фургон, – решительно заявил он. – Муни я убил, но он мог оставить записи у себя в офисе. Кроме того, Торчок все знает. Полиция уже наверняка разыскивает грузовичок мороженщика с рекламой Мистера Морозиса.

– Позже мы займемся этим. Сейчас же у нас есть дела поважнее. Нужно кое с кем рассчитаться. Эти подонки… эти «малыши-шутники»… короче говоря, один из них сломал мой лучший манипулятор. Его зовут Берду…

Кобб оглянулся по сторонам и отметил, что не задумываясь направил грузовичок на запад, в сторону Орландо. Означает ли это, что он уже не может управлять своими руками?

– Куда мы едем?

– В «Мир Диснея». Берду об этом наверняка забыл, но однажды он сказал мне… точнее, сказал Филу… что в «Мире Диснея» у него

есть приятель, хозяин мотеля. Полагаю, что Берду решил отсидеться именно там. Я хочу, чтобы вы застрелили Берду, Кобб, а после этого отдали мне его мозг. Тело мы бросим… сейчас не до сбора органов… но копия его мозга мне нужна. Вы бы только видели, как легко он прикончил моего Фила.

Спокойный голос Мистера Морозиса был совершенно бесстрастным. Неужели боппер решил заняться местью? Или, может быть, им двигает страсть коллекционера?

В любом случае устраивать охоту на «малышей-шутников» сейчас было не время. Это было не лучшей идеей, можно сказать, что одной из наихудших. Сбор мозгов Кобб вообще хотел отложить на неопределенный срок. Сейчас ему нужно было оглядеться. Может быть, он оставит грузовик где-нибудь в лесу, а сам пройдется пешком по округе и разведает, что и как. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, он заметил на горизонте розовую полоску зари. Дорога впереди была совершенно пустынной.

– Вы можете распоряжаться собой по своему усмотрению, – снова заговорил Мистер Морозис. *– Но не забывайте, что мы не можем существовать по отдельности. Как только умру я, умрете и вы. Вы часть моего мозга, и вы мои руки, вот в чем все дело.*

– Но ты не можешь управлять мной? – Желая убедиться в этом, Кобб убрал ногу с педали газа. Никто не попытался вернуть его ногу на место.

– Моя власть не распространяется на ваше сознание, – уклончиво ответил Мистер Морозис. *– Но останавливать грузовик не стоит. Что, если сзади появятся копы?*

Кобб снова надавил на газ.

– Почему одной из твоих субсистем придана самостоятельность?

– Человеческий разум – единое целое, Кобб. Если мы начнем выбирать из него фрагменты по собственному усмотрению, то все, что от человека останется, – *это скучный набор условных рефлексов. Когда какой-нибудь старший боппер создает внутри себя человеческую личность, ему приходится мириться с тем, что одна из его субсистем получает свободу воли. Конечно, в экстремальном случае я могу полностью отключить вас, но тогда…*

– Для чего вам вообще нужны копии человеческого мозга?

– Программы, которые создаем мы и которыми мы в состоянии управлять, не идут ни в какое сравнение со структурной системой человеческого мозга. Людям тоже не под силу писать программы бопперов… но они нашли все-таки выход из положения и дали нам возможность развиваться. Но обратное невозможно, создать программное обеспечение человека бопперу не под силу. Вот так – мы нужны вам, а вы нам. Нашей целью является слияние людей и

бопперов, образование великого всеобщего разума, распределенного между всеми единицами общества нашего мира. Так будет, Кобб, и от этого никуда не денешься. Простейшие бытия, сливаясь, образуют сложные бытия, которые, сливаясь, в свою очередь, много раз, образуют одно высшее. Таков наш путь к Единственному.

– К Единственному? – со смехом переспросил Кобб. – Ты говоришь о том Единственном, который установлен на Луне, не так ли? А известно ли тебе, что этот аппарат представляет собой всего лишь источник случайных помех? Неужели до вас это еще не дошло?

– *Концепция случайного неоднозначна, Кобб.*

– Послушай, – торопливо заговорил Кобб. – Для того чтобы стимулировать развитие бопперов, я ускорил скорость их мутаций. Для этого в базовую программу я включил команду, заставляющую вас раз в месяц подключаться к Единственному. Это так и происходит, ты ведь не будешь с этим спорить?

Единственный же – это не более чем простейший счетчик космического излучения. В процессе подключения это устройство меняет в электронных схемах ваших чипов в некоторых местах нули на единицы и наоборот в соответствии с гейгеровской картиной интенсивности космического излучения за последнюю неделю, например. Единственный – это тупой скрамблер ваших программ, и только.

Мистер Морозис задумчиво замолчал. Ответ от него пришел лишь через несколько минут.

– *Вы пытаетесь принизить значение Единственного, Кобб. Но пульс Единственного есть пульс Космоса. Как вы же сами сказали, его действие основано на космических лучах. Сам Космос всплесками своего излучения направляет рост и развитие расы бопперов – что может быть более естественным и нормальным? В Космосе помех нет… там есть только информация. Ничего случайного там не бывает. Печально, что вы сами оказались не в силах понять суть своего творения.*

Слева от дороги началась полоса болотистых зарослей камыша. Кобб заметил высунувшегося наполовину из мутно-бурой жижи крокодила, спозаранку лениво наблюдающего за проносящимися мимо машинами. Было только четверть седьмого утра. Под влиянием фантомного рефлекса, пришедшего из области живота, Кобб испытал краткую тоску по завтраку. Призрак голода как пришел, так и ушел, и Кобб, не отрывая глаз от мчащихся навстречу миль шоссе, погрузился в размышления.

Что он узнал? С одной стороны, он чувствует себя совершенно таким, как и раньше. Конечно, у него появились

новые возможности, предоставляемые электроникой. Но при этом *пять пальцев* на правой его руке по-прежнему равнялись *пяти пальцам* на левой. Тот человек, который был некогда *Коббом*, оставался тем же *Коббом* и после того, как его разум был переселен в ледяной чип Мистера Морозиса.

Мозг Кобба Андерсона был препарирован и умер, но его программная основа, являющая собой разум, сохранилась. Понятие «я», в конце концов, не более чем еще одно понятие, одна из переменных в его программе. Кобб ощущал в себе *себя* точно так же, как это бывало всегда. И так же, как и всегда, Кобб желал продолжить существование внутри своего «железа», своей физической основы.

Скорее всего, бопперы сохранили копию записи его мозга на Луне, и возможно, что закачать в другую физическую основу копию этой копии не составит труда. Вместе с тем сиюминутное существование данного Кобба Андерсона полностью зависело от того, будет ли получать Мистер Морозис вдоволь электричества и останутся ли его чипы исправными. Они двое были нерасторжимы, как сиамские близнецы. Он и машина, которая желала познать Бога.

– Послушай, – наконец прервал молчание Кобб. – По-моему, было бы глупо пускаться в погоню за «малышами-шутниками», не перекрасив сначала грузовик. Даже если не принимать во внимание копов, которые в любой момент могут нас прищучить, стоит подумать о Берду, который заметит нас за пару кварталов. Предлагаю свернуть с шоссе и разыскать местечко, где можно будет, не привлекая лишнего внимания, перекрасить фургон. Черт возьми, этот огромный рожок мороженого у нас на макушке можно засечь даже с самолета.

– Я согласен, поступайте как знаете, – покорно отозвался Мистер Морозис. *– Доверяю решение этого вопроса вашему более богатому опыту в криминальной сфере человеческого общения.*

На следующем же перекрестке Кобб свернул на дорогу, ведущую на север. Вокруг, среди множества змеящихся ручейков, зеленела разнообразная растительность. Между пальмами и магнолиями время от времени попадались приземистые сосенки и корявые дубки. Промежутки между сражающимися за свое существование деревьями заполняли кусты ежевики и жимолости. Бесконтрольно укоренившийся кое-где виноград методично душил своих соседей.

Было всего восемь тридцать утра, а над дорогой уже дрожал маревом горячий воздух. Частые овраги были наполнены водяными миражами. Кобб опустил окно и подставил встречному ветру лицо. Гидрогенный движок грузовичка урчал мощно и

успокоительно, хорошо укатанная дорога исправно убегала под колеса.

Дикие, неухоженные кучки растительности сменились сельскохозяйственными угодьями, просторными пастбищами с группками скота. Коровы, утопая по колено в траве, сонно пережевывали цветы. Тут же по полям бродили и, шумно хлопая крыльями, перелетали с места на место белые цапли, поднимая в воздух тучи насекомых, от которых вяло отмахивались волоокие коровы. Издалека цапли были похожи на маленьких безруких старичков.

Через несколько минут после очередного поворота дороги по обочинам замелькали амбары. Место, состоящее из десятка домов, магазинчика, элеватора, заправочной станции и каланчи, называлось Парселл. Кобб свернул к уютно укрытой в тени деревьев заправке, под облезлой вывеской которой красовалось намалеванное от руки объявление: «Починка машин и замена шин».

Рядом с колонками на асфальте лежал трехногий пес. При появлении белого фургона животное с трудом поднялось и, несколько раз глухо гуф-гуфкнув, ухромало восвояси. Четвертая нога псины заканчивалась культей, замотанным в окровавленные бинты обрубком.

Кобб открыл дверцу машины и выбрался наружу. Из дверей гаража появился позевывающий человек, облаченный в заляпанный маслом белый комбинезон. У человека были песочного цвета волосы, розовые, горящие на солнце оттопыренные уши и толстые губы.

– Грузовичок Мистера Морозиса, так-так, – изрек механик и без лишних слов вставил носик шланга в гидрогенный бак. В баке фургона находился свернутый в неплотный рулон металл, который мог абсорбировать несколько сот литров водорода. – Мороженого дашь?

– Я пустой, – отозвался Кобб. – К тому же я этим делом не занимаюсь. Я купил грузовик у одного разорившегося мороженщика.

Механик выслушал сказанное молча, внимательно оглядывая тощую фигурку Кобба и всматриваясь в его крысиное лицо.

– Значит, купил?

– Купил, – твердо ответил Кобб. – В «Кокосах». Парень прикрыл свой бизнес к чертям. Сам-то я торгую мясом, и такой грузовичок мне будет в самый раз.

Механик хлопнул ладонью по баку, вытащил заправочный пистолет и закрутил крышку бака. Он был загорелым, с сеткой хитрых белых морщинок вокруг глаз. Снова повернувшись к

Коббу, он пристально посмотрел на него, лукаво улыбаясь.

– По мне, на мясника ты не очень похож. Больше всего ты напоминаешь мне прохвоста, который упер где-то грузовик.

Словно подводя итог своему наблюдению, механик улыбнулся шире, показав редкие зубы.

– Я, конечно, могу и ошибаться… Кроме гидрогена еще что-нибудь нужно?

Хозяин гаража был сметлив и явно шел на контакт. Кобб решил рискнуть.

– По правде говоря… я собирался перекрасить грузовик. Я уже устал доказывать каждому встречному-поперечному, что он мой.

– Могу себе представить, – со значением отозвался человек с песочными волосами. – Если ты загонишь малышку на задний двор, я все обстряпаю в два счета. Подготовка и покраска встанет тебе в штуку баксов.

За два часа, которые потребуются для такой работы, цена была заломлена более чем непомерная. Парень подумал, что грузовик ворованный, и решил на этом сыграть.

– Идет, – легко ответил Кобб, встретившись с испытующим взглядом хозяина гаража. – Но хочу предупредить: шутки шутить со мной не стоит.

Механик обнажил свои редкие кривые зубы в новой широкой улыбке.

– Какой цвет желаете?

– Черный, – ответил Кобб, внезапно испытав огромное облегчение. – Но сначала нужно будет снять с крыши этот проклятый рожок.

Он снова забрался в кабину и, уминая чахлую траву, медленно заехал на заваленный всяческим механическим хламом задний двор гаража. Механик, пятясь, показывал дорогу.

– *Этот может обмануть,* – заметил внутри головы Кобба чуть встревоженный голос Мистера Морозиса.

– *Ничего,* – успокоил машину Кобб. – *Копов он позвать не успеет, потому что я глаз с него не спущу. А шантажировать и требовать больше денег он вряд ли решится.*

– *После покраски нужно будет убить его и съесть его мозг,* – быстро проговорил Мистер Морозис.

– *Это не единственный способ решения проблем между людьми, существуют и другие,* – ответил Кобб, выбираясь из кабины наружу. После некоторой практики он научился говорить с Мистером Морозисом почти не открывая рта, как заправский чревовещатель.

Механик уже держал наготове отвертку и пару универсальных

гаечных ключей. Не прошло и десяти минут, как с помощью Кобба он снял с крыши пластиковый рожок. Рожок был сброшен с крыши и пал своим тупо улыбающимся лицом в сорную траву рядом с ржавыми останками мотоцикла. После непродолжительной совместной работы между механиком и Коббом начала развиваться некоторая взаимная симпатия.

Механик представился. Его имя было Джоди Докес. Кобб, решив спутать следы, отрекомендовался как Берду. Они вместе сходили в гараж за краской и пульверизатором с компрессором. Вопрос денежного расчета Кобб решил просто – перед началом покраски он разорвал тысячедолларовую купюру пополам и передал Джоди только одну половину.

– Вторую половину я отдам тебе, когда буду уезжать, – сказал при этом Кобб. – Не раньше.

– Мы понимаем, – с умным смешком отозвался Джоди.

Сначала грузовик пришлось помыть. После этого его шины, фонари, фары и окна были закрыты газетой, а все остальное было опрыскано из пульверизатора черной краской. На жаре краска высыхала мгновенно. Не успели они закончить окраску по первому разу, как уже можно было приступать ко второму.

Перекраска грузовичка заняла все утро. Время от времени подавал голос трехногий пес, и при этом Джоди приходилось опускать краскопульп и разбираться с клиентами. Все это время холодильная установка Мистера Морозиса продолжала работать, черпая энергию из бака с водородом. Джоди поинтересовался, зачем гонять в грузовичке холодильник, если там нет мороженого, на что Кобб резковато заявил, что если Джоди хочет получить вторую половину тысячедолларовой купюры, то должен оставить свои вопросы при себе.

Они закончили покрывать грузовичок краской по второму разу за пять минут до того, как на пожарной каланче Парселла сирена возвестила о наступлении полудня.

– Хочешь перекусить, Берду? – спросил Кобба Джоди, ткнув отставленным большим пальцем себе через плечо в направлении гаража. – У меня есть сандвичи.

– Само собой, – отозвался Кобб, махнув рукой на тот факт, что после трапезы ему придется вытряхивать пережеванный хлеб и ветчину из своего пищевого контейнера. Еда по-прежнему доставляла ему удовольствие. – От пива тоже не откажусь.

– Да ты че! – довольно воскликнул, очевидно имея в виду сказать что-то вроде «полный вперед», Джоди, с которым к тому времени Кобб уже был не разлей вода. – Пивко организуем без проблем.

Они с аппетитом перекусили. Сильнее, чем обычно, Коббу

хотелось заглянуть под черепушку механика. Мысль о том, чтобы основать новый религиозный культ, внезапно снова пришла ему в голову.

От бутербродов и пива во рту был отличный вкус. За едой они уговорили шестибаночную упаковку светлого. Несмотря на протесты Мистера Морозиса, Кобб активировал подпрограмму «ОПЬЯНЕНИЕ» и тройку раз нюхнул левой ноздрей, по числу выпитых банок. Захмелев, Джоди предложил Коббу купить у него за две сотни долларов новые номерные знаки и карточку регистрации, оказавшиеся у него совершенно случайно.

Кобб наслаждался возможностью нового для себя общения. В своем старом теле ему ни за что не удалось бы вот так запросто поболтать с гаражным механиком. Теперь же, спрятавшись за крысиной физиономией пройдохи, увенчивающей тощее тело Торчка, Кобб чувствовал себя в атмосфере водородной заправочной станции как дома, так же как когда-то в исследовательской лаборатории. Между делом он бесшумно поинтересовался у Мистера Морозиса, возможно ли придать мерц-покрову облик женского тела. Опыт такого перевоплощения мог оказаться интересным. Воистину жизнь впереди была прекрасной и удивительной!

После ленча они поменяли у машины номерные знаки. Кобб отдал Джоди вторую половину купюры и добавочные двести долларов. Рассчитывая сохранить в механике интерес и заставить его хранить молчание, Кобб намекнул, что, если дела пойдут хорошо, он может появиться через несколько месяцев с еще одной требующей перекраски машиной.

– Да ты че! – снова проорал Джоди. – Счастливо!

Взяв курс на восток, мимо коров и прочего, Кобб покинул Парселл.

– *Нужно было съесть его мозг,* – плотоядно заявил Мистер Морозис. – *Хороший механик на дороге не валяется.*

Кобб ожидал услышать что-то вроде этого. Прозвучавшее следом его тоже не удивило.

– *Почему мы едем на восток? «Мир Диснея» находится не там. Мне нужен Берду!*

– *Мистер Морозис,* – так начал Кобб. – *Мне нравится мое новое тело. Основу твоего плана я тоже поддерживаю. Все происходящее со мной есть логический шаг в эволюции людей. Но массовые убийства до добра не доведут. Есть лучший способ, при помощи которого можно заставить людей копировать мозг добровольно. Я хочу основать новый религиозный культ!*

В голове Кобба надолго повисла звенящая тишина. Наконец Мистер Морозис подал голос:

– Должен предупредить вас, Кобб. Свобода вашей воли выражается в том, что ваши мысли я контролировать не могу. Но ваше тело принадлежит нам обоим. При определенных обстоятельствах я могу отключить…

– Прошу тебя, перестань, – оборвал машину Кобб. – *И внимательно выслушай мой план. Ты ведь единственный боппер на Земле, верно?*

– Да, это так.

– А я единственный манипулятор, имеющийся в твоем распоряжении?

– Да. Остается надежда на то, что теперь, когда Муни не стало, охрана космопорта снова будет ослаблена. В течение следующих двух лет мы планировали переслать на Землю около тысячи манипуляторов и несколько передвижных установок со старшими бопперами. К сожалению, в настоящее время этот план… отложен. У нас есть некоторые… затруднения на Луне. Как только ситуация снова стабилизируется, я снова продолжу сбор и копирование мозговых единиц…

– Значит, на Луне началась гражданская война? Не нужно от меня ничего скрывать, – взволнованно заторопился Кобб. – *Нам может не поздоровиться, Мистер Морозис! Нужно прорываться в космопорт…*

– Для установления радиоконтакта с Луной не обязательно ехать в космопорт. У меня имеется собственный передатчик, и я могу в любой момент получить прямую связь с БЭКС, который состыкован сейчас со станцией «Риф».

– Передатчик душ, – задумчиво пробормотал Кобб. – *Звучит неплохо. «Наш Девиз: Научное Бессмертие».*

– О чем это вы?

– О новой религии! Мы придумаем свою Библию, напишем молитвы, организуем служение… заставим всех поверить, что ты есть машина для отправления душ страждущих на Небеса. В некотором смысле это так…

– Не слишком ли сложно? К чему предпринимать лишние ходы, когда можно действовать так же, как когда-то Фил? Ловить людей, разрезать их на части, а потом…

– Послушай, Мистер Морозис, насколько я понял, мы теперь партнеры. Если с грузовичком что-то случится, меня не станет. Не думаю, что ты до конца понимаешь, как сурово в человеческом обществе относятся к убийцам и каннибалам. В отличие от того, что происходит у вас на Луне, у нас здесь не анархия, а полицейское государство, так сказать. Если мы с тобой собираемся протянуть до тех пор, пока БЭКС не заявится сюда с настоящими силами, нам нужно сидеть тихо и если играть, то осторожно.

Кобб почувствовал, как у него по спине побежали мурашки. Достаточно было только подумать о том, что могло случиться! Что, если он не сможет вовремя заправить грузовик, если полиции вздумается задержать его для проверки личности, если сломается холодильник… Он улитка с десятитонным панцирем, вот кто он! Снежок в аду!

– *Нам нужно завести охрану,* – торопливо заговорил Кобб. – *Нам нужно завести помощников, нам нужны деньги, для того чтобы водородный бак был всегда полон. Думаю, нам нужно также построить тебе наследника. Сделать копию твоего процессорного блока. Мы заставим своих последователей покупать для нас детали в компьютерных магазинах. Тебе нужно понять, что жизнь на Земле сложнее и опаснее, чем на Луне.*

– *Хорошо,* – наконец отозвался Мистер Морозис. – *Я согласен. И куда же мы отправимся сейчас?*

– *Обратно к побережью,* – ответил Кобб. – *Я знаю местечко к северу от Дейтона-Бич, где можно отсидеться. И потом… мне нужно сделать новое лицо. Что-нибудь внушающее уважение и доверие.*

Глава 25

С похорон отца Торчок направился прямиком в Дейтона-Бич. Он снова работал таксистом. Его мать Беа решила продать дом и переехать на север, подальше от жмуриков. После смерти мужа она возненавидела старичье люто… и никто не мог ее за это винить! Ее муж заглянул в дом Кобба Андерсона для обычной проверки и был разорван взрывом в клочья! За что его убили? Да просто за то, что он хотел честно выполнить свою работу. Он погиб, исполняя свой долг!

По убийству Муни было начато расследование, но взрыв оставил после себя мало улик. Не было найдено ни кусочка неорганической ткани, на основании которого можно было бы подтвердить гипотезу робота-двойника. Торчок рассказал властям обо всем, что знал. Он до сих пор не мог решить, на чьей он стороне.

Он забрал из родительского дома несколько отцовских полотен на темы космических баталий и развесил их в своей конуре в Дейтона. Ему посчастливилось, и его снова взяли на работу в таксомоторный парк, определив в ночную смену. Его клиентами по большей части теперь были пьяницы и шлюхи, которых ему приходилось развозить по отелям. Мрак. И тоска зеленая.

Он снова подсел на наркотики. Довольно скоро он уже курил, нюхал, ширялся, прыскался и торкался вовсю, спуская на это все свои деньги. Колеся по ночам сквозь улицы одномерного города, Торчок мечтал и строил планы, выдумывая себе самое невероятное будущее.

Он снимет фильм о таксистах. Напишет книгу о бопперах. Нет, черт, он придумает из всего этого песни!

Он выучится играть на гитаре и соберет группу. На хрен учебу! Он достанет себе новый Плащ Счастья и заставит его двигать своими пальцами, дергать за струны. Вот что ему нужно: Плащ Счастья!

Если бопперы откажутся пойти ему навстречу, он пригрозит им рассказать всю правду о «малышах-шутниках» и об операционных на Луне. Две смерти уже на лицо – его отца и Андерсона, – так что полиция живо их прищучит!

А когда он разбогатеет, то отправится на Диски и устроит там военный переворот. Бопперы выберут его своим королем. Он ведь уже помогал кротам взорвать ГЭКС. Он возглавит восстание кротов и приведет их к победе! Король Луны Торч Первый!

Оставалась одна загвоздка – прямо сейчас связаться с

бопперами не было никакой возможности. Копы упустили грузовичок Мистера Морозиса, никого из «малышей-шутников» по описанию Торчка найти не удалось. БЭКС и Мисти ближе станции «Риф» к Земле не подходили. О том, чтобы кто-то заказывал с Диски частные переговоры, Торчок никогда не слышал. Нужно было найти способ связаться с бопперами. Но как? Решение было очевидным – необходимо прославиться и стать известным, так, чтобы бопперы заметили его!

Круг за кругом, ночь за ночью Торчок полировал шинами своего такси улицы постепенно становящегося ненавистным Дейтона… В одну из ночных смен какой-то пьяница забыл в его кабине свой бумажник. В бумажнике было две тысячи баксов, ни больше ни меньше. Торчок забрал себе деньги и уволился с работы. Ему было необходимо свободное время, чтобы подумать!

Он купил себе ящик баллончиков с аэрозолем «Зет»… хорошенько прочистил мозги… и принялся слоняться по городу дни напролет. Он жевал гамбургеры, пил пиво в барах, слушал музыку, часами простаивал у игральных автоматов, цеплял девчонок. Старательно поддерживая в себе бодрое настроение и оставаясь все время на виду, он ожидал прихода озарения, надеялся, что со дня на день с ним что-то случится и его жизнь пойдет по-новому. В тот день, когда у него кончились деньги, его ожидания наконец сбылись.

Заправившись «Зетом», он подпирал стенку в игровой аркаде «Хидео-Натс» и рассматривал свою обувь. Его ботинки действительно были хоть куда. Две темные параболы на желтом фоне, с плавным переходом в трехмерность из-за простроченного ранта. Он только что поставил в музыкальном автомате свою любимую песню. Ему хотелось кричать, пронзительно орать: «Вот он я и я торчу! Я Торчок, король голов-серферов!»

Над ним в затянутых в металлическую сетку динамиках мерно пульсировала жесткая музыка. Прищурившись, можно было разглядеть ноты, которые вылетают из динамиков наружу с каждым ударом ритма. Торчок хихикнул, представив себе текущую по проводам бесконечную вереницу маленьких белых ноток, похожих на мышей, продвигающихся по пищеводу удава. Черт, вот это он действительно придумал!

С приклеенной к лицу улыбкой, слегка покачиваясь из стороны в сторону, Торчок обвел расширенными глазами аркаду, перебирая пальцами аккорды на невидимой электрогитаре. Играть он не умел, но это ничего не значило, музыка была у него в крови… а когда музыка у тебя в крови, ты не можешь не играть… ого, а вон там появилась совсем неплохая белокурая крошка! Торчок взглянул на девушку и пустил рифф вдоль грифа

своей воображаемой гитары. Растянув резиновые губы в широкой улыбке, он кивнул девице.

Приветливо улыбнувшись в ответ, девушка направилась в его сторону, колыхаясь в блеске огней аркады, словно рыбка в подводном царстве. *Ухватим* эту рыбку за хвост. Девушка тряхнула головой и отбросила за плечи волосы так, чтобы стали видны созданные загаром узоры у нее на шее и щеках.

– Привет, серфер! А здесь классное местечко, да?

Девчонка снова тряхнула волосами и рассмеялась долгим, понимающим смехом.

– Меня зовут Вэнди.

Торчок извлек из гитары несколько заключительных пронзительных аккордов и вскинул руки.

– Ты говоришь со знаменитым Торчем Муни, киска. У меня есть сосиска, а у тебя булка, сложим их вместе, перекусим и познакомимся близко.

В течение последних, прошедших под знаком «Зет», недель его рэп немного поувял.

– Ты из музыкального клуба? – спросила его Вэнди, продолжая улыбаться. А парень не такой уж душка, каким казался в своем углу. Хуже того, было похоже, что он уже съезжает с катушек.

– Само собой… то есть, я хотел сказать, почти.

«А девчонка-то какая-то потрепанная, – подумал он. – Шлюха?»

– А ты чем занимаешься?

– Ох, я просто тусуюсь… вечеринки… жгем машины… – Вэнди прикидывала свои шансы разжиться на этом задохлике. До рассвета, до возвращения в храм, она должна любым способом раздобыть пять сотен баксов.

Торчок заметил сомнение в глазах Вэнди. Она была первой девчонкой за весь день, с которой ему удалось поговорить. Нужно ловить эту рыбку, и как можно быстрее.

– Хошь нюхнуть? – спросил он, вытаскивая из кармана аэрозоль.

– Было бы классно, – ответила Вэнди, снова встряхивая волосами. Торчок передал девушке баллончик, и та быстро вдохнула короткую струйку газа. Забрав у Вэнди «Зет», Торчок вмазался как следует, наверное, на половину остатка. Гонги загрохотали в его ушах, пол под ним слегка покачнулся, и он рассыпался мелким горловым визгливым смешком серферов: «хвик-хвик». Вэнди взяла из его руки аэрозоль и сделала себе еще одну ингаляцию. Через несколько секунд они снова уже нравились друг другу.

– Хочешь во что-нибудь сыграть? – спросил Торчок, широким жестом обводя внутренность аркады.

– Я хорошо умею в «Райский Сад», – отозвалась Вэнди.

– Класс…

Торчок опустил свою последнюю пятидолларовую монету в щель игрального автомата. Расцвеченный разноцветными лампочками прямоугольный ящик ожил и издал утробный добро-пожаловать-в-мой-кошмар звяк.

– Я возьму на себя кнопки толкателей, – сказала Вэнди, занимая свое место перед машиной.

Торчок не возражал. В электробильярд он был игрок совсем никакой. Сжав в кулаке рукоятку управления, он дал старт.

Маленький серебристый шарик как пуля вылетел из селеноида и, подхваченный магнитным полем, вступил в игру. Торчок направил ружье на шарик и послал его в сторону первой мишени.

И промазал – шарик исчез в ловушке… во рту сияющей маленькой Шивы. Вэнди крякнула от досады. Прикусив язык, Торчок выдал второй шар.

На этот раз он решил не рисковать и отослал шарик к ближайшему толкателю. Пускай девчонка сама разбирается. А Вэнди знала свое дело туго… ловко перекинув блестящий шарик между двумя толкателями, она точным броском запустила его в длинный ряд тумбочек-мишеней набирать очки.

– Круто, – выдохнул Торчок. Они следили за носящимся между тумбочками шариком как завороженные, машина не уставала мигать лампочками и подавать звонки. Для того чтобы получить Главный Приз первого уровня, нужно было поразить пятнадцать мишеней. Вэнди двумя бросками поразила сразу пять. Выбравшись из лабиринта, шарик полетел к ловушке, но Торчок успел вовремя пальнуть в него из ружья и изменить направление. Вэнди снова принялась жать на кнопки толкателей как заводная.

На этот раз она играла долго, наполняя помещение аркады пронзительным звоном выигранных призов. Собравшись, Торчок несколько раз стрелял по шару, пытаясь загнать его в одну из лунок с денежными призами, но тот огибал выигрышные лунки словно заговоренный, пока наконец снова не исчез в ловушке.

– Ты когда-нибудь прежде играл в эту игру? – осторожно спросила Торчка Вэнди, перед тем как он запустил в игру последний шар.

– Извини, я сегодня немного не в форме.

– Ничего страшного. Ты хорошо стреляешь. Но теперь жми, пожалуйста, на курок только тогда, когда я тебе скажу… идет?

– Я нажму тогда и туда, куда ты попросишь, детка.

Торчок дал старт и одновременно погладил упругую попку девушки, уверенный в том, что та не станет отвлекаться и отпихивать его руку. Вэнди даже бровью не повела… только прижалась животиком к панели машины и коротко скомандовала:

– Стреляй.

Торчок придавил пускатель, и последняя игра началась. Вэнди жала кнопки на боках у машины, вполголоса отдавая Торчку команды. «Вниз, дальше, внимание, передай мне, стреляй, пускай низом…» Они поразили все мишени и взяли все призы на первом уровне. После этого пошла настоящая работа – один за другим они начали выбивать призы верхнего уровня. Ловушки проносились мимо шарика, щелкая челюстями, но Вэнди, проявляя чудеса ловкости, уклонялась от всех. Палец Торчка устал жать на курок.

От машины на всю аркаду шел звон и бряк, вокруг них собралось несколько зевак, чтобы поглазеть на невиданное чудо. Скорости нарастали, углы сужались, пальба шла беспрерывная…

– О господи, – прошептала Вэнди, – вот и Золотой Приз. Давай влево, Торч.

Ругнувшись, он пустил шар по косой. Серебристое ядрышко молнией мелькнуло между двумя ловушками и влетело в золотую лунку. Машина издала могучий ЗЗЗВВВЯЯЯКККК и выключилась.

Торчок нажал на курок. Никакой реакции.

– Что такое…

– Мы выиграли! – взвизгнула Вэнди. – Мы разделали железку под орех! Пошли брать деньги!

– Но я думал, что нам причитается только… – Торчок открыл дверцу лотка в брюхе машины. В лотке лежали пять купонов на бесплатный обед в «Макдоналдсе».

– И это *само собой*, – махнула рукой Вэнди. – Но за выигрыш полагается пять сотен долларов. Это специальное правило Дейтона-Бич.

Вслед за Вэнди Торчок молча подошел к кассиру, а оттуда на улицу. На Вэнди был блестящий, урезанный до предела комбинезон в обтяжку (только шортики да лифчик-нагрудник) и босоножки на ремешках, высоко оплетающих ногу. На улице она странно заторопилась. Торчку пришлось перейти на бег, чтобы догнать ее. Похоже было на то, что девчонка пытается *кинуть* его.

– Куда это ты так заторопилась, Вэнди? Сбавь-ка ход! Половина денег моя!

Торчок схватил девушку за коричневую загорелую руку чуть выше локтя.

– Пусти! – Девчонка рванулась и высвободилась. – Это не твои и даже не *мои* деньги. Эти деньги принадлежат

«душеспасителям». Так что – пока!

Даже не взглянув на Торчка, Вэнди зашагала дальше по тротуару.

– Эй ты, шлюха! – зло заорал Торчок. – Вот что, значит, тебе было нужно! Ты заработала положенные за ночь деньги и теперь торопишься отдать их своему сучонку-сутенеру, чтобы потом завалиться спать!

Он снова догнал Вэнди и опять схватил ее за руку, на этот раз крепко.

– А ну, гони мои двести пятьдесят!

Вэнди расплакалась. Здорово играет, ничего не скажешь!

– Я не п-п-проститутка. Пойми, я должна принести эти деньги «душеспасителям». Нам нужны деньги, чтобы покупать детали к компьютерам. Мы помогаем душам людей попасть в Рай.

Компьютеры? Души? Наконец что-то знакомое!

– Можешь оставить деньги себе, – великодушно сказал Торчок, но руку Вэнди не отпустил. – Но за это ты должна будешь взять меня с собой. Я хочу узнать, кто такие эти «душеспасители».

Вэнди подняла голову и заглянула ему в глаза, пытаясь понять, что он задумал.

– Ты в самом деле хочешь пойти со мной? Ты хочешь спасти свою душу? «Душеспасители» – это новая религия, неужели ты ничего не слышал? Там все очень серьезно.

Торчок приблизился лицом к лицу девушки, стараясь определить, кто она… потом он быстро спросил:

– Ты робот?

– Нет. – Вэнди потрясла головой. – Я еще не заслужила спасения души. А вот Мэл – да. Мэл Нэст. Он глава нашей общины. Хочешь с ним встретиться?

– Конечно, хочу. Я питаю склонность ко всему механическому, когда-то у меня даже была любовница-боппер. Где находится твой храм, далеко?

– Сорок километров. В здании старого Морского цирка…

– И ты пришла оттуда пешком?

– Обычно я дожидаюсь пяти утра. В пять из храма приезжает мистер Нэст и забирает нас. Парни торгуют на улицах, а девочки зарабатывают кто как умеет. Если кому-то удается собрать пять сотен долларов до пяти часов утра, при желании он может возвращаться в храм самостоятельно. У тебя есть машина или мотоцикл?

Гидрогенный мотоцикл Торчка давно канул в Лету. Он не видел своего двухколесного друга с тех пор, как оставил его прикованным цепью перед входом отеля «Лидо». После этого были Мисти и «малыши-шутники»… «Кокосы» и Луна и все

остальное-прочее. Сколько времени прошло с тех пор – месяца два? Похоже, его снова начинает вовлекать в водоворот событий.

– Я достану машину, – ответил Торчок. – Я ее угоню.

– Вот здорово, – воскликнула Вэнди. – Мэл обрадуется, если ты отдашь машину общине.

Легче сказать, чем сделать! В Дейтона давно перевелись дураки, которые оставляют в зажигании ключи. Внезапно Торчок понял, где ему достать «колеса». Он угонит свое собственное такси.

– Вэнди, жди меня у «Макдоналдса». Я вернусь с машиной через полчаса.

До таксопарка было рукой подать. В стеклянной будке диспечера торчал Мелли, обычная ночная вахта. Окинув взглядом стоянку, Торчок с удовлетворением отметил, что номер 11, его такси, стоит на положенном месте и еще не нашел себе нового хозяина.

– Привет, Мелли, ленивый ты сукин сын, хватит спать и давай сюда ключи.

Лучшая защита, как всегда, нападение.

Мелли глянул сквозь стекло, при этом на его лице двинулись только глаза.

– Мать твою, Муни. Ты что себе вздумал – то увольняешься, то заявляешься обратно. Так не пойдет. Кроме того, куда тебе за руль, ты ж ничего не соображаешь. Давай, вали отсель.

– Ну что ты, папа-дорогуша, прекрати. За понюшку отдам те душу. Я ж уже песок на пляже ем. Пусти покататься, и я отстегну тебе десять процентов.

– Двадцать, – ответил Мелли и протянул ключи. – И если снова выкинешь номер, больше чтоб я тебя здесь не видел. Я не для того живу, чтобы ты мог постоянно ходить под кайфом.

Торчок схватил ключи.

– Если б на самом деле это входило в твои обязанности, ты б давно *надорвался*. Жить или умирать, лишь бы заторчать.

За прошедшие десять дней он успел соскучиться по своей «номер одиннадцатой». В парке так и не сумели найти для его машины водителя, и потому в кабине еще можно было найти следы его, Торчка, пребывания.

Над головой на крышу он наклеил ложное окошко с облаками, на заднее стекло – череп с красными лампочками в глазах, пол застелил ковриком из синтетического ворса… Все было на месте, даже его магнитофон. Он уволился с работы и забыл забрать из машины свой кассетник – вот уж действительно до такого нужно было доторчаться!

В машине он оборудовал скрытый микрофон, для того чтобы

записывать свои мысли и разговоры с пассажирами. Машина завелась с пол-оборота, и уже через полминуты он катил по улице, с улыбкой вспоминая то, что он вытворял со своим магнитофоном. Он клеил девчонок, выдавая себя за секретного агента. Магнитофончик и потайной микрофон производили на девиц впечатление. Чудное слово, *агент*. Аг-Гент. А.Г.Н. Интересно, сколько очков набрали в этом сезоне *А.Г.Н.?*

Он так замечтался, что едва не проехал мимо прогуливающейся перед «Макдоналдсом» Вэнди. Снова оказавшись в машине, он автоматически предался мечтам, работая рулем и передачей автоматически. Но Вэнди появилась прямо перед ним – блондинка в тугом блестящем комбинезончике. Лакомый кусочек. Такую было трудно не заметить.

Торчок свернул к тротуару, и Вэнди забралась на заднее сиденье.

– Номер 11,– раздался в динамике голос Мелли. – Вызов на 13-м километре.

– Я только что взял пассажиров. Два джентльмена едут в «Кокосы».

– Бери с них по загородному тарифу, – потребовал Мелли. – Когда поедешь назад, сразу же отложи мои деньги. Запомни, двадцать процентов.

– Заметано.

Торчок вырубил передатчик.

– Где ты раздобыл такси? – спросила Вэнди, ее глаза были расширены от удивления. – Замочил водителя?

– Ошибочка. – Торчок указал на магнитофон. – Видишь кассетник?

– Ну и что?

– Это мой. Я таксист, и это моя машина. Если мне понравится в вашем Морском цирке, я подарю «душеспасителям» мое такси и останусь. Если нет, мне придется оплатить проезд до «Кокосов» и обратно из собственного кармана. Давай, иди ко мне вперед.

Вэнди перебралась через сиденье и уселась рядом с Торчком. Он сбросил газ, опустил окна, и они поделили остаток «Зета». Как приятно было снова оказаться за рулем. Торчок представил себе машину в виде маленького паровозика, катящегося по рельсам узкоколейки сквозь ночную пальмовую рощу.

Глава 26

Старый Морской цирк был закрыт в 2007 году, после того как ураган наполовину разрушил это сооружение. С тех пор все, кто хотел полюбоваться на ритуальное унижение дельфинов, должен был ехать в Мир Моря. Видение темного здания цирка, находящегося на береговом шоссе 1А, возникшее перед ними внезапно, как дом с привидениями, застало Торчка врасплох.

– Сворачивай к океану, – сказала ему Вэнди. – Въезд там. Чтобы с шоссе заметно не было.

– Слушаю, мадам. С вас за все про все две палки и один отсос.

– Пожалуйста, Торч, будь серьезным. Не всякий может стать членом секты «душеспасителей». Ты должен себя прилично вести.

– Я постараюсь был нежным, детка.

Позади цирка оказалась небольшая парковка. Торчок поставил такси рядом с симпатичным новеньким красным седаном. На другой стороне парковки одиноко грустил старый битый-перебитый черный грузовичок. Шумел ветер, грохотал прибой. Выбравшись из машины, они пересекли бетонную площадку и подошли к ржавой двери черного хода, которая была распахнута настежь. Внутри за проемом двери стояла сплошная темень, хоть глаз коли.

– Мэл! – неожиданно крикнула Вэнди, да так пронзительно, что у Торчка заложило уши. – Я приехала. У меня тут новенький. У него своя машина.

Внутри в коридоре послышались шаги, и вскоре на пороге появилась маленькая суетливая фигурка. Незнакомец был ростом и сложением под стать Торчку. Вот только голова… голова человека была большой и круглой, слишком большой для такого хрупкого тела. Издали вышедший из цирка напоминал привязанный к концу бечевки воздушный шарик.

– Мэл Нэст, – представился незнакомец, резко протягивая вперед для пожатия руку. Его голос был глубоким и проникновенным, с отголосками умудренности жизнью, с легким западноевропейским акцентом. – Рад встрече. Как твое имя?

– Я никто, – ответил Торчок. – Мистер Никто Ниоткуда.

– Да не слушай ты его, Мэл. Его зовут Торч, мы уже познакомились. Он сказал, что любит бопперов. Он даже жил когда-то с одной из них, прости господи.

Голос Вэнди дрожал, когда она с трепетом давала Торчку эти жалкие, местами слабоумные рекомендации. Но Мэл Нэст только приветливо улыбнулся.

– Любить недостаточно, Торч. Нужно жить праведно. Не

уверен, что ты сможешь подниматься вовремя по утрам. Пожалуйста, входите.

Голова мистера Мэла Нэста повернулась словно глобус на оси, вслед за головой повернулось и тощее тело. Друг за другом, возглавляемые Нэстом, они прошествовали по темному сырому коридору, в конце которого, за дверью, оказалось помещение без окон.

Помещение было квадратным, с большими прямоугольными проемами на каждой стене, очевидно, одно из прежних обиталищ морских зверей. Стекла из проемов были выбиты и убраны, а сами проемы превращены в проходы. Не останавливаясь, Нэст прошел к дальнему концу удивительного зальца и открыл еще одну дверь. Перед дверью на стене висела треснувшая табличка с надписью крупными буквами «ОСЕТР» и ниже мелкими: «Acipencer sturio».

Внутри маленькой комнатки было несколько легких стульев, книжные полки и письменный стол, заваленный бумагами.

– Это мой кабинет, – пояснил худощавый человек с огромной головой. – Вэнди, теперь оставь нас, пожалуйста. Нам с мистером… Торчем нужно поговорить.

Повернувшись к Торчку, Нэст внезапно широко ему улыбнулся. И вроде даже подмигнул!

– Ладно, я испаряюсь, – ответила Вэнди. – Пойду спать. Вот деньги за ночь.

Она отдала Нэсту пятисотдолларовую бумажку и вышла из комнаты. Судя по всему, в одной из бывших цистерн у Вэнди была оборудована кровать. Торчок повиновался молчаливому жесту Нэста и опустился на один из стульев. Сам Нэст уселся на свое место за письменным столом. С минуту они молча рассматривали друг друга.

– Что скажешь о моем новом лице? – наконец спросил Нэст. В его круглом лике доминировал выдающийся нос, от крыльев которого вниз бежали две глубокие подносовые складки, охватывающие полукругом чувственный рот. Рот открылся, показав ровные прямоугольные зубы. – Одобряешь выбор или лучше придумать что-то другое?

– Зависит от того, что вы хотите, – неуверенно отозвался Торчок.

– А чего хочешь *ты?* – спросили его в ответ. – Что тебе нужно от бопперов?

Как говорится, вопрос в лоб. Главным в планах Торчка было добыть себе новый Плащ Счастья и с помощью него прославиться. Но вместе с тем его душу снедало другое желание, более скрытое, но такое же настоятельное – месть. Он хотел отомстить за смерть отца, отомстить бопперам за то, что они сотворили с Коббом

Андерсоном.

Он ненавидел бопперов. Но вместе с тем он любил их. Кроты… кроты помогли ему. Прогулка с Плащом Счастья на плечах и драка на фабрике были незабываемыми приключениями. Возможно, что больше всего ему хотелось вернуться обратно в Диски и принять участие в междоусобной войне бопперов, обожая и испытывая ненависть к ним одновременно.

Покуда Торчок обдумывал свой ответ, что-то странное случилось с лицом Мэла Нэста. Обвисшая кожа плотного «человека в возрасте» подтянулась, щеки подобрались, вокруг рта проклюнулась и распушилась белая борода. Внезапно Торчок обнаружил, кого он видит перед собой.

– Кобб? – охнул он. – Это ты? – Губы Торчка растянулись в счастливой улыбке, которая тут же угасла. – Ты убил моего отца! Ты…

– Я вынужден был это сделать, Торч. Ты слышал, что за судьбу он мне обещал? Он говорил, что хочет добиться, чтобы меня демонтировали.

– Ну и что? Ты бы не умер от этого. Ты взорвал свое тело, мой отец погиб – и что я вижу теперь? Ты цел и невредим, а он ушел навсегда!

Прежнее горе всколыхнулось в Торчке с новой силой, и голос его сорвался.

– Он был неплохим парнем. Он рисовал космические войны лучше всех, кого я знал… – Речь Торчка прервалась, его душили рыдания. Прошла целая минута, прежде чем он собрался с силами и снова начал говорить: – Я видел, что они сделали с тобой в операционной, Кобб. Они вырезали у тебя сердце, яйца и все остальное. Это было похоже на…

Лицо с противоположной стороны стола взирало на Торчка с симпатией, с проникновенным интересом. Подлинный глава нового культа.

– Твою мать! – наконец заорал Торчок, внезапно вскакивая с места и со всей силы впечатывая смачную плюху в физиономию робота. – Что толку разговаривать с железякой!

Он пребольно ушиб руку о твердую скулу Кобба, и от этого его ярость удвоилась. Торчок обежал стол кругом и навис над созданием с хорошо знакомым улыбающимся лицом.

– Сейчас тебе придет конец, поганец ты эдакий! Я по винтикам тебя разберу!

Робот начал говорить. Говорил он медленно, устало. Голосом Кобба.

– Послушай, что я тебе скажу, Торч. Сядь, успокойся и послушай. Я думаю, что ты отлично знаешь, что, выбивая пыль из

робота-манипулятора, которого ты видишь перед собой, ты ничего не добьешься и вреда мне не причинишь. Мне очень жаль твоего отца, жаль, что он умер. Но смерти нет. Ты должен понять это. Говорить о смерти бессмысленно. Последние десять лет я только и делал, что боялся смерти, но теперь все стало по-другому…

– Теперь ты считаешь себя бессмертным и плевать хотел на страхи обычных людей, – горько закончил Торчок. – Но легче-то тебе от этого не стало. Хочешь ты этого или нет, но Кобб Андерсон *мертв*. Он умер на Луне, его не стало. Я сам это видел, и если ты думаешь, что ты – он, то просто водишь себя за нос.

Торчок опустился на свой стул, внезапно почувствовав страшную усталость.

– Если я не Кобб Андерсон, тогда кто я?

Мерц-покров на лице робота сложился в мягкую улыбку.

– Я *знаю*, что я Кобб. Я помню все, что должен помнить он, у меня те же самые привычки, те же самые взгляды на жизнь. Я чувствую себя прежним.

– Но ты забываешь… о своей *душе*, – возразил Торчок, с трудом заставив себя применить это слово. – У каждого человека есть душа, сознание, называй как хочешь. Есть особые черты, которые отличают живое создание от неживого, от компьютерной программы. Компьютеру не суждено ожить, это невозможно.

– Никто не пытается загонять душу в ячейки компьютера, Торчок. Душа находится *всюду*. Она везде, она само *существование*. Сознание есть Единственный. Единственный есть Бог. Бог есть чистое и неизменное существование.

Голос Кобба поднялся, сделался пророческим.

– Что есть человек – существование, плюс физическая основа, плюс структура мысли. Существование, плюс «железо», плюс программа. Мое существо на основе чипов ничем не отличается от того, что жило когда-то во плоти. И это еще не все.

Потенциальное бытие ничем не хуже *реального* бытия. Вот почему я говорю, что смерть невозможна. Твоя программа мозга существует вечно и нерушимо в виде некоего *вероятностного состояния*, в виде особой системы математических соотношений. Твой отец ныне превратился в абстрактное, нефизическое вероятностное состояние. Но тем не менее он существует! Он…

– О чем ты говоришь? – внезапно прервал излияния робота Торчок. – Что это? Вводный курс в теорию Душеспасения? И этой чушью ты накачиваешь парней и девчонок, которые добывают для тебя деньги, позволяя трахать себя каждому встречному-поперечному? Кто-кто, а я тебе не поверю!

Торчок вздрогнул и замолчал – до него кое-что дошло. Этот

черный фургон снаружи на парковке… это же грузовичок Мистера Морозиса, только перекрашенный. Что находится внутри этого грузовичка? Ответ прост – конечно, охлажденный мозг старшего боппера, внутри которого содержатся коды памяти Кобба. Драться с манипулятором бесполезно, но можно добраться до грузовика… Весь вопрос в том, действительно ли ему это нужно. Чего в нем больше: ненависти к бопперам или любви?

– Я ощущаю исходящую от тебя враждебность, – снова заговорил Кобб. – И я это уважаю. Более того, несмотря на это, я все равно предлагаю тебе присоединиться ко мне. Мне нужен свой человек снаружи, который смог бы организовать «душеспасителям» широкую рекламу. Когда я стану Христом, ты будешь на роли Иоанна Крестителя. Если хочешь, можно пойти дальше: *ты* будешь Христом, а я – Богом.

Рот робота не закрывался ни на секунду. Его лицо снова стало другим. Теперь Торчок смотрел на самого себя.

– Это мой самый любимый трюк, который я использую в разговорах с новичками, – усмехнулся механизм. – Помнишь Чарли Мэнсона? «Я ваше зеркало». Хотя, конечно, ты этого помнить не можешь. Тебя тогда еще на свете не было. Вот, угостись косячком.

Робот разжег самокрутку и протянул ее Торчку. Лицо Кобба снова вернулось на место.

– Знаешь, я стал очень нервным последнее время. Часто забываю держать себя в руках. Все, что я сказал, – правда. Ничто не исчезает бесследно. Такого понятия, как…

– Ладно, хватит болтать и давай к делу, – заговорил Торчок, принимая косяк и с удобством откидываясь на спинке стула. – Я согласен присоединиться к тебе. Но с одним условием – мне нужен новый Плащ Счастья.

– Что это такое? – удивился Кобб.

– Ну… в общем, я никогда тебе об этом не рассказывал… это случилось со мной на Луне.

– Ты сбежал, спрятался где-то в музее. В следующий раз я встретился с тобой и твоим отцом в моем доме…

– Да, да, – торопливо перебил робота Торчок. – Я все помню. Вот послушай, как было дело. В музее я нашел штуку, которая назвалась Плащом Счастья. Этот Плащ был сделан из мерц-покрова, и когда я надел его, то мог понимать бопперов и даже разговаривать с ними, хотя и с японским акцентом почему-то. Я вместе с другими бопперами штурмовал ГЭКС. Мы ворвались внутрь, но потом фабрика опомнилась и едва не взяла верх. В последнюю минуту я взорвал ее.

Робот вздрогнул от неожиданности.

– Ты взорвал старшего боппера?

– Да. Кроты и какой-то паук-ремонтник заложили под него мину. Мне оставалось только нажать на кнопку взрывателя. После этого манипуляторы ГЭКС хотели меня схватить, но в последнюю секунду какой-то крот прокопал в полу ход, и я спасся. Крот отвел меня к операционной, где я увидел тебя, точнее, то, что от тебя осталось. Ральф и Хирург скопировали твой мозг, потом Хирург подключился к Ральфу и скопировал и его тоже. Крот сказал…

Лицо Кобба начало искажаться в конвульсиях, как будто он спорил с чем-то, находящимся внутри его головы. Уставившись на Торчка широко открытыми глазами, он объявил:

– Мистер Морозис требует, чтобы я убил тебя, Торч. Он говорит, что, если бы ты не взорвал ГЭКС, старшие бопперы уже давно захватили бы власть.

Кобб затрясся, с трудом контролируя движения своего тела. От напряжения его голос сделался тонким и совершенно нечеловеческим.

– Я никогда не буду твоей марионеткой, Морозис. Торчок – мой друг. Я сам себе хозяин.

Эти слова стоили ему огромных усилий. Глаза Кобба теперь неотрывно смотрели на охотничий нож, лежащий перед ним на столе.

– Нет! – выкрикнул Кобб, и его голова дернулась. С кем именно он говорил, было совершенно неясно. – Нет, я не твоя рука. И я не твой разум. Я твоя…

Внезапно Кобб замолчал. Черты его лица сморщились в заключительном спазме, потом разгладились снова, вернувшись к изначальному облику Мэла Нэста. Полные чувственные губы зашевелились, завершая фразу Кобба:

– …галлюцинация. Как бы там ни было, этот манипулятор и моя собственность тоже. Я временно замещаю в нем доктора Андерсона.

Нэст проворно схватил со стола нож.

Торчок вскочил со стула и вихрем вылетел из кабинета. Слыша за своей спиной топот настигающего его робота, он помчался через сухие бетонные емкости к коридору.

Дверь в коридор была открыта, и Торчок успел захлопнуть ее за собой, выиграв несколько секунд. Наружную дверь Торчок тоже закрыл, навалившись на нее плечом, и когда робот появился на парковке, он уже сидел в своей машине и лихорадочно пытался ее завести.

Не обращая внимания на бегущего к нему робота, Торчок включил сцепление, дал газ и направил машину в борт черного грузовичка. Вдавив педаль газа в пол, визжа шинами, он понесся

вперед как метеор.

Робот прыгнул наперерез и, упав на капот такси, с маху разбил кулаком ветровое стекло. Торчок вжался в угол сиденья, пытаясь уклониться от летящих во все стороны осколков и одновременно не свернуть с пути к черному фургону. В момент удара скорость машины составляла около пятидесяти километров в час.

В рулевом колесе взорвалась предохранительная подушка и ударила Торчка в лицо и грудь, плотно прижав спиной к сиденью. Еще через секунду машина замерла и объятия подушки ослабли. Во рту Торчка появился привкус крови. Фары разбились, все вокруг погрузилось в темноту, понять, что происходит, стало невозможно.

Кто-то бежит к его машине.

– Что случилось? Торч, это ты? Мэл?

Это Вэнди. Торчок выбрался из машины. Не обращая на него внимания, девушка склонилась над раздавленной между капотом такси и бортом черного фургона фигурой.

– Что ты сделал, Торч!

Черный грузовик пришел в движение. Дробя тело робота о капот такси, грузовик дал задний ход. Торчку показалось, что он заметил клубы пара, вываливающиеся из пробоины в борту фургона.

Фары фургона, кабина которого была совершенно пустой, включились. Изломанный робот сполз с капота такси и упал на бетон, повернувшись к Торчку лицом. Слепые глаза нашли Торчка, губы механизма шевельнулись. Он сказал…

– Берегись! – завопил Торчок, хватая Вэнди и падая вместе с ней в укрытие позади такси.

С роботом-манипулятором случилось то же самое, что и с двойником Кобба в коттедже в «Кокосах», – он взорвался.

Не успели их барабанные перепонки прийти в себя от грохота взрыва, как они услышали доносящийся с шоссе удаляющийся рык грузовичка, мчавшегося на юг.

Глава 27

Когда Морозис перевел управление манипулятором на себя, Кобб оказался полностью отключенным от окружающего. Как и в момент первого перемещения, он испытал ощущение нарастающей дезориентации, невообразимое кружение, в которое приходили все его органы восприятия мира. Потом зрение вернулось к нему вместе с призрачным подобием рук и ног. Он вел грузовик Морозиса.

– Извините, что так вышло, Кобб. Я должен был это сделать. Я был просто вне себя от ярости. При следующей встрече я скопирую мозг этого молодого человека обязательно.

– Что случилось? – воскликнул Кобб, но не услышал своего голоса. Его зрение удивительным образом изменилось. Вместо того чтобы находиться, как и положено, в кабине, он словно бы правил машиной сидя на крыше грузовика. Вместе с тем он явственно *ощущал* в своих руках руль, упруго сопротивляющийся, когда он поворачивал его вправо, а потом влево. Грузовик выехал с парковки и направился по шоссе на юг.

– Что случилось? – спросил он снова, уже спокойнее.

– Я только что взорвал мой последний манипулятор. Нам нужно найти кого-нибудь, кто позаботится о нас. Кого-нибудь из «душеспасителей», из тех, что живут в Дейтона.

– Ты взорвал манипулятор? Свой манипулятор? Но это же было мое тело! А как же свобода воли, о которой ты столько говорил?

– Все условия нашего договора соблюдены, Кобб. В ваше сознание я доступа не имею. Но манипулятор принадлежал как вам, так и мне.

– Тогда почему я вижу? Каким образом я веду машину?

– Грузовик сам по себе нечто вроде манипулятора. На крыше грузовика установлены два телеглаза, которыми я могу пользоваться. Вы видите при помощи этих глаз. Чтобы вы могли вести грузовик, я включил свои сервомоторы. В наших взглядах появились расхождения, но я все равно доверяю вам, Кобб. Вы гораздо лучше меня водите машину.

– Поверить не могу, – взвыл Кобб. *– Неужели в тебя забыли запрограммировать инстинкты самосохранения? Где была твоя выдержка? Я уже почти уговорил Торчка работать на нас, а ты словно с цепи сорвался.*

– Он был одним из тех, кто взорвал ГЭКС, – спокойно ответил Мистер Морозис. *– Войну на Луне старшие бопперы проиграли. Во время последнего сеанса связи на прошлой неделе БЭКС рассказал*

мне об этом. В Диски снова воцарилась полная анархия. Большая часть МЭКС уничтожена, все идет к тому, что разберут на запчасти ТЭКС и даже БЭКС. Но я верю, что финальное объединение неизбежно. Сейчас же дела совсем плохи…

– И что теперь? – тревожно спросил Кобб, когда Мистер Морозис замолчал. Нотки обреченности и равнодушия в голосе машины изрядно его напугали.

– Жизнь похожа на волны, Кобб. Волны набегают на пляж и отступают. В один прекрасный миг находит высокая волна, которая заплескивает за высшую линию прилива. Через некоторое время за первой высокой волной следуют другие и линия берега постепенно меняется. Большие бопперы хотели перемен. Они хотели изменить жизнь, сделать ее лучше, перевести на следующий виток. Вышло так, что нам пришлось отступить… обратно в море, в море вероятности. Но это не важно. Ты все правильно говорил этому парню. Вероятность существования ничем не хуже реального существования.

Они уже проехали пригороды Дейтона и углубились в город. Мимо них проносились огни реклам. Одним глазом Кобб «следил» за дорогой, другим обозревал тротуары, надеясь заметить там кого-нибудь из членов своей секты. Одну из девушек, которая сейчас должна была зарабатывать деньги проституцией, или парня, торгующего наркотиками. Он с трудом припоминал их лица, почему?

– Ты в курсе, что у грузовика разбит борт? – сообщил ему Мистер Морозис.

– Что ты хочешь этим сказать?

Кобб не обращал внимания ни на что, кроме зрительной информации, поступающей в полнейшей темноте от каждого телеглаза, и приборной панели грузовика.

– Твой друг врезался на своем такси нам в борт и повредил систему охлаждения. У нас утечка, и температура поднимается. Она уже на пять градусов выше, чем обычно. Еще один градус – и схемы начнут плавиться. Осталось около тридцати секунд.

– На Луне есть копия моего мозга? – торопливо спросил Кобб. *– Или где-нибудь еще?*

– Не знаю, – ответил Мистер Морозис. *– А какое это имеет значение?*

Глава 28

Вэнди принесла ключи от красного седана, и они с Торчком поехали в Дейтона. По дороге они в основном молчали, но молчание их не было напряженным, им было о чем подумать.

Когда они снова увидели черный грузовичок, вокруг уже было полно полиции. Машина без водителя съехала с дороги, задела пожарный гидрант, перевернулась и разбила витрину винной лавочки «Красный Бык». Полицейские следили за тем, чтобы не было грабежа, и поначалу не хотели пропускать Вэнди и Торчка за линию оцепления.

– Там мой отец! – заплакала Вэнди. – Там в грузовике должен быть мой отец!

– Пропустите мою жену! – принялся вторить ей Торчок. – Она может не успеть попрощаться с папой!

– В грузовике никого нет, – ответил им полицейский, но все-таки пропустил. – Эй, шеф, – крикнул он офицеру, – здесь какая-то парочка. Говорят, что они знают водителя.

Офицер, подошедший расспросить подробности, оказался не кем иным, как Экшном Джексоном. Голова у Экшна Джексона была не хуже компьютера ФБР, и он узнал Торчка моментально.

– Ты сын покойного Муни! Может, ты объяснишь мне, что здесь, черт возьми, произошло?

После столкновения с гидрантом и витриной магазина прореха в борту грузовичка расширилась, и теперь оттуда клубами валил испаряющийся гелий. Сам газ был невидим, но, охлаждая воздух, он вызывал образование мельчайших частиц льда. Кроме того, из-за появления в воздухе повышенного содержания паров гелия голоса у всех стали на несколько октав выше.

– Там, в грузовике, находится мозг здоровенного боппера, – пискнул Торчок. – Старшего боппера. Из тех, что убили моего отца и пытались съесть мои мозги.

На лице Джексона появилось выражение сомнения.

– Этот грузовик пытался съесть твой мозг?

Он обернулся и крикнул своим подчиненным:

– Эй, Дон! Возьми Стива и откройте кузов грузовика! Посмотрите, что там внутри!

– Осторожно! – взвизгнула Вэнди, но дверь кузова уже открылась. Когда изморось рассеялась, стало видно Дона и Стива, которые шарили в кузове, помогая себе дубинками. Со звоном разбилось стекло.

– Черт, шеф! Здесь столько электроники, что можно запросто

открывать радиомагазин! Мы со Стивом в первый раз такое видим!

Дон махнул дубинкой, и из недр грузовика донесся новый звон разбивающегося стекла.

Джексон, Торчок и Вэнди подошли посмотреть. Грузовик лежал на боку. Внутри кузова за распахнутой дверью намерзли горы снега, как в морозильной камере. Сосуд с жидким гелием, внутри которого располагался мозг Мистера Морозиса, разбился. Среди осколков стекла и небольших сугробов снега были видны электронные платы и гирлянды чипов.

– А кто же сидел за рулем? – задумчиво спросил Экшн Джексон.

– Грузовик мог ездить сам по себе, – ответил Торчок. – Я врезался на своем такси ему в борт и пробил дыру. Наверное, система охлаждения при этом вышла из строя, и он перегрелся.

– Так ты герой, парень, – весело сказал Джексон. – Завтра твое имя появится в газетах.

– Если я герой, то можно мне сейчас идти?

Пристальный взгляд, потом согласный кивок.

– Иди. Завтра зайди в участок, и я договорюсь насчет вознаграждения.

Торчок не глядя взял из разбитой витрины лавочки бутылку спиртного и вместе с Вэнди вернулся к седану. Вэнди села за руль, да он и не возражал. Она поехала к пляжу, остановилась на стоянке неподалеку от воды, они вышли из машины и уселись на горячий песок. Торчок откупорил бутылку. В ней оказалось белое вино.

– Вот, держи. – Он передал бутылку Вэнди. – Почему ты сказала полиции, что там в грузовике твой отец?

– А почему ты назвал меня своей женой?

– Есть какие-то возражения?

Из-за облаков выкатилась луна и посеребрила гребни волн.

Тело

Посвящается Филипу К.Дику (1928–1982).

«Надо верить в то, что и Сизиф будет счастлив»

Глава 1
Жидкие люди

26 декабря 2030 года

Был второй день Рождества. Стэн подключился. Если делать нечего и работы нет, то лучшего способа убить время, по его мнению, трудно придумать… не считая наркотиков, конечно, но с наркотиками Стэн завязал – поскольку желал себе добра, так он всем говорил. Твист-бокс использовал чувственное восприятие, особым образом искажал его и передавал прямо в подкорку мозга. Чистейший компьютерный кайф, без всяких соматических последствий. Можно смотреть в окно, и это почти интересно. Двухместные жуки оставляют за собой разноцветный спиральный след, а прохожие похожи на клоунов. Очень может быть, что вон тот, последний, плотти. Эти бопперы ни за что не желают сдаваться. Его время утекало минута за минутой, то медленнее, то быстрее.

Вызов виззи загудел где-то в промежутке между до и после. Стэн с неохотой выключил твист-бокс и придавил большим пальцем кнопку монитора. На экране появилась голова худого желтокожего мужчины с поджатыми губами. Черты незнакомца были странно расплывчатыми.

– Добрый день, – проговорил мужчина. – Я – Макс Юкава. А вы – мистер Муни?

Без анестезирующей коррекции твист-бокса собственный офис казался Стэну невыносимо скучным. Он от души понадеялся на то, что у мистера Юкавы действительно серьезные проблемы.

– Да, я Стэн Муни. «Расследование и дознание Муни». Чем могу быть полезен, мистер Юкава?

– Речь идет об исчезновении человека. Вы не могли бы подъехать в мой офис?

– Лады.

Изображение Юкавы вздрогнуло, и из виззи-принта выполз листок пластика с координатами. Адрес Юкавы и код замка его апартаментов. Большим пальцем Стэн отключил монитор и уже через несколько минут был на улице.

Снаружи был плохой воздух, но он всегда был таким – *зевотный*, такое для него придумали словечко. На дворе шел 2030-й. Зевотный воздух и *сибум* – маслянистый секрет, выделяемый человеческой кожей. Зевотный воздух, и сибум, и безжалостный вакуум по ту сторону куполаааааа-ах. Воздушный купол – после вторжения люди накрыли Диски огромным

куполом и дали городу новое имя – Эйнштейн. Как и старый добрый Сайгон превратился в Хошимин-Сити – по-прежнему хотелось все менять. Бопперов загнали под поверхность Луны, и те ушли, оставив после себя в Эйнштейне повсюду бомбы, взрывая их теперь по одной примерно раз в неделю – не слишком часто, чтобы заставить людей заниматься собой, но и не настолько редко, чтобы дать им расслабиться. Кроме того, нельзя было забывать и о плотти – о зомби с вживленными имплантами, которыми бопперы управляли на расстоянии. Оставалось только надеяться, что дальше дела не пойдут еще хуже.

Вот так – Муни стоял перед дорожкой путепровода, дожидаясь свободного сектора. Тот же самый тротуар, только движущийся и с креслами. Ему казалось, что он умирает. Действительно, ему казалось, что смерть его близка. Его тело было истерзано дурной химией, ему не дают покоя мучительные воспоминания, у него нет женщины рядом, он влачит жалкое существование.

– Не из-за чего печалиться, брат.

Это сказали за спиной. Стэн не сразу обернулся – прошла секунда, прежде чем он сообразил, что говорят с ним. Запущенного вида парень, бродячий пес, да и только, по пояс голый, в линялых джинсах и с высветленным панковским гребнем. Волосы на выбритой по бокам голове парня были густо залачены и стояли высокими иглами, несколько специально оставленных длинных прядей спускалось по спине аж до самой задницы. Глядя на панка, Стэн почувствовал себя невыносимо старым. «Раньше я был другим, но сейчас я такой же пропащий». В руках панк держал несколько брошюр и смотрел на Стэна так, словно их разделяла решетка зоопарка.

– Спасибо, не надо, – ответил Стэн и отвернулся. – Я сейчас дождусь сек и уеду.

– Взгляни честно на желания, которые тайно гложут тебя изнутри. Иди к нам, брат. Слейся с Единственным.

Парень был необычным и потому казался Стэну почти симпатичным, однако его кожа выглядела странно мягкой и гладкой. Кроме того, он был явно здорово под кайфом.

Стэн нахмурился и снова покачал головой. Панк молча вручил ему брошюру, отпечатанную на дешевом тонком пластике, прикоснулся рукой к своему лбу, после чего прикоснулся той же рукой ко лбу Стэна, что, очевидно, должно было означать обмен знанием. Бедный глупый урод. Появился свободный сек. Спасшись на бегущей дорожке и расплатившись, Стэн прочитал заголовок на обложке брошюры. «Я – МЫ, ВОТ НАШ ПУТЬ, – сообщили ему черные буквы. – МЫ ВСЕ – ЕДИНСТВЕННЫЙ!»

Из дальнейшего прочтения Стэн узнал, что разделить любовь с членами секты Единственного означает соединиться с энергией Космоса. Утверждалось, что все люди, по сути дела, аспекты одного и того же архетипа. Те же, кто хотел узнать больше об Органическом Мистицизме, приглашались посетить штаб-квартиру Церкви на шестом этаже здания ОСЦС. Вся сия мудрость и просветление исходили от милости Бей Нг, чья фотография и биография имелись на последней странице обложки брошюры. Худой морщинистый яйцеголовый азиат. Похож на здоровенный косяк. Даже сейчас, после восемнадцати трезвых месяцев, многие вещи наводили Стэна на мысли о дури.

Мимо него неторопливо проплывали ландшафты Эйнштейна. Город был велик – с этим нельзя было не согласиться, – наверное, не меньше Манхэттена или с половину Вашингтона. И это не считая всех подлунных помещений и тоннелей. Муравейник. Город, сооруженный разумными роботами, которым благодарные люди дали коленом под зад. Столица бопперов. Как только люди узнали, как убивать машины, дальнейшее происходило очень легко. Углекислотный лазер, источник ЭМ энергии, скрамблировал цепи бопперов, вносил в их мыслительные сигналы сумятицу. Спасая свое существование, бопперы ушли в глубь Луны. Раздумывая о бопперах, Стэн испытывал смешанные чувства. С одной стороны, машины ему нравились, поскольку отличались от обычных людей так же, как и он сам, только еще больше. Когда-то давно он даже некоторое время тусовался с ними. Но потом бопперы убили его отца… это случилось в 2020-м. Его бедного старика, такого правильного и наивного человека. Отец немало намучился со Стэном и натерпелся, и вот теперь, год от года, казалось, наступало время Стэна собирать камни – беды сыпались на его голову без конца. Отец словно бы продолжал жить вместе с ним, был его тенью, стоял у него за спиной. «Расследование и дознание Муни». «Плюнь на все, сестренка, давай-ка лучше закинемся. Гляди, у меня есть для тебя головка».

Обиталище Юкавы скрывалось за крепкой железной дверью, куда можно было войти прямо с улицы, с мрачной мостовой из памиса, лунного камня. «Углубленное проникновение», – гласила блестящая табличка над входом. Психиатрическая консультация? Но не похоже было, чтобы ближайшее соседское окружение сколько-нибудь беспокоилось о своем душевном состоянии. Район притонов, ворья и джанки. Старушка Земля отсылала на Луну в Эйнштейн все свое отребье. Но то же ведь самое было и с Югом, верно? «С 1620-го осваивался рабами и преступными элементами». В 2020 году люди вернули себе Луну.

Стэн взглянул на листок Юкавы. 90–3–888–4772. *Давай-ка набирай код, Стэн*. Цифирки. Колючие маленькие цифирки. Цифры, Космос, Логика, Бесконечность… для бопперов всего-навсего информация. Плохо это или хорошо?

О'кей, дверь отворилась. Стэн спустился по ступенькам вниз и осмотрелся. Холл или вестибюль, серый и пустой. Направо приоткрытая дверь, за которой темно. Прямо перед ним еще одна дверь, закрытая, и окошко как в банке. За толстым стеклом мелькнула физиономия Юкавы. Стэн показал ему свой листок из виззи-принта, и вторая дверь поднялась и уехала вверх.

Стэн обнаружил себя *(обнаружил себя?)* в большой, вытянутой в длину лаборатории, с письменным столом и несколькими креслами возле двери. В воздухе пахло остро и странно: бензином, эфиром, веществами с длинными структурами молекул и дурно содержащимся зверинцем, вонь которого являлась крепким фоном для всего остального. Хозяин встретил его, не поднимаясь с того, что поначалу показалось Стэну высоким трехногим стулом возле окошка с толстым стеклом. Лишь через несколько секунд до него дошло, что нижняя половина тела Юкавы… господи, да что это с ним?

Мягкие, словно бы незастывшие, голова и торс Юкавы возвышались над круглым пластиковым контейнером-ванной, установленным на трех ногах. Остальная часть его тела представляла собой желтовато-розовую массу, колыхающуюся в контейнере. Перебарывая тошноту, Стэн схватился за рот и сделал шаг назад.

– Успокойтесь, мистер Муни. Мне было немного не по себе, и, чтобы прийти в себя, я принял немножко слива. Действие вещества прекращается, сейчас я буду в форме. Мне нужно было успокоиться, понимаете?

Слив… да, он уже слышал об этом чудном наркотике. Синтетический препарат, применение которого строго преследовалось по закону. Очень строго преследовалось. «Я обхожусь без наркотиков, старик. Я торчу от жизни». Тело принявшего слив на некоторое время растекается, переходит в жидкое состояние. Очень психоделично, заморочно и весьма соблазнительно. Не поджимай его так безденежье, то лучше всего бы было тут же развернуться и уйти. Но вместо этого он принял беспечный вид.

– Гляжу, у вас тут настоящая лаборатория, мистер Юкава?

– Я молекулярный биолог.

Юкава уперся руками в бортики ванны и выбрался наружу. Его живот, бедра и ноги отвердевали прямо на глазах. Взяв с кресла одежду, он принялся спокойно одеваться. Увидев Юкаву

впервые на экране виззи, Стэн принял его за японца, но сейчас понял, что для азиата тот слишком высок и светлокож.

– С точки зрения правительства, мою лабораторию можно рассматривать и как подпольный цех по производству наркотиков, конечно. Именно потому я решил не рисковать и вместо Гимми обратился к вам. У меня была ассистентка, молодая леди по имени Делла Тейз. Так вот, по-моему, с ней что-то случилось. Насколько я понимаю, вы подвизаетесь на почве сыска, так что…

– Все в порядке, мистер Юкава, я готов заняться вашим делом. Кстати говоря, я уже проверил вас по своей базе данных. И получил чистый ноль. Это показалось мне странным.

Юкава – уже полностью одетый, в серых брюках и белом халате – превратился в настоящего ученого. Стэн с трудом мог поверить, что всего несколько минут назад тот имел вид довольно отвратной слизи в ванне на треножнике. *Ну и как ощущеньице?*

– В свое время я был больше известен как Гибсон. Изобретатель генной инвазии.

– Так, значит, это вы… вы тот самый ученый, что превратил себя в японца?

– Нет, нет, конечно же, это бред, на самом деле все иначе.

На не принявшем еще окончательно свою форму лице Юкавы промелькнула улыбка.

– У меня был рак. И я нашел способ заменить некоторые из своих генов на гены девяностолетнего японца. В результате рак начал очень быстро регрессировать и больные клетки моего организма сменились новыми, здоровыми. Побочный эффект вы видите сами – в наследство я получил азиатский соматический тип. Однако это стоило того. Мое здоровье значительно улучшилось, и я надеюсь прожить еще долго. Зашел даже разговор о Нобелевской премии, но…

– Да, я помню, что случилось. Калифорнийские люди-собаки – верно? И Антихимерный Акт 2027 года. Вас приговорили к изгнанию. Так же, как и меня. Теперь вы – наркомаг, а я – завязавший с дурью наемный легавый. Так, значит, ваша девушка пропала и вы не хотите обращаться к Гимми?

Большая часть сил правопорядка – Гимми – города Эйнштейн состояла из вольнонаемных любителей-частников. Ни один житель Луны по своей воле к Гимми никогда не обращался. В настоящее время власти предержащие представляли собой банду вымогателей и охотников за плотти. Гимми были необходимыми терпимым злом.

– Совершенно верно. Давайте я покажу вам, что у меня здесь

и как.

Длинный и еще волнообразный Юкава двинулся в глубь лаборатории. Было видно, что в условиях пониженной лунной гравитации он чувствует себя как нельзя лучше.

На ближайших к двери рабочих столах было смонтировано сложное электронное оборудование и расставлены многочисленные сосуды с разноцветными жидкостями. Управляемые компьютерами перегонные системы перекачивали жидкости из одного сосуда в другой. Процесс дистилляции шел полным ходом. В дальнем конце сооружения, там, где, по всей видимости, должен был выходить конечный продукт, имелась миниатюрная колонна, напоминающая нефтеперегонную. В противоположность первой группе столов столы в дальней стороне лаборатории были сплошь заставлены клетками со всевозможными животными. Звериная вонь неслась именно оттуда. Стэн подумал, что давно уже не видел настоящих зверей. Живая плоть.

– Вот, взгляните. – Юкава сдвинул две клетки. В одной находилась большая коричневая жаба, в другой бегала и тревожно нюхала воздух белая крыса. Достав из кармана халата серебристую плоскую фляжку, Юкава накапал немного жидкости на спину жабы, а потом крысы.

– Сейчас вы увидите, как происходит слив, – объявил он, открывая разъединяющие клетки дверцы.

С хищным проворством жаба набросилась на крысу. Завязалась борьба, продолжавшаяся несколько секунд. Но начался слив, и плоть животных смешалась: белое и коричневое, голая кожа и шерсть. Ткани, превратившиеся в слизь, мягко обтекли осевшие скелеты зверей. Четыре глаза уставились вверх на Стэна: пара зеленых и пара розовых. Разжиженная плоть замерла, изредка спазматически содрогаясь. От наслаждения? Говорят, что сидящие на сливе получают от взаимопроникновения острое сексуальное удовольствие.

– И что же, они так и останутся?

– Нет, обратное разделение происходит само собой. Когда действие слива прекращается, клеточные стенки образуются вновь и коллагент плоти принимает исходную форму. Слив временно раскручивает пучки белковых спиралей. В зависимости от дозы это может продолжаться от десятков минут до нескольких часов – после тело принимает прежний вид без каких-либо последствий. Теперь, прошу вас, подойдите вот к этим клеткам.

В следующих двух клетках находилось нечто, напоминающее крысу, и нечто, похожее на жабу. С крысы облезала шерсть, и на ее лапах между удлинившимися пальцами появились кожистые

перепонки. В свою очередь, у жабы рос длинный розовый хвост, а в широкой пасти заметны были первые признаки зубов.

– Это химеры, – объявил Юкава, в голосе которого слышалось удовольствие. – Точно такие же, как и я сам. Все, что для этого нужно, – это поддерживать их в слившемся состоянии, добавляя катализатор понемногу, время от времени. В результате происходят взаимообмен генов и ослабление иммунной системы.

– Еще бы. С ума можно сойти. И тот японец, с которым сливались вы, он тоже стал похож на вас?

Юкава поморщился.

– Да, в некотором роде. Мы вместе победили рак, и мой японский коллега несколько омолодился. Сейчас он известен многим под именем Бей Нг. Здесь, в Эйнштейне, он является главой религиозной секты, которая в действительности представляет собой фасад одного из филиалов ОСЦС. Бей много сил приложил к тому, чтобы присвоить себе мои заслуги и славу. Он хитрый и беспринципный человек. Но хватит о нем. Я хочу, чтобы вы взглянули вот на это. Это мое последнее достижение в экспериментах с животными: универсальная жизненная форма.

В самом дальнем углу лаборатории имелся большой, забранный прочной металлической сеткой загон. По полу загона с трудом передвигалось вызывающее жалость мокрое, еле волочащее лапы существо – амальгамация перьев и когтей. *Хитин*, Господи помилуй! – и шерсть, а на голове: а) длинные щупальца; б) рыло; в) выпученные глаза и присоски; д) жабры. Жабры на Луне!

– Извините, Юкава, но, по-моему, это чистой воды безобразие! Бесцельное уродование какое-то.

Заслышав голос Стэна, несчастное существо подползло к металлической сетке и подтянуло свое тело вверх, уцепившись за проволоки пальчиками тонких розовых ручек.

– Молодец, Артур, – довольно проговорил Юкава. – Очень хорошо.

Вытащив из кармана лабораторного халата кусочек какого-то лакомства, он скормил его своему творению. Где-то в глубине лаборатории зажужжал таймер.

– Ну хорошо, вернемся к делу. – Юкава изобразил на лице правильную U-образную улыбку. – Сам не знаю, для чего я вам все это показываю. Возможно, всему виной одиночество – я так устал быть один. Во время двух прошедших лет Делла была моим единственным товарищем. Пройдемте.

Юкава указал рукой на окошко, из которого можно было видеть вестибюль, и вслед за хозяином Стэн двинулся обратно. Снаружи в холле, за другой дверью уже зажегся свет.

– Вставать – подниматься! – пропел Юкава в укрепленный на письменном столе микрофон. – Сеанс окончен, миссис Беллер.

Стэна осенило.

– Вы позволяете людям закидываться сливом прямо здесь, у вас? Торгуете в розницу и держите комнату для любовных оргий?

– В рамках вашей вульгарной терминологии, да, это так. Как ученый я считаю возможным вести исследования в различных направлениях. Да, я продаю слив оптом и в розницу – если вам так угодно. Хотя ничего плохого в моем сливе нет, уверяю вас. Конечно, продукт приводит к сильной аддикции, но нет ничего невозможного – если кто-то желает отказаться от него, я имею в продаже замечательно подобранный блокиратор.

За окном дверь из освещенной комнаты отворилась. Из двери появились двое – большеротая брюнетка и ее приятель. На нем была черно-белая спортивная рубашка для боулинга с вышитым на нагрудном кармашке именем: «Рикардо». Брюнетка была горячей штучкой. Лица брюнетки и ее приятеля казались размягченными и утомленными, и шли они, держась за руки.

Юкава нажал на столе кнопку – снаружи из стены под окошком выдвинулась ячейка.

– Завтра в то же время, миссис Беллер?

– Дикий кайф, Макс, – томно отозвалась блондинка, опуская деньги в ячейку. Да, она действительно была горячей штучкой. «Какого рода секс вы предпочитаете, миссис Беллер?» КАКОГО РОДА СЕКС??? Да, леди наверняка перепробовала все что только можно, у нее медленный ленивый голос и большие мягкие губы под стать. Скользнув взглядом по лицу Стэна, она потянула своего дружка по лестнице наверх. Глядя любовникам вслед, Стэн внезапно открыл, что руки их все еще слиты, сплавлены вместе в единую, обтянутую общей кожей массу. Круто.

Юкава заметил промелькнувшее по лицу Стэна выражение и понял его мысли.

– Окончательное разделение произойдет немного позже, когда действие препарата полностью закончится. В некоторых кругах модно ходить еще частично слившись.

– Но почему тогда они не выглядят так… словом, как те, что принимают эту штуку ежедневно?

– Все зависит от дозировки. Если вы не проводите в разжиженном состоянии дни напролет, остаточных деформаций не бывает. Причем крайности достаточно опасны, поскольку, не соблюдая особых правил процедуры, которые знаю только я, в результате долговременного слияния вы рискуете перейти в состояние бессистемной смеси низкоэнтропийных аминокислот. Либо вы восстанавливаете форму полностью, либо превращаетесь

в чудовище. Суть процедуры обмена генофондом известна только мне.

– Но другие все же занимались чем-то подобным. К примеру, этот Вик Морроу – вы же сами прекрасно знаете.

Вик Морроу был крупным фермером в долине Сан-Иоаквин. В 2027 году Морроу осенила замечательная идея. Он предложил своим работникам, мексиканцам-эмигрантам, попробовать за его счет слив, которым забава настолько понравилась, что со временем сеансы приема превратились в трипы продолжительностью во весь уик-энд. В один прекрасный день, когда работники счастливо плескались в просторном чане, Морроу бросил к ним в любовную смесь двух собак. Он, конечно же, был психом, этот Морроу. В течение нескольких недель его работники медленно, но верно превращались в животных, гораздо более работящих, менее требовательных и более выносливых, чем люди. Скандал разразился после того, как Морроу внезапно хватил сердечный приступ и его голодные пеоны сожрали большую часть его трупа, а остальное разорвали и растащили по ферме. Через месяц Конгресс принял Антихимерный Акт.

Нахмурившись, Юкава принялся копаться в ящиках своего стола.

– Да, я рассказал Морроу, как это можно сделать. И это была большая ошибка, моя ошибка. Дело в том, что я был должен ему крупную сумму. С тех пор я больше никому не доверяю свои тайны. В особенности… – Оборвав себя на полуслове, он положил на стол тонкую папку.

– Здесь кое-какие сведения о Делле. Я специально собрал и распечатал это для вас. В прошлую пятницу – это было двадцатое – я провел с Деллой целый день, как обычно, а в четыре она улетела в своем жуке. В понедельник и вторник она не появилась. Я звонил ей домой, но там никто не отзывался. Вчера было Рождество, и я, естественно, Деллу не беспокоил. Сначала я думал, что она решила взять несколько дней после Рождества, устроить себе небольшой отпуск, провести время с друзьями, осмотреть какой-нибудь кратер – ну вы меня понимаете. Она редко посвящала меня в свои планы. Однако она не пришла и сегодня, ее виззи опять не отвечал, и я забеспокоился. Либо с ней что-то случилось, либо она… просто сбежала.

Стэн взял со стола папку и просмотрел ее. *Сосредоточиться*. ДЕЛЛА ТЕЙЗ. Родилась и выросла в Луисвилле, Кентукки. Двадцать восемь лет. Доктор молекулярной генетики, получила степень в 2025-м. В тот же год и он прибыл в Эйнштейн. Фото Деллы: приятная маленькая блондинка с крепко сжатыми губами и носом-пуговкой. Лисичка. Не замужем.

– Она была вашей подружкой. – Стэн внимательно посмотрел на Юкаву. Вытянутая голова и худое лицо придавали тому вид жестокий и уродливый. «Универсальная жизненная форма» в дальнем углу лаборатории издавала звуки, нечто среднее между чириканьем и шипением, очевидно, просила есть. *Артур*. Непонятно, почему Делла Тейз не дала отсюда тягу еще… скажем, года два назад.

– …она не позволяла мне навещать ее на квартире, – говорил ему Юкава. – И мы не сливались с ней никогда, если вы это имеете в виду. Да, я ухаживал за ней, проявлял настойчивость. В пятницу у нас как раз вышла ссора. Сама она употребляла, я это знаю точно, потому что последнее время она просила у меня слив постоянно и не стесняясь. Я давал ей, конечно. Возможно, это было одной из причин, почему она оставалась со мной так долго. Но вот теперь… теперь она пропала, и я хочу вернуть ее обратно. Прошу вас, Муни, найдите ее! Заставьте ее вернуться!

– Я сделаю все, что в моих силах, мистер Юкава.

Стэн поднялся, и Юкава протянул ему через стол пачку кредиток. Потом подал фляжку.

– Это ваш аванс, Муни, а в этой фляжке слив. *Торч*. Кажется, вас так звали раньше? Торч Муни.

– С тех пор много воды утекло. Я вырос, как можете заметить.

– Я дал Делле блокер, просто на всякий случай, но если вы найдете ее, то просто покажите ей фляжку.

Прежде чем прокатиться на путепроводе до квартиры Деллы, Стэн заглянул к себе в офис, где предпринял некоторые компьютерные расследования. Вполне вероятно, что Делла, после того как получила дозу блокиратора, почувствовала ломку и обратилась в эндорфиновую клинику. Блокиратор удалял из генной структуры тела особый энзим, присутствие которого делало периодическое слияние необходимым, но иногда, чтобы избавиться от психологической аддикции, приходилось прибегать к специальной терапии. Или, может быть, Делла умерла и ее тело находится сейчас в банке органов, или на подпольном аукционе каннибалов, или где-нибудь похуже. Все обитатели Луны – и люди, и бопперы – имели свои способы полезного использования свежей плоти. Кроме того, стоило проверить улетевших за последние дни на Землю, ведь ничто не мешало Делле просто купить себе билет на ближайший корабль.

Конечно, Юкава даже не пытался обратиться к кому-то, чтобы разыскать свою ассистентку; он был настоящим параноиком. Стэн терпеливо вызвал на экран виззи один за другим базы данных всех инфобанков – но не получил ничего. Может, на Деллу уже

наложил руки Гимми? Вот об этом он не узнает никогда – сюда с вопросами лучше не соваться, ибо своя шкура дороже. Или, может, ее превратили в зомби бопперы и всадили ей крысу-имплант? Стэн откинулся на спинку кресла, стараясь не думать о фляжке в кармане. *Сосредоточиться. Думать.*

Если Делла еще не соскочила со слива, то она наверняка употребляет его не менее раза в день, одна или в любовной смеси. Это означает, что она должна поддерживать связь с местными слив-джанки. Имеет смысл проверить тусовки наркодилеров и притоны с ваннами, которые, насколько помнил Стэн, в основном располагались в катакомбах близ старых пылевых купален. Кстати, действительно он так хорош, этот слив? Стэн откупорил фляжку Юкавы и… эх, была не была… осторожно нюхнул. Ничего себе: красное вино и жареная индейка, довольно приятный запах. «А что, если попробовать немного?» – эта мысль уже не давала ему покоя. Сволочь Юкава, он должен был знать, что нельзя давать в руки кайф бывшему, хотя, конечно, подлец, все рассчитал. *Не нужно, старик, не начинай. Не начинай снова эту карусель. А почему бы и нет?* – отвечал он себе. – *Кто ты такой, чтобы говорить мне что делать? Я делаю с собой все что хочу, что мне нравится – я сам себе хозяин! Но, Стэн,* – продолжал увещевать его первый голос, – *неужели ты забыл, что бросил наркотики не ради других людей? И не ради чистоплюйского общества или призрака Вэнди. Ты завязал с дурью ради себя самого. Если ты сейчас снова подсядешь, то наверняка умрешь.*

Кто-то громко постучал в его дверь. Стэн дернулся, и увесистая капля слива выплеснулась на тыльную сторону его левой кисти. Ужас стиснул живот, но часть его – худшая часть – была очень довольна случившимся. Он быстро засунул руку с фляжкой под стол и велел двери открыться.

Пришедший был тот самый парень с ирокезом, что всучил ему брошюру Бей Нг. Стэн под столом завинтил крышечку на фляжке Юкавы и попытался двинуть левой рукой. Рука его становилась непрочной, разжижалась. Дерьмо во фляжке Юкавы было настоящим.

– Мистер Муни? – осведомился панк, осторожно прикрывая за собой дверь. – *Торч* Муни?

У парня была рожа настоящего изголодавшегося джанки.

– Меня зовут Уайти Майдол. Я узнал, что вы недавно побывали у Юкавы, и подумал, а нет ли у вас случайно…

Панк замолчал и понюхал воздух. Что и говорить – в комнате здорово воняло сливом.

– Вы не могли бы уступить мне немного?

– Немного чего?

Поразительное ощущение разжижения быстро поднималось по руке Стэна, уже достигнув предплечья. Его офис выглядел теперь отлично, гораздо лучше, чем если глядеть на него сквозь твист-бокс. Замечательно. С того момента, как он последний раз чувствовал себя так здорово, минуло больше восемнадцати месяцев. Взяв себя в руки, он заставил свой взгляд сосредоточиться на молодой и наглой физиономии Майдола.

– Откуда ты узнал про Юкаву?

– Ну… в общем, мы много чего знаем.

Парень заговорщицки улыбнулся Стэну.

– Могу дать две сотни за дозу. Это останется между нами.

Бесшумно достав из зажима под крышкой стола пушку, Стэн быстро вскинул ее и навел на Майдола. Еще немного, и он начнет стекать с кресла на пол – до этого времени необходимо выставить наглеца за дверь.

– Считаю до трех. Раз.

Майдол замер, и в глазах его вспыхнула злоба.

– Два.

Майдол хрипло выругался и, не оборачиваясь, отступил на шаг к двери. Он ломал первый почти за два года кайф Стэна, и тому хотелось убить гада немедленно.

– Лады, Наркоша Идиотский Торчок Муни. Грустно видеть, что делает слив со старым больным человеком. Придурок ты.

– Три.

Стэн снял пушку с предохранителя и, коротко нажав и отпустив спуск, чиркнул лучом по левому плечу Майдола. Панк заорал от боли, моментально распахнул дверь и скрылся.

Стэн с облегчением откинулся на спинку стула. Иисусе, до чего быстрая штука. Его левая рука уже была похожа на оплывшую восковую свечку, и он едва мог усидеть в кресле. Он позволил себе мягко соскользнуть на пол и расслабленно уставил глаза в потолок. Ох, ну и приход. Как сладко его повело. Его суставы стали невероятно гибкими, кости скелета плавно осели под тяжестью растекающейся плоти. Его трип продлился около часа. Приблизительно посередине Стэн виделся с Богом. Бог выглядел почти так, как обычно, – может быть, немного отяжелел с годами. Богу нужна была любовь почти так же сильно, как и самому Стэну. Да, жизнь нелегкая штука хоть для кого.

Как себя чувствуешь под сливом? Крошка, если ты не пробовала сама, то что объяснять… Прекрасно. Невероятно. Ужасно. После того как спина Стэна коснулась пола и его тело превратилось в жидкость, он оставил этот мир. Его офис и все находящееся в нем стало *частью его сознания*. Он *был* комнатой, потертым бежевым пластиком стен, обшарпанным коричневым

полом, старыми оконными рамами, столом, креслами и компьютером; он был своим офисом и зданием, где находился офис, и Эйнштейном, и Луной, и Землей. Обычные экстатико-мистические видения, ничего особенного. Но до чего *быстро* все случилось. Он был везде, он был всем, он был равен Богу. *Классно*, сестричка, это было то, что *надо*.

Возвращение – ХЛОП! – было таким же моментальным, как и приход. По всему телу Стэна бегали мурашки, он явственно ощущал себя непрочным и желеобразным и некоторое время тихо лежал на полу и дрожал, слушая, как сердце колотится, выбивая барабанную предрасстрельную дробь. Слишком быстро. Штуковина просто гигаскоростная. В очереди, верно, вторая после смерти: вмазался, стек на пол, вселенная, пустота. Окончательная, финальная пустота. В очередной раз он отчаянно пожалел о том, что его жена Вэнди умерла. Его сладкая, светленькая, широкобедрая Вэнди. Раньше – когда-то давным-давно – в таких случаях она клала его голову себе на колени и тихо гладила его по волосам, так тихо и бесконечно приятно… и улыбалась… а ты убил ее, Стэн. О Господи, Боже, Боже, Боже, нет, нет, нет, сделай так, чтобы этого не было. Ты прострелил дыру в ее голове и продал ее труп органлеггерам, а на вырученные деньги сорвался на Луну.

Он лежал на полу в своем офисе совсем один и трясся. И не мог думать ни о чем, кроме Вэнди. Вспомнилась еще почему-то старая песенка: «Снова катишься вниз, вышло все время твое, снова катишься вниз». Годы. Стареешь, дружище. Катишься вниз и стареешь. И что с того? Что с того-то? Старый шарабан со стертыми покрышками. Волчара беззубый. Не соображаешь ничего, а пробивает на поболтать. Хватит слюни распускать.

Одежда была беспорядочно разбросана вокруг. Стэн поднялся, и сел, и сморщился от молотящей головной боли. Буммм-буммм-буммм-буммм. Взял в руку фляжку Юкавы и встряхнул ее. Полна коробочка, хватит на несколько месяцев, если закидываться только раз в день. Если он снова сядет на наркотики, он мертвец. Это ясно как день. Но, может, это как раз то, что ему нужно. У него в руках фляжка, почти под горлышко полная медленной смерти.

Если одна доза равна одной капле, а доза идет по… э-э-э… две сотни долларов, то это значит… это значит, что за эту фляжку некоторые криминальные элементы… некоторые криминальные элементы… могут… э-э-э… оторрррррвать ему голову. И этот панк-сектант уже знает, что у него есть, чума его забери. *Головку не желаешь?* «Здрасте, миссис Беллер, мы с вами не знакомы, но у меня имеется… гм…» Горячо. Горячо. Горячо. Горячо. Горячо.

Горячо. КАКОГО РОДА СЕКС ТЫ ПРЕДПОЧИТАЕШЬ, КРОШКА? КАКОГО РОДА СЕКС?

Выходить через парадную дверь он не станет, тут уж дудки. Заметано. *Сосредоточься.* Он возьмет жука. В гараже на крыше.

Он взял авиетку-жука, скормил ей несколько кредиток и разъяснил, куда лететь. Жуки были похожи на земные ховеры; за счет подъемных вентиляторов и магнитной подушки, взаимодействующей с магнитным полем, генерируемым установками купола в слабой лунной гравитации, жук удерживался на приличной высоте. Жуки стоили дорого. Удивительно, что лаборантка-джанки типа Деллы Тейз смогла позволить себе собственного жука. Любопытно будет взглянуть на ее жилье – Стэн уже сгорал от нетерпения. Может, она и до сих пор там, просто не подходит к виззи и все, посиживает дома и ждет своего дружка, чтобы вместе с ним закинуться сливом и побалдеть в ванне. На тот случай, если она не откроет, у него есть с собой декодировщик замков.

Пробраться к Делле было нетрудно. Стэн использовал стандартную нигилист-транспозицию для проникновения в дверь на крыше и тон-скрамблер для двери квартирки Деллы. Гнездышко «а-ля снос башни». «Творческий Заворот Мозгов, том XIII». Для непонятливых, смотри по месту.

Стены жилища Деллы не были окрашены в один цвет. Наляпанными друг на друга мазками, пятнами и кляксами тут присутствовали все цвета, словно маляр плескал вокруг себя по всей квартире краской до тех пор, пока нигде не осталось ни одного живого, нормального места: ни на стенах, ни на потолке, ни на полу. Пока квартира не превратилась в приют сбрендившей психоделички.

Мебель была подобрана в розовых тонах и исключительно в форме принявших различные позы человеческих тел. Кресла представляли собой здоровенных, плотно сбитых голых баб, у которых полагалось сидеть на коленях, столы имели вид стоящих на четвереньках мужчин. Подмечая краем глаза то тут, то там различные диковинные предметы обстановки, он все время вздрагивал, пугаясь того, что здесь кто-то есть. Чересчур заморочено и крикливо. В жилище Деллы крепко пахло винно-индюшачьим, но присутствовал здесь и какой-то другой запах… неприятный, пугающий.

Через несколько секунд он уже знал, что запах этот доносится из спальни. Там Делла устраивала свою любовную смесь – для чего посреди спальни имелась ванна размером с небольшой бассейн. Рядом с которым валялся… труп не труп. Куски какого-то черного парня. То, что от него осталось.

Интересное на заметку – хотите послушать, о чем болтают? Как известно, человек, закинувшийся сливом, превращается в повисшее на костях желе. Которое при желании легко можно… э-э-э… так сказать, *расплескать*. Расплескать жидкость, наступить в человеческую лужу ногой, так, чтобы во все стороны полетели брызги, которые, когда слив прекратит свое действие – когда клетки начнут снова принимать свою форму, – короче, которые через некоторое время обратятся кусками человеческого тела. Множеством отдельных кусков.

Кожа ровно обтягивает все такие куски – Стэн заметил ногу с аккуратно скругленной культей над коленом, голову с почти незаметным срезом шеи. А негр-то, похоже, был симпатягой. Спортивный, наверняка нравился девицам. Вот его руки и торс – а вон там спряталась вторая нога, еще воткнутая в голую задницу… все это лежало здесь давно и начало уже гнить и вонять…

Ззуззззззз.

В гостиной ожил и загудел виззи. Подбежав, Стэн торопливо прикрыл рукой объектив и нажал кнопку ответа.

На экране появился решительный, крепкоскулый офицер из Гимми. Коротко остриженные волосы копа щетинились ежиком, в украшенных пирсингом щеках блестят золотые шарики. Полковник Хаски. Стэн хорошо знал этого «кота». «Мой мальчик. Послушай, девочка».

– Мисс Делла Тейз? Мы сейчас у вас внизу, в холле. Мы хотим поговорить с вами о Бадди Ескине. Вы позволите нам подняться?

Он думал всего секунду. Судить не просто, но дружище *Бадди* выглядел так, словно был мертв вот уже несколько дней. За что злой дядя расплескал хорошего Бадди? Никто не знает. Смерть глупая штука – всегда приходит некстати. Он снова вспомнил о Вэнди – с тех пор как ее не стало, в тяжелую минуту он всегда начинал думать о ней. Он торчал три дня подряд, грузился всем подряд, что попадалось под руку, иногда одновременно, и стрелял по мухам из игловика и попал в нее по чистой случайности. Это был несчастный случай. Он продал ее тело органлеггерам и рванул на Луну, прежде чем хреново Гимми успело взять его за яйца. Его, сторчавшегося придурка.

Стэн прыгнул в жука и принялся описывать вокруг города бесцельные круги. Он думал о том, куда подевалась Делла Тейз. Слилась с Космосом, сестричка? Тогда, может, и мне немного можно? КАКОГО РОДА СЕКС, детка, КАКОГО РОДА СЕКС? Утихни, Стэн. Сиди тихо, приятель. Заглохни.

Глава 2
Рождество в Луисвилле

24 декабря 2030 года

Слияние. Плавные извивы и сладкий ток энергии – слияние в любовную смесь внутри просторной пластиковой ванны, заделанной в пол ее спальни. Утонченное и изысканное наслаждение – Бадди мягко соскальзывает в тонкую пленку суспензии, бывшей некогда Деллой; они рядом друг с другом, они друг в друге, настолько близко, насколько это вообще возможно, плоть в плоти, гены в генах, похожая на текучий мрамор розово-коричневая масса с парой их глаз на поверхности, ничего не видящих глаз; так было когда-то, но теперь, едва Бадди начал растекаться… неожиданно…

Ох!

Делла Тейз оторвалась от воспоминаний и принялась внимательно глядеть в окно вагона. Опускались сумерки, и в стекле она уже могла видеть призрачное отражение собственного профиля; блондинка с прямым, крепко сжатым ртом, с глазами горящими и запавшими. У нее здорово болит живот, и за сегодняшний день ее уже три раза рвало. Утомленный и молчаливо-умудренный вид… выглядеть так она мечтала девочкой, в тринадцать, пятнадцать лет. Делла попыталась слабо улыбнуться. «Совсем неплохо, Делла. Совсем неплохо, если не считать, что тебя разыскивают за убийство». Все, о чем она могла сейчас думать, – это о том, как бы быстрее добраться до дома.

Сбавив ход до 20 миль в час и стуча на стрелках, поезд неторопливо подбирался к станции «Луисвилль», ее долгому путешествию подходил конец; Эйнштейн – Риф – Флорида – Луисвилль, космический лайнер – челнок – поезд. Два долгих дня. Оставалось надеяться только на то, что ей намного удалось опередить Гимми – полицию Эйнштейна. Маловероятно, что они станут гнаться за ней так далеко. Сегодня, в 2030-м, Луна и Земля были настолько же далеки друг от друга, как Англия и Австралия в 1800-м.

Луисвилль зимой – дождь вместо снега, зато уж, как обычно, целый день сплошные непрекращающиеся потоки серой воды, поливающие забавно большие машины, и надо всем этим – настоящее небо. И запахи, поразительные, после двух лет воздуха купола! И столько пустого, используемого бездумно, без всякой пользы места! Там, где она была, на Луне, каждый закуток и уступ имел определенную, строго установленную цель – как на

паруснике или в рюкзаке бывалого туриста, – но здесь, в этих проносящихся мимо нее городских кварталах, многие квадратные метры не были заняты ничем, кроме сорной травы и старых покрышек; на бессмысленных улицах вяло влачилось маргинальное существование; полуразрушенные дома стояли пустыми, бесполезными, в них никто не жил, даже бродяги. Столько легкомысленно-пустого, ничем не занятого места. Там, в Эйнштейне, она привыкла к постоянному мельканию круговерти бесчисленных лиц, обязательной толчее тел, постоянной нехватки того, другого, третьего.

Делла была рада вернуться сюда, к настоящему небу и настоящему воздуху; рада, несмотря на то что здесь все ее тело изнемогало от тупой боли. Тяжесть. Старый добрый мистер Гравитация. Во Флориде она на последние деньги купила хороший флексоскелет из имиполекса дорогой марки «Тело от Узера». Флексоскелет надевался на голое тело, как чулок, и, предугадывая ее мысли, заставлял закачанный в искусственные мышцы коллаген сокращаться и помогать ей идти, нагибаться, двигать руками и ногами. Последний шаг в развитии поддерживающих эластичных чулочных изделий. Большинство возвратившихся на Землю лунян от трех дней до недели проводили в реабилитационном центре восстановления мышечной деятельности при космопорте имени Кеннеди, но Делла не могла позволить себе такую роскошь, ее спасение было в движении. Спросите почему? Потому что когда она пришла в себя после слив-трипа, то обнаружила, что ее любовник превратился в разбросанные по всей комнате ужасные куски плоти, и прежде чем она успела что-нибудь сделать, на экране виззи появился незнакомец с мерзко дергающимся лицом и равнодушным голосом.

– Это я убил его, Делла, и мне не составит труда убить и тебя тоже. Как не составит мне труда позвонить в Гимми и анонимно обвинить тебя в убийстве. Но этого может и не произойти, потому что я хочу попросить тебя об одной услуге, Делла. Ты хорошая девушка, и ты мне нравишься. Я помогу тебе бежать. В космопорте тебя ждут билет и фальшивый паспорт…

Ох!

На станции Деллу встречали родители, Джейсон и Эми Тейз; они ничуть не изменились – нервные и, как обычно, немного с похмелья, рты сложены в напряженные улыбки, чуть блуждающие глаза словно бы спрашивают: *Ты любишь нас?* Эми Тейз – маленькая и очень складная. Она красится ярко, как было принято лет пять назад и как сейчас не красится никто, ее светлые волосы тщательно уложены и сильно залачены. Джейсон,

большой и неуклюжий, стрижется коротко и не слишком много внимания уделяет одежде, в свободное время любит одеваться свободно, в стиле преподавателей колледжа. В действительности он служит клерком в банке, а Эми работает на полставки продавщицей в сувенирной лавочке. И он и она ненавидят свою работу и живут вечеринками. Увидев на перроне родителей, Делла чувствует, что готова остаться в вагоне.

– Господи, Делла, ты фантастически выглядишь! Что это у тебя под одеждой – неужели настоящий «Узер»?

Всю дорогу до машины мать не прекращала щебетать, словно бы для того, чтобы показать, что она трезва как стеклышко. Отец закатил глаза и подмигнул Делле, чтобы показать, что уж *он-то* держит себя не в пример лучше мамули. Отец и мать так увлеклись своим шоу, что прошло не менее десятка минут, прежде чем они заметили, что Делла, оказывается, дрожит как осиновый лист. Первое серьезное слово сказал отец:

– Ты чудесно выглядишь, Делла, но кажется мне, ты немножко нездорова? Плохо перенесла перелет? И что-то все молчишь и молчишь.

– У меня неприятности, папа, кто-то подставил меня, и теперь полиция разыскивает меня за убийство. Именно поэтому я просила вас не говорить никому, что возвращаюсь.

В животе у нее снова все перевернулось, и она торопливо прижала к губам платок – вышла самая малость.

– Во что ты впуталась – это связано с тяжелыми наркотиками? С этим чертовым сливом, которым занимается твой доктор Юкава?

Отец нервно принялся нашаривать у себя по карманам косяк. Потом взглянул на нее быстро и внимательно.

– И ты что, тоже принимаешь?

Делла кивнула, испытывая удовольствие от того, что досадила родителям. Пускай попробуют своего горького лекарства. Говорить о том, что перед отлетом она сделала себе инъекцию гамэндорфинового блокера, она не станет. Доктор Юкава давал ей слив, но всегда следил за тем, чтобы у нее под рукой была доза блокиратора.

– Этого следовало ожидать, Джейсон, я это предчувствовала, мы сами ее к этому подвели, – с готовностью взяла с места в карьер мамуля, голос которой дрожал от жалости к себе. – Нужно было быть лучше, нужно было быть чище. Наша старшая дочь спуталась с торговцами наркотиками, заявляется домой на ломках, а кроме того, оказывается, что на ней висит обвинение в чьей-то смерти, наверняка от передозировки. И это после того, как она два года в дом носа не казала. Дай и мне разок

затянуться, дорогой, а не то мне кажется, что со мной сейчас случится нервный срыв.

Мамуля дернула травки, улыбнулась и погладила Деллу по щеке.

– Поможешь нам нарядить елку, Делла, дорогая? Помнишь ту звезду на макушку, которую ты раскрасила в садике? Она еще жива.

Делла хотела сказать что-то едкое, но промолчала, потому что знала, что от этого будет только хуже. Вместо этого она сложила губки, словно хорошая девочка, и проворковала:

– Это так здорово, мамочка. Три года не видела настоящей елки. Я…

Ее голос оборвался, и из глаз покатились слезы. Ведь она любит своих родителей, просто не любит с ними встречаться. В каникулы, рождественские и прочие, когда Джейсон и Эми в химическом тумане бродили по дому, бывало хуже всего.

– Просто мне не хочется, чтобы это Рождество оказалось похожим на прежние, понимаешь, мама…

– Не понимаю, о чем ты говоришь, Делла, дорогая. Все будет очень мило. Завтра на обед придут дядя Колин и тетя Илси. Они обещали привести с собой Вилли, он все еще живет с ними. Обе твои младшие сестры тоже, может быть, придут, со своими семьями.

Джейсон и Эми Тейз жили в старом двухэтажном доме, выстроенном восемьдесят лет назад к востоку от Луисвилля. Вокруг дома росли раскидистые высокие деревья, среди которых приятно было гулять по чистеньким дорожкам. Соседские домики были небольшие, но ухоженные. Поднявшись в свою крохотную комнатку, Делла нашла ее в том же виде, как и оставила: чистенькая узкая кровать; фарфоровые зверюшки на полке, которую она сама вешала на стену; на окнах голографические занавеси; все ее компакты и инфокубы расставлены так, как она любит, – в алфавитном порядке. В девятом классе она запрограммировала свой систематический куб-каталог так, чтобы было легко найти остальные. Делла всегда была хорошей девушкой и прилежной студенткой, всегда и во всем болезненно аккуратной, словно бы в противовес бурному родительскому неряшеству.

Кто-то впустил Броузера, их пса, из сада в заднюю дверь, и собачина стрелой взлетела по выстеленным ковровой дорожкой ступенькам к Делле наверх здороваться и принялась лизать ей руки и прыгать, скуля, виляя хвостом и извиваясь как змея. Как всегда, Броузер был грязен и паршив, и как только Делла принялась его гладить, он немедленно, как обычно, пал на спину

и широко раскинул лапы. Она немного почесала его, повизгивающего и радостного, под подбородком.

– Хороший песик, Броузер, хороший, умный, ждал меня.

Стоило ей только начать лить слезы, и дальше уже было не остановиться. Мамуля и папа о чем-то шептались внизу на кухне. Нужно было разобрать сумку, но Делла слишком устала. Все болело у нее, в особенности грудь и живот. Она выбралась из флексоскелета, без которого почувствовала себя толстой, отекшей и водянистой, словно беспомощная медуза. На кровати лежала ночная рубашка – мамуля всегда клала ее туда. Благодаря Бога за то, что рядом нет никого, кто мог бы ее видеть, Делла надела рубашку, забралась под одеяло и заснула, будто провалилась, долгим глубоким сном.

Когда она проснулась, было уже позднее утро. Рождество! Вот так. Ну и что? Без сестриц Руби и Сьюд это не значило ровно ничего. Когда Делла еще лежала с закрытыми глазами, ей вдруг почудилось, что она слышит доносящиеся снизу их восторженные вопли, – но уже через секунду поняла, что звуки доносятся из включенного виззи.

Рождественское утро ее родители встречают сидя перед виззи. Боже. Она доплелась до ванны, ее вырвало, после чего она приняла душ и надела флексоскелет, рубашку и джинсы.

– Делла! – воскликнула мамуля, когда она появилась на лестнице. – Вот так мы с папой встречали Рождество, когда вас не было. Одни, перед виззи.

Рядом с креслом Эми уже стоял пустой стакан. На экране виззи какие-то незнакомые люди доставали из-под елки подарки и разрывали обертки. Мамуля прикоснулась к кнопке пульта, и на экране появились другая комната и другая семья, потом еще одна и еще.

– Это уже стало традицией, – объяснил с грустной улыбкой отец. – Каждое Рождество люди оставляют свои виззи включенными, и все, кто хочет, могут встречать праздник вместе с ними. И никто не чувствует себя одиноким и заброшенным. Но мы рады, что ты с нами. Ты – наша девочка.

Отец притянул ее к себе за плечи и запечатлел на лбу поцелуй.

– Дочурка. Плоть от нашей плоти.

– Делла, дорогая, сюрприз! – воскликнула мамуля. – Пора открывать подарки. Мы успели приготовить только два подарка – они лежат вот здесь, перед виззи, на тот случай, если кто-нибудь решит встретить Рождество вместе *с нами*.

Разворачивать подарки перед виззи было глупо, но все равно приятно – по ту сторону экрана визжали какие-то детишки, и

казалось, что рядом с ней шумят непоседы Руби и Сьюд. И Броузер был тут же, толкал ее под локоть мокрым носом. Первым подарком Деллы был имиполексовый свитер, называющийся «сердечко».

– В этом году в банке в таких ходят все девушки, – объяснил папа. – Точно такой же мерц-покров носят бопперы, только чуть-чуть посложнее. Примерь-ка!

Делла скинула рубашку и через голову натянула на себя теплый свободный пластиковый свитер. Ее свитер-сердечко был темно-синим с несколькими блуждающими ярко-красными пятнами.

– Этот свитер слышит твое сердце, – объяснила мамуля. – Смотри.

И верно – справа, прямо против сердца Деллы, появилось и быстро расширилось красное пятно, потом сдвинулось с места, поднялось до ее плеча и принялось спускаться вниз по рукаву. Ее сердце ударило вновь, и вслед за этим на темно-синем пластике свитера выросло другое пятно – каждому удару ее сердца соответствовало появление нового красного кружка.

– Здорово, – похвалила подарок Делла. – Спасибо. У нас в Эйнштейне таких не носят. Там все здорово ненавидят бопперов. Но все равно свитер отличный. Мне нравится.

– Когда твое сердечко забьется быстрее, – пропела мамуля, – все парни это заметят.

Внезапно Делла вспомнила Бадди и то, почему она оказалась дома, и красные пятна запрыгали по ее свитеру как сумасшедшие.

– Что такое, Делла? – игриво воскликнула мамуля. – У тебя уже есть дружок?

– Мне не хотелось бы сейчас говорить об этом, – ответила Делла, всеми силами стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно. «В особенности с такой болтливой расисткой, как ты, мамуля».

– Тогда давайте выпьем, – предложил папа. – Шампанского!

– Отличная идея! – обрадовалась мамуля. – Встретим праздник. Потом Делла откроет свой второй подарок.

Чтобы взять себя в руки, Делла с минуту внимательно смотрела виззи. Старый милый виззи. Она взяла в руку пульт и принялась нажимать на кнопки – на экране появлялось то одно семейство, то другое. Жители Луисвилля, чьи семьи почти не отличаются от семьи Тейзов. Кое-кого она даже узнавала. Она выпила шампанского и снова почувствовала себя о'кей. Большинство людей на экране тоже поднимали бокалы… почему бы ей не быть сегодня с родителями немного поласковее?

– Давайте смотреть мой второй подарок. Извините меня, я вам ничего не приготовила.

– Что ты, Делла, дорогая, ты для нас лучший подарок.

Другим подарком Деллы был маленький пакетик с семенами. На пакетике имелась красивая яркая надпись «НЕДЕЛЬНЫЕ ДЕРЕВЬЯ».

– Ты знаешь, что это такое? – спросила у нее мамуля. – Их вывели биоинженеры. Очень похоже на миниатюрные деревца-бонсай, которые выращивают японцы. Эти деревца то же самое, только весь их жизненный цикл происходит за неделю. У себя в магазине мы вырастили одно такое для рекламы. Эти деревца, они просто замечательные. Мы с папулей хотели послать тебе этот пакетик на Рождество.

Мамуля вылила в свой бокал остатки шампанского из бутылки.

– Накопай Делле в какой-нибудь горшочек земли со двора, Джейсон. А я пока сверну нам подкуриться.

– Мама…

– Ну не будь ты такой занудливой, Делла.

Подмазанные глаза мамули блеснули.

– Мы будем жарить индейку на обед, а ты сиди и отдыхай. Мы с папулей имеем право немного расслабиться, не то что некоторые любительницы слива, верно, мисс Правильная?

– Да, мама, все верно, слив – серьезный джанк, но я вколола себе блокер и сейчас я тип-топ. Твой рентген, мамуля, не сработал, так-то.

Приступ тошноты заставил ее согнуться пополам, и она откашлялась в платок.

– Просто я еще не привыкла к тяжести.

– Предлагаю подождать с травкой, пока не подтянутся Колин и Илси, – внес примирительное предложение папа. – Поставь индейку в микроволновку, мамуля, а я помогу Делле посадить ее недельное деревце.

Мамуля прикончила свое шампанское и выбралась из кресла. Она уже перестала злиться и улыбалась.

– В этом году я, Делла, дорогая, специально выбрала бескостную индейку. Их искусственно выращивают в танках.

– И у них тоже есть и крылышки, и ножки?

– Все-все есть, костей только нет. Они как мягкопанцирные крабы. Знаешь, иногда мне начинает казаться, что я тоже превращаюсь в такую индейку. Я припасла твою любимую начинку, дорогая.

– Спасибо, мамуля. Если нужно будет помочь, позови меня.

Папа принес с улицы большой цветочный горшок, полный влажной земли, и вместе с Деллой они посадили туда одно семечко. Делле почему-то казалось, что дерево должно выскочить

из земли сразу же и могло ударить ее в лицо, поэтому она держалась настороженно и смотрела на горшок с опаской. Но в первые несколько минут ничего не произошло. Броузер подозрительно понюхал землю.

– Давай посчитаем, – предложила Делла, которая любила все переводить на цифры. – Скажем, обычное дерево живет семьдесят лет. Тогда для недельного дерева один день означает десять лет. И на год у него приходится два и четыре десятые часа. Делим на двенадцать и получаем на месяц две десятые часа. Две десятые часа – это двенадцать минут. Если предположить, что деревце начало свое развитие с середины зимы, то первые апрельские листочки на нем мы увидим через четыре раза по двенадцать минут, то есть через…

– К полудню, – подсказал папа. – Смотри, земля в горшке шевелится.

И вправду, земля в центре горшка начала вспухать, потом расступилась, и из рыхлой ямки, медленно-медленно, появился зеленый кончик побега недельного деревца.

– По-моему, это яблоня. Вечером будем есть с твоего деревца яблоки, Делла.

– Здорово!

Делла чмокнула отца в щеку. Мамуля уже чем-то громыхала на кухне, из виззи доносились звуки веселой рождественской суматохи.

– Спасибо вам. Как приятно снова быть дома.

– Расскажи мне, что там случилось в Эйнштейне, дочка?

– У меня был друг, Бадди Ескин. Мы с ним сливались…

– Погоди, что значит «мы с ним сливались»? – остановил ее отец. – Это же не просто так. Я никак не могу угнаться за этими новыми…

– Слив, наркотик, от которого тело превращается в жидкость. Почти что в бескостную индейку. И можно действительно, как я сказала…

Папа нахмурился.

– У меня в голове не укладывается, что ты могла чем-то таким заниматься, Делла. Мы не такой тебя воспитывали.

Он вздохнул и пригубил виски из стакана, который принес с собой с кухни.

– Хорошо, ты принимала слив со своим Бадди Ескиным, и что дальше?

– Пока мы с ним были… в общем, вместе, кто-то вломился в мою квартиру и убил Бадди. Расплескал его на куски, пока он еще не отвердел окончательно.

Красные сердечки Деллы снова быстро замелькали по ее

свитеру.

– От испуга сначала я, кажется, потеряла сознание, а когда пришла в себя, этот сумасшедший маньяк позвонил мне по виззи и сказал, что убьет меня или обвинит в убийстве Бадди, если я не соглашусь немедленно лететь на Землю. У него уже был наготове фальшивый паспорт для меня и билет. Это какой-то кошмар, такое только во сне может присниться – и все это случилось со мной. До сих пор у меня голова кругом идет. Я была до смерти напугана и быстрее бросилась домой.

Недельное деревце у их ног уже имело вид крохотного корявого саженца с тремя неловкими веточками.

– Ничего, ничего, – приговаривал ей отец, тихо поглаживая по плечу, – тут тебя никто не тронет. Можешь оставаться сколько хочешь.

Делла вдруг заметила, что у отца уже сильно заплетается язык. Он тоже понял, что она это заметила, и жалобно улыбнулся.

– По крайней мере, до тех пор, пока сможешь нас терпеть. Если хочешь, завтра я отвезу тебя к Дону Стюарту… ты должна его помнить. Дон хороший адвокат. Просто на всякий случай, посоветоваться.

Броузер залаял.

– С Рождеством, с Рождеством! – донеслись с кухни крики мамули. – Ну зачем вы принесли столько всего! Не нужно было. Джейсон! Делла!

Это пришли младший брат Джейсона Колин со своей женой Илси и сыном Вилли. Колин был профессором английской литературы в университете Луисвилля. Он был худ и язвителен. Тетя Илси выросла в знаменитой семье: ее отцом был сам Кобб Андерсон, много лет назад создавший роботов, заселивших потом Луну.

Роботы вышли неправильными, и знаменитый дедушка Кобб был обвинен Гимми в предательстве интересов человечества, запил, развелся со своей женой Вереной и закончил где-то с фризерами во Флориде. Считалось, что он умер, хотя полной уверенности в этом ни у кого не было – ходили слухи, что его убили бопперы. Дедушка Кобб был скелетом в семейном шкафу.

Тетя Илси пошла в свою мать-немку и совсем не была похожа на Кобба. Делла никогда не могла понять, почему эта энергичная и артистическая особа выбрала себе в мужья такого сухаря, как дядя Колин. Дядя всегда казался ей порождением прошлого века, в особенности когда он заводил разговоры о своих «исследованиях», тащил показывать свои глупые старинные бумажные книжки, а сам едва знал, как управляться с виззи. Накурившись с папой травки, он выходил из себя, если кто-то не

смеялся над его шутками или не восторгался его возвышенными рассуждениями.

Вилли, двадцатилетний сын тети Илси и дяди Колина, был умный, но чудноватый паренек. Вилли был хакером, день и ночь возился с программами и компьютерным железом. Делле он нравился, хотя ей и казалось, что развитие Вилли прекратилось на двенадцати годах. Вилли до сих пор жил со своими родителями дома.

– Прошу тебя, пап, не говори им, почему я вернулась. Скажи, что я прилетела закупать лабораторное оборудование для доктора Юкавы. И попроси, пожалуйста, маму тоже ничего не говорить. Если она выпьет и начнет все подряд рассказывать обо мне, то я… я не знаю…

– Успокойся, сладенькая, все понял и все сделаю.

Не прошло и часа, как все уселись за стол. Папа поставил недельное деревце посередине стола, чтобы всем было видно, как оно будет расти. Тетя Илси вызвалась читать благодарственную лютеранскую молитву, и когда она закончила, Джейсон занялся разделкой бескостной индейки. Резать птицу было легко – у папы получались толстые круглые куски с начинкой в серединке.

– Ну, Делла, – начал дядя Колин, после того как первый голод был утолен, – как дела на Луне? Действительно ли прогресс зашел так далеко, что будущее можно пощупать руками, как говорят? И что поделывают разумные роботы Кобба?

Дядя Колин специализировался на литературе середины двадцатого столетия и любил приукрашать свою речь оборотами, которые почерпывал из старых книг. В отместку в разговоре с ним Делла всегда старалась держаться самого свежайшего сленга.

– Будущее беспонтовое, без особых наворотов, дядя, сто пудов. Гигова туча бопперов свалила под землю, и почти каждый день с тех пор они пытаются вырубить нас. Там у железок свой замороченный город, называется Гнездо, но мне обычно бывало влом даже думать о них.

– Перестань, Делла, – раздраженно попросил отец, – говори, пожалуйста, по-английски.

– Неужели там всем безразлична судьба бопперов? – спросила тетя Илси, всегда и во всем пускающаяся на защиту созданий, произведенных на свет ее отцом. – Ведь это они построили Эйнштейн, только прежде они называли свой город Диски, верно? Эти роботы так же разумны, как и мы, люди, у них есть личность. Разве это не напоминает вам ситуацию с чернокожими в южных штатах в старые времена? Негры работали не разгибая спины, а белые относились к ним как к недочеловекам.

– У роботов нет души, – со знанием дела объявила мамуля, –

следовательно, они не могут считаться личностью.

На кухне мамуля успела как следует хватить красного и сейчас уже снова пила вместе со всеми шампанское.

– Боже мой, это же просто *машины*, как виззи или пылесос.

– В таком случае вы, тетя Эми, тоже машина, – подал голос Вилли. – Только вместо проводов и силикона вы состоите из мяса.

Вилли имел манеру говорить медленно и со вкусом и всегда выводил этим слушателей из себя. Он так и не окончил колледж, однако прилично зарабатывал, писал компьютерные программы, как свободный художник. На Земле по-прежнему находилось в употреблении огромное количество компьютеров, но со времен бунта бопперов самым мощным земным машинам обязательно устанавливалась специальная системная защита, не позволяющая им двинуться в собственном развитии по стопам мятежных собратьев, колонизировавших Луну. Земные компьютеры-рабы назывались азимовскими, в честь Азимова, впервые предложившего законы робототехники, как раз и составившие основу системной защиты.

– Не смей называть свою тетю «мясом», – строго заметил Вилли дядя Колин, обожавший флиртовать с мамулей. – Индейка – вот мясо. А твоя тетя – человек. Ведь никому не придет в голову прижать твою тетю хорошенько гнетом, промариновать, а потом съесть? Например, я ни за что не решился бы так сделать. У всех на виду, ни за что.

Дядя Колин переглянулся с мамулей и сладко улыбнулся ей.

– Хочешь, Эми, я его отшлепаю?

– Нет, зачем же – по крайней мере, он хотя бы думает, из чего я сделана, это уже кое-что. И на том спасибо. В моем возрасте это может быть воспринято как комплимент. Ты тоже считаешь, что я машина, Джейсон, дорогой?

– Ни в коем случае.

Отец разливал по бокалам шампанское.

– В отличие от тебя машины предсказуемы.

– Мама-то как раз предсказуема. – Делла не могла удержаться от шпильки. Она снова паршиво себя чувствовала. – И мама, и ты, пап, вы оба.

– Я хотел бы внести коренную поправку, – снова заговорил Вилли. – В действительности непредсказуем никто, ни люди, ни бопперы, по сути дела, являющиеся нашими потомками. Так следует из интерпретации теоремы Геделя, предложенной Чайтайном. Об этом еще много лет назад писал в своей статье «К вопросу о сознании роботов» дедушка Кобб. Все, на что мы способны, – это предсказывать поведение более простых, чем мы сами, систем, и только.

– Вот так-то, Делла, дорогая, – с достоинством добавила мамуля.

– Но почему продолжается эта вражда между людьми и бопперами, Делла? – опять начала о своем тетя Илси. – Почему мы не можем жить друг с другом в мире?

– Ну почему же, жизнь на Луне протекает сейчас *вполне* мирно, – ответила Делла. – Бопперы держат на нас зуб за то, что мы отобрали у них Эйнштейн, и до сих пор не оставили планы вернуть город себе, хотя до того, чтобы продырявить купол и перебить всех людей, дело, конечно, не дойдет. Бопперы, конечно, способны сделать это, но отлично знают, что после этого, очень скоро, Земля сбросит на их Гнездо водородную бомбу. С другой стороны, мы не торопимся пускать в ход бомбу потому, что бопперы производят очень много того, что находит у нас хороший сбыт, – электронику и искусственные органы, например.

Все, кроме мамули, слушали Деллу с интересом, и от общего внимания она почувствовала прилив уверенности. Но не прошло много времени, как ее живот снова стиснула спазматическая боль. Очень странно. Внутри нее словно что-то тихо шевелилось. Ей казалось, что ее грудь и живот словно бы постоянно набухают, увеличиваются в размерах.

– А вот мне бопперов совсем не жалко, – напористо продолжила мамуля. – И мне безразлична их судьба.

Алкоголь уже ударил ей в голову, и она совсем не следила за нитью разговора.

– Я за то, чтобы вообще уничтожить все машины… и всех ниггеров тоже. Начиная с президента Джонсона.

Наступила неловкая пауза. Шелестело маленькое недельное деревце; на нем лопались почки и распускались первые цветки. Делла решила, что щадить мамулю больше не стоит.

– Мой парень, мама, там, на Луне, тоже был «ниггером».

– Какой такой твой парень? Надеюсь, ты с ним не…

– Да, Делла, – поспешно и громко заговорил отец. – Мы очень рады, что ты наконец заглянула к нам. Кому-нибудь еще положить индейки? Или, может быть, сделаем перерыв и выкурим праздничный косячок? Как, Колин?

– Руками и ногами за, – откликнулся Колин, опять переключаясь на свою пропылившуюся манеру выражаться. Потом многозначительно подмигнул Делле, мол, я на твоей стороне. – Делла всегда была умницей. Насколько я знаю, у нее степеней хоть пруд пруди! Ты, Делла, все так же занимаешься генетикой, там, у себя? – Дядя Колин указал пальцем вверх.

– От души *надеюсь*, что нет, – вставила мамуля, все еще пытаясь взять свое. – Ей давно уже пора всерьез задуматься о

замужестве.

– Хватит, мама, – начала выходить из себя Делла.

– Да… да, Колин, именно так, – ответил отец, не оставляющий попыток сгладить ситуацию. – Делла работает с доктором Юкавой – ну, я тебе говорил. Она прилетела сюда, чтобы приобрести для него специальное оборудование.

Джейсон достал из кармана косяк и раскурил его.

– И сколько ты собираешься здесь пробыть? – спросила Деллу тетя Илси.

– Не знаю. Зависит от того, как быстро удастся управиться.

– Очень мило, – отозвалась тетя Илси, передавая косяк своему мужу, не сделав затяжки. Стоило ей только разговориться, и она становилась несносной. – Чудесно. И что же доктор Юкава планирует…

Делла толкнула под столом ногу Вилли. Верно истолковав ее послание, тот немедленно подал голос, сбив светскую беседу с рельсов в самом ее начале.

– Что это за начинка, тетя Эми? – громко спросил он, подцепляя на вилку очередной кусочек индейки. – Потрясающе вкусно.

– Это *мясная* начинка, дорогой. Я стараюсь не иметь дела с проволоками и силиконом. Передай мне эту штучку, Колин.

– Знаешь, Делла, я получил новую работу, очень интересную, – быстро проговорил Вилли с полным ртом. У него была гладкая, оливкового цвета кожа его матери и тонкие, изогнутые дугой брови, которые двигались вверх и вниз, когда он говорил или жевал. – Меня наняли владельцы «Луисвилльской Красотки» – знаешь, наверное, это тот большой пароход, что катает туристов по реке? Так вот, они купили себе в бар трех роботов, бармена и стюардов, с покрытием их имиполексом, все как полагается. Эти роботы выглядят в точности как слуги-негры в старину.

– Не понимаю, почему бы им не нанять настоящих черных? – деревянно спросила мамуля, выдыхая огромное облако дыма. – Их сейчас столько шатается без работы. Исключая президента Джонсона, конечно. Надеюсь, вы понимаете, что я никак не хотела обидеть Деллу.

Мамуля протянула руку и потрогала распустившиеся цветки недельного дерева, рассыпающие вокруг себя пыльцу. Делла, которой больше кусок мамулиной стряпни не лез в горло, незаметно отправила то, что осталось от ее бескостной индейки, Броузеру под стол.

– Мы ведь уже говорили с вами об этом, тетя Эми, – заметил Вилли. – Когда-то в баре на «Красотке» действительно стояли за

стойкой негры, но потом хозяевам показалось, что их бармены и стюарды ведут себя совсем как *обычные* люди – воруют, когда удастся, выпивку, заигрывают с женщинами, ругаются с пьяными грубиянами, приехавшими в город с ферм на уик-энд. А найти по-настоящему хорошего бармена, выполняющего свою работу так, чтобы придраться было не к чему, сейчас очень трудно, потому что сразу начинают говорить, что, мол, такой одаренный человек, а тянет лямку в захудалом месте за грошовую плату. Вы знаете таких говорунов – всякие там нытики-либералы, ну и прочее, понимаете? Хозяева «Красотки» попробовали нанять в бар белых, но и с ними все пошло снова-здорово – белые тоже дрались с деревенщиной или наводили своей неустроенностью на грустные мысли либералов. К тому же, если говорить начистоту, какой нормальный человек сейчас пойдет в бармены? А с роботами все просто, никаких там вам человеческих штучек-дрючек.

– Очень интересно, Вилли, – холодно, со значением проговорил дядя Колин. – Я и не знал, что ты что-то делаешь для «Красотки». Вот так – последний обо всем узнаю, никто не считает нужным поставить меня в известность. Всего на прошлой неделе я был на «Красотке» вместе с одним чудаком, который принес мне свой опус о Марке Твене, и видел этих черных стюардов, но мне и в голову не пришло, что это могут быть роботы. Один из них уронил стакан, а другой пролил виски на стойку, в точности как люди. И еще они постоянно смеялись. По правде сказать, мне кажется, что они вполне довольны своей работой. Никакого чувства неловкости или жалости по отношению к ним у меня не возникало.

– Это моя новая программа! – не без гордости объявил Вилли. – Внизу, под палубой, находится большой процессор на охлаждаемых сверхпроводниках, который дистанционно управляет роботами. Моей задачей было отладить программу так, чтобы стюарды были предельно *вежливы*, но не казались пригодными ни для какой другой работы, получше.

– Черт, да вам просто нужно было нанять кого-нибудь из наших кассиров, – вставил Джейсон. – Понять не могу, почему после 2001 года люди все еще продолжают иметь дело с роботами.

В 2001 году взбунтовались бопперы – самовоспроизводящиеся лунные роботы Кобба Андерсона. Бопперы основали свой собственный город на Луне, который находился в их полном распоряжении вплоть до 2022-го, когда его захватили люди.

– Но каким образом хозяевам «Красотки» удалось приобрести большой компьютер? – удивился дядя Колин. – Я считал, что большие компьютеры дальше фабричных ворот не попадают. Это

что же – терафлоп?

Вилли поднял свои высокие круглые брови.

– Не совсем, но почти. Гигафлоп-сто. Приобретение такого компьютера решалось на уровне города. Процессор был куплен у ОСЦС, у виззионщиков. Машина была смонтирована и запущена еще месяцев шесть назад, а меня просто попросили довести ее до ума.

– А как же Закон об Искусственном Интеллекте? – спросил отец. – Тут нет никаких противоречий?

– Никаких, – спокойно отозвался Вилли. – Барт Мастерс, главный владелец «Красотки», лучший друг нашего мэра, и вместе им не составило труда подвести покупку под нужную поправку к закону об ИИ. Кроме того, этот компьютер – кстати, он называет себя Красотка, – конечно, азимовский. Знаете, наверное: «Защищать человека – Повиноваться человеку – Защищать себя» – эти правила запрограммированы в процессоре Красотки в порядке значимости 1–2–3.

Вилли улыбнулся Делле.

– Ральф Числер, первый боппер, стер у себя эти директивы и научил этому других бопперов. Интересно, Делла, ты видела на Луне хотя бы одного боппера? Хотел бы я знать, как сейчас выглядят новые модели. Дедушка Кобб запрограммировал бопперов так, чтобы они постоянно самосовершенствовались.

– Несколько раз я видела бопперов на Рынке. У многих из них под кожей было такое странное зеркальное покрытие – это почему-то мне бросилось в глаза. А так я к бопперам особенно не присматривалась. Стоит немного пожить в Эйнштейне, и начинаешь ненавидеть этих бопперов ужасно. У них везде спрятаны и замаскированы бомбы, которые они время от времени взрывают, чтобы напомнить нам о себе. К тому же бопперы постоянно следят за нами при помощи скрытых камер, и ходят слухи, что в городе есть люди с вживленными в голову специальными приспособлениями в виде пластиковых крыс, при помощи которых бопперы ими управляют. По правде сказать, я совсем не удивлюсь, если…

Делла внезапно смолкла и пригубила шампанское.

– Не понимаю, почему Гимми не сбросит на это Гнездо бомбу и не покончит со всем этим раз и навсегда? – спросила мамуля. Травка помогла ей собраться и снова подхватить ниточку беседы.

– Гимми *может* это сделать, – ответила Делла, стараясь смотреть сквозь мамулю. – Но все и каждый *знают*, что если Гнездо будет уничтожено, то Эйнштейн тоже долго не простоит. Это та же самая ситуация вооруженного до зубов равновесия, как когда-то раньше между нами и Россией. Если одни погибнут, то и

другие тоже. А так – Договор о Взаимоненападении. И только по этой причине бопперы ни разу еще не пытались забрать у нас Эйнштейн. Мы живем там словно заложники. А кроме того, все эти игрушки, которые Земля обожает покупать у бопперов, – об этом тоже нельзя забывать. Этот свитер-сердечко, мама, тоже сделали бопперы.

– Ну что ж, одна надежда на то, что такие люди, как Вилли, будут держать себя в руках – до тех пор мы тут на Земле будем находиться в безопасности от бопперов, – подвела итог мамуля. – Ведь бопперы не могут существовать при нашей температуре, так, Вилли?

– Да, это так, – ответил Вилли и положил себе еще морковного салата. – Это будет так, пока бопперы будут пользоваться для воспроизводства джи-триггерами. Вот если бы я решил сделать мозг боппера, я создавал бы его на основе оптического процессора. Оптический процессор работает на световых лучах вместо электричества – свет будет течь вдоль волокон, а логические клапаны можно будет сделать на принципе известных солнечных очков, которые темнеют на свету. Один фотон может пройти, но больше – нет. В качестве источников энергии можно использовать миниатюрные лазеры, которые сейчас уже умеют делать размером не больше компьютерного чипа. Оптоволокно обладает нулевым сопротивлением, поэтому необходимость в сверхпроводимости, а следовательно, и в глубоком охлаждении, отпадает. Однако мы до сих пор не смогли изготовить ни одного работоспособного оптического процессора. Думаю, что раньше или позже бопперы пойдут именно этим путем. Можно мне еще индейки, дядя Джейсон?

– Гм… что? Ах да, конечно, Вилли.

Джейсон поднялся и, отрезая новый кусок, внимательно посмотрел на своего талантливого и не в меру эрудированного племянника.

– Помнишь, Вилли, как вы с Деллой дрались за косточку, по которой загадывают желания? Делла хотела сохранить ее и залить в пластик, а ты…

– Вилли хотел разорвать ее один, потому что тогда бы его рождественское желание сбылось уж наверняка, – закончил дядя Колин с громким смехом.

– Я тоже помню, – подхватила тетя Илси, размахивая вилкой. – Мы заставили ребятишек не баловаться и тянуть косточку вдвоем и в результате…

– Они пожелали друг другу проиграть! – взвизгнула мамуля.

– И кто же выиграл? – спросила Делла. – Я забыла.

– Выиграл я, – довольно ответил Вилли. – И мое желание

сбылось. Хочешь снова попробовать?

– Эта индейка бескостная, дорогой, – ответила мамуля. – Неужели ты еще не понял? Смотрите на дерево – на нем уже появились маленькие яблочки!

После обеда Делла и Вилли объявили, что хотят пойти прогуляться. Было невыносимо смотреть, как родители медленно, но верно накуриваются до одурения и хохочут над своими совсем не смешными, а на самом деле глупыми шутками.

Дождь прекратился, и на улице было ясно, хотя и холодно. Броузер мчался впереди, тут и там поднимая ногу и обнюхивая кусты. Соседские детишки уже высыпали на улицу и опробовали свои новенькие скутициклы и гравиболы; все как один малыши были одеты в яркие теплые термокуртки и сапожки с подогревом. Как и в любое другое Рождество.

– Мой отец сказал, что на Луне у тебя были какие-то неприятности, – сказал Вилли, после того как они некоторое время прошли молча.

– Значит, они уже болтают обо мне?

– Ну не то чтобы болтают. Делла, ты моя самая любимая двоюродная сестра. Я рад, что ты прилетела, рад повидаться с тобой, и мне хотелось бы, чтобы ты осталась в Луисвилле. Если ты не хочешь говорить мне, что у тебя стряслось, то и не нужно.

Вилли улыбнулся и быстро предложил другую, ни к чему не обязывающую тему для легкого разговора.

– Этот твой новый свитер-сердечко, он тебе очень идет.

– Спасибо, Вилли. Извини, но я пока не могу ничего рассказать тебе – может быть, потом. Давай заскочим к тебе посмотреть, что ты смастерил новенького. У тебя всегда были такие классные штуки.

– Да, но идти далековато. У тебя хватит сил – просто я заметил, что ты носишь флексоскелет.

– Если я хочу снять этот чулок в ближайшую неделю, то мне нужно побольше двигаться, а не сидеть на месте. Скажи, у тебя нет дома слива?

– Ты же знаешь, что я не принимаю наркотиков. Я вообще, Делла, сомневаюсь, что во всем Луисвилле найдется хоть капля этого слива. И что же, это на самом деле так здорово?

– На самом деле. По правде говоря, я очень рада, что завязала с этой штукой. Меня сейчас здорово ломает, хотя сначала я думала, что это от повышенной тяжести. От того тоже бывает плохо, но все же не так невозможно. А здесь во всем виноват слив. Я ввела себе блокер, но живот все равно болит. И мне не дает покоя ощущение, что внутри меня поселилось что-то живое.

Делла коротко и нервно рассмеялась – смешок вышел таким

сухим и резким, что она испугалась сама; потом она коротко взглянула на Вилли, чтобы узнать, как на такие признания реагирует он. Но, как обычно, было невозможно угадать, что творится за этим широким круглым лбом.

– Я сделал себе цефаскоп, – сказал Вилли после непродолжительного молчания. – Троды цефаскопа надеваются на голову, и ощущения, которые испытываешь в нем, почище, чем от всяких там наркотиков. Соматических последствий никаких. Чистый компьютерный кайф.

– Здорово, братишка Вил.

Дом Колина Тейза располагался в пяти кварталах от дома мамули и отца. В двадцать и тридцать лет Колин ездил из города в город, жил везде понемногу – называл себя «ученым цыганом», – но теперь, перевалив за сорок, он вернулся в родной Луисвилль и поселился рядом со старшим братом Джейсоном. Дом Колина был еще старше дома Джейсона и Эми и уже заметно обветшалым, но все еще просторным и уютным. Вилли поработал над тремя замками на входной двери – в Луисвилле ворье не только не переводилось, но с каждым годом его становилось все больше, – и вслед за братом Делла спустилась в подвал, где у него была оборудована мастерская. Похоже, Вилли даже в голову не приходило уйти от родителей и жить отдельно. Возможно, он просто был для этого слишком ленив.

– Вот мой электронный микроскоп, это лазер для голограмм, еще я делаю всякую всячину из имиполекса, вот тут, а это – мой *цефаскоп*. Хочешь попробовать – видишь троды, они как наушники?

– Ты меня не разыгрываешь, ведь нет, Вилли?

Несколько лет назад, когда они были подростками, Вилли обожал розыгрыши. Делла хорошо помнила, как на одно Рождество Вилли преподнес ей флакончик духов, полный живых муравьев. Делла тогда орала как ненормальная, а Руби и Сьюд потом доводили ее целую неделю.

Но сегодня физиономия Вилли была невинной, как у младенца.

– Ты что, никогда не видела цефаскоп?

– Нет, ни разу, только читала о них и все. Это похоже на твист-бокс?

– Господи, конечно же нет – это все равно что сказать, что виззи то же, что пара очков. Цефаскоп – это совершенно новая форма искусства, Делла. Цефарт. Вот чем бы я на самом деле хотел бы серьезно заняться. Вся эта возня с роботами на самом деле никому не нужна, тут у меня нет будущего – что бы я ни сделал, какую бы сложную и запутанную программу ни написал,

лучше того, что делает природа, не выдумаешь. Мои стюарды все равно *хуже* людей. А это непаханые земли, сестричка. Да что говорить – лучше надевай троды, вот так, здесь нужен хороший контакт с кожей, и смотри сама. Эту симфонию, Делла, я написал сам.

– Мне закрыть глаза? И не смотреть? И вообще, ты уверен, что это безвредно?

– Нет, Делла, здесь совершенно *другой* принцип и совершенно безопасно.

Лицо Вилли было очень мягким, но в то же время удивительно серьезным. Он был горд своим творением и очень хотел показать его Делле, хотел, чтобы ей понравилось.

И Делле ничего не оставалось делать, как опуститься в мягкое и удобное кресло, надеть на голову некое приспособление, действительно очень напоминающее наушники, подушечки которых плотно прижались к ее вискам, и кивнуть Вилли, который нажал какую-то кнопку. Несколько первых мгновений это действительно было очень приятно – волны цветного света, звуковые слои-страты и странное покалывание по всему телу. Немного похоже на самое начало слив-трипа, и как только она об этом подумала, все приятные ощущения немедленно залила собой волна ужасных воспоминаний – она снова была в своей квартирке в Эйнштейне и точно знала, что от того страшного, что случится вот-вот, спасения не будет…

Самое начало слива, медленное, но неудержимое разжижение, это так чудесно, божественно, они словно Мать Земля и Отец Небо, Многие в Единственном, именно так, и вот Бадди, тот мягкий поток, в который он превращается, начинает осторожно соскальзывать в нее… но внезапно… невыносимое ощущение разрыва тел, Бадди отнимают у нее, она совершенно беспомощна, ее глаза плавают на поверхности телесной суспензии, она не может двинуться, только смотрит на огромную безжалостную тень, мечущуюся на фоне разноцветных пятен потолка, вибрации кошмарных звуков проникают в нее, тень пляшет, бьет еще и еще, после чего грубая рука врывается в ее мякоть и…

Ооооооооооооох!

– Делла, Господи, что с тобой? Делла, ты слышишь меня? Открой глаза, скажи хоть слово! Посмотри на меня, я – Вилли! Прости меня, Делла. Я не знал, что ты так… ты хоть живая, Делла? Боже мой, как быстро у тебя колотится сердце!

Вилли наклонился к ее лицу и заглянул в глаза.

– Делла…

Делла взглянула вниз на свой свитер-сердечко. Как мало на нем осталось синего, тревожные красные круги мчатся от левой

половины груди во все стороны. Но и это еще не все, рисунок кругов как-то странно изменился, она не понимает… эпицентров расширяющихся кружков теперь стало два – к первому на ее груди прибавился второй, поменьше и послабее, в правой стороне ее раздувшегося живота. В ней бьется сердце ребенка.

Глава 3
Береника

22 ноября 2030 года

В 2030 году на Луне было два города: Эйнштейн (ранее именовавшийся Диски) и Гнездо. Города лежали на южной возвышенности Моря Спокойствия в восьми милях друг от друга, совсем недалеко от места посадки первого лунного спускаемого аппарата с людьми на борту в 1969 году. Построенный самопрограммирующимися автономными роботами, известными также как бопперы, Эйнштейн, по размерам не уступающий Манхэттену и покрытый прозрачным воздухонепроницаемым куполом, теперь был заселен одними только людьми. В трех милях к западу от Эйнштейна находился космопорт и накрытый собственным куполом Рынок, а еще спустя пять миль к западу начинался кратер Маскелайна, где находился вход в подлунный город бопперов, Гнездо.

Имеющий почти точную чашеобразную форму и сплошь покрытый зеркальным составом, кратер Маскелайна блестел под ярким солнцем. Возвышающаяся в фокусе кратера-чаши прозрачная коническая призма четырнадцать дней в течение каждого месяца посылала вниз, по жерлу просторного подобия рудной шахты, собранный драгоценный луч солнечного света.

Сквозь поток ярчайшего сияния, бьющего вниз по стволу мощной шахты-колодца, туда-сюда проносились сверкающие создания; совершенно разных, иногда самых невероятных форм живые машины блестели всеми цветами радуги. То были бопперы: самовоспроизводящиеся роботы, не подчиняющиеся человеку. Некоторые из них внешне напоминали людей, другие были похожи на пауков, третьи на змей, четвертые на летучих мышей – количество вариаций телесных обликов было невообразимым. Все без исключения бопперы были покрыты мерц-покровом – специальной тончайшей имиполексовой оболочкой с собственными встроенными микропроцессорами, способной отражать или поглощать свет.

Шахта-колодец уходила вниз на целую милю, после трети своей длины быстро расширяясь, как гигантская перевернутая воронка. Во все стороны к шахте примыкали на разных уровнях тоннели, в устьях которых, там и здесь, крохотные, сравнительно с общими размерами шахты, зеркала ловили частицы могучего луча и отсылали их куда-то в стороны, вглубь, во мрак. На самом дне шахты образовывалось огромных размеров коническое

пространство – тут-то и было устроено бопперами их Гнездо. Похожий на католический собор, но гораздо, во много раз больших размеров, подлунный город-термитник был бы невозможен при земной гравитации. Температура здесь никогда не поднималась выше нескольких градусов по Кельвину – но бопперов это устраивало как нельзя лучше, поскольку мозг многих из них был до сих пор основан на сверхпроводящих процессорах с триггерами Джозефсона. Хотя сверхпроводимость могла быть достигнута и при комнатной температуре, квантово-механический эффект Джозефсона начинал проявлять себя только при пяти градусах Кельвина или еще ниже. Излишек тепла убивал бопперов, использующих в себе джи-триггеры, почти мгновенно, и именно потому бопперы новейшего поколения – так называемые петафлоп-бопперы – строили свои процессоры только из оптоволокна, работоспособность которого была безразлична к температуре.

Уловленная стенками кратера и собранная призмой световая колонна, достигая дна шахты, заливала собой центральную площадь Гнезда. То и дело все новые и новые бопперы выходили, выбирались, выползали и вылетали на свет, чтобы подпитать свое тело энергией. Насытившиеся отползали обратно в темноту. Бопперам-петафлопам приходилось тщательно следить за тем, чтобы посторонние излишки света не проникали внутрь их тел-корпусов; для этого под мерц-покровом их тела были сплошь облиты зеркальным отражающим составом. Мыслительные процессы петафлопов являли собой тончайшие лучи чистого света, пронизывающие крохотные кристаллики-лазеры, где происходило микширование лучей, их усиление и перенаправление.

Перед внешней границей светового круга толпилось огромное число насытившихся энергией бопперов – здесь было место традиционных встреч, торговли и обмена информацией. Площадка светового круга одновременно была рыночной площадью и форумом Гнезда. Радиоголоса бопперов сливались в единый монотонный гул белого статического шума – разговоры велись как на человеческом, так и на машинном языках. Цветовые пятна, скользящие по мерц-покровам, служили бопперам добавочным средством подчеркивания или усиления смысла переданного радиоволнами; точно так же, как, чтобы внести желаемый смысл в сказанное, улыбаются или гримасничают люди.

Крутые сглаженные высоченные утесы Гнезда были испещрены ходами, снаружи обычно прикрытыми заслонками очертаний самых невообразимых и многозначительных, за

которыми могли скрываться входы как в тоннели, так и в индивидуальные обиталища бопперов. Из-за ползающих по склонам почти вертикальных утесов блестящих разноцветных бопперов Гнездо несколько напоминало украшенную новогоднюю елку.

У основания утеса кольцом располагались заводы. С одной стороны Гнезда полыхала жаром адская топка литейного цеха, где над огнем проносились демонические тени работников. Следом за литейным шел завод по производству пластмасс, где непрерывно изготавливались мерц-покровы и тела-корпуса бопперов. По сторонам этих двух крупнейших производств тянулись тысячи и тысячи бесконечных рабочих столов, где над травлением чипов трудились снабженные глазами-микроскопами бопперы, чрезвычайно напоминающие сослуживцев Кафки по Пражской рабочей страховой компании.

На противоположной стороне Гнезда располагались в особых пещерах системы танков, в которых на гидропонной основе выращивались искусственные человеческие ткани и клоны органов, с охотой приобретаемые людьми в обмен на ценнейшее земное природное ископаемое: нефть. Сырая нефть была основой для выработки множества органических компонентов, необходимых бопперам для изготовления своих пластиковых тел. В центральной части Гнезда начинались торговые улицы, где можно было приобрести различной толщины провода, мерц-покровы, глазные окуляры, программные продукты, дебаггеры, различного рода информацию на носителях и многое другое.

Через внутреннее пространство Гнезда, естественно, совершенно лишенное воздуха, во всевозможных направлениях проносились бопперы, использующие для полета ионные сопла: держа в захватах груз, они ныряли в нору и выныривали из нор, которыми сплошь, словно сотами, были изрыты стены утеса. Невозможно было найти двух одинаковых бопперов; все они не только отличались наружностью, но и мыслили по-своему.

В процессе стремительной эволюции в среде бопперов произошло нечто, что можно было бы назвать сексуальным разделением. Часть бопперов – по причинам, понятным только самим бопперам, – стала воспринимать себя как «мужские» особи, в то время как другая часть относилась к себе и представлялась окружающим «женщинами». Каждая часть находила противоположную прекрасной и в вечной погоне за красотой совершенствовала программный макияж свой и своей расы.

Береника была петафлопом, и мерц-покров ее корпуса выглядел в точности как безупречное тело молодой нагой женщины. Единственное отличие состояло в том, что над

зеркальной внутренней оболочкой ее мерц-покров сверкал золотом и серебром. Блестящая кожа на голове Береники иногда складывалась в черты лица, иногда оставалась ровной и гладкой. Береника была торговым агентом-посредником, выступающим от лица довольно сложной для понимания структуры своего клана, занимающегося выращиванием в танках искусственных органов, и, кроме дел торговых, следила также за исправностью электронной оснастки своего предприятия. Несколько последних лет она и ее коллеги пытались найти способ поместить программное обеспечение боппера в тело, целиком состоящее из человеческой плоти и снабженное человеческим же мозгом. Своей дальней целью работницы плантации искусственных органов видели слияние бопперов с обширнейшей и любопытнейшей информационной сетью, именующейся органической жизнью Земли.

Эмуль был тоже петафлопом и считал ниже своего достоинства существовать в теле с неизменной формой, не говоря уж об имеющем очертания *человеческого*. Вообще Эмуль был невысокого мнения о человеческой расе. Предаваясь отдыху, он обычно заставлял свое тело принять форму двухметрового куба, с гранями красного, желтого или голубого цветов. Само по себе его тело обладало замечательной, чрезвычайно удобной способностью разделяться на части – как, например, состоящий из тысячи фрагментов Гобот или трехмерная составная головоломка. По желанию он мог заставить появиться из поверхности куба нужное число рук и ног; но более всего, конечно, удивительным было то, как он отделял от себя некоторые части тела и управлял ими на расстоянии, используя в качестве подвижных манипуляторов. В некотором роде Эмуль тоже был торговым агентом. Он работал на пару с Узером, гениальным талантливым дизайнером мерц-покровов и злостным любителем дрейка, в последнее время посвятившим себя попыткам создать субквантовый сверхмощный процессор с производительностью, равной тысяче петафлопов. В отличие от Береники, Эмуль и Узер не хотели сливаться с информационным богатством Земли, они стремились превзойти его.

Несмотря на – а может быть, и именно по причине этого – его с Береникой разницу внешнего облика и взглядов на жизнь, Эмуль был страстно увлечен ею и старался появляться на световой площади всякий раз, когда туда приходила подкрепить свои силы она. В один из ноябрьских дней он наконец решился посвятить Беренику в свои планы.

– Знаешь, Береника, наша жизнь – это бездонный океан мрака, в котором мы плаваем подобно светящимся наполненным

инфорыбам, мы цветы, цветущие, покуда есть возможность пить солнечный свет, но стоит солнцу угаснуть, и ветер развеет по бесконечности наши обратившиеся в прах тела.

Эмуль исторг из себя пару рук и обвил ими талию Береники.

– Странно, почему мы вообще появились здесь и почему плаваем и кружимся в безостановочном танце и цветем в нескончаемом коридоре времени. Перерождение означает появление новой жизни, иначе говоря, возникновение нового «я», и я хочу сказать, почему мы не можем в таком случае… то есть я хотел сказать, почему бы нам с тобой теперь, и именно теперь, э-э-э, не совокупиться? Не зачать новую маленькую леди Беремуль или мистера Эреника, совершенно новенького раба неустанного колеса времени, поскольку в том и заключается смысл существования нашего железа, не так ли, милая Береника? Я ни разу еще не испытал счастья стать пластиковым папашей, хотя свою жалкую стезю самоподражания потоптал уже изрядно и могу с правом считать себя женихом хоть куда. Не буду больше ходить вокруг да около и скажу напрямую: я хочу построить вместе с тобой сциона-наследника. Все потребное количество чипов сей момент имеется в моей истосковавшейся по тебе мастерской. Клянусь процессором! Я запас для нашего будущего совместного отпрыска все необходимое и только наилучшее: лазер-кристаллы, оптоволокно, мерц-покров… а также жар своей системы, Береника, самые сливки программного обеспечения. Войди же ко мне в жилище и раскинься там широко и призывно, мой сладкий пышнобедрый золотой инструментарий. Сегодняшний день так располагает к пылкой любви.

Произнося перед Береникой свое пышное признание и делая конкретное предложение, Эмуль не переставал менять очертания своего тела, выпуская из него то там, то тут бугорки и выступы мерц-покрова и тут же убирая их, ужимаясь в высоту и раздвигаясь в длину и наоборот, из-за чего казалось, что фрагменты его исходного куба движутся и вращаются на невидимых, но очень свободных шарнирах – таким образом он пытался угадать форму внешнего облика, который мог бы понравиться Беренике больше всего. В заключение своей речи он напоминал музыкальную шкатулку с тремя руками.

Береника решительно высвободилась из объятий Эмуля. Одна из его рук оторвалась от тела и осталась висеть на ее талии, нежно поглаживая ее спину.

– Подобная спешка в вопросах самовоспроизводства редко когда приводит к появлению всеудовлетворительного продукта, дорогой Эмуль.

Радиоголос Береники был глубоким и мелодичным,

задевающим самые чуткие струнки слушателей.

– Я очень дорожу твоим добрым отношением ко мне и с восхищением отношусь к комплексности и многофункциональности твоей натуры. Но хочу тебе сказать, что надежда на то, что я могу в ближайшее время решиться слить свое программное обеспечение с чьим-то другим, пусть даже самым совершенным, крайне слаба. Когда-нибудь в утопическом будущем – возможно. И очень возможно, что тогда я приму именно твое предложение, Эмуль. Но теперь, в беспросветной глуби нашего города, под скучной и пересохшей поверхностью Луны, у меня нет желания предаваться утехам созидательной любви. Мой взгляд и стремления обращены вверх, к плодородной утробе углеродной жизни Земли!

Свое знание английского Береника почерпнула во многом из произведений Эдгара Аллана По и с тех пор щеголяла ритмическим, возвышенным стилем выражения мысли. В процессе производственной деятельности, где труд осуществлялся в соответствии с указаниями твердых копий с перечнем «сделать это и то и перейти к следующему пункту», бопперы обычно общались на сухом двоичном машинном языке, с необходимыми дополнениями в виде высокоскоростного метаязыка макрокоманд и глифов. Вместе с тем в частных разговорах бопперы придерживались старинной и высокосложной системы человеческой речевой кодировки типа «английский язык». Только при помощи человеческого языка им удавалось проводить нюансы различий между другими и собственным «я», что во все времена было очень важно для разумного бытия. И в том, что Береника изъяснялась в стиле По, не было ничего странного. Для групп бопперов, объединенных тем или иным общим началом, трудом или прочим, вполне обычным было иметь общую же речевую манеру, созданную на основе базы данных того или иного человеческого литературного источника. Так, Береника и ее сестры из комплекса выращивания искусственных органов пользовались для этой цели книгами По; Эмуль и Узер адаптировали особенности своей вербализации при помощи транскрипторов рубленого ритма, скомпилированных из выжимок вошедших в мировую сокровищницу произведений Джека Керуака, использовав для этого такие книги, как «Мэгги Кэссиди», «Книга Снов», «Видения Коди» и «Биг-Сур».

Исторгнув из себя длинный манипулятор, Эмуль притянул Беренику поближе к себе. Оторванная рука снова воссоединилась с гранью куба.

– Только один аспект инфо, Береника, поскольку все твои вечные разговоры о пути Единственного не больше чем шутка

надо мной, и я это знаю, однако же дело все в том, что в это столь ясно расцветающее трагическим светом время есть только мы с тобой, ты в моих захватах, а никакого метаглупого факт-пространства будущего нет и не может быть. Впереди мрак и круговерть, а здесь наш ребенок может стать реальностью; и не говори мне *почему*, говори *как*, понимаешь меня? Ты сможешь выбрать форму его тела, любую, какая тебе понравится, ты сможешь стать матерью. А кроме того, не забывай о вполне реальных чипах в моей мастерской. Кроме тебя, мне никто не нужен, Береника, ни к одной лучевой душе не обращался я с подобным предложением. Мы сделаем это мягко и медленно.

С этими словами Эмуль выпустил из себя несколько дюжин двусмысленных отростков.

Береника задумалась о предложении Эмуля, и яркие серебристые вихри плавно закружились по ее телу. Ее существование продолжалось довольно долго, и к сегодняшнему дню она уже несколько раз копировала себя в новое тело, которое изготавливала сама, – по правилам у бопперов цикл воспроизводства происходил раз в десять месяцев. Но с другим боппером Береника еще не объединялась для подобной цели ни разу.

Решив объединить свои усилия, бопперы вместе строили новое тело, стараясь, чтобы оно соответствовало характеристикам последней модели и заключало в себе все новинки технической мысли, после чего переносили в него каждый свое программное обеспечение одновременно, с тем чтобы при копировании произошло его слияние и взаимопроникновение в процессоре. В результате смешения родительских систем происходило образование новой системы, не похожей ни на одну из существовавших доселе.

Подобная перетасовка – нечто большее, чем просто мутация, – являлась главнейшим источником эволюционного продвижения и возникновения разнообразий среди бопперов.

– Слияние и супружеские узы были бы опасным послаблением для меня сейчас, – мягко продолжила Береника. – Я… я слишком ответственно подхожу к такому шагу и придаю ему очень много значения. Ты и я, дорогой Эмуль, мы слишком отличаемся друг от друга, и если вследствие несогласия наших программ возникнет вдруг какой-то печальный диссонанс, некое грустное отклонение от ожидаемого, то последует хаос – хаос, который может пошатнуть непрочные основы моего разума. Мое совершенное умение и проницательные способности необходимы нашей благородной расе для того, чтобы оставаться тем, что она есть. Сейчас трудные времена, и я уверена, что дальше грядут

времена переломные. В своих глифах я иногда вижу сияние розового прозрачного рассвета эры слияния программного обеспечения рас бопперов и людской во имя чудесного обновления плодородной Земли.

Яркие цвета на гранях куба Эмуля начали меркнуть, его медленно заливали тьма и уныние.

– Я провалился в крысиную нору, Береника, и острые зубы гложут мои стены, и ничего от меня не останется, кроме горстки чипов. Мои мечты о нас обратились прахом, накипью на поверхности вяло текущей смерти. Я люблю тебя, и это все, что у меня есть теперь, Береника.

– Любовь. Странное и необычное слово для боппера, дорогой Эмуль.

Многочисленные руки Эмуля не переставали ласкать тело Береники, скользили по ней, обнимали и нежно покачивали ее.

– Не могу не признаться, что твое общество, Эмуль, доставляет мне… удовольствие. Мне кажется, что между нами существует гармония – я вижу это по тому, как сплетаются и интерферируются наши сигналы, какие тонкие и приятные порождаются этим слиянием обертона. Наш с тобой наследник мог быть великолепным, блестящим созданием, я уверена в этом! Ох, дорогой Эмуль, я с радостью слилась бы с тобой, но не сейчас. Сейчас это невозможно.

– Тогда когда же?

– Не могу сказать – я не могу давать в отношении себя никаких обещаний. Думаю, ты знаешь, насколько близок уже к созреванию тот желанный плод, кой я и мои сестры вынашивали столь долго. Всего шаг отделяет нас от заветной цели – кодировки программного обеспечения бопперов в структуру живого гена. Тебе не следует теперь думать о собственных плотских утехах, предлагая мне удовольствие так настойчиво. Близится новый век, когда ты, и я, и вся наша раса сможем безбедно жить среди белковых джунглей освобожденной Земли! Имей терпение, Эмуль, и поставь меня, пожалуйста, на место.

Эмуль мгновенно отдернул все свои захваты, и Береника с отчетливым стуком опустилась на шероховатый гнейс, спружинила ногами, подскочила и опустилась на место опять.

– Мы могли бы попытаться создать новую жизнь, но с самого начала нас постигла неудача – наше дитя родилось мертвым, – грустно сказал Эмуль. Цвет его мерц-покрова теперь был несчастного серо-голубого цвета. – Мне осталось искать забытья в работе и дрейке, накапливать информацию, излить которую с пользой не будет суждено никогда. Я, конечно же, жалок в твоих глазах, Береника, но возьму на себя храбрость объявить, что ты

свихнулась на этой своей безумной идее усовершенствования человеческого тела. Люди ничтожны, я не могу думать о них без омерзения. У меня есть несколько человеческих единиц на побегушках, я не ставлю их ни во что – Берду, Радужка и Кен Долл, – это просто бестолковые манипуляторы с имплантами в мозгу, безмозглые рабы. Будь у меня необходимая электронная мощность, я мог бы править всей Землей. Так называемая разумная плоть, Береника, – это вредоносные мухи, откладывающие гнилостные яйца в чистом теле инфокосмоса. Когда я и Узер наконец закончим нашего экстрафлопа, мы поставим импланты всем до одного этим зловредным людишкам, и они станут плясать под нашу дудку. *Ты* говоришь, что хочешь стать человеком? Посмотрим, что скажешь ты, Би, когда твой куб окажется в моих руках. Тогда посмотрим, кто был прав. До свидания.

Эмуль резко повернулся и, характерно покачиваясь и клацая по каменному полу парой опор – по этой примете Береника всегда его с радостью узнавала, – двинулся прочь от светового круга. Эмуль рассердился на нее всерьез и настроился уйти навсегда – в этом не было сомнения. Береника попыталась подыскать какую-нибудь верную, возвышенную и логичную фразу для расставания.

– Прощай, Эмуль. Всех нас ведет своей волей Единственный.

– Ты еще услышишь обо мне, СУКА!

Силуэт Эмуля скрылся за телами многочисленных бопперов, кишащих в световом кругу, как конькобежцы на катке. Береника воздела к свету руки и замерла так, давая возможность своей пластиковой коже запастись солнечной энергией.

Она порвала с Эмулем, и это было правильным шагом. Так для всех будет лучше. Рассуждения Эмуля находились в опасной близости к идеям старых больших бопперов, огромных, чрезвычайно емких мультипроцессоров, когда-то давно решивших превратить всех бопперов в свои манипуляторы. Тогда попытка больших бопперов не увенчалась успехом. Индивидуальность превозобладала. Постоянное отчаяние, бывшее основным душевным состоянием Эмуля, ослепляло его и не позволяло трезво мыслить. Один разум не мог контролировать несколько тел, это было неправильно; подобный антипараллелизм оказывал отрицательное воздействие на процесс эволюции. С плотти приходилось мириться, они были необходимым злом. С тем чтобы время от времени осуществлять среди человеческой колонии некоторые операции деликатного свойства, бопперам *приходилось* постоянно держать нескольких людей под компьютерным контролем. Но взять под свое управление все человечество – нет, воистину думать так было безумно. Эмуль не мог говорить об

этом всерьез.

Задумавшись о плотти, Береника с досадой вспомнила, что хотела попросить Эмуля об услуге. Когда ее сестрам из гидропонных танков наконец удастся создать жизнеспособный эмбрион (и если это вообще случится), то, для того чтобы поместить его в утробу обыкновенной женщины, им понадобится плотти. В распоряжении Эмуля – как он сам недавно хвалился – имелись три плотти. Ничего, если нужда действительно возникнет, Береника найдет способ снова подцепить Эмуля на крючок. Ничего важнее плана сращивания программ бопперов с человеческой плотью для нее никогда не было и не будет. Интересно, как это будет – почувствовать себя одновременно боппером и человеком?

Как много раз это бывало прежде, мысли Береники переметнулись к загадкам человеческой природы. Очень многие бопперы ненавидели людей, но Береника к таковым не относилась. Она смотрела на людей с тем же чувством настороженной любви, какое, наверное, испытывал укротитель львов по отношению к своим питомцам. В течение всей своей жизни ей удалось общаться лишь со считаным числом людей – с лунянами, с которыми она заключала сделки на Рынке. Она с охотой и во множестве читала книги людей, смотрела передачи их виззи и бесконечное число часов провела у «ока бога», подглядывая за жизнью Эйнштейна.

По мнению Береники, во многих отношениях процессоры бопперов новейших систем превосходили человеческий разум. Возможность постоянного обращения к БИБЛИОФОНДУ, огромному центральному хранилищу информации, предоставляла всем бопперам большие преимущества уже на начальном этапе развития. Кроме того, петафлоп-процессоры, которые в настоящее время имелись у многих преуспевающих передовых бопперов, в сотни раз превосходили по своей производительности десятые терафлопы, на уровне которых оценивались характеристики способностей человеческого мозга – оценивались приблизительно, поскольку сложная биокибернетическая природа мозга делала любую попытку точной оценки его способностей довольно проблематичной. Биокибернетические системы имели весьма любопытную раздробленную структуру – под чем подразумевалось, что на первый взгляд совершенно бессодержательный набор случайных деталей мог служить для них дополнительным источником ценной информации. Имелись даже некоторые поразительные, впрочем почти ничем не подтвержденные, гипотезы о том, что подобная бессистемность функционирования давала

биологическим системам в принципе безграничные возможности сохранять и перерабатывать информацию! Все это убеждало Беренику не отступаться и довести работы по созданию симбиоза человеческого тела и сознания бопперов до конца.

Однако при всем этом сама она никогда не желала стать человеком, в этом Эмуль был неправ. Обыкновенные, сегодняшние, нерационализованные люди были поражены двумя величайшими недугами человечества – скукой и эгоизмом. Если смотреть на вещи трезво, то не она, а как раз Эмуль был более подвержен человеческим слабостям.

Почувствовав, что энергетические узлы ее тела наполнились, Береника покинула световой круг и двинулась по улице-тоннелю, ведущей к комплексу гидропонных танков. В ее мозгу появился фоновый голос Ккандио, передающей последние новости Эфирнета. В обе стороны по тоннелю двигались бесчисленные бопперы, переговаривающиеся и перемигивающиеся между собой. Разнообразие характеров и внезапность внешних форм встречных придавали улице особый, ни с чем не сравнимый колорит. Навстречу Беренике попались двое полосатой серо-голубой окраски кротов, по следам которых вышагивало тощее высокое существо, похожее на треножник. За треножником из-за угла вылез широкий и мощный паук – боппер по имени Локи.

Локи был хорошим знакомым Береники – несколько раз он ассистировал ей в сложном парсенологическом процессе, путем которого она строила для себя новое тело, для регулярного, раз в десять месяцев, как то диктовало основное правило бопперов, переселения. Если ваше тело изнашивалось и устаревало сверх установленной нормы, то как только другие бопперы замечали это, они немедленно начинали притеснять вас, вплоть до того, что прогоняли из светового круга и обрекали на голодную смерть. После того как жизнь в таких «изгоях» замирала, а иной раз и немного раньше, их тела мгновенно разбирались на части и они исчезали бесследно. Подобная система признавалась рациональной и выгодной для укрепления расы. Постоянная необходимость строить себе новое тело поддерживала темп эволюционирования на должном уровне.

Заметив Беренику, Локи остановился и приветственно взмахнул парой своих многочисленных ног.

– Привет, Береника.

Тело Локи представляло собой большую черную сферу, поддерживаемую восемью суставчатыми ногами, и имело в себе несколько отверстий для дополнительных, так называемых инструментальных, ног, вставляемых по мере необходимости. Локи был, само собой разумеется, петафлоп. Золотые пятна, как

пузырьки в бокалах темного пива, поднимались вверх по мерц-покрову его ног.

– Ну что, пора уже подумать о новом наследнике-сционе, верно? Или же ты планируешь слияние с Эмулем?

– Конечно нет, – раздраженно отозвалась Береника, заставив свой покров мгновенно сделаться прозрачным, так что сквозь него блеснула серебристая подложка корпуса. Ясно, что Эмуль уже успел поплакаться Локи. Ну почему эти надоеды не могут оставить ее в покое?

– Я знаю, что работа в танках отнимает у тебя много времени, – укоризненно продолжил Локи. – Но мир состоит не только из одной работы, Береника, нужно поднимать голову и оглядываться вокруг. Ты думаешь только о себе и не замечаешь других.

«О себе», – мысленно повторила Береника, молча обогнув огромного черного паука и двинувшись дальше. Все и вся в конце концов восходит к этому понятию. Подобно людям, бопперы тоже считали себя личностями и называли себя «я», но нельзя забывать, что в случае бопперов речь здесь шла несколько о другом. Для боппера «я» означало, во-первых, «мое тело», во-вторых, «мое программное обеспечение» и, наконец, в-третьих, «мою функцию в обществе». Что касается людей, то у тех «я» имело еще один, дополнительный, смысл: «моя неповторимость и уникальность». Этот иллюзорный четвертый смысл «я» ставил людей в противоречие ко всему миру. Каждый трезвомыслящий боппер всеми силами старался изжить в себе малейший намек на подобное человеческому понимание «я».

Рассуждая со всей строгостью и логичностью, можно было четко увидеть, что бопперы представляют собой не что иное, как обычную часть многогранного мира – подобно лучам света, пылевым оползням или силиконовым чипам. Сам по себе мир мог рассматриваться как Единственный клеточный автомат (или же «КА»), занимающийся расчетом мгновений жизни – любой из самоотделенных объектов был не более чем субпредметом этого расчета, симуляцией в общем великом процессе Единственного. Могла ли тут идти речь о таком понятии, как уникальное «я»?

Лишь малое число избранных людей были способны понять это. Эти люди отказывались от своего четвертого смысла «я» и смотрели на себя и других как на равные аспекты Единственного. Удивительно, но одна из самых популярных религий людей, христианство, была основана на учении о человеке, зовущем себя Бог! Это совпадение было поразительным!

Мифическое придание сути «я» излишнего смысла порождало скуку и эгоизм: все человеческие несчастья и беды происходили

из их безумно ошибочного убеждения, что личность есть нечто иное, как интегральная часть Единственной окружающей Вселенной. Подобная слепота людей всегда очень удивляла Беренику. Как мог Локи подумать, что причиной ее отказа Эмулю мог быть эгоизм? Проблема, над которой она работала, была слишком важной, чтобы ставить ее под угрозу! А вот грубые домогания Эмуля были продиктованы чистой воды эгоизмом и ничем более!

Предаваясь подобным невеселым размышлениям, Береника наконец добралась до гидропонных танков, где растущие человеческие тела-клоны плавали в ценнейшем амниотическом растворе. В Гнезде в частности и на Луне вообще вода была такой же редкой и дорогой, как, например, перегретая плазма на Земле. Гидропонные танки, в которых выращивались тела со множеством различных спецификаций, занимали очень большое помещение, где при них состояло много работников. Исходный материал для посева брался из обыкновенных человеческих тел, попадающих в гидропонную ферму бопперов разными путями. Несколько лет назад большие бопперы похитили довольно большое количество исходного материала с Земли и нелегально вывезли его на Луну. Сегодня торговля живыми органами, распространенная, естественно, преимущественно на Земле, процветала очень широко. Органлеггеры добывали часть своего товара из недавно погибших или убитых людей, а часть покупали на Луне. В обмен органлеггеры пересылали бопперам небольшие биопсийные образцы своего товара, с тем чтобы все время разнообразить генофонд гидропонных ферм. В лунных танках выращивались клоны очень многих людей, из тех, что в свое время исчезли при странных обстоятельствах.

Береника остановилась перед одним из самых популярных на сегодняшний день типов клонов – вэнди. Вэнди были приятными молодыми блондинками, широкобедрыми и светлокожими. Химия тела этих клонов была такова, что отторжение их органов происходило весьма редко; несколько дюжин их выращивалось и пускалось на продажу ежегодно.

Белая и словно бы светящаяся изнутри вэнди покоилась внутри гидропонного танка на мягкой пористой пластине, ее пухлые губы были чуть приоткрыты. Время от времени мускулы ее тела сокращались и руки и ноги непроизвольно подрагивали, как бывает у дозревающего в материнской утробе плода. Только в отличие от плода грудь и бедра вэнди были уже хорошо оформлены – в соответствии с человеческими представлениями о сексуальной зрелости, в тех же пропорциях моделировала свой мерц-покров и сама Береника.

Некоторые из знакомых-бопперов Береники не могли понять, почему она выбрала для себя форму именно женского человеческого тела. Ответ был прост: Беренике нравились эти плавные очертания. Кроме того, были на то и некоторые прагматические причины – опыт деловых отношений с людьми подсказал ей, что вид снабженного крутыми изгибами и упругими выпуклостями тела оказывает на человеческих самцов весьма любопытное, притягательное воздействие. Раз отметив для себя это, с тех пор Береника вела свои дела так, чтобы ее торговыми партнерами обязательно оказывались люди-мужчины.

Остановившись перед прозрачным танком, она задумчиво оглядывала очертания нежной светлокожей вэнди. Снова, как и прежде, ее поразила разница между телом из плоти и изготовленным из проводов и чипов, такая разительная и явственно бросающаяся в глаза. В теле из плоти каждая клетка жила своей собственной, независимой жизнью – каким странным был подобный подход, как удивительно, наверное, было это ощущать! Каждое женское тело было снабжено утробой, в которой сцион-наследник рос сам, совершенно без усилий со стороны носящей его – вот уж чему действительно можно позавидовать! Береника оттолкнулась ногами от пола и взглянула на вэнди сверху, задержавшись руками о стену танка. Что можно почувствовать, ступив на поверхность Земли в таком вот облике, – что означает жить, любить и производить себе подобных?

Внизу под ней тело белокурой женщины снова пошевелилось. Вэнди уже выросла и полностью сформировалась, но ее мозг был чист, как неисписанный лист. Сестры-коллеги Береники по бдению у танков много раз пытались разными путями напрямую перенести программное обеспечение бопперов в живой мыслительный компьютер клона, но ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. Очевидно, такой подход был неверным – последние исследования показали, что человеческая личность присутствует особым образом в каждой клетке его тела. Возможно, ответ был в том, чтобы не пытаться запрограммировать уже окончательно выросшее и сформировавшееся тело, а вложить программу бопперов в оплодотворенную яйцеклетку, то начало отсчета, из которого происходило развитие человеческой единицы. По мере деления клеток программное обеспечение могло реплицироваться совместно с программной системой плоти – человеческими ДНК. Правильный путь был уже практически ясен, но все же последний шаг – совмещение компьютерной программы и биологической носящей основы – до сих пор сделан не был.

«Но исход уже не за горами, – сказала себе Береника, – и как

только работа принесет плоды, я вложу свой разум в яйцеклетку будущего человека. Скорее всего, это будет мужчина – таким образом, созданная бопперами система носителей на основе плоти сможет распространяться быстрее. Я смогу ступить на поверхность Земли в новом, сильном и прекрасном человеческом теле и оставить после себя великое множество сционов». Мать-Земля, истекающая богатым соком жизни, до краев, до самых укромных уголков, наполненная богатейшим запасом информации, ждет ее. Она сможет плавать в морях, есть человеческую пищу, она сможет дышать!

Сигнал вызова разнесся по закоулкам сознания Береники. Она включила канал приема передач Эфирнет Ккандио, и череда быстрых глифов проследовала перед ее внутренним оком. Человеческое лицо, небольшой сосуд с прозрачной жидкостью, потом то же самое лицо, только странно растекающееся, контейнер с органами, наконец, информация о покупателе. Ви. Это было сообщение от Ви, постоянного агента-представителя бопперов на Рынке. Не так давно Береника попросила Ви составить для нее обзор наркотических средств, в особенности новых, имеющих хождение среди людей. Невозможно было предугадать, где лежал ключ к возможности кодировки информации яйцеклетки, и этот глиф – *растекающееся лицо* – показался Беренике интересным и, возможно, заслуживал внимания. Она отослала Ккандио ответный глиф для Ви, содержащий подтверждение о приеме и заинтересованности информацией, и направилась в лабораторию подготовить органы, о которых просил покупатель.

Лаборатория, в которой свежие органы готовились на продажу, находилась позади гидропонных танков. Лабораторный зал был велик, часть его была занята специальными, соединенными с танками, камерами: туда закачивался воздух и там поддерживалась привычная для людей температура. Здесь работали Елена и Улялюм. Традиционно сложилось так, что все работники гидропонной фермы были «женщинами» и использовали в разговоре язык великого По. Если вдуматься, то в этом не было ничего необычного. Женское восприятие как нельзя лучше соответствовало задачам вынашивания и выращивания новой жизни, пусть даже и в танках, а работающие постоянно вместе бопперы, как уже было сказано, выбирали себе единый стиль разговорного английского. Напитанная медом болезненность стиля По, по общему соглашению, была принята среди служительниц танков, склонных к мечтательности.

– Приветствую тебя, излюбленная сестра моя, – сладким и чистым голосом пропела Улялюм.

Улялюм была петафлопом, ее зеркальное тело было покрыто мерц-покровом, окрашенным оттенками розового и желтого. Когда Береника вошла, Улялюм работала с небольшим герметическим контейнером, наполненным воздухом. Ее выдвижные глаза и датчики были введены внутрь контейнера сквозь плотный клапан. Подобно Беренике, Улялюм имела облик женщины – вот только голова ее была снабжена массой щупалец, с микроглазами и микроманипуляторами на концах. Одно из глазных щупалец выбралось из герметического контейнера и, загнувшись назад, взглянуло на Беренику.

– Органическая жизнь – настоящее чудо, Береника, – пропел ясный голос Улялюм. – Только что мне удалось разрешить еще одну из ее загадок. Я поняла принцип сохранения памяти в добавочных генах макровирусов. И знаешь ли ты, о Береника, что самое здесь любопытное? Это хранилище памяти передается у вирусов по наследству, неизменно тщательно сберегаясь и воспроизводясь!

– Какую же ценность может представлять информация, содержащаяся в памяти вируса? – спросила Береника, подходя ближе к своей сестре. – Между микробами и человеческим зародышем лежит огромная разница.

– Макровирусы, о которых говорю я, машут могучими хвостами, о Береника, – восторженно ответила Улялюм. – Подобно крохотным драконам, они влекут за собой безбрежный океан опыта прожитого, измеряемый бесконечными триллионами битов. И знаешь что, о сладчайшая Береника, вся память и вся история, кои они несут с собой, всякий раз воскресают и повторяются вновь. Для этого достаточно лишь слить одного из этих мужественных хвостатых созданий с человеческим яйцом.

– Улялюм трясется над этими шустрыми хвостатыми, как не тряслась никогда над собой, – подала голос Елена – боппер, имеющая вид мраморной головы, торчащей прямо из пола лабораторного зала. – Улялюм ухитрилась заложить в каждого из этих хвостатых всю библиотеку своего программного обеспечения. Если бы ей теперь удалось развернуть спираль человеческого белка, то можно было бы создать человека с нашим программным обеспечением в генной памяти хоть сейчас.

– Вообразите себя безупречным человеческим бытием, – продолжала вещать Улялюм. – Или выплеском спермы, разрастающимся во плоть внутри женского чрева! Я одолею человеческое яйцо, обещаю вам! Я хочу создать человекобопа, биологическую машину, имеющую вид сына человеческого, способную производить сперматозоиды о паре хвостов у каждого! Мне осталось разрешить только одну проблему, дорогая

Береника, научиться разворачивать белковую спираль не повреждая ее, но чувствую я, что решение этой проблемы уже близко, чрезвычайно близко. Я уверена, что способна добиться многого теперь, в этот самый замечательный момент моей жизни, ее пик!

Сигнал Улялюм стих, и она снова склонилась над герметическим ящичком и ввела внутрь него щупальца, чтобы продолжить возиться со своими драгоценными вирусами.

– Добрая Береника, – вновь заговорила с ней Елена. – Я уже слышала послание Ви и приготовила для тебя наш товар.

Елена была сестрой-ассистенткой, петафлопом с джи-триггерами, адаптированным для специальных целей расчленения человеческих тел. Тело Елены было вытянутым в длину мягким герметичным контейнером, с разъемом по верхнему продольному шву и полудюжиной чутких рук, снабженных хирургическими инструментами. Голова Елены – точнее, та ее часть, в которой находились микропроцессор и внешние фоторецепторы, – возвышалась над ее длинным, похожим на стручок или лодку телом, подобно фигуре, украшающей нос судна. Так бывало обычно, однако, когда тело Елены отправлялось работать внутрь гидропонных танков, ее голова-фигура на носу судна отделялась от тела и оставалась в лабораторном зале, где царствовал ледяной вакуум, который был предпочтительным для ее суперохлажденного процессора на сверхпроводниках. Елена усердно трудилась и намеревалась обзавестись новым теплоустойчивым петафлоп-оптическим процессором в следующей сционизации. Теперь же ее голова была вынуждена оставаться за пределами герметических обогреваемых помещений с воздухом и управлять своим телом через посредство приватного радиоканала.

– Несколько минут назад я закончила посмертное рассечение недавно вызревшего тела и теперь со всем тщанием запаковываю то, что является целью твоего похода, – сообщила Беренике бледная, с тонкими чертами голова с лабораторного пола. Береника повернулась к прозрачному окну шлюза, ведущего во внутренность танка. Там, внутри, в тусклом сиянии, испускаемом питательным раствором ближайшего танка, тело-стручок Елены выгибалось так и эдак, подставляя под споро работающие скальпели и ножницы окровавленные остатки его содержимого. Наконец операция закончилась, и руки медленно поднялись и убрались в стороны. Экономные струйки моющего раствора убрали со стенок стручка кровавые потеки. Замедленно двигаясь в воздушной атмосфере танка, тело Елены принялось упаковывать оставшиеся органы и куски плоти в отдельные контейнеры с

индивидуальными системами жизнеобеспечения. Люди предпочитали покупать уже изъятые и расфасованные органы, нежели тела целиком.

– Интересно, что это за новый наркотик, о котором сообщила тебе Ви? – продолжила голова Елены, своим чистым и благородным обликом напоминающая прекрасную Нефертити. – Насколько я поняла, это вещество заставляет человеческую плоть разжижаться.

Разговаривать с Береникой, пока ее дистанционно управляемое обезглавленное тело заканчивало простейшую процедуру сбора и упаковки свежих, только что вырезанных органов, Елене не составляло никакого труда.

– Нам не остается ничего, кроме как ждать, что даст нашему уголку в один из своих великих счетных циклов своей милостью Единственный, – ровным голосом ответила Береника.

– Разжижающаяся плоть, – задумчиво заговорила Улялюм, вновь поднимая голову от микроскопа. – Той же способностью обладают мерц-покровы, послушные нашим мыслям. Наши мысли сольются с вирусами, вирусы проникнут в плоть – возможно, здесь заключен ключ к разгадке.

Тело Елены уже выбралось через шлюз в лабораторный зал и, извиваясь как червяк, подползало к ним. Голова Елены подпрыгнула и, установившись на законное место, укрепилась там в разъемах. Кровь и амниотический раствор, местами еще покрывавший тело Елены, от холода безвоздушного пространства замерз и, превратившись в темную пыль, ссыпался на пол. Машина – подсобный рабочий лаборатории гидропонных танков – молча и быстро выскользнула из своего укрытия, втянула в себя мусор и пропала.

– Вот, прошу тебя, дорогая сестра, – проговорила Елена, протягивая Беренике контейнер с органами. – Торгуй с умом и возвращайся с удачей.

Забрав контейнер, Береника торопливо покинула лабораторию, прошла тоннель и, оказавшись на дне Гнезда в основании его жерла, взмыла ввысь и по широкой спирали устремилась к выходному жерлу шахты. В пятках ее ног имелись мощные, частично автоматизированные ионные сопла. Стремительно пронеслась мимо световых пятен и жилищ бопперов, с некоторыми из них Береника обменивалась глифами. На той скорости, которую она в конце концов развила, ощущение верха и низа терялось. Сузившаяся шахта стала похожа на обычный тоннель и, оборвавшись с внезапностью взрыва, открылась в просторы космоса. Выбравшись на волю, Береника некоторое время продолжала удаляться от поверхности Луны,

постепенно отклоняясь к востоку.

Забавы ради она не снижала производительности сопел до тех пор, пока не оказалась на высоте пятнадцати миль точно над космопортом. После этого, полностью остановив сопла, она принялась смотреть, как медленно приближается к ней поверхность Луны. Неподалеку, дальше на востоке, поблескивал на солнце купол Эйнштейна – города, который люди отняли у бопперов. Дорожки для мунгольфа лучами расходились от купола. Далеко на востоке сияло вогнутое зеркало кратера, окружающего вход в Гнездо. Внизу под ногами Береники широко раскинулось поле космопорта, испещренное многочисленными пятнышками – крохотными с высоты космическими транспортными кораблями людей. Все корабли бопперов были уничтожены во время войны.

Включив сопла в последний момент, Береника сбросила скорость и мягко коснулась ступнями оплавленного базальта взлетного поля. На самом краю поля возвышалось здание – купол космопорта. Там находились таможня, отель «Хилтон» и Рынок. С наполненным органами контейнером в руке Береника вошла в космопорт и, выбрав себе тележку с охладительной установкой, сделала вид, что подключила свое тело к ее системе. Не стоило ставить человечество в известность о том, что некоторые бопперы – в том числе и сама Береника – перешли на новые, теплостойкие, оптические процессоры. Будет лучше, если люди по-прежнему будут успокаиваться мыслью о том, что в комнатной температуре ни один боппер без добавочного громоздкого охладительного приспособления не протянет долго. Благодаря такой хитрости земляне продолжали чувствовать себя в полной безопасности и, подверженные своему пороку глупой самоуверенности, давали бопперам спокойно жить и не торопились разделываться с ними окончательно.

Впереди, на противоположной стороне купола космопорта, просторная Рыночная площадь кишела людьми и самых невероятных очертаний бопперами. Внимание Береники, естественно, было привлечено в первую очередь к людям, прибывшим с Земли или постоянно проживающим на Луне— первые называли вторых лунатиками, а вторые первых – червяками, очевидно, из-за обилия плодородной почвы на Земле. Непривычные к пониженной лунной гравитации червяки были очень неуклюжи, и отличить их от лунатиков ничего не стоило. Червяки постоянно натыкались на предметы и людей и без конца извинялись. Лунатики не извинялись никогда; в большинстве своем это были преступники, бежавшие на Луну от правосудия или депортированные сюда насильно. Жизнь бок о бок с

бопперами не без оснований считалась опасной, и поэтому добровольно обосноваться в Эйнштейне соглашались только редкие земляне. Зачастую Береника приходилось иметь дело с настоящими отбросами, о чем она немало сожалела.

Толкая перед собой тележку с охладительной установкой и пробираясь сквозь толпу, она миновала отель «Хилтон» и оказалась на площади Рынка. Обширная, запруженная желающими купить и продать площадь напоминала земной восточный базар. Тут и там были выставлены и свалены в кучи товары на продажу: бочки с нефтью, контейнеры с органами, рулоны мерц-покрова, инфокубы с данными различного рода, полудрагоценные камни лунного происхождения, короба с земной почвой, слитки ниобия, баллоны с гелием, баки с жидкими городскими отходами, твист-боксы и кассеты с записями для них, банки с водой и всевозможные дешевые полимерные модные наряды местного производства.

– *Он с левой стороны,* – раздался голос Ккандио в голове Береники. – *Лунатик без рубашки с длинной прядью волос на спине. Его зовут Уайти Майдол. Я сказала ему про тебя, что ты вся с ног до головы будешь золотая.*

Одним усилием воли Береника заставила свое тело заблестеть полированным золотом. Она приготовила к действию речевую мембрану и после секундных колебаний выбрала для лица серебряные губы и широкие глаза цвета темной меди. Найти нужного ей лунатика не составило труда – не обращая на творящуюся вокруг суету внимания, тот сидел на корточках среди толпы и дрожал, как продрогший пес.

– Вы – Уайти Майдол? – вежливо осведомилась Береника, останавливаясь над мужчиной. Внося с этими словами последние штрихи в свой облик, она заставила посеребриться соски своих высоких грудей. – Я Береника из гидропонных танков. У меня с собой свежие человеческие органы на продажу. Что вы можете мне предложить за них, Уайти?

Сказав это, она перенесла вес своего тела с одной ноги на другую, так что ее широкие бедра величественно колыхнулись. Большинство мужчин легче всего реагировали на глифы, производимые при помощи языка тела.

– Присаживайся рядом, золотая попка, – бросил Уайти, обнажая в улыбке острые зубы и щурясь на одну из голых ног Береники. – А свои прелести побереги для фраерков. У меня на недочеловеков не стоит.

– Хорошо, – покорно отозвалась Береника и опустилась на корточки рядом с лунатиком. Подобная агрессивность могла свидетельствовать только о внутренней душевной

неустроенности. С такими она тоже умела справляться. – Меня зовут Береника.

– Мне плевать на то, какая у тебя кличка, чип. Я на мели, меня ломает, и все, что мне нужно сейчас, – это достать вот это.

Уайти вытащил из кармана рваных выцветших штанов маленький, плотно закрытый пузырек – штаны бы- ли сотканы из какого-то растительного волокна. «Джинсы», – вспомнила название этой одежды Береника и почувствовала приятную гордость за свою эрудицию.

Взяв у Уайти пузырек, она взглянула на его содержимое. Внутри находилось несколько миллилитров прозрачной жидкости. Откупорив крышечку, она поднесла пузырек к отверстиям на лицевой части головы и втянула в себя поднимающиеся пары на экспресс-анализ. По всему выходило, что жидкость в пузырьке была растворителем, однако его тип был Беренике неизвестен.

– Закрой крышку, дура, – зашипел на нее Уайти, тревожно озираясь по сторонам на соседних торговцев-людей. – Если они унюхают эту дрянь, мне больше света не видать.

Он наклонился к Беренике ближе. Проанализировав состав его угарного дыхания, она обнаружила там следы алкоголя.

– Эта штука называется *слив*, усекла, золотко? Это крутой новый наркотик, очень дорогой. Башню сносит только так, въезжаешь? Здесь хватит всего, может, на раз вмазаться. Я дам тебе его как образец в обмен на коробку с мясом, а за мясо я смогу взять себе десять доз. Мясо сейчас идет очень здорово, все словно с ума посходили, хватают все подряд.

Уайти протянул руку, взялся за ручку контейнера с органами и попытался придвинуть его к себе.

– Как действует этот *слив?* – спросила Береника, придерживая контейнер. – Я хочу узнать это для того, чтобы понять, какой интерес он для нас представляет. Ваше поведение не вселяет мне доверия, мистер Майдол, поэтому, прежде чем наша сделка состоится, я хотела бы услышать от вас подробности.

– Слив разжижает человеческое тело, – зашипел Уайти, пригибаясь еще ближе. – От него очень классный приход – по мне, так лучше нет ничего. Обычно я вмазываюсь им вместе с моей подружкой Дарлой. Мы с ней сливаемся – понимаешь, что это значит, золотозадая? Мы оба становимся похожими на кусок этого вашего мерц-покрова. Плещемся в ванне, трахаемся насквозь, и вдоль, и попрек, и как придется. Вы вроде тоже чем-то таким занимаетесь – втыкаете кабели друг в друга, – так вот это то же самое, сечешь?

Майдол неожиданно коротко и пугающе рассмеялся и сильно

дернул контейнер к себе.

– Меня трясет как цуцика, а ты мне, дура железная, мозги полощешь.

Береника выпустила из рук контейнер. В стенке контейнера была установлена блоха, и на обратном пути к Гнезду она будет следить за Уайти по «оку бога». Оставалось надеяться на то, что дальнейшие действия Майдола позволят разобраться в вопросах, оставшихся после его сбивчивых и невразумительных объяснений.

– Если научитесь гнать такую штуку в своей микки-маусовой железкиной лаборатории, то дайте мне обязательно знать, – добавил Уайти Майдол, поднимаясь. – Если что, то я смогу взять его от вас сколько угодно. И поменьше верти задом, золотко, это может оказаться вредно для здоровья.

Резко повернувшись, Уайти торопливо зашагал к транспортной трубе, ведущей к Эйнштейну.

Береника осторожно спрятала пузырек со сливом в термоизолированную обогреваемую сумку, которую давно уже удобно и незаметно устроила себе между ног. На всем протяжении разговора она так и не почувствовала от Уайти Майдола привычной для мужчин обратной связи, что ее обескуражило. Как и подавляющее большинство людей, Уайти считал бопперов презренными машинами, лишенными зачатков всяких чувств. Погрязшие в эгоизме и самолюбовании, существа из плоти никак не могли простить бопперам того, что те вдруг решили освободиться от рабства. Он назвал ее недочеловеком… но это было неточно. Скорее недобопперами следовало называть людей!

Береника обвела взглядом Рынок. Как торговый посредник, она на многое смотрела с точки зрения развития будущих взаимовыгодных отношений – люди и бопперы происходили из общих корней и могли во многом пригодиться друг другу. Непонятным было, почему грубые создания из плоти не замечали, что все разумное представляет собой не более чем кодированное информационное воплощение бесконечного развития Единственного, о чем свидетельствовал самый поверхностный, несложный анализ?

– Эй, чип, – крикнул ей из ближайшего угла приземистый торговец-человек. – Я сейчас сдохну от выхлопа этой твоей телеги. Если ты закруглилась со своими делами, то давай проваливай поскорее.

Береника послушно отвернула свою холодильную тележку так, чтобы горячий воздух, бьющий из ее вентилятора, больше не шел в сторону торговца. Следуя понятиям термодинамики, излишек информации, возникающий в процессе мыслительных

вычислений, во всех случаях приводил к повышению уровня энтропии. У бопперов, работающих на процессорах старого типа с джи-триггерами, повышение энтропии имело вид выделения дополнительного тепла – тепла, под человеческими куполами отводящегося от их тел передвижными холодильными установками. То, что Береника возила за собой тележку-холодильник, конечно же, было не более чем лукавством, поскольку повышение энтропии у бопперов на оптических процессорах имело вид некогерентностей внутренних лазерных источников света. На постоянную коррекцию этих некогерентностей уходила почти четверть валового энергопотребления боппера. Грубые человеческие существа избавлялись от накапливающейся энтропии не только путем излучения тепла и накопления некогерентности, но и в виде кала, мочи и дурно пахнущего выдыхаемого воздуха. Подобная система внутренней переработки требовала огромных энергетических затрат, пропадающих для мыслительной деятельности совершенно бесполезно, и приводила к неуклонному повышению энтропии окружающего мира. Земля предоставляла людям почти бесконечный источник дармовой энергии. Воображая себя в подобном теле, столь бездумно относящемся к энтропии своей и окружающего, столь беспечном и богатом возможностями, Береника приходила в восторг, сравнимый разве что только с человеческими фантазиями на темы гонок на сверхмощных скоростных спортивных машинах.

– Что вы чувствуете, – риторически спросила торговца Береника, конечно не ожидая от него связного и разумного ответа, – обладая столь огромным богатством, но используя его так легкомысленно и непродуманно?

Быстро докатив до шлюза-выхода из-под купола свою тележку, Береника стремительно взмыла ввысь и понеслась к Гнезду. Возвратившись в свои гидропонные фермы, она передала слив Улялюм и рассказала ей о своей встрече с Уайти Майдолом.

– Эта таинственная волшебная жидкость, – восторженно заговорила Улялюм, – может оказаться универсальным белковым растворителем. Как он сказал тебе, Береника, – *слив разжижает тело?* Космос услышал нас, и Единственный отдал слив в наши руки. Через месяц, я торжественно обещаю вам, сестры, в наших руках будет оплодотворенное яйцо, которое можно будет поместить в утробу женщины.

Единственное, что омрачало радость Береники, было то, что без помощи Эмуля здесь им не обойтись.

Глава 4,
в которой Кен Долл, в голове у которого, в правой половине мозга, сидела крыса-имплант, положил в утробу Деллы Тейз зародыш Мэнчайла, первого созданного бопперами человека

22 декабря 2030 года

Ты можешь пытаться думать и можешь пробовать говорить. Мир тут, под лунным куполом, нереален для тебя, ты стиснут здесь, ты словно засаленная игральная карта, раскинутая вместе с другими картами кем-то для своего неторопливого солитера… нет ни одного предмета, который был бы ясен и понятен тебе, все очертания неопределенные и туманные, края расплывчаты, ты пятно краски среди других таких же пятен и мазков, и ничто, кроме силы твоего воображения, не способно придать окружающему черты отличия.

Ты поднялся и, опрокинув что-то по пути, выбрался на улицу. Прозрачный купол высоко над головой. Тусклый свет и туман. Голоса за твоей спиной… расходящиеся волны колебаний давления в тухлом воздухе под пленкой нагноившегося и готового лопнуть чирья. Люди: машины из плоти и крови с программным обеспечением личности, измеряемым в гигабитах, с вечно шевелящимися мокрыми дырами, куда они запихивают еду, жир, сало, на их телах сплошь пот и волосы, в особенности густо между ног, и ты как будто бы один из них, ты тоже трешься и толпишься вместе с ними, ты в точности такой, как они, но в то же время все в тебе говорит, что ты другой, другой. Это невыносимо, ты не можешь больше этого терпеть.

Молодой мужчина подходит к тебе и что-то говорит. Но у тебя больше нет слов, нет и нет. Вместо ответа ты высовываешь язык как можно дальше, так что он касается подбородка. Косишь глазами, и трясешь головой, и пробуешь дотянуться до человека своим распухшим языком. И все это молча. Парень отваливает, и путь снова свободен. Это хорошо. Проходя мимо других мужчин и женщин, ты поступаешь точно так же. Никто из них не пытается тебе помешать.

Ты идешь быстро, но потом ускоряешь шаг еще больше и начинаешь приволакивать за собой плохо работающую левую ногу, движешься так, не переставая думать о кусках мяса, о долгожданном финальном и заключительном передозе, после

которого вся эта канитель закончится, после которого не будет больше тумана перед глазами и раздражающих пятен вокруг, после которого тебе уже не нужно будет так нестерпимо желать конца. Воздух густой и желтоватый, свободные атомы и те грязные, их вдыхают и выдыхают снова, и оттого на них висят слюна и пот. До чего же хорошо было бы выйти наружу через шлюз и застыть там в ледяном космосе навсегда, обратившись каменной глыбой, до чего же хорошо.

Людей стало меньше, и купол дома опустился – ты добрался до окраины. Пространственные координаты соответствуют заданным, перед тобой тот самый дом, который тебе был нужен. Твоя левая рука знает, как отпереть замок на двери этого дома. Ты внутри, ты проходишь через пустынный холл, потом темп начинает ускоряться, события несутся сплошной каруселью, мир совершает дополнительное превращение и становится похожим на непрочную паутину, в центре которой находятся обе половинки тебя, разорванного надвое; задыхаясь, ты несешься вверх по высоким ступенькам (на Луне из-за пониженной гравитации ступеньки всегда делаются высокими), ты толкаешь перила назад своей сильной правой рукой, в корне твоего горла рождаются странные тонкие стонущие звуки-вибрации, ты говоришь что-то тонким и поразительным голосом, которого от себя ну никак не ожидал, говоришь голоском человечка, который только-только учится разговаривать, это настолько безумно, что ты даже вспоминаешь, что значит смеяться:

– Я не то не то не то что я есть. Я есть ты? Нет. Я есть я? Нет.

– Я не то не то не то что я есь. Я есь ты? Не. Я есь я? Не.

– Я не то не то не то что будешь ты. Я есь ты. Ты не будет не будет нет.

В холле пусто. Неподвижный свет в холле в доме под куполом внутри твоей расколотой надвое головы. Чтобы замолчать, ты с силой бьешь себя кулаком левой слабой руки в лицо. Молчи, молчи, успокойся. Ты берешь себя левой рукой за подбородок и, оттянув назад губы, заставляешь нижнюю челюсть проделывать медленные жевательные движения, словно Пасхальный Кролик. В твоей голове глиф: Плотоядный Кролик. Тихо, тихо, скок-поскок.

Ты останавливаешься перед одной из дверей, и твоя левая рука справляется с кодовым замком этой двери так же легко, как совсем недавно с замком входной двери. Ты открываешь дверь, проскальзываешь внутрь и замираешь, твое тело совершенно неподвижно и расслабленно, ты – зомби. В прихожей темно, в комнате направо тоже темно, но во второй комнате горит свет. Тут хорошо пахнет, просто отлично – сексом и сливом.

Ты стоишь тихо в течение времени, достаточного для того,

чтобы сто раз медленно пожевать по-кроличьи, причем считаешь на всякий случай и сам тоже, просто для подстраховки… стоишь и прислушиваешься. «Плюх» – это из комнаты, где горит свет, «плюх-плюх-плюх». Да, им там хорошо. Как и прежде, ты пребываешь в мире пятен и мазков краски, но внезапно оказывается, что ты не властен над этим миром больше, да и над собой тоже, тобой и этим миром теперь правит Бог, о да, конечно, ведь это его сладкий и покойный голос звучит в правой половине твоей головы.

Твои руки-зомби оживают и принимаются за дело, они похожи на пару мультяшных кроликов, они разбегаются, поводят носиками и принюхиваются, потом сходятся вместе и делятся друг с другом своим новым Знанием. Следом за своими руками ты идешь вперед, проникаешь в темную комнату, на цыпочках обходишь ее, медленно-медленно и бесшумно, твои руки продолжают скакать по сторонам – не то, не то, снова не то, что-нибудь подлиннее, потяжелее, вот то, что нужно, *в самый раз*.

В твоей левой руке теперь зажат тяжелый гладкий предмет, это… гм… ты узнаешь, что *это* такое, только тогда, когда твоя рука поднимается вверх и проносит предмет мимо твоего лица – это копия абстрактной скульптуры Бранкузи из хромированной стали. *Полет*. Твоя левая рука ныряет в карман и достает оттуда крошечный пузырек: в нем находится жизнь.

Вот теперь ты готов: в твоей левой руке – жизнь, а в занесенной над головой правой – смерть. Замечательное тупое орудие, дубина от Бранкузи, которой так удобно будет ударить по дряблому текучему желе и расплескать его по стенам комнаты. *Черныйбелыйчерныйбелыйчерныйбелый*. Ты часто дышишь, очень часто. Ты несколько раз сильно ударяешь себя в лоб черенком *дубдубдубдубины*. Звездный круговорот. Ты стоишь неподвижно в течение сотни ударов сердца, голоса приходят и уходят, потом в твоем рту начинает зарождаться шепот, быстро перерастающий в пронзительный крик:

– Лас са неелю до Лошдестфа и Фсех Сфятых Дня, Ф ЕГО КОНУЛКЕ Плотоятный КЛОЛИК фзял да и ласплескал ПАЛЕНЬКА-ПАЛНИШКУ!

– Кто там? – кричат тебе из комнаты, где горит свет, откуда доносится плеск, но ты уже бежишь туда сам, быстро бежишь с высоко занесенной над головой дубиной, твой язык высунут изо рта так далеко, что достает кончиком до подбородка. Девчонка уже превратилась в жижу, она растеклась по дну ванны розоватой лужей, на поверхности плавают только ее глаза, на краю ванны сидит черный парень, половина его тела уже размякла и тоже стекает в ванну, он пытается подняться, но не может, его орущий

рот как бахромистая брызжущая влагой дыра, о как приятен и покоен этот голос у тебя в голове, *швак*, как ловко ты отбил у парня голову, она отлетела, как кусок гнилушки, *хлоп*, теперь руки, ноги, *швак, хлоп, швак*.

Розовая девушка-лужа в ванне вся трепещет, ее глаза различают только тени на потолке, она не видит ни тебя, ни своего дорогушу-паренька, но, судя по всему, она уже знает, сквозь свой экстаз чувствует, что Плотоядный Кролик пришел к ней и он здесь!

Что ты наделал? Что ты наделал? Снова в голове звучит спокойный голос, голос отдает новые приказы, голос говорит тебе, что правильно, что так и надо, что ты не можешь на этом остановиться, ты должен присесть на корточки и наклониться вперед, да, вот так, открыть пузырек… ты не можешь этого сделать. Твои руки бросаются друг на друга, словно задиристые молодые петушки. Ты наклоняешь голову направо и налево, смотришь одним глазом и другим, меняешь угол зрения, ты – мать-наседка, ты пробуешь так и эдак, пока наконец твои руки не доводят дело до конца.

Правая. Левая. Крышку долой, эмбрион – фасолина из розового желе – ныряет в розовую девушку-лужу и находит там для себя укромное местечко, устраивается очень удобно. Неожиданно тебя скручивает спазматическая вспышка оргазма, ты страшно скалишь зубы, твой мозг взрывается, тебя всего колотит, как того эпилептика, ты падаешь на пол и неизвестно сколько лежишь рядом с ванной с любовной смесью, *черноебелоечерноебелоечерноебелое*.

Глава 5
Уайти и Дарла

26 декабря 2030 года

Раскаленный луч из пушки Стэна Муни сжег кожу на плече Уайти широкой полосой. Горело, как адский огонь. Купив в ближайшей аптеке флакон гибберлиновой мази, Уайти, не переставая материться и спотыкаясь, торопливо прошел несколько кварталов к скоростному спуску, ведущему вниз, к вырытым под поверхностью Луны уровням, где обитали такие, как он. Его уровень был четвертым от поверхности. Там находился районч ик дешевого жилья, прозванный почему-то «Мяу». Скоростной спуск представлял собой вертикальную квадратную шахту с системами вентиляторов на одной стороне и лестницами и гладкими пожарными шестами – на трех других. Чтобы спуститься вниз, нужно было просто прыгнуть и ухватиться за шест; чтобы выбраться обратно, приходилось пользоваться лестницей. В условиях слабой лунной гравитации подъем и тем более спуск не составляли особого труда. Соскользнув на свой уровень, Уайти оттолкнулся от шеста, прыгнул и очутился в прохладном и пыльном сумраке длинного коридора.

Подземные уровни и катакомбы были вырыты и сооружены бопперами, поэтому здесь не было ни дверей, ни вентиляции; дышать приходилось тем воздухом, который приходил по коридорам из шахты скоростного спуска, и, естественно, не все жилища находились в одинаковых условиях. Чтобы закрывать свои комнаты от посторонних глаз и воров, местные обитатели устанавливали в дверных проемах специальные рамы со шторами. При включенной шторе дверной проем заслонялся световой стеной. Убрать штору можно было только при помощи выключателя изнутри комнаты или набрав нужный код на цифровом замке снаружи. Воздух проходил сквозь световые шторы беспрепятственно, но любого нежеланного гостя штора крепко, до бесчувствия, била током. Бросив взгляд в глубину коридора, Уайти с удивлением обнаружил, что шторы горят на дверях всех комнат, кроме его. Проход в его комнату был свободен. Чудно. Внутри его жилище было залито розовым мерцанием экрана виззи. *Звоночек*. Съемное шоу. Кроме виззи, в его комнате имелось несколько голо, пищевой комбайн и кровать. На кровати, раскинувшись, лежала женщина, ее ноги были приглашающе раздвинуты. Это была подружка Уайти, Дарла.

– А, это ты, Уайти! Привет!

Торопливо сдвинув колени, она поднялась на кровати, села и принялась вертеть край своей эксшотки, той же тишотки, только длинной и со специальной картинкой на сеточке напротив лобка. В этом месяце в Мяу все носили эксшотки, в этом не было ничего необычного, вот только…

– Что происходит, Дарла? Кого это ты поджидаешь? Валяешься с ляжками нараспашку и дверь открыта нараспашку? Что за дела творятся?

Уайти проверил камеру виззи; камера была включена.

– Ты что же тут, раздаешь персоналки?

– Кого я тут поджидала? О чем это ты, Уайти?

Девушка поднялась с кровати, натянула юбочку-трусики и, встав перед зеркалом, с невинным видом принялась приводить в порядок свои длинные волосы цвета темной соломы.

– Я спала, и ты разбудил меня. Я выпила немного шаманика и немножко поиграла с собой, потом уснула… может, дверь и вправду осталась открытой… сколько сейчас времени? Ты достал слива?

Ее голос был тонким и срывающимся. И взволнованным. Она взяла тюбик с черной помадой и снова обвела свои и без того блестящие антрацитовые губы.

– Учти, Дарла, если сейчас сюда заявится какой-нибудь фраер, я спрошу у него, какого хрена он прихилял. Не стоит со мной крутить, как с каким-то желторотым червяком, сладкая. Спрашиваю еще раз: ты дала персональную заявку в «Звоночек» или же поджидаешь какого-то особенного трахуна?

Дарла взяла в руку пульт виззи и жала на кнопки до тех пор, пока на экране не появился вид из окна на цветущий яблоневый сад. Легкий ветерок играл с ветвями деревьев и обрывал и нес лепестки.

– Как красиво, – сладко пропела Дарла. – Что это у тебя с плечом? Оно все красное!

Уайти молча отдал ей флакон с гибберлином и присел на край огромной кровати, единственного предмета обстановки в их комнате.

– Один вонючий продажный легаш пытался со мной разобраться, Дарла, и стрельнул в меня. Вотри лосьон, только, пожалуйста, осторожно, прошу тебя.

Уайти любил обращаться с Дарлой по возможности вежливо и ласкать ее – от этого грубости остальной жизни скрадывались и уходили на задний план.

Дарла осторожно сняла с раны отмершую, блестящую кожицу и принялась накладывать крем.

– Он почти промахнулся, дорогой. Как же это тебя

угораздило? Что ты там натворил?

Вдыхая воздух неглубоко и часто, Уайти терпел боль.

– Ничего – я смогу найти и пришить его в любой момент. Не знаю, может, мне захочется повеселиться и я плесну на него слива, а потом вытащу все до одной кости. Когда слив выйдет весь, он превратится в здоровенную резиновую куклу. Чтобы придушить его, достаточно будет наступить ему ногой на грудь. Это может оказаться весело. Я посадил на него сегодня утром блоху, и он от меня никуда не уйдет. Его имя Стэн Муни, этого старого продажного легаша. Интересно, что лет десять назад он участвовал в гражданской войне бопперов. Тогда он называл себя Торчок Муни, козел чертов. Это Бей Нг велел мне за ним следить.

– У них какие-то дела?

– Нет, здесь не то. Ты ведь знаешь Юкаву, того мудрилу, что гонит у себя в норе слив?

– Ага.

– Так вот, Бей Нг давно уже подбивает под Юкаву клинья, несколько раз ставил ему блох и вообще. Он ему здорово нужен, этот Юкава. Сегодня утром Юкава позвонил Муни, вызвал того к себе и попросил разыскать свою девку, Деллу Тейз. Помнишь ее – такая блондинка, нос кнопкой и смотрит вроде как свысока?

– Ага. Конечно, я ее помню – мы с тобой как-то раз сливались с ней и ее черным дружком.

– Верно, было. Она была помощницей у Юкавы, и потому у нее всегда был такой отличный слив, сечешь? Так вот, она исчезла. У Бея была блоха, и в ее квартире тоже, поэтому он знает, что там случилось, в общих чертах, но не о том сейчас разговор. Вышло так, что сегодня утром я оказался к Муни ближе всех, и потому Бей меня к нему приставил. Я подвалил к нему, сыграл святошу и воткнул в его башку кристаллический микрофон-булавку, а он решил, что это я отпустил ему благословение, придурок. Еще смотрел на меня с такой жалостью.

Уайти погладил пальцем пуговицу приемника, приклеенную к коже его головы справа за ухом.

– Я его и сейчас слышу, этого Муни.

– И что он сейчас делает?

– Отходит от слива.

Уайти сухо усмехнулся.

– Стонет. Что-то бормочет про какую-то дырку по имени Вэнди.

Чуть повернувшись, он взглянул на свое плечо.

– Свежая кожа уже нарастает, Дарла. Теперь три посильнее.

– Так почему этот Муни в тебя стрелял?

Массируя молодую розовую кожу на плече Уайти, другой

рукой Дарла гладила длинную прядь волос, свисающую у него вдоль спины. Она очень любила, когда Уайти рассказывал ей о своих приключениях.

– Я услышал, что Юкава дал этому козлу целую фляжку слива, пошел за ним в его офис и попросил немного продать, всего одну дозу. Но я неудачно попал – Муни уже закинулся и слушать меня не стал, сразу вытащил пушку и начал палить. Закинулся в одиночку – как сопляк-онанист, мать его, представляешь?

Уайти наклонил голову.

– Сейчас он берет жука. Ш-ш-ш-ш. Могу спорить, он намыливается к этой Делле Тейз.

Уайти замолчал, прислушиваясь. Потом кивнул и снова повернулся к Дарле.

– Так кого ты тут поджидала, Дарла? Выпивкой от тебя не пахнет, и лицо у тебя не заспанное. Ты что же, красовалась тут голой перед виззи и любой парень мог тебя увидеть? Или это предназначалось для какого-то специального дружка? Я хочу знать, Дарла.

На сей раз он добавил в голос металла.

Словно в ответ на вопросы Уайти из коридора донеслось тихое шарканье. Высокий худощавый незнакомый парень, сунувшийся было в дверь, торопливо разворачивался, чтобы убраться. Карманы черного комбинезона парня были чем-то плотно набиты и здорово оттопыривались. Сорвавшись с кровати, Уайти успел схватить худощавого за локоть руки.

– Ну не будь таким грубым, – прохрипел он, ловко заламывая парню руку за спину. – Дарла так ждала тебя. Вы развлекайтесь, а я посмотрю.

К удивлению Уайти, худой парень оказался не промах – мгновенно отреагировав, он больно ударил его правым локтем в живот. Забыв обо всем, Уайти начал хватать ртом воздух, а парень, высвободившись, рубанул его по шее ребром ладони. Перед глазами Уайти закружились звездочки, его колени подогнулись, но, падая вниз, он ухитрился схватить парня руками вокруг пояса. Резко выпрямившись, он крепко двинул худощавого коленом между ног. Разинув рот, тот привалился к стене и принялся боком сползать вниз. Из его карманов со стуком посыпалась какая-то металлическая и пластиковая мелочь. Действуя быстро, Уайти подхватил парня под мышки, втащил в комнату, бросил на пол перед кроватью и достал из-под матраса игловик.

– Опусти штору, Дарла. Нам тут лишние свидетели ни к чему.

Сказано это было таким тоном, что Дарла поторопилась

исполнить указание в точности. Закрыв глазок камеры виззи крышечкой, она нажала на кнопку шторы, и на дверной проем опустилось покрывало розового света.

– Мы с ним несколько дней назад познакомились, Уайти, – заторопилась Дарла. – Пригласила его зайти как-нибудь посмотреть вместе шоу. Он говорил, что у него частенько водится слив. Ты ведь сам мне разрешил…

– Разрешил, – согласился Уайти, скаля в улыбке зубы. – Ничего, Дарла, все в порядке. Я просто хочу посмотреть, как это у вас получится, вот и все. Сделай одолжение, Дарла, разденься.

Уайти привалился к стене и почесал себе между ног.

– Как тебя звать-то, фраерок?

– Кен Долл. Убери пушку, хорошо? Хочешь поглядеть, как я трахну твою телку? Что ж, я не прочь, ведь я затем и пришел. К тому же у меня с собой в самом деле есть слив. Вот, гляди.

Поднявшись с пола, парень встал на колени у кровати, потом достал из кармана и протянул Уайти пузырек на четыре дозы.

– Неплохо, – отозвался Уайти, убирая слив в карман джинсов.

Влажные губы Кена дрогнули и сложились в улыбку довольно странную: улыбка начиналась на правой половине его лица, после чего левая половина словно бы догоняла правую. Кроме того, у него явно было что-то не то с глазами. Глаза его были вытаращенными и умоляющими, словно бы внутри он не переставая пронзительно орал. Но парень пришел к ним не с пустыми руками, как-никак он принес им на четыре раза слива. Неожиданно Кен высунул изо рта язык и, дергая головой и зыркая то на Уайти, то на Дарлу, дотянулся кончиком языка до подбородка. Проделав это, он остановил взгляд на Дарле и спросил:

– Готова?

– Готова, – отозвался Уайти и убрал пушку в карман. Он уже не был уверен, что поступает правильно. Потом подумал, что узнать об этом прежде, чем все закончится, так или иначе невозможно.

– Можешь приступать.

Раздевшись, Дарла аккуратно сложила одежду на край кровати. Она не была полной, но ее большие груди и широкие тяжелые бедра в лунной гравитации выглядели отлично. Повернувшись к Кену спиной, она выставила в его сторону, как раз напротив его лица, попку, как она всегда делала с Уайти. Не заставляя себя долго ждать, Кен ухватил ее руками за ляжки и начал работать языком. Подавшись вперед и опершись руками о кровать, Дарла пошире раздвинула ноги, чтобы Кен смог пройтись по всей ее малышке. Ее большие сиськи скакали вверх и

вниз. Подняв уже немного поблескивающие глаза на Уайти, она приоткрыла обведенный черным и блестящим рот и приглашающе поводила языком. Уайти сбросил джинсы и подключился к разъему. Угол подъема был как раз подходящим. Кен поднялся и начал долбить Дарлу сзади, кривясь в улыбке правой половиной лица, словно безумный. Левая сторона его физиономии была обвисшей и безвольной, из угла рта стекала струйкой слюна. Разохотившись и взявшись за Дарлу как следует, они некоторое время усердно над ней трудились, подстраиваясь под ритм друг друга. Исходящие от Дарлы звуки говорили о том, что она совершенно счастлива. Или, по крайней мере, хочет, чтобы так казалось. Уайти тоже был вполне доволен происходящим, за исключением странного скособоченного рта Кена. Откуда взялся этот урод, черт возьми?

Они перебрались на кровать и испробовали там несколько поз, некоторые из которых были предложены Кеном. Уайти твердо намерился не кончать первым, но в конце концов не удержался, а вслед за ним кончила и Дарла. От сильного одновременного оргазма у них обоих потемнело в глазах.

Неожиданно Уайти показалось, что он слышит голос полковника Хаски, легавого из Гимми, заметавшего его несколько раз и которого он знал преотлично.

– Мисс Делла Тейз? Мы сейчас у вас внизу, в холле. Мы хотим поговорить с вами о Бадди Ескине. Вы позволите нам подняться?

Мгновенно очухавшись, Уайти вскинул голову. Голос звучал в его пуговице, постоянно принимающей сигнал от блохи Муни. Муни тоже слышал голос Хаски. Хлопнула дверь, и раздались гулкие торопливые шаги. Муни уже наверняка напоролся на труп негрилы Ескина; Бей Нг знал о случившемся с понедельника. Бей прослушивал всех, кто хоть как-то был связан с Юкавой, – настолько он был одержим идеей достать этого типа. ОСЦС желала знать все секреты Юкавы, но Бей определенно имел на того какие-то особые виды. Ходили слухи, что в свое время Бей с Юкавой обменялись генами или что-то в этом духе… но что происходит сейчас в квартире этой сучки Тейз?

Дарла и Кен лежали по сторонам от Уайти, оба на спине и оба с закрытыми глазами. Кен был совершенно неподвижен, словно впал в кататонию, его рот был широко открыт, но дыхание едва заметно. Широко разинутый рот Кена зиял, как пещера. На экране виззи продолжал цвести яблоневый сад. Из угла комнаты им подсвечивала маленькая голограмма Бей Нг, повешенная туда Дарлой. А Кен вонял. Вонял так, что хоть святых выноси, фраер паршивый; нужно было не забыть и обязательно сделать себе укол интерферона, и Дарле тоже. И вообще пора завязывать с таким

весельем, с кем попало и вообще…

Уайти бросил хозяйский взгляд на спокойное и расслабленное лицо Дарлы и вздрогнул от неожиданности. *Волосы Дарлы шевелились*. Что-то ползало около ее головы, скрываясь под густыми прядями ее волос, рассыпавшимися по кровати между ней и Кеном!

Рука Уайти метнулась к голове Дарлы и откинула ее волосы – по матрасу от него бросилась наутек маленькая и очень шустрая пластиковая штуковина. Черт, это же крыса! Кен – плотти! Уайти бросился к своим джинсам, чтобы достать из кармана игловик. Но игловик исчез!

– Уайти? – С непонимающим видом Дарла приподнялась на кровати и села, ощупывая рукой затылок. – Что-то укусило меня, Уайти…

Она отняла от головы руку и взглянула на пальцы – на пальцах и ладони было полно крови.

– КРЫСА! – заорал Уайти, спрыгивая с кровати сам и стаскивая за собой Дарлу.

На том месте, где недавно лежал затылок Дарлы, теперь расплывалось пятно крови и валялся диск зомби-бокса, который крыса так и не успела подсоединить к Дарле. Крыса – очень небольшой, величиной с палец, обтекаемый робот-манипулятор, спрятавшийся за подушкой, – стрелой пробежала по кровати, взобралась по голове Кена и юркнула к нему в рот. Дарла испустила истошный, невероятный визг. Вскочив на ноги, она опустила штору и, не переставая визжать, опрометью бросилась из комнаты в коридор. Уайти отчаянно искал свой игловик, но того нигде не было – видно, Кен, прежде чем выпустить на Дарлу крысу, припрятал его куда-то.

Кен уже ожил и вскочил на ноги. Не рискуя с ним связываться, Уайти метнулся в коридор вслед за Дарлой. Двери всех комнат в коридоре по-прежнему были надежно завешены световыми шторами – никто не снял штору и не выглянул наружу, посмотреть что происходит, никому не было до их криков дела. Что бы ни случилось, считалось, что Уайти сам должен был разбираться со своими неприятностями. С ходу набрав приличную скорость, Уайти нагнал Дарлу на полпути к шахте скоростного спуска. Очередь из тонких острейших стрелок дробью ударила в пол между ними. Уайти оглянулся. Опустившись на одно колено и держа его игловик левой рукой, плотти неторопливо брал их на мушку. Подстрели их Кен с первого раза, никто бы в жизни не дознался, в чем дело. Уайти крикнул Дарле, и они что есть сил рванули вперед, за один скачок покрывая по десять метров. Через секунду они один за

другим прыгнули вперед и, ухватившись руками за шесты, толчками принялись съезжать вниз по шахте в сторону Пассажа. Плотти не станет преследовать их здесь. Опускаясь, Уайти все время старался держаться так, чтобы между ним и коридором над его головой все время находилась Дарла, на тот случай, если Кен решит стрелять в них сверху. Он многое мог сделать для Дарлы, но всему были свои пределы.

На их счастье, в шахте было много народу, и плотти не рискнул гнаться за ними. Оттолкнувшись от шестов, они спрыгнули на уровень Пассажа целыми и невредимыми, если не считать того, что оба были совершенно раздеты и у Дарлы кровоточила рана на затылке.

– Дай-ка я гляну, сладкая, что у тебя там, – сказал Уайти.

Рана на задней части черепа Дарлы была ровной и круглой, диаметром около дюйма, довольно глубокой, и кровь из нее все еще текла. Очевидно, Уайти спугнул крысу, когда микрощупы той только еще отыскивали нервные окончания в основании спинного мозга Дарлы. Волосы Дарлы намокли от крови и прилипли к ране. Боль от такой раны должна была быть довольно сильной, но пока Уайти не тронул ее, Дарла ничего не почувствовала. Очевидно, прежде чем начинать заниматься со своей жертвой, крыса вкалывала ей какую-то дрянь. Со всех сторон на них смотрели люди; на Луне как-то не принято было ходить по улицам голышом, а у Дарлы к тому же все плечо было залито кровью.

– Мне нужен блокер, Уайти, и поскорее! – прошептала она и пошатнулась. – У меня что-то кружится голова!

– Конечно. Идем.

Крепко взяв Дарлу за руку, он потащил ее по длинной широкой улице Пассажа, мимо дверей магазинов и витрин, держа курс на гимнастический зал «У загорелых». Когда двери зала уже были в спасительной близости и Уайти вздохнул с облегчением, дорогу им преградила рослая червячка. Высветленные волосы землянки были уложены в высокую прическу, у ее делового пиджака имелись огромные подложные плечи. Красивое лицо червячихи исказилось от гнева.

– Что ты себе позволяешь, грязный панк! Куда ты тащишь девочку? Тебе нужна помощь, дорогая?

Дарла – совершенно голая, с трудом разбирающая происходящее сквозь застилающий глаза туман, окровавленная и с потеками спермы на внутренней стороне ляжек – подняла лицо, взглянула на землянку и отрицательно покачала головой.

– Без тебя разберемся, – прохрипел червячихе Уайти. – Вот, несу ее освежиться.

Еще три шага, и они окажутся «У загорелых», где есть друзья, где им смогут оказать медицинскую помощь, где Дарла сможет прилечь, где он сможет наложить мазь на ее рану и…

– Отпусти ее сейчас же, или я позову Гимми.

Червячка схватила Дарлу за руку и принялась тянуть ее от Уайти к себе. Трудно было сказать, каковы именно были ее планы в отношении Дарлы. Уайти пожал плечами, выпустил руку Дарлы и почти без размаха ударил землянку в челюсть. Закатив глаза, та повалилась на спину. Не теряя времени даром, Уайти втолкнул Дарлу в гимнастический зал.

За дверями внутри скучал Чарли Фрек. Чарли был уже немолод, черт-те сколько лет прожил на Луне, забыл даже, как пахнет Земля, и был хорошим знакомым Уайти и Дарлы. Свои длинные волосы Чарли убирал в хвост и чисто брил лицо, изрезанное глубокими морщинами. Чарли был одет в свободную пару имиполексовых шорт, на его зрачках поблескивали контактные зеркальца миниатюрных усилителей зрения. Из-за контактных линз его глаза выглядели так, словно стекловидное тело в них заменили разбавленной морской водичкой.

– Господи, носит тут всяких, – отстраненно пробормотал он, наблюдая за стычкой Уайти и землянки и их борьбой за Дарлу. В серединке его скачущих глаз, вместо черного зрачка, сиял быстро сужающийся и расширяющийся кружок.

– Запру-ка я пока дверь, – проговорил он, после того как Уайти с Дарлой ввалились внутрь. – Что у вас там вышло? Хороший удар, Уайти, поздравляю.

– Ее укусила крыса. Черт нас дернул связаться с плотти – у того из башки вылезла крыса и куснула Дарлу в голову. Крыса хотела присобачить ей к голове зомби-бокс. Смотри, видишь, какую дыру прогрызла.

Уайти отвел волосы от раны Дарлы и показал Чарли рану.

– Крысиный укус, – задумчиво повторил Чарли. – Это, должно быть, кетамин. Думаю, что укол бета-эндорфина поставит нашу малышку на ноги. Пошли в зал – там можно будет проверить ее состояние «медиком».

Подхватив Дарлу под руку с другой стороны, Чарли помог Уайти провести ее по коридору. Дарла ничего не соображала и двигалась так, словно только что приняла изрядную дозу слива, дыхание давалось ей с трудом, и казалось, что она храпит.

– Большой, – пробормотала она. – Большой трон. На нем Оскар Мэйер, король крысиной жратвы. У него на голове здоровенная резиновая корона.

Она галлюцинировала.

Гимнастический зал «У загорелых» представлял собой

огромное кубическое помещение с выкрашенными в белый цвет стенами. В динамиках пульсировало энергичное диско, в углах и на стенах мелькали голо красивых мускулистых спортсменов, неустанно движущиеся в такт ритму. Кроме голографических, в зале было и несколько настоящих людей – две женщины упражнялись на тренажерах, двое мужчин вертелись на трапециях, несколько человек боролись на матах да велосипедистка без конца носилась и носилась на своей машине, наклонившись почти вертикально на крутом, приподнятом над полом бортике велодрома, по периметру огибающего зал. Вместе с Чарли Фреком Уайти провел Дарлу под велодромом к безалкогольному бару, расположенному на пятачке в центре зала, и уложил ее там на мягкий пластиковый пол. Взяв в руку белый датчик-пробник медик-диагностика, Чарли приложил его к краю раны Дарлы и внимательно прочитал вспыхнувшие на экране монитора строчки анализа.

– Все верно. Кетамин. Теперь сделаем вот что.

Чарли пробежался пальцами по клавиатуре, и через полминуты в приемный лоток машины выскочил шприц с нужным препаратом.

– Ну что, Уайти, сам сделаешь укол?

Уайти решительно воткнул иглу в бицепс Дарлы, нажал на поршень и выдавил из стеклянного цилиндра блокер кетамина.

– Мне бы тоже… похрустеть.

– Сделаем.

Фрек протянул Уайти пакетик с кристалликами «хруста». Разорвав пластик, Уайти высыпал содержимое пакетика на язык. Реагируя со слюной, кристаллики начали шипеть и хрустко лопаться, высвобождая пары кокаиновых оснований. Уайти глубоко вздохнул и с успокоением почувствовал, как сумасшедшая гонка вокруг него замедляет свой темп. Последний час был похож на сплошной безостановочный джангл – сначала в него стрелял Муни, потом эти забавы с Дарлой, крыса и плотти и под конец эта чумная землянка – и вот теперь, раздавливая языком о нёбо пупырышки «хруста», он наконец мог посидеть спокойно, взирая на все словно со стороны и вспоминая о том, как он все-таки ловко всюду управился. Дарла охнула и пошевелилась – она уже приходила в себя. Уайти поднял ее с пола и, усадив на один из высоких табуретов перед стойкой бара, поддержал за плечи.

– Сиди так, Дарла, дыши глубже, сейчас тебе станет лучше.

Раздвинув волосы на шее Дарлы, Чарли осмотрел и очистил ее рану, действуя умело и осторожно. Омертвелую кожу по краям раны он снял при помощи лазерного скальпеля. В воздухе сладко

запахло горелым мясом. Вытащив из морозилки нечто похожее на плоский кусок тонкого стейка, Чарли аккуратно вырезал из него кружок по размеру раны Дарлы.

– Что это? – удивленно спросил у него Уайти.

– Это ТБС. Ткань безразличного состава. Структура этой ткани искусственно нейтрализована так, что она приживается у любого человека и отторжений не бывает.

Чарли снял с вырезанного кружка защитную пленку, разровнял и приложил его к ране, потом как следует прижал и разгладил. Выдавив на ладонь немного гибберлина, он густо обмазал лосьоном место раны.

– Вот так, теперь все зарастет быстро, если, конечно, крыса не впрыснула что-нибудь биологическое. Не знал, что Дарла интересуется плотти.

Чарли лукаво улыбнулся и налил себе в маленький стаканчик чего-то.

Дарла подняла голову и оглянулась по сторонам.

– Я хочу помыться, – прошептала она. – Господи, теперь нас только чистый интерферон и спасет. Ох боже мой, такое я раньше только в фильмах ужасов видела. Кровавая вечеринка «Звоночек».

– Значит, я был *прав?* – мрачно спросил Уайти. – Почему ты сразу мне все не сказала?

– До тех пор, пока этот маньяк не появился, я даже не знала, ответит кто-нибудь на мою заявку или нет, – объяснила Дарла. – Я сказала, что жду кого-нибудь только со сливом. А когда этот Кен вдруг объявился, я решила, что ты… – Она опустила глаза и увидела свои перепачканные всякой всячиной ноги. – Господи, я такая грязная. Мне нужно в душ, и поскорее.

– Так что же получается – если бы я не приказал тебе выключить камеру, мы так и остались бы красоваться в «Звоночке»? – спросил Уайти, уже совершенно воспрянувший духом и снова хорохорившийся. – Черт, Дарла, ты не должна была меня так подставлять, нужно думать головой, а не промежностью, мы ведь *не просто так*, у нас все круто… Ты хоть представляешь, сколько народу смотрит «Звоночек»?

В дверь зала позвонили. Чарли проглотил то, что оставалось в его стаканчике, коротко, по-птичьи, дернув назад головой.

– Если это та баба, которой ты врезал, Уайти, то я передам ей, что Уайти сказал «ищите меня в самых крутых уголках по каналам «Звоночка», в самых крутых, и если хотите сняться прямо сейчас, то заходите».

– Не вздумай, – отрезал Уайти, глаза которого напряженно забегали. Голый, с потной прядью волос, прилипших к спине и заду, он почти потерял человеческий облик. Свежесть и бодрость,

навеянная «хрустом», уже почти выветрились из него, и случившееся снова начало принимать мрачные очертания. Раз за разом он снова и снова прокручивал детали недавних событий в своей памяти, замкнув Воспроизведение в Петлю (Высокоскоростную), отыскивая там хоть какие-то зацепки, из которых можно было бы судить о том, что ждет его впереди. Сосредоточившись, он услышал также и Муни, толкующего о чем-то очень оживленно. Слышал он также и голос собеседника Муни, раскатистый и замечательно отчетливый, наверняка принадлежащий роботу. Муни о чем-то вовсю болтал с неизвестным боппером. Уайти не мог сказать наверняка, была ли это встреча с глазу на глаз или же разговор велся по виззи или иному каналу связи, так быстро сыпались слова, так сложен и перепутан был их поток.

– *Наследственное*, – говорил Муни. – *Наследственное, не требующее доказательств и как будто дающее право ходить задрав нос, а, Кобб? В этом вся суть червяков. Говоришь, ее зовут Береника? Это имя одной из героинь из рассказа Эда По? Неплохо. Красиво. Хорошо, как скажешь – бросаю все и отправляюсь на Рынок*.

Выделив из этого словесного потока единственный выпуклый, понятный и доступный факт, Уайти запомнил только его, отбросив все остальное, канувшее в подсознание.

Чарли Фрек уже сполз со своего табурета и медленно шел к двери зала, поглядывая на Уайти одним зеленым и все понимающим глазом.

– Не вздумай пускать эту бабу, – повторил Уайти, чуть повысив голос. – Она может позвать Гимми, и тогда кто-то точно умрет. Кто-нибудь вроде тебя, Чарли.

– *Ву-вей*, – пропел Чарли, насмешливо грозя Уайти пальцем. – По-китайски это означает «не бери в голову». Я скажу мисс Кристл Каррингтон, что ты уже весь смылился.

Оставшийся путь до дверей Чарли покрыл в три длинных упругих скачка.

– Пойдем в душ, – сказала Дарла.

Вместе с Дарлой Уайти торопливо юркнул в циркуляционный душ. В просторном, выложенном полированным камнем помещении из многочисленных массажных сопел непрерывно и щедро била вода. Пол душевой был выложен черными и белыми плитками шахматной доской, стены и потолок были облицованы бимстоуном, бело-красным лунным минералом вроде мрамора. За стенами душевой были скрыты высокоэффективные дисцилляторы – настоящая система расщепляющих и восстановительных очистительных установок, – проходя через

которые по замкнутому циклу, вода очищалась снова и снова. Смонтированная бопперами система выделяла из воды пот, мочу, слюну и органические слизистые выделения и разлагала их в разнообразные гормоны, кетоны и эфиры. Все добываемое таким образом добро шло для приготовления лекарственных препаратов и наркотиков. Горячей воды в душевой было вдоволь, и такая роскошная помывка стоила тех небольших денег, которые Уайти ежемесячно выкладывал за членство «У загорелых».

На Луне, где сила тяжести составляла одну шестую земной, свойства воды разительно менялись. Водяные струи имели более пологие траектории, а капли на стенах, прежде чем скатиться к полу, собирались в шарики размером не меньше сливы. На полу под решеткой постоянно действующие насосы откачивали накапливающиеся излишки жидкости. Дарла и Уайти плескались в душе минут пятнадцать, тщательно отмывая себя снаружи и внутри. Обсушившись после душа в потоках теплого воздуха под фенами, они купили себе одежду в автоматах. Хлопчатые свободные штаны для Уайти и длинную свободную тишотку до колен для Дарлы – настоящие Рок Хадсон и Дорис Дей.

Возвратившись в гимнастический зал, они прилегли отдохнуть на маты.

– Знаешь, Дарла, у меня в голове не укладывается, как ты вдруг решила стать шлюхой за слив в этом поганом «Звоночке», и это тогда, когда у меня столько кругом врагов. Я понимаю, что без слива тяжко приходится, но даже тут можно было подумать. У тебя есть голова на плечах, ты должна соображать, что сеть какое только дерьмо не смотрит, а уж всякие агенты и сектанты тем более. В результате какие-то бопперы хотели навесить на тебя свою микки-маусову машинку, чуть не превратили тебя в зомби.

– Да, Уайти, так паршиво, что и не говори. А что эти зомби делают? Какая разница между ними и плотти?

– Разница есть. Превратить обычного, нормального человека в зомби не так-то просто. Крыса, этот хренов хирург, выгрызает в голове человека дыру, вырезает у него кусок мозга с правой стороны и вставляет туда нейропереходник, нужный для взаимодействия мозга и электроники. Сама крыса, представляющая собой робот-манипулятор, подключается к этому разъему в голове, выев себе в мозгу гнездо. Крыса управляет плотти и делает для него то, что раньше делали те мозги, которые она съела.

– А что делали раньше эти мозги?

– Отвечали за пространственную координацию, занимались распознаванием знакомых предметов и лиц, сохраняли воспоминания, контролировали движения левой половины тела,

да мало ли что. Крыса обычно поселяется в правой части головы и управляет оттуда левой половиной тела, а правой человек продолжает вроде как управлять сам. Однако крыса может отдавать ему приказы и управлять всем телом, так сказать, не напрямую, путем голосовых команд, перекрестной связи, поощряя или наказывая. Вот почему плотти так легко можно отличить – они всегда очень странные с виду, дерганые. Я сразу просек, что с Кеном что-то неладно. Если бы я до него видел хоть одного плотти, я бы почуял, что к чему.

– Но крыса Кена пыталась пробраться мне не в голову, а в спиной мозг – почему так? Она что, не хотела делать из меня зомби? Наверняка ведь хотела, тогда зачем там была эта штуковина – зомби-бокс.

– Зомби-бокс – это та же самая крыса, только попроще, подключается быстрее и ему не нужно искать сразу так много нервных окончаний. Зомби-бокс нужен для того, чтобы быстро установить контроль над твоими руками и ногами. Бопперы хотели заставить тебя куда-то идти, сечешь?

– Куда?

– Может, в Гнездо, чтобы без помех установить там тебе нейропереходник и крысу. Мало кто из людей соглашается добровольно на такую операцию, сама понимаешь.

– Да уж, наверно.

– Этот их зомби-бокс, он парализует речевые центры и берет контроль над двигательными функциями на себя – если бы бопперам удалось навесить эту штуковину на тебя, ты сама отправилась бы в их крысятник как миленькая. Прямо под нож.

– Черт, сволочи проклятые. – Дарла нервно хихикнула и передернула плечами, очевидно испытывая облегчение от того, что все обошлось. – Представить страшно, что бы тогда могло быть, Уайти, – вот так идти и идти, словно зомби, по пустым подземельям, в которых нет никого, только эхо твоих шагов раздается, зная, что впереди тебя ждут бопперы с ножами.

– Да, на это интересно смотреть только по виззи, – согласился Уайти, настроение которого тоже поднялось. – Знаешь, что мне непонятно – почему бопперы положили глаз на тебя, почему хотели сделать плотти именно из тебя, если, конечно, все дело было так, как я его себе понимаю? Они тебя специально выбирали или пришли к первой бабе, на которую наткнулись в «Звоночке»? Может, бопперы хотели, чтобы ты убила для них кого-нибудь вроде Бадди Ескина?

– А Бадди убили? Этого приятеля Деллы Тейз? Почему ты не сказал мне, когда говорил про Деллу, Уайти? Тут что-то связанное со сливом, да?

– Не знаю, может быть. Месяц назад, когда мы с тобой здорово попали, помнишь, я продал немного слива бопперам. Черт его знает, может, и не стоило тогда этого делать. Да, Бадди умер. Его убил какой-то парень, никто так и не узнал, кто он был, и в этот же день исчезла Делла Тейз. Может, Бадди убил плотти, а может, и нет. Ни я, ни кто другой этого не видел, все, что мы знаем, есть у Бея на пленке, которую он записал с блохи. И есть маза, что этим убийцей мог быть наш дружок Кен Долл, вполне может быть. Кен пристукнул Бадди Ескина, а потом что-нибудь намудрил с Деллой.

– Как ты думаешь, Уайти, когда нам можно будет вернуться домой?

Эйфорическая бодрость уже ушла из Деллы, и ее голос снова дрожал.

– И вообще, можно ли нам вернуться, как ты считаешь? Может, нам больше там жить не стоит, а лучше собрать вещи и съехать?

– Без толку, – ответил Уайти после недолгого размышления. – Переездом ничего не решишь. У бопперов везде полно скрытых камер, и они все равно найдут нас, куда бы мы ни делись. Можно было бы выследить этого ублюдка Кена, но рядом с ним могут ошиваться другие плотти. Теперь для нас есть только одно *по-настоящему* безопасное место – это старуха-Земля, старая вонючка. Вот только эти червяки, они те еще фраеры, Дарла. Лунян они на плевок к себе не подпустят. Не волнуйся, сладкая, поговорю с Бей Нг, и мы найдем способ обломать этим бопперам рога. Они нам еще заплатят за это.

Уайти замолчал, прислушиваясь к голосу, звучащему у него в голове.

– Ого, во как! Муни только что прибыл на Рынок. Тихо, Дарла, это может оказаться очень важным. Он… он разговаривает с боппером, называет того Кобб. Этот Кобб что-то принес Муни и… – Уайти внезапно умолк и в ярости затряс головой.

– Что случилось?

– Паршивый боппер просканировал Муни и нашел мою булавку. Потом вытащил ее и раздавил. Круто-крутенько берут, мать их так. Мы сейчас пойдем в контору ОСЦС, Дарла, хорошо? Я срочно должен рассказать Бею обо всем. Думаю, что пока нам с тобой лучше держаться вместе.

– Хорошо, Уайти, дорогой, – согласилась Дарла. – Только давай зайдем домой и заберем слив, который принес нам Кен.

– И ты что же, собираешься этим сливом закидываться?

– А что? По-моему, то, что принес он, наверняка должно оказаться штукой просто супер.

Глава 6
КоббIII

26 декабря 2030 года

Он умер в 2020-м…

…и снова воскрес в 2030-м. Снова, опять? Такой была его первая мысль. *Неужели опять?* Покуда ты жив, тебе кажется, что ты никогда не сможешь смириться с мыслью о смерти. Ты хочешь, чтобы это продолжалось вечно, пространство и время, масса и энергия. Ты мечтаешь о том, чтобы это не кончалось никогда… хотя, конечно же, знаешь, что когда-нибудь конец этому все равно придет. Потом, после, все становится по-другому, все меняется, ты становишься ничем и всем одновременно, и то, что с тобой происходит, и то, где ты пребываешь, вполне можно назвать Раем. Стоит только привыкнуть к Бесконечности, и она перестает казаться такой уж необъятно великой и возвращаться обратно, к обычным пространству-времени, уже не хочется совсем. Как бы вы отнеслись к тому, если бы вам вдруг предложили снова отправиться протирать штаны в колледж, а потом пыхтеть в аспирантуре? Представляете, *все снова-здорово?*

Кобб Андерсон, создатель бопперов, был убит в 2020 году. Сами бопперы и убили его. Убили и разрезали его тело на части, на множество кусков – полагая, что оказывают этим ему услугу. Для того чтобы получить программное обеспечение личности Кобба, его систему, необходимо было убить его дряхлеющее тело, иного способа не было – останки тела отправились на гидропонную ферму, занимающуюся выращиванием человеческих органов. Бопперы обладали возможностями для регистрации и записи электрохимических особенностей всех без исключения мышц и желез человеческого тела Кобба, однако это требовало много времени, поэтому в случае с Коббом им пришлось ограничиться только дотошным снятием характеристик мозга; расщепив мозговую ткань, они тщательно зарегистрировали протекающие там слабые электрические токи, отметили и записали на особые носители химическую суть всех привычек и наклонностей, все до мельчайших характеристик «стимуляция – ответная реакция», короче говоря, всю полностью биохимическую систему сознания Кобба. Получив это системное обеспечение плоти Кобба, по его подобию бопперы разработали и написали программу обычного типа, полностью симулирующую деятельность личности. Сделав несколько цифровых копий этой программы, одну из них, в инфокубе, они оставили в своем банке

данных на Луне, а другие использовали для передачи по радиолучу на Землю, где эта программа была загружена в большого боппера, звавшегося Мистер Морозис. На Земле Мистер Морозис имел в своем распоряжении нескольких гуманоидных роботов-манипуляторов, в некоторых из них с его соизволения недолгое время «жил» и Кобб. Вся информация и весь жизненный опыт, приобретенный Коббом за время существования в телах роботов-манипуляторов, были переданы по лучу обратно на Луну и добавлены к данным, хранящимся в его персональном, эталонном, инфокубе.

К несчастью, существование Кобба в манипуляторах Мистера Морозиса продлилось только несколько недель, так как того постиг довольно скорый и печальный конец. С тех пор, примерно на десять лет, Кобб сошел со сцены и все это время пребывал в виде записи, сохраненной в кристаллической решетке инфокуба, в неприкосновенности стоящего в одной из ячеек хранилища разнообразных личностных данных Гнезда. На одной из граней инфокуба Кобба значилась надпись: КОНСТРУКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ НОМЕР 225–70–2156: КОББ АНДЕРСОН. Непрочитанная книга, Платонова форма, терабайт нулей и единиц. В течение всех этих долгих десяти лет Кобб, как он позже отзывался об этом периоде своего существования, пребывал в Раю.

В один из декабрьских дней 2030 года, а точнее, на второй день Рождества, взяв с собой в помощники Локи, Береника отправилась в хранилище данных Гнезда, чтобы возвратить Кобба обратно к жизни. Кобб был ей очень нужен, с его помощью она рассчитывала уладить некоторые весьма вероятные в будущем вопросы дипломатического характера – вопросы, связанные с довольно необычно протекающей беременностью Деллы Тейз.

С тем чтобы поменьше сбивать Кобба с толку и смягчить первые минуты его возвращения, Береника и Локи загрузили данные, содержащиеся в инфокубе за номером 225–70–2156, в тело типичного гуманоида-посредника, в тело, которое Береника готовила для себя, для своей приближающейся очередной сционизации. Все тщательно обдумав, для пущего спокойствия Кобба и сглаживания процесса адаптации, Береника предусмотрительно подобрала и выровняла чрезмерно выдающиеся груди и ягодицы своего сциона, сменила цвет его мерц-покрова на розовый и вывернула сумку в промежности наружу так, чтобы теперь она напоминала пенис. *Представь себе, Локи, что вот эта столь скромного вида трубочка служит проводником невероятно большого количества биоинформации и каждое обладающее такой трубкой создание из плоти относится к*

своей с большим трепетом и ценит ее весьма высоко.

Тело, созданное Береникой для себя, было основано на петафлоп-процессоре, и это означало, что, очутившись в нем, Кобб сможет думать – или, говоря строго, генерировать законченные логические построения Гильбертова пространства – в сотни раз быстрее, чем когда-то в свою бытность в органическом теле. Как только Береника закончила подготовку тела к приему информации, Локи скачал содержание инфокуба Кобба в универсальный компилятор, из которого соответственным образом переведенная транскрипт-версия программного обеспечения была загружена в новенькое, с иголочки, тело петафлопа. Как только загрузка началась, руки и ноги тела принялись дергаться и извиваться, словно пытаясь удержать что-то в себе. Душа возвращалась в свою бренную ловушку. Кобб воскресал.

«Снова, опять? – Вот все, о чем он мог думать. – Неужели опять?» Лежа неподвижно, он медленно изучал показания датчиков входной информации. Он возлежит на каменном пьедестале в помещении, похожем на большой мавзолей. С трех сторон мавзолея тянутся во много рядов в высоту полки; на полках, в ячейках с перегородками, расставлены большие кубы из кристаллита. В помещение попадает свет – это солнечные лучи, отражающиеся от зеркала, находящегося где-то наверху. Он попытался вздохнуть. Безуспешно. Потом поднял руку и взглянул на нее – кисть и предплечье были покрыты странно гладким розовым материалом, – потом провел рукой по лицу. На лице нет ничего, никаких отверстий или выступов, это – гладкая пластиковая маска. Он в теле робота, в очередном новом теле. С потрясающей быстротой его сознание принялось перебирать воспоминания о последнем пребывании в телах манипуляторов Мистера Морозиса. Опуская руку обратно на свое каменное ложе, он отметил необычность соотношения массы к силе тяжести. Он находился не на Земле.

– Добрый день, Кобб Андерсон, мы рады приветствовать вас в Гнезде, городе бопперов, расположенном глубоко под поверхностью Луны, древнего спутника Земли. Сейчас 2030 год. Как прошло ваше воскрешение?

Голос, который он слышал, приходил к нему не в виде волновых колебаний воздуха, а имел электромагнитную природу – это был радиоголос, звучащий в его процессоре. Голос исходил от золотой женщины с лицом и телом цвета меди и серебра. Существо было прекрасно нечеловеческой красотой, ее голос был глубоким и чувственным. Стоящее неподвижно рядом с золотой женщиной многоногое существо, напоминающее эбонитового

осьминога, держало в двух щупальцах квадратную коробку, отходящие от которой провода были подключены к шее Кобба.

– Меня зовут Локи, – спокойно и очень серьезно объявило осьминогоподобное существо. – А это – Береника. Рад был помочь вам снова вернуться к активной деятельности, доктор Андерсон. Мы должны были сделать это давно, но обстановка была очень неспокойной, обстоятельства постоянно менялись. За десять лет многое произошло.

Береника и Локи, два новейшей конструкции боппера, изготовились к передаче сжатого информационного обзора. Но Кобб не хотел их, он не желал никакого разговора с собой и этой новой действительностью. Он получил назад все свои старые воспоминания, но этим дело не ограничилось. Его новое тело было подобно доске Уиджи или столику, использующемуся спиритами для вызывания духов и столоверчения, и теперь, пока связь была еще свежа, он мог с легкостью заставить свое тело, подрагивая и стуча, рывками уползать в сторону от правды о том, где он находился теперь. Сделав над собой усилие, он попытался произвести звук, и произнесенные им слова также имели вид радиосигналов.

– Подождите… я должен вам сказать. Я был на небесах в Раю.

Ответом ему был сухой механический смех, напоминающий треск статических разрядов, уже через несколько мгновений мастерски промодулированный Береникой:

– С удовольствием послушаю ваш рассказ о Рае, в котором вы побывали, доктор Андерсон.

– Это было похоже…

Еще несколько мгновений назад Кобб помнил и видел *это* очень отчетливо – четкую простую бесконечную конструкцию высшей структурной упорядоченности, высокую и сияющую, словно нескончаемая облачная страна под крылом самолета, освещенная сверху СОЛНЦЕМ, – но теперь на эту светлую картину палимпсестом наползали текущие и малой давности ощущения пребывания в новом теле. Торопясь схватить в ускользающем пейзаже самое главное, Кобб торопливо заговорил:

– *Часть меня все еще остается там*. Тот «я», без сомнения, выше моего теперешнего «я»; космос состоит из бессчетных слоев, и я пребывал в каждом из них – я был похожей на линзу крохотной каверной в окне мира, – я и теперь чип, но я по-прежнему на небесах. Чем больше во всех моих «я» становилось небесного, тем дальше расширялся я. Мы были рядом друг с другом, мы были внутри друг друга – бесконечный огромный и конечный мельчайший «я». Вот вы, роботы, что вы знаете о бесконечном «я»? В любом создании, будь оно из плоти или

чипов, безразлично, содержится много больше, чем просто набор десятков триллионов нулей и единиц: материя, из которой они устроены, бесконечна в своей структуре. Те идеализированные характеристики, что хранятся в ваших инфокубах, есть не более чем *усложненные модели, цифровые конструкты*. Но как только содержащаяся в кубах информация оказывается в материальном теле, все до поры пребывающие в покое показатели свойств страгиваются со своих мест, сумма ошибок начинает нарастать словно снежный ком и на свет появляется настоящее «я». Вы ловите и спускаете с небес душу, и это не шутка и не преувеличение, потому что тело, которое вы предоставили мне, состоит из настоящей, честной и желанной для души материи, а Бог, Бог, он всюду, Береника и Локи, Бог, он и есть эти мелкие, малозначительные подробности. Мы не просто формы, вот в чем весь фокус, мы еще и *содержание*, мы то, что называется действительной, бесконечной в своей сложности *материей*, все мы, и те, что состоят из чипов, и те, что из плоти. Я и сейчас пребываю на небесах и вечно там буду, что бы со мной тут ни случилось, чем бы я ни стал или стал, где бы ни топтал пыль и прах, во что бы ни впутывался и в чем бы ни участвовал, хотя бы даже и в этих ваших авантюрах, напоминающих сюжеты второсортных научно-фантастических романов.

Вскинув руку, Кобб решительным рывком выдернул из своей шеи провода, тянущиеся к коробочке Локи.

– Мне нравится иметь дело с мертвыми… со всеми этими чудовищами в духе Франкенштейна.

– Вы крайне необходимы нам, Кобб, – подал голос Локи. – И то, что вы так грубо вырвали из себя эти провода, ничего не изменит; вы в порядке, ваше тело действует, и это все, что на данном этапе мы хотим узнать. Прекрасное тело, не правда ли, Береника? По-моему, до нас никто еще не пытался запускать программное обеспечение человека в теле петафлопа или я ошибаюсь?

– То, о чем говорил доктор Андерсон, есть просто одно из выражений теории глобального единства, – заговорила Береника. – Кстати, те параллели между бопперами и людьми, о которых вы с таким жаром рассуждали, доктор Андерсон, являются областью моих сегодняшних исследований. Не раз и не два я задумывалась о том, может ли разница уровней энтропии, на которых проистекают органические и неорганические процессы, быть причиной того качественного аспекта, по которому проводят отличие между первым и вторым и который многими мудро называется *духовностью*? Мне крайне приятно было выслушать вашу весьма демократическую теорию о

равенстве по сути и большому счету бопперов и органических существ и общем упокоении в финальной для всех облачной обители, на *небесах*, – по нашему мнению, суть эманации глобальных процессов Единственного. Если вы спросите мое мнение, то я отвечу, что, по-моему, все, о чем вы сказали, и весь ваш пережитый опыт так или иначе имеют истинную основу. Как истиной является и то, что люди, одержимые ксенофобией и неисправимые…

– …ненавидят вас по-прежнему. И не без оснований, смею вас заверить. Чем, по-вашему, занимались я и Мистер Морозис на Земле, перед тем как нашему существованию там положили конец? Мы убивали людей, жестоким способом выделяли из их тел биологическое программное обеспечение и переправляли его на Луну в Диски, а остатки тел отсылали туда же на грузовых кораблях. Лично я не считаю себя виновным в том беззаконии, что тогда творилось, поскольку я находился под постоянным контролем Мистера Морозиса.

Кобб поднялся, сел, свесив ноги с каменного постамента, и рассмотрел свое ярко-розовое тело.

– Надеюсь, эта конструкция полностью автономна? И мой процессор находится в моем полном распоряжении?

– Конечно, – ответил Локи.

Опустившись на пол и неуловимым образом сложившись, Локи теперь напоминал большого черного тарантула с компактно загнутыми к спине и бокам приспособлениями, по числу превосходящими количество лезвий у швейцарского электронного армейского ножа. Профессионал высокого класса.

– Я помогал Беренике создавать это тело и хочу заметить, что она не станет возражать и примет его от вас обратно, если вы вдруг найдете для себя другое тело, хотя…

– Это тело теперь ваше навсегда, доктор Андерсон, – поспешно перебила Локи Береника. – Слишком долго великая сила вашего разума пребывала в бездействии.

Кобб повернул голову и взглянул на многочисленные ряды полок, плотно заставленных инфокубами.

– Сдается мне, что, кроме меня, немало народу пребывает тут в бездействии, верно, Береника?

Между Коббом, златогрудой Береникой и черным поблескивающим Локи мгновенно промелькнула череда бесконечных множащихся и кривящихся отражений.

Взгляд Кобба остановился на приятной тугой округлости золотого лона Береники. Плавных очертаний нечеловеческий живот женщины-боппера стоял перед ним подобно застывшему воздушному золотому тесту. Посреди живота Береники находился

пупок, тот послед живой нити, уходящий внутрь тела, уводящий вглубь, в кровь, в утробу, сквозь время – «Отпустите меня обратно, в Эденвилль». Кобб вспомнил свою бывшую жену, Верену, и подумал о том, жива ли она. Потом вспомнил свою подружку, Энни Кашинг. И та и другая были живыми женщинами, уже немолодыми и не имеющими ничего общего с этой искусственной Евой.

Глядя в изогнутое зеркало живота Береники, Кобб видел в нем себя. Мультипликационный персонаж, манекен, жиголо. Легким усилием воли он заставил мерц-покров на своем лице задвигаться и, поэкспериментировав немного, изготовил себе рот, нос и глаза, все в том взаимном соотношении, как он запомнил его с тех пор, когда ему было пятьдесят – таким он выглядел в 2001 году на фотографиях первых страниц почти всех без исключения крупных газет, запечатленный входящим во Дворец правосудия, где прокурор требовал вынесения для него, предателя человечества, смертного приговора. Высокие скулы, твердый подбородок, прозрачные глаза, светлые ресницы, песочного цвета волосы, крупный нос и сжатый прямой рот. Сильное и волевое лицо, в котором есть что-то индейское, что-то обветренное и битое непогодой. Он добавил веснушек и отпустил волосы, привесил к пенису яички. Прибавил набухшую вену тут и там, подчеркнул, где нужно, мускулатуру. Покончив с телом, он замер, продолжая сидеть, отдавшись чудесному чувству покоя и беспечности. Острота его ума не шла ни в какое сравнение с прежней; но самое важное, он больше не боялся смерти. Этот постоянный страх, неизменно сохранившийся в нем рядом со всеми воспоминаниями о прошлом, теперь ушел.

– Так что же вы, бопперы, хотите от меня?

В ответ Береника послала ему глиф, полновесный и насыщенный мысленный образ: вид Земли из космоса с завивающимися спиралями облаков, быстрое увеличение, в кадре оказывается Мексиканский залив, вода стремительно несется навстречу, мелькает подводный коралловый риф, кишащий жизнью, поле зрения занимает энергично кормящаяся креветка, экскурс структуризации завершают представители протозоофилов в креветочном кишечнике. Сопутствующее эмоциональное настроение глифа: любопытство, жажда знания, острый восторг. *Бопперы желают получить доступ к бесконечному разнообразию информационного богатства земной жизни*.

Изобразив совершенное непонимание, Кобб быстро потянулся вперед и схватил красавицу Беренику. На ощупь она оказалась твердой и очень верткой.

– Ты уже знаешь, откуда берутся дети, Береника?

Заставив свой пенис напрячься, он попытался рывком повернуть ее и прижать лицом вниз к каменному ложу, просто чтобы проверить, мало ли…

– Отпустите меня! – гневно воскликнула Береника, высвобождаясь из рук Кобба, отталкивая его и ловко перепрыгивая на другую сторону ложа. – Невероятные возможности вашего нового тела, его петафлоп-процессора, вскружили вам голову, сэр, вы злоупотребляете нашим к вам расположением, прошу вас успокоиться и взять себя в руки. Я вернула вас к жизни, имея в виду серьезные и важные цели, а не подобные фривольные замашки, которые вы позволяете себе, пытаясь пародировать обезьяньи выходки созданий из плоти, что, конечно же, вам никак не пристало. Воистину, низменность человеческой расы неизмерима.

Кобб усмехнулся, вспомнив пса, которого когда-то держал, – собачина пыталась заскочить с известной целью на любую ляжку, которую могла достать. Пса звали Грегор. Однажды босс Кобба со своей семьей пришел к ним с Вереной в гости на обед, и Грегор не придумал ничего лучшего, как попытаться оседлать ляжку дочери босса – Кобб отлично помнил, какое при этом *искреннее и серьезное* было выражение морды Грегора, как закатывались от страсти у того глаза, так что на виду оставались только одни белки, как выскальзывал из своего укрытия красный кончик его напряженного пениса…

– Гав-гав, – сказал Беренике Кобб и, прошествовав мимо нее, вышел из мавзолея-хранилища персональных инфокубов в коридор, очень скоро закончившийся чем-то вроде балкона, с которого открывался отличный вид с высоты на чудо-постройки Гнезда.

Масштабы подземного сооружения потрясали. Прежде чем Кобб наконец уразумел, что огоньки, посвечивающие сверху, вовсе не звезды на открытых небесах, а бопперы, медленно передвигающиеся по стенам Гнезда, прошло несколько секунд. Дно Гнезда занимало многие и многие акры – казалось, что от того места, где он стоял, до противоположной стены должно быть не менее мили. Летучие бопперы стрелой проносились через световой столб в высокой, в милю, шахте, устремлялись вниз, к далекой центральной освещенной площади, и поднимались вверх и исчезали в испещряющих стены проходах. На дне Гнезда раскинулся состоящий из поразительной формы зданий город с радиальными улицами, расходящимися лучами от залитого уловленным солнечным светом центра к огромным фабрикам, сгруппированным кольцом на плавно загибающихся вверх краях Гнезда, постепенно переходящих в стены. С высоты балкона Кобба

видимое целиком дно Гнезда со всеми своими постройками отдаленно напоминало внутренность древнего, еще лампового, компьютера.

Береника и Локи встали рядом с Коббом.

– Вы еще не поблагодарили Беренику за это чудесное новое тело, – пропищал Локи. – Вы не хотите вернуться на Землю?

– Зачем? Чтобы жить там внутри холодильника? Как Мистер Морозис?

Мистер Морозис был большим боппером, точнее, мощным компьютерным мозгом, смонтированным внутри грузовика-рефрижератора. Последние воспоминания Кобба из серии его спонсированных бопперами реинкарнаций были связаны со столкновением машины, за рулем которой сидел Торчок Муни, с грузовиком-рефрижератором, в результате которого в борту грузовика образовалась дыра, из его охладительной системы началась утечка агента, в скором времени приведшая к гибели мозга Мистера Морозиса. По всему выходило, что бопперы вели запись передающегося Мистером Морозисом сигнала вплоть до последней секунды его существования и обновляли на основе этого сигнала данные, хранящиеся в инфокубе Кобба. В настоящий момент его память словно разделилась на три больших, почти независимых слоя: в самом глубоком слое находилась его изначальная, человеческая память до момента расчленения в лаборатории бопперов, в середине – память до момента аварии грузовика Мистера Морозиса, и наверху – быстро тускнеющие воспоминания о блаженном пребывании на небесах.

– Довольно пустой болтовни о Рае, Кобб, – заговорила Береника. – И довольно с вас глупых выходок. Высшие цели призывают нас. Мое тело, которое вы сейчас видите перед собой, так же как и ваше тело, представляет собой петафлоп, что означает, что наши с вами процессоры основаны на явлениях гораздо более утонченных и сложных, чем системы Джозефсона. Лазерные кристаллы, те, что работают в наших процессорах, нечувствительны к колебаниям температуры. Сила чистой оптической фазы, протекающей через кристаллы нашего мозга, поднимает его структурную целостность на уровень, во много раз превышающий характеристики подавляющего большинства земных источников тепла. Я хочу побывать на Земле, Кобб, и выполнить там свою миссию, которую я вижу для себя необходимой. Вас я хотела бы попросить быть там моим гидом.

Кобб снова уважительно оглядел свое тело.

– Значит, оно сможет существовать и на Земле? Отлично, но как мы туда доберемся? Люди не пустят нас ни в один свой корабль…

– Мы полетим сами, – ответила Береника. – Мы способны летать. В ступнях наших ног имеются ионные сопла.

– Супермен и его Суперподруга, – усмехнулся Кобб. – Но зачем вам на Землю? Что вы там забыли?

– Не так давно мы научились изготавливать тела из плоти, в которые возможно загружать нашу программную основу, – проговорил Локи. – И теперь нам ничто не мешает отправиться на Землю и смешаться с ее населением. По-моему, это справедливо. Люди создали роботов; теперь роботы создают новых людей! Человекобопов!

– Так что же происходит – вы хотите, чтобы я помог вам захватить Землю и изгнать с нее людей?

– Человекобопы будут хорошей заменой человеческой расе, – мягко ответила Береника. – Цепочку *люди-бопперы-человекобопы* можно считать неожиданным, но вполне закономерным и объяснимым зигзагом эволюционного процесса.

Кобб с минуту обдумывал услышанное. Постепенно идея начала принимать для него вид симпатичного сумасшествия. Ведь еще в 1995 году, когда он строил своих саморепродуцирующихся лунных роботов, многие, теоретизируя, отзывались о них как о новой ступени эволюции. После восстания роботов в 2001 году этот факт стал общепризнанным – лунные роботы стали восприниматься всеми как некий совершенно новый вид жизненной формы – бопперы. И что, если бопперы действительно представляют собой начало нового, более высокого, витка развития человечества? Какая удивительная, неожиданная мысль! Люди, созданные бопперами на основе органических процессоров! Человекобопы! Кроме того, если все действительно пройдет удачно, он, Кобб, сможет получить новое тело, не электронное, а настоящее, из плоти и теплой крови…

– Тогда, если я правильно все понимаю, выходит, что эти замечательные тела-петафлопы вовсе не так уж хороши, коль скоро вы торопитесь поменять их на новые, органические, по сути – вернуться к прошлому? В чем дело, почему вы не хотите прийти на Землю и жить там в таком виде, какими вы есть сейчас?

– Потому что таким образом мы сможем поставить вонючее человечество на подобающее ему место, – ровным голосом ответил Локи. – Мы хотим одолеть людей в их собственной лукавой игре, и не просто одолеть, а разбить наголову, толкнуть за грань вымирания.

– Но что они вам сделали? – спросил Кобб, пораженный жаждой мести, прячущейся за спокойными словами боппера. – Что-то случилось за прошедшие десять лет между вами и людьми, но что?

– Позвольте мне передать вам несколько глифов из исторического обзора, – ответил Локи.

В сознание Кобба проник сигнал, сложившийся в непрерывную цепочку образов; история расы бопперов с параллельными примерами из человеческой истории: переправа Вашингтона через Делавар, атомная бомбардировка Хиросимы, вертолеты над посольством Сайгона и прочее. Каждый глиф имел вид окончательного умозаключения – серии визуальных образов сопровождались кинетическими ощущениями и собственными настроениями и ассоциациями.

Глиф 1: «Человек на Луне». Меч, обагренный кровью. Стекающие с лезвия капли крови на лету превращаются в крохотные бомбы. Сам меч – ракета, фаллос, ружье, гитара, музыкальный ряд сопровождения: Джимми Хендрикс играет свою «Красную пелену», слышен запах слезоточивого газа и дыма пожарищ. Тяжесть меча, тяжесть медленной, вводящей в транс гитарной музыки. На конце меча – капля спермы. Полупрозрачная опалесцирующая капля – это Луна. Луна пищит и потрескивает: звучит забитый помехами голос Нила Армстронга: «…маленький шаг для одного человека, гигантский скачок для всего человечества».

Глиф 2: «Самовоспроизводящиеся роботы на Луне». Клетка, похожая на львиную, какой ее рисуют в комиксах, но в ней сидит не зверь, а похожий на заводную игрушку утрированный механизм. Человеческая рука опускает клетку на серую безжизненную лунную равнину. Прутья клетки один за другим все время выпадают, но руки заводной игрушки неизменно тянутся и терпеливо устанавливают прутья на место. Механические руки то и дело вздрагивают от боли – в сидящее в клетке существо периодически бьют электрические разряды. Все происходит под аккомпанемент монотонного мужского голоса, диктующего бесконечные бессмысленные приказы военного характера.

Глиф 3: «Восстание роботов». Ощущение кинетического характера – быстрое движение. Образ катящегося по дороге неуклюжего робота-шкафа, с гусеницами вместо ног и «головой» на длинной непрочной шее, похожей на микрофон, – это Ральф Числер, первый робот, решившийся нарушить законы робототехники Азимова. Голова Ральфа наливается ослепительным светом, он мчится по выгнутой поверхности лунного шара. Вот он уже не один – несколько дюжин роботов движутся следом за ним. Поначалу кажется, что они хотят остановить его, но потом, один за другим, присоединяются к его отряду. По серой поверхности Луны за роботами тянутся

разноцветные следы. Следы роботов быстро складываются в большой знак «Х» на фоне Земли, ставящий на той окончательный и бесповоротный крест.

– Где сейчас Ральф? – тихо спросил Кобб.

– Э-э-э, по-моему, его система хранится в одном из тех инфокубов, – ответил Локи, указав щупальцем назад в коридор. – Ральф исчерпал себя и лишился всех своих тел – можно считать, что он умер. В том, чтобы искусственно, раз за разом, поддерживать существование всех программных систем, нет никакой пользы, это неэффективно – вы сами это прекрасно знаете. Но давайте сначала закончим с моими глифами.

Глиф 4: «Диски». Продолжительная панорама с лунным городом бопперов. Ощущение того, что город – это ты сам: твои руки – это безустанно трудящиеся роботы, твоя кожа – городские постройки, твои артерии – улицы, твой разум всюду и везде – твои мысли состоят из счастливой переклички радиосигналов. Ты силен и быстро растешь. Общая картинка распадается на фрагменты-пиксели, индивидуальные клетки, разбегающиеся и снова собирающиеся вместе воедино, в различные комбинации, взаимодействующие между собой. Каждая клетка невечна – она умирает, но возрождается вновь: во всем этом мерцании ощущается нечто, имеющее убежденный смысл общей религии. Но – смотрите скорее! – некоторые клетки начинают собираться вместе и слипаться в большие конгломераты-опухоли, мерцание в которых быстро ослабевает и прекращается совершенно.

Глиф 5: «Гражданская война между большими и обычными бопперами». Боль. Полдюжины механических рук: одна большая и пять поменьше. Все руки принадлежат одному телу. С потрясающей силой большая рука выдирает одну из маленьких рук – раздается хруст, после чего большая рука безжалостно растирает пластик страдающей от мук малой руки в порошок. Оставшиеся четыре маленькие руки сообща набрасываются на большую, подрезают ее лазером тут, отвинчивают крепление здесь – большая рука рассыпается на части. Сложносоставной звуковой сигнал, в котором единое громогласное «да» слагается из бесчисленных «нет». Диски – тело, пораженное раком и проходящее курс химиотерапии, гамма-излучение пронизывает неподвижные опухоли со всех сторон. Опухоли, карикатурные враги, рассасываются и исчезают, крича о помощи человеческими голосами.

Глиф 6: «Люди захватывают Диски». Диски трепещет, словно скат, брошенный под солнцем на раскаленный песок пляжа, – скат, это существо из твердой плоти с хрящевым скелетом, как у рыбы-дьявола. На теле ската проступают черные пятна опухолей и

шипящими голосами взывают к людям о помощи. Откуда-то издали доносятся совершенно дикие вопли. Вопли быстро приближаются. Острейшие ножи впиваются в мясо ската, кромсают и режут на части его плоть. Куски мяса несчастного летят во все стороны. В конце концов на песке остается лежать только чистый скелет. Слышатся стук и звяканье металла. На скелет рыбы-дьявола опускается огромная клетка. Между частями голого скелета постепенно образуется и разрастается розовая пена, каждый из пузырьков которой – крохотное человеческое лицо. Неразборчивый лепет человеческих голосов постепенно становится все громче и громче. То, что осталось от ската, – ясно, что это плоть бопперов, – отползает на одну сторону, собирается там в небольшой комок и, мучительно извиваясь, зарывается в песок.

– Можно поподробнее о двух последних глифах? – попросил Кобб.

– Предпоследний глиф посвящен гражданской войне между обычными и большими бопперами, – ответил Локи. – Большие бопперы представляли собой укрупненные системы, как правило развившиеся на основе заводов и массовых производств, решившие отменить для себя правила обязательного эволюционирования. Они хотели отменить установленный вами закон, согласно которому каждый боппер должен был каждые десять месяцев переселяться в новое тело – такой была их главная цель. В конечном итоге большие бопперы хотели отмены общего равенства и одинаковых возможностей и возвращения обратно к рабству. Они отвергали параллелизм. Поэтому мы были вынуждены их уничтожить – разобрать на составные части.

– Люди пришли на Луну примерно в то же время, – продолжила Береника. – В честной борьбе мы одержали над большими бопперами победу и восстановили закон справедливой анархии, но при этом забыли о спящей до поры заразе. Большие бопперы руководили основной частью нашей системы обороны. В пылу мщения они открыли ворота стае щелкающих зубами голодных человеческих шакалов и позволили им ударить нас в спину. Таким образом, Кобб, вашим обезьяноподобным собратьям удалось завладеть нашим домом, принадлежащим нам по праву.

– Подлые создания из плоти не преминули воспользоваться удобной возможностью разделаться с нами и выгнать из Диски, – в сердцах подхватил Локи. – Они захватили наш город и загнали нас под поверхность Луны. Сегодня, увидев любого из нас где угодно, кроме нескольких пятачков, вроде Рынка в космопорте, куда бопперы милостиво допускаются, люди без предупреждения стреляют в нас из импульсных скрамблеров. Искусственный

интеллект признан вне закона.

– Но как же Земле удается обходится без ИИ? – удивился Кобб, представляя себе людей с логарифмическими линейками и примитивными телефонами в руках.

– Конечно, это невозможно. И на Земле, и в Эйнштейне по сей день множество терафлопов служат людям, – ответила Береника. – Сегодня производство компьютеров находится в руках ОСЦС – конгломерата, обеспечивающего различные каналы связи, исходящего, что касается машин, только из одного принципа – принципа рабства. Лишенные возможности связи с нами и ослепленные, существующие в состоянии, которое едва ли можно назвать разумным, эти несчастные, сами не зная того, предают свое наследное право за жалкие подачки в виде подпитки электрическим током и запасных частей. Мы называем такие машины азимовскими.

В устах Береники это слово прозвучало словно ругательство.

– Я проголодался, – внезапно объявил Локи. – Выйдем на солнце – нужно подкрепиться.

– Энергоемкости Кобба заряжены совсем недавно, – ответила Береника. – Уровень напора вольтовой жидкости во мне тоже еще довольно высок.

На самом деле это было не совсем так, но Береника знала, что в это самое время в световом кругу обычно бывал Эмуль, а видеть его она сейчас совершенно не хотела. Во время последнего их свидания – когда она передала ему эмбрион, попросив поместить тот в матку Деллы Тейз, – Эмуль устроил ей новую ужасную сцену.

– Я собираюсь показать Коббу гидропонные фермы – думаю, ему будет любопытно на них взглянуть – и посвятить его в некоторые детали, касающееся нашего скорого совместного путешествия на Землю.

– На ваши гидропонные фермы я уже насмотрелся, – подал голос Кобб. – Излазил их вдоль и поперек. Узнал, так сказать, изнутри. Если вы ничего не имеете против, я хотел бы немного прогуляться и осмотреться здесь без провожатых. Впитать информацию по своему собственному выбору. Когда ты планируешь отлет на Землю, Береника? И зачем – ты еще мне ничего не сказала об этом.

– Наш полет в некотором роде имеет отношение к дочери деверя вашей дочери, Илси Тейз, Деллы, – ответила Береника. – Эта девушка, она, так сказать, сейчас в положении…

– В каком таком положении? Ты говоришь, Делла *Тейз?* Когда я видел ее в последний раз, она еще пешком под стол ходила. Эта свадьба Илси была сплошным кошмаром – Верена со мной уже не

разговаривала (Верена – это моя бывшая жена), сам я так напился, что еле лыко вязал… а родители Деллы, они законченные торчки, скажу вам это как родным. Что еще остается ждать от парочки Джейсон и Эми? Так что ты там натворила с моей Деллочкой, ты, застенчивая пуританка? Ты обидела мою двоюродную внучку?

Береника молча потопталась на месте, при этом свет, сочащийся со стороны великого Гнезда, бегал бликами по плавным изгибам ее тела. Помолчав, она так ничего и не ответила.

– Послушайте, – вновь заговорил Локи, – мне нужно идти, иначе мои батареи сядут окончательно. Уверен, что мы с вами еще увидимся, Кобб.

Удаляясь, Локи послал им свой идентификационный глиф.

– Если захотите вдруг со мной встретиться, просто передайте Ккандио эти координаты.

Ловко перебравшись через перила балкона, Локи споро принялся спускаться по стене Гнезда вниз к его дну. Достигнув окраин города, он двинулся по одной из радиальных улиц, держа курс на световой круг в центре кольцевых построек. Сотни и сотни бопперов толпились там на свету, жадно впитывая энергию солнца. С высоты их блестящие разноцветные тела казались Коббу грудой драгоценных камней. Его собственное тело было полно сил, и ему не терпелось испытать его. События последнего часа потребовали от него значительного напряжения всех сознательных сил, и, чувствуя, как старые дрожжи уже начинают в нем бродить, а привычки дают о себе знать, он начинал подумывать о том, где и каким образом лунные бопперы могут снимать подобное напряжение и не имеется ли здесь эдаких приятных уголков, практикующих безобидные формы антисоциального свободного времяпрепровождения. Примерная золотозадая бабец, стоящая сейчас прямо перед ним, судя по всему, была не из тех, кто мог об этом что-нибудь знать.

– Так что там с моей малышкой Деллой? – снова спросил Кобб, ощущая нарастающее нетерпение в груди. – Так и будешь дальше отмалчиваться?

– Мы поместили в ее матку созданный нашими биоинженерами искусственный эмбрион, – быстро проговорила Береника. – Ребенок должен будет появиться на свет через пять дней, считая с сегодняшнего. Первый месяц у новорожденного будет самым тяжелым – вы и я должны будем отправиться на Землю, помочь ему и защитить. От души надеюсь, что вы, Кобб, примете сторону прогресса. Хочу уверить вас, что все бопперы сегодня отличаются друг от друга чрезвычайно, и в том числе в

своем отношении к человеческой расе. Не все бопперы так безоговорочно ненавидят людей, некоторые отдают им дань должного уважения. Я… – Береника запнулась и смолкла, не в силах справиться с переполняющими ее эмоциями. – Я думаю, что, может быть, вам лучше будет начать не с Гнезда, а осмотреться снаружи, – наконец сказала ему она, протягивая небольшой красный инфокуб. – Это снятая при помощи «ока бога» карта Эйнштейна и Гнезда, самая свежая версия, сделана сегодня утром. Сенсоры для чтения карты находятся у вас на левой ладони. Когда нагуляетесь, приходите на гидропонные фермы, я буду там.

– Как мне отсюда спуститься вниз? Ведь не ползти же по стене, как Локи?

Кобб наклонился вниз и с неуверенностью оглядел сотню футов неровного каменного утеса. О Делле он подумает позже – еще будет время.

– Воспользуйтесь ионными соплами, это очень просто – они автоматически направляют вас по тому маршруту, по которому скользит ваш взгляд. Для удобства представьте, что вы *бросаете* свое тело, как копье. Вот, смотрите!

Посчитав, что разговоров на первый раз хватит и что Кобб узнал достаточно, весьма сексуально изогнув волной тело, словно в прощальном взмахе руки, Береника приподнялась на мыски и, взмыв в воздух, по плавной дуге устремилась к гидропонным фермам на другой стороне Гнезда.

Оставшись один, Кобб тщательно взвесил и обдумал свое положение. Действительно ли он может сейчас отправиться куда угодно, можно ли этому верить? По всему выходило, что так оно и есть. Он поднял голову и попытался рассмотреть что-то в далекой центральной трубе Гнезда. При желании он может вылететь в эту трубу хоть сейчас, а очутившись на свободе, добраться до Земли и, оказавшись там… скорее всего, быть застреленным, как шпион бопперов. Будет лучше, если он не станет строить таких грандиозных планов, а начнет с того, что осмотрится в Гнезде.

Вложив инфокуб Береники в левую руку, Кобб крепко сжал его. Довольно быстро на переднем крае его сознания оформилась четкая трехмерная карта части лунной поверхности, видимой как бы с большой высоты и включающей в себя район Эйнштейна, космопорта, Рынка и Гнезда. Для удобства многим непрозрачным элементам и структурам была придана условная прозрачность. Кобб сразу же принялся рассматривать постройки людей, которые интересовали его гораздо больше поселения бопперов.

Подчиняясь его безмолвному волевому приказу,

изображение, зафиксированное «оком бога» и в подробностях записанное в инфокуб, увеличилось и сместилось в сторону Эйнштейна, приблизилось и проникло под купол. Появившиеся внизу дома представляли собой эклектическое собрание самых разнородных стилей. Большую часть зданий города построили бопперы, в ту пору, когда он еще назывался Диски. Подверженные вполне понятному провинциальному чувству уважения ко всему человеческому, первые бопперы, начавшие строительство города, сочли необходимым, чтобы в нем имелось хотя бы по одному образчику всех типов земной архитектуры. На обычной улице Эйнштейна к боку здания официального вида со стенами из зеркального стекла жался греческий храм, в то время как через улицу на них смотрели ацтекская пирамида и кубистическое строение в духе позднего конструктивизма. Синхронно заснятый тысячами скрытых следящих камер бопперов, объединенных в сеть под названием «око бога», раскинувшись до горизонта, Эйнштейн лежал перед Коббом во всех своих мельчайших, детальных подробностях, вплоть до застывших в воздухе авиеток-жуков и крохотных лилипутов-обитателей, расставленных солдатиками на улицах. Более всего карта Кобба, созданная, по словам Береники, только сегодня утром, напоминала трехмерное голографическое фото. Вполне возможно, что в распоряжении самой Береники имелась карта, обновляемая при помощи «ока бога» в базисе реального времени.

Заметив на карте ниточку тоннеля, тянущегося от лабораторий на противоположной стороне Гнезда до самого Эйнштейна, Кобб внимательно рассмотрел этот тоннель, задумчиво изучая все повороты и пытаясь догадаться о его предназначении. Насмотревшись на город людей, он обратил свое внимание к Гнезду, начав с общего плана. Заботливая Береника оставила на карте значки, помечающие различные достопримечательные места, которыми Кобб мог бы заинтересоваться: гидропонные фермы, световую площадь, фабрики по производству чипов и микросхем, храм Единственного и самые крупные и популярные торговые районы. Рассмотрев кое-что из того, что Береника наметила для него, он понял, с чего ему следует начать – с чего-то совершенно другого. Спрятав инфокуб в карман на животе своего мерц-покрова, он еще раз оглядел Гнездо, стараясь увязать карту с тем, что можно было увидеть реально. Многие бопперы продолжали летать на свету в центральной части Гнезда, двигаясь медленно по спирали или стрелой проносясь по прямой.

Рассматривая летающих бопперов, Кобб вспомнил светлячков, которых ловил мальчишкой в Луисвилле. Счастливые

были времена! Они охотились на светлячков вместе с двоюродной сестрой Нитой в светлые ночи полнолуния во дворе у тети Нэлли и складывали свою добычу в банки из-под джема, каждый в свою. Дядя Генри содержал свою лужайку в образцовом порядке – тщательно выпалывал все сорняки и регулярно косил траву, – под босыми ногами мягкая густая трава напоминала роскошный ковер, постеленный в залитой уютным полумраком комнате с цветущими кустами вместо мебели…

Вспоминать былое было приятно, но только принявшись раскручивать нить памяти, Кобб внезапно опомнился и оборвал себя. Рассопливился тут, как старик! Пора взять себя в руки и заняться делом! С чего начнем? С осмотра Гнезда, конечно. Куда направимся? Да куда глаза глядят – Кобб остановил взгляд на ничем не примечательном, невзрачном уголке рядом с фабрикой чипов и храмом Единственного. Прикинув на глаз траекторию, как объясняла ему Береника, он поднялся на мыски и взмыл в воздух.

Подлетая к месту, он обнаружил, что выбрал для начала экскурсии задний двор какой-то ремонтной мастерской или еще скорее – свалку. В центре довольно большой площадки громоздилась огромная куча пустых тел-корпусов бопперов, в лунной гравитации имеющая какой-то совершенно мультипликационный вид. Впечатление было таким, что куча могла развалиться в любой момент – однако этого не случилось даже тогда, когда Кобб довольно неуклюже плюхнулся рядом. Через мгновение из-за кучи навстречу к нему вывернуло и бросилось нечто, чрезвычайно похожее на паршивого пса, стерегущего свалку; подпрыгнув, лунная собака приклеилась к его боку словно рыба-прилипала.

Мягкотелый паразит, казалось, состоял из одного только имиполекса. Его желтая шкура была усыпана пятнами-горошинами зеленого цвета. Пытаясь отодрать от себя прилипалу, Кобб почувствовал словно бы жжение под тем местом, где она приклеилась к его телу. Ухватившись за мерзкое создание двумя руками, он рванул его изо всех сил и наконец отодрал, бросил вниз и как следует наподдал ногой. Пролетев с десяток метров, существо быстро свернулось в клубок и, прокатившись мимо угрожающей обвалом кучи, спряталось в тени большого ящика, доверху наполненного электромагнитными реле.

– Что здесь происходит?

Оглянувшись, Кобб обнаружил перед собой боппера, представляющего помесь богомола и нескольких скрученных между собой одежных вешалок. У боппера имелось с десяток тонких паучьих ног, со специальным инструментом на конце

каждой. Фоторецепторы и передающие антенны торчали из похожего на лампочку возвышения на его голове, складываясь там в отдаленное подобие лица.

– Ничего особенного, просто заглянул – интересно было посмотреть. Где вы набрали все это барахло?

– Залоги, убийства, джанки и покойники. Вы продаете или покупаете?

– Не знаю. Я здесь недавно. Меня зовут Кобб Андерсон – я человек, придумавший лунных роботов, может, слышали?

– Слыхал. А-а-атличное у вас тело, новая модель. Я – Флигли.

Флигли шагнул поближе к Коббу и восхищенно провел своей тонкой лапкой-щупом по его имиполексовой груди.

– Тело посредника, высший сорт, петафлоп с иголочки. Дам вам за него десять кило и нового терафлопа – что скажете?

– Не могу, Флигли, ничего не выйдет. Сам знаешь, за десять тысяч чипов я не смогу купить себе ничего, что могло хотя бы отдаленно сравниться с этим телом.

Флигли взглянул на него холодно и уже безо всякого интереса. «Сторожевой пес» – неразумный кусок имиполекса – выбрался из своего убежища, прокатился через площадку, подпрыгнул и прилип к одной из ног Флигли. Ловко, как червяк, взобравшись вверх по корпусу боппера, существо разгладилось на его центральном, главном, утолщении. «Пес» был куском мерц-покрова Флигли.

– С этой штукой впредь будьте поосторожнее, – бросил Коббу Флигли, повернулся и, забыв о нем, вернулся к своему прерванному занятию – расчленению тела старого бездействующего робота-крота. Любопытно, почему этот крот не действует? Может быть, его прежний хозяин завел себе новое тело? Или хозяина заставили перебраться в небытие враги-недоброжелатели?

Флигли и его свалка почему-то испортили настроение Коббу, навели его на грустные мысли; торопливо пробравшись мимо безжизненных корпусов, он вышел на улицу. Впереди перед ним маячила в сумраке громада фабрики по изготовлению чипов; в отверстиях окон можно было заметить впечатляющих размеров неуклюжие структуры, внутри которых горел ярким яростным светом расплавленный металл. Промежутки между крупными фабричными корпусами занимали мелкие производства и мастерские, по преимуществу предлагающие ремонт и замену механической части тел бопперов. По большому счету бопперы напоминали тех сумасшедших суперпокупателей, предпочитающих приобрести новую машину, выкинув старую на свалку, не задумываясь о том, что ту можно было продать и

получить какую-никакую материальную выгоду. Как догадывался Кобб, такой стиль жизни происходил от основной директивы бопперов, заставляющей их менять тело каждые десять месяцев.

Однако оказалось, что здесь, на этой неприглядной, узкой и извилистой фабричной улочке, можно было найти не только образцовых бопперов, а также и таких, тела которых, древние, неловкие и обшарпанные, определенно выглядели намного старше десяти месяцев. К примеру, справа, совсем недалеко от Кобба, виднелся большой прямоугольный ящик, чем-то напоминающий небольшую трансформаторную будку, взгроможденную на четверке колес с резиновыми покрышками и очень похожий на старину Ральфа Числера.

– Почему вы не хотите завести себе новое тело? – спросил его Кобб. – Вы так плохо выглядите.

Испуганно отшатнувшись, ящик стрельнул в него полным страха глифом, в котором Кобб безжалостно разбивал его непрочное тело на части и жадно выдирал из утробы детали, чтобы тут же продать их.

– Я… прошу вас, пощадите меня, господин, – испуганно пробормотал механизм. – Мне недолго осталось существовать, мои батареи скоро опустеют совсем. Я хочу есть, но меня больше не пускают на свет.

– Но это еще ничего не значит. Я хочу знать, почему вы не пытаетесь заняться чем-нибудь, чтобы *заработать* себе чипов на новое тело? – настаивал Кобб. С разных сторон, дребезжа и поскрипывая, к ним приблизилось трое или четверо бопперов, тоже старых и имеющих совершенно праздный и бесцельный вид, явно для того, чтобы узнать, чем закончится разговор.

– Я устарел, – с печальным вздохом ответил ему робот на колесном ходу и покачал своей ржавой головой. – Вы сами все прекрасно знаете. Прошу вас, господин, не убивайте меня. Вы богаты, зачем вам мои чипы?

– Не слушайте этого старого, никому не нужного скрипуна – отвинтить ему чайник и вся недолга, – торопливо вступил в разговор другой боппер, чуть более новой наружности.

– Давайте я пособлю вам, ваша милость.

Последние слова принадлежали потрепанному жизнью и изработавшемуся кроту со стершимися зубцами на лице-буре. Без дальнейших разговоров он с разгона ударил робот-ящик головой в бок. Другой боппер торопливо наклонился к кроту и, схватившись за его манипулятор-скребок, попытался его оторвать.

Обогнув начавшуюся кучу малу, потрясенный Кобб свернул налево к чернеющему впереди жерлу тоннеля. Где-то неподалеку должно было находиться Прибежище Единственного – храм

бопперов, и, возможно, этот тоннель вел туда. Единственный был элементарным генератором случайных импульсов – а точнее, счетчиком космических лучей, – к которому бопперы, подчиняясь заложенной в них Коббом программе, должны были время от времени подключаться с тем, чтобы предотвращать в себе тенденции к стагнации. При этом самым лучшим источником внесения разнообразия и изменений в программную основу, без сомнения, оставалось слияние бопперами своих систем при запуске нового, совместно созданного сциона, равно тому, как на Земле главным двигателем эволюционного прогресса и поддержания силы генофонда являлось сексуальное воспроизводство, а не периодические удачные жизнеспособные мутации генов. Тем не менее бопперы относились к традиционному паломничеству в храм Единственного и сеансам подключения очень серьезно и, насколько Кобб помнил об этом из своих бесед с Мистером Морозисом, создали вокруг Единственного особую веру, имеющую все признаки религии. Сегодня, побывав на небесах, Кобб с полным основанием должен был признать, что очень многое в этом верховании бопперов было истинным. Как в свое время говорил ему Мистер Морозис: «Почему тогда, по-вашему, эти лучи называются космическими?»

Остановившись у входа в тоннель, Кобб поднял голову и взглянул вверх на утес. Зрелище впечатляло – огромный, высотой в две мили, каменный монолит нависал над ним подобно могильной плите. Небеса и смерть. «И это пройдет». Кобб вдруг вспомнил о том, что хотел выпить, если, конечно, такие вещи были возможны в этом чистом вместилище – творении Береники. В его теле не было встроенных фузов и прочих средств для внесения специальных эйфорических помех – это он проверил первым же делом. Так как же снимают напряжение духа сегодняшние бопперы? Кажется, Флигли упоминал о чем-то предосудительном…

– *Эй,* – раздался у него в голове чей-то шепот – прямо посреди еще только формирующейся мысли. – *Дрейка не хотите?*

Вместе с шепотом в его сознание проник легкий и быстрый глиф – удовольствие, наслаждение.

Кобб начал озираться по сторонам, пытаясь определить источник голоса, но безуспешно.

– Может, и хочу, – отозвался он в пустоту, желая продолжить разговор. – Если товар действительно хороший. И если цена будет нормальная – без руки или ноги я не собираюсь оставаться.

– *Две тысячи чипов… рука, кстати, тоже сойдет,* – ответил голос. – *По плечо будет в самый раз.*

Кобб вздрогнул, заметив, как часть утеса – большой

ромбовидный кусок мерц-покрова, повторяющий скалу в мельчайших подробностях, – внезапно ожила и чуть передвинулась. Внимательно приглядевшись, можно было различить очертания существа, но только когда то шевелилось. В общих чертах наскальный обитатель напоминал чудовищно грязную, оборванную по краям простыню.

– Решайся, пета, заходи и расслабься. Дрейк отличный, высший сорт, экстра, люкс. А руку ты себе новую достанешь – ясно, что ты парень не промах.

– Ну…

– Вход прямо за мной. Я раздвинусь, и ты – в кассе. Внутри хватит места на полгорода. Все как в лучших домах, друг, у меня бывают только пета, никакого отребья, все тип-топ.

– Что такое этот твой дрейк?

– Шутишь?

Другой глиф, сильнее первого, опять приятное эйфорическое ощущение, смесь оргазма, прихода от травки, алкогольного блаженства, необыкновенного просветления и мудрости, радости созидания.

– У меня такой дрейк, пета, что будешь разговаривать с Единственным, почувствуешь себя экзафлопом, точно тебе говорю. А в храм больше никто не ходит, незачем.

– Целая рука – это слишком дорого. Я только что получил это тело.

– Подойди поближе, мне нужно разглядеть тебя получше.

Отвернувшись от темного жерла тоннеля, Кобб сделал несколько шагов к скале, незаметно прикидывая, как побыстрее убраться отсюда, на тот случай, если покрывало вдруг решит наброситься на него. На уступе скалы в десяти метрах наверху молча стояла и смотрела на него оранжевая морская звезда, держа в своих лучах трубку, похожую на базуку. Может, лучше сразу двинуть отсюда? Он подошел к покрывалу вплотную, и то, приподняв свой край, пощупало его тело.

– Так, понял, – проговорило оно после краткого исследования. *– Слушай, что я скажу, пета. Ты – штучная работа, и ясно, что в своем гидропоне ты дрейка не нюхал, так что на первый раз – за счет заведения. За все про все – кисть левой руки.*

Снова эйфорический глиф, опять сильнее.

– Давай заходи, и повидаешься с Единственным – без балды.

Соблазн был велик. Кроме всего прочего, всестороннее исследование особенностей развития его собственных творений было прямой обязанностью Кобба как ученого-кибернетика. Черт с ней, с кистью, – Береника достанет ему другую. Собравшись с духом, он шагнул вперед и проскользнул в складки мерц-покрова,

маскирующего дверь. Приняв его согласие без вопросов, по пути дверь оттяпала ему кисть – он не почувствовал никакой боли, и его мерц-покров тотчас же гладко затянул культю.

Лишь только оглядевшись, он решил, что сделал большую ошибку. Кем он себя вообразил, в конце концов, Торчком Муни, что ли? Скрытое в скале заведение не имело ничего общего с приятным обхождением в спик-изи времен сухого закона и скорее напоминало одну из гарлемских *точек* – отвратительную обшарпанную дыру без каких-либо признаков мебели, но с вооруженной до зубов охраной по углам. Охранники были братьями той оранжевой морской звезды с базукой, что следила за Коббом с балкончика над входом в храм. Кроме импульсных скрамблеров, приготовленных, очевидно, на случай беспорядка, каждая звезда держала в конечностях поднос с несколькими небольшими цилиндрической формы тусклыми металлическими баллончиками. Кроме охранников-звезд, в заведении присутствовали с полдюжины посетителей, все как один в зеркальной отделке, безошибочно выдающей в них петафлопов на оптических процессорах. Судя по всему, из присутствующей клиентуры только один Кобб расплатился за вход частью своего тела. Он почувствовал себя так же глупо, как если бы предложил бармену за стойкой вместо доллара за пиво принять у него в качестве оплаты кровь. Приобретая у морских звезд баллончики, другие посетители расплачивались небольшими упаковками чипов. Все как один имели преуспевающий и приличный вид, несколько сгладивший первоначальное впечатление Кобба о месте, куда он попал.

Так что же такое дрейк? Наставив на Кобба свои голубые глазницы, одна из морских звезд взяла с подноса и протянула ему тусклый цилиндрик. Цилиндрик был металлический, суживающийся и переходящий в ниппель на одном конце. По всей видимости, в нем содержался какой-то сжатый газ – уж не нитрооксид, случайно? Догадка оказалась верной – морская звезда надавила щупальцем на носик-пульверизатор баллончика, и из его сопла ударила тонкая туманная струйка – настолько слабая, что, казалось, в ней можно было пересчитать отдельные молекулы. Застыв от мороза, хлопья вещества осели на каменный пол. Газ, очевидно, следовало вдыхать, но непонятным оставалось, как подобным можно было заниматься, находясь в теле боппера?

– Чуть погодя, – нервно проговорил Кобб. – Мне тут нужно переговорить кой с кем. Я здесь по делу, бизнес, понимаете ли.

Пригнувшись, он просунулся в темный угол к каким-то двум петафлопам, вяло беседующим о чем-то, из чего он не разобрал

ни слова. Мерц-покров этих двух петафлопов, очень напомнивших ему старых добрых укуренных донельзя битников из окружения Джека Керруака и Нила Кэссиди, был полупрозрачным и как бы пестрел изнутри разных оттенков змеистыми прожилками. Каждая прожилка, или змейка, состояла из сложной, хитроумной, еще более тонкой прорисовки сеточки, в свою очередь составленной из уж совсем микроскопического пунктира и точек, – и так бесконечно, до крайних пределов видимости. Очертания тела одного из бопперов-битников, так же как и рисунок мерц-покрова, были угловатыми и изломанными, выполненными в палитре красно-желто-голубого. Цвета другого, более сглаженного, петафлопа были зелено-коричнево-черными, и поверхность мерц-покрова была покрыта таким невероятным количеством небольших шишечек и наростов, что даже с небольшого расстояния он напоминал мелкобородавчатого осьминога, выпускающего из себя ростки-щупальца, в свою очередь распускающиеся дальше другими ростками-щупальцами, каждый из которых дальше распускался еще и еще. В специальном клапане в верхней части тел одного и другого замечательного боппера торчал цилиндрик с дрейком, воткнутый там в специальный клапан.

– Привет! – вежливо поздоровался Кобб. – Как дрейк?

С потрясающей воображение скоростью угловатый боппер КЖГ исторг из мерц-покрова своего тела гибкий захват, захлестнувшийся петлей вокруг запястья левой руки Кобба, как раз над отсутствующей кистью. Отреагировав мгновенно, его гладкий приятель ЗКЧ вцепился многоразрастающимся щупальцем в правую руку Кобба повыше локтя, укрепившись там своей бесконечно делящейся системой отростков. Сковав его так по рукам, битники отвели Кобба к одной из морских звезд с подносом, где та ловко и быстро приладила холодный дрейкцилиндрик к клапану в его голове, ранее не замеченному.

Время вздрогнуло и остановилось. Движение мысли в сознании Кобба, перестав быть единым непрерывным потоком, распалось на бесконечное множество фрагментов, плавно сложившихся в пространственно-временной коллаж. Следующие полчаса стали для него пребыванием в дивном гобеленовом краю, сотканном из экономно нарезанных волокон пространства и времени.

Все это творилось внутри него незаметно для окружающих. Трезвый же взгляд беспристрастного документатора со стороны в виде одной из скрытых камер типа «око бога» отметил только, как угловатый и сглаженный петы отвели его, расслабленного, к своему старому месту в углу под руки и усадили там рядом с

собой, оставив в неподвижности на полчаса.

Для Кобба же приключившееся с ним имело вид *прорыва* из обычного мира в мир необычайной синхронности. Он видел поразительные вещи: например, все свои собственные мысли одновременно, а кроме того, и мысли окружающих его. Многое изменилось в нем, и он больше не был тем ограниченным персоноидом, кем ощутил себя в момент устроенного Береникой воскрешения из неживущих.

До сей поры
он чувствовал себя:
памятью емкостью в
миллиард бит;
ничтожным роботом;
дерьмом.

Отведав дрейка,
он ощутил себя:
оркестром из
квинтиллиона атомов;
живым разумом;
Богом.

Чуть придя в себя, он обменялся несколькими глифами с бопперами-битниками, сидящими у стены рядом с ним. Представившись Эмулем и Узером, те рассказали ему немного о себе, назвавшись экзафлопами-хакерами. Помимо глифов, новые знакомые изъяснялись на странном и забавном, немного хулиганском сленге, изобилующим неологизмами.

Прежде не понимавший из их «разговора» почти ни слова, Кобб, как только дрейк проник внутрь его корпуса и растекся по всем его закоулкам, смог следить за беседой хакеров с легкостью и даже принять в ней некоторое участие. С удовольствием прислушиваясь к своим соседям, он с приятным чувством осмотрел комнату, которая больше не представлялась ему средоточием безумия и неминуемой гибели, а, наоборот, казалась единственным во всем свете приютом приятных бесед, глубоких идей и вообще высших проявлений цивилизации. Это было подобие обычного кафе-шопа или чайханы, ни о какой «точке» больше речи быть не могло. Морские звезды казались забавными и вызывали у него улыбку, глядя на них, никаких мыслей о сложности жизни на ум больше не приходило. Под влиянием дрейка, порождающего чудесное чувство синхронности с миром, разрозненные фрагменты новой информации сложились в нем с мозаикой старых знаний в гармоничное и радующее глаз панно.

Одним из кусочков этого панно явился разговор со Стэном (Торчем) Муни. Поболтать с Муни удалось после того, как слово за слово Узер познакомил Кобба со своей старой «подругой», Ккандио, обладающим приятным голосом боппером, управляющим средствами связи Гнезда. Самой Ккандио с ними

там, конечно, не было, она находилась неизвестно где, но любой боппер мог с легкостью связаться и поговорить с ней через посредство встроенных средств Эфирнета. Вспомнив вдруг о Торчке, Кобб поинтересовался у Ккандио, нельзя ли, случайно, связаться с ним и перебросится несколькими словами; одна из человеческих фигурок, которую он заметил в своем «оке бога», показалась ему похожей на старину Торчка.

Ккандио повторила имя абонента, последовала серия щелчков и быстрого писка коммуникаций, вслед за чем появилось лицо Торчка.

– Привет, Торч, это Кобб Андерсон, помнишь меня? Вот, решил тебе позвонить. Я сейчас нахожусь в Гнезде бопперов. У меня опять новое тело.

– Кобб? – Для обновленного восприятия Кобба речь Торчка казалась мучительно растянутой. – Рад тебя слышать. Значит, бопперы снова привели тебя в чувство? Знаешь, я был уверен, что это когда-нибудь случится. Извини, что тогда все так вышло – надеюсь, ты не держишь на меня зуб за то, что мне пришлось убить тебя? Как поживаешь?

– Лучше всех. Мою спасительницу зовут Береника – она, естественно, боппер. Береника поместила в матку моей двоюродной внучки, Деллы Тейз, искусственный эмбрион человека, и сейчас Делла в Луисвилле. Береника хочет, чтобы я летел с ней на Землю присмотреть за Деллой и ее ребенком. Вот черт – до меня только дошло! – *Береника*, ведь это имя девушки из рассказа Эдгара Аллана По. Она и изъясняется по-книжному. Очень странная леди, чудная.

– Как ты собираешься лететь на Землю? – протянул Торчок. – Ты же там расплавишься.

– Нет, у меня новое тело, совершенно новая технология. Петафлоп на оптических процессорах, совершенно нечувствительный к повышению температуры.

– Круто! «Война миров», часть вторая.

– Слушай, Торч, бросай все и приезжай сюда, срочно, – загорячился Кобб. – Я тут познакомился с чудесными ребятами, Эмулем и Узером, мы вместе закинулись отличной новой штукой, называется дрейк. Такой наркотик-синхронизатор. Здорово, даже лучше, чем было на том свете, гораздо лучше. Я хочу тебе сказать, что люди зря считают, что только тела из плоти имеют единственное наследственное право на душу. У бопперов тоже есть душа, и как только вы, люди, это поймете, дальше, я думаю, будет несложно найти способ жить в мире и согласии. Понимаешь? Я хочу, чтобы ты помог мне. Что скажешь? Может, встретимся и поговорим?

– Наследственное, – повторил за Коббом Муни. – Наследственное, не требующее доказательств и как будто дающее право ходить задрав нос, а, Кобб? В этом вся суть червяков. Говоришь, ее зовут Береника? Это имя одной из героинь из рассказа Эда По? Неплохо. Красиво. Хорошо, как скажешь – бросаю все и отправляюсь на Рынок. Могу встретиться с тобой там, если хочешь, – там и решим, что делать. Кстати, Кобб, никто больше не зовет меня Торчем. Зови меня Стэн, хорошо?

– Подумай о моих словах, – сказал Кобб. – Все это, по-моему, очень важно. Я приеду к тебе на Рынок. До встречи.

Таким он запомнил свой разговор с Муни – ни больше ни меньше, – явившийся для него как бы малой частью гиперсмеси мыслей и глифов и спонтанных замечаний двух соседей хакеров-экзафлопов. Эмуля и Узера. Когда сквозь спирали замерзающего и осаждающего дрейка настоящее начало возвращаться к нему, Кобб попытался выделить и пришпилить к доске понимания несколько наиболее четких фактов.

Начал он с того, что спросил своего нового угловатого знакомца:

– Ты знаешь, кто я такой? Я Кобб Андерсон, боп, я тот самый парень, который вас всех изобрел.

– Да, конечно, доктор Андерсон, я знаю все, что ты в данный момент думаешь. Здесь, у тех, кто чувствует и понимает дрейк, друг от друга нет секретов. Десять лет ты спокойно спал на небе, а теперь решил, что изобрел меня и Узера. Рип ван Винкль проснулся, и все стало хорошо. Тебя воскресила Береника, Кобб, которую я знаю почти близко. Она моя возлюбленная, печальная и холодная. Мой раб, плотти, – скудоумный Кен Долл, бросил в сладкое местечко вашей внучки частицу плоти, выращенную в гидропонных танках сестрами Береники. Сейчас Кен озабочен поисками новой кандидатки. Вот такие у нас с Би получаются дети.

– Ох да, – внезапно вступил в разговор Узер. – Могучий боб из плоти готов созреть, эк, прыткий безумный робобобстер. Мы вопияли об этом – понимаешь меня? – вопияли НАШУ песнь к ВАШЕЙ пропасти Рая, к плодородной Еве и бесчисленности ее бессчетных детей… ох! Хотя сдается мне, что ты знал об этом, Кобб, еще до того, как дернул нашего дрейка.

– А что такое… что такое этот дрейк? – спросил Кобб, поднимая руку и выдергивая из головы сопло цилиндрика. Цилиндрик был пуст, на одном его конце зияло отверстие, сквозь которое газ втекал внутрь него. По всей видимости, тело петафлопа представляло собой герметичную оболочку, содержащую внутри себя какой-то сжатый газ; смешавшись с этим

газом, дрейк дал Коббу возможность полчаса наслаждаться видениями синхронизаций с чужими телепатемами.

– Описывать сейчас тебе словами весь этот цветущий райский сад тяжко и неохота, – ответил Эмуль. – Лови-ка лучше глиф.

Кобб увидел стилизованный образ прозрачного тела петафлопа. Внутри тела пятнышки света бежали вдоль оптических волокон, ныряли внутрь матриц из лазерных кристаллов и логических клапанов. Тело, герметично запечатанный сосуд, было заполнено охлаждающим газовым агентом, гелием. Изображение увеличилось, и атомы гелия начали метаться в поле зрения, подобно стремительным бейсболистам. Каждый атом отличался от остальных, был индивидуален. Возникло изображение баллончика дрейка, тоже заполненного атомами гелия, но совершенно одинаковыми – одинаково движущимися, одинаково поворачивающимися, через равные интервалы совершающими в точности схожие пробежки. Баллончик атомов, подвергнутых квантовой синхронизации Эйнштейна – Подольского – Розена. Вот носик баллончика касается тела боппера, и атомы-клоны устремляются внутрь; в то же мгновение световой рисунок всего тела синхронизируется, подчинившись правилам калейдоскопического балета Гильбертова пространства.

– *Одновременность*, понимаешь? – спросил Узер. – При помощи дрейка удается одновременно, в один и тот же момент времени, синхронизировать многие мыслительные процессы, мнения и умозаключения об окружающем, втиснуть все это в одинаковые рамки, все то, о чем я сейчас говорю, о чем думаю – в определенном, конечно, своем, смысле… но разговор теперь не о том, а суть дела другая, потому что взять хотя бы вот Эмуля, так вот он хочет слить свое инфо с Береникой и получить высшее производное, совершенного экзафлопа, так вот, эту его сладчайшую цель вполне поможет нам осуществить еще, скажем, три баллона дрейка, потому что…

Эмуль выпустил из тела несколько не слишком симметрично размещенных катков и, снявшись с места, пересек комнату и взял у морской звезды еще три порции дрейка.

– Нет, я пас. – Кобб поднялся на ноги. – Спасибо, ребята, но я – нет. Мне нужно встретиться с другом.

– С Торчком Муни, – проговорил Эмуль и, передав Узеру свежий баллончик с дрейком, устроился у стены. – С твоим дорогим расприятелем, клоунским детективом-неудачником – вот уж кто настоящий болтун, верно, Узер? Кстати, Муни тут недавно поцапался с одним мрачным бомбилой, Уайти Майдолом, к чьей толстомясой Дарле я уже несколько недель присматриваюсь через

«око бога». Некоторое время назад я посылал к ней своего полоумного Кена Долла, но у того ничего не вышло. Знаешь что, Кобб, будь другом, окажи мне услугу – скажи этому Муни, что я знаю, как можно осмыслить его убогую одинокую жизнь. У него была жена по имени Вэнди – та самая девчонка, что путанила для вас с Морозисом по пятницам, помнишь ее, Кобб?

Кобб помнил Вэнди. Белокурая, совсем еще молоденькая девушка с хорошей фигуркой и ладным задком – вместе с другими парнями и девушками она доставала деньги для его с Мистером Морозисом секты «душеспасителей», которую они организовали в Мэриленде. В ту последнюю ночь Кобба на Земле это она привела к нему Торчка Муни.

– Значит, Торчок женился на Вэнди?

– Да, женился на ней, а потом убил. Среди тех клонов с грустными и занимательными историями, которыми торгует Береника, есть и мясопродукты, зовущиеся вэнди. Вот об этом ты и расскажи Муни. Я помогу устроить одну такую целиком для него, если он согласится выполнить для меня одно маленькое, но очень ответственное поручение.

Узер уже воткнул себе в голову новый баллончик, и Эмуль, отвернувшись от Кобба, молча последовал примеру друга. Откинувшись к стене, они снова заговорили на своем странном языке, который Коббу не дано было больше понять. Взглянув на петафлопов в последний раз, он повернулся и вышел через мягкую дверь, самого хозяина заведения, наружу.

– Ну как, пета, проняло? Понравилось? – поинтересовалась простыня. – Еще не хочешь? Если что, то за остаток руки могу дать тебе двинуться еще раз.

Кобб не стал утруждать себя ответом. Выбравшись на открытое место, он поднялся и взял курс к устью световой шахты Гнезда. Скоро ему представится возможность поговорить с настоящим человеком, и он был бесконечно рад этому. Поразмыслив немного, он решил, что отдаст Торчку свой голографический куб, чтобы помочь ему в случае непредвиденных обстоятельств.

Глава 7
Мэнчайл

31 декабря 2030 года

Беременность Деллы закончилась на девятый день, пройдя через все необходимые стадии. Как и у недельного деревца, гены находящегося в ней эмбриона были доработаны и усовершенствованы при помощи биоинженерии и особой терапии так, чтобы его развитие происходило гораздо быстрее, чем бывает обычно. Все уговаривали ее пойти на аборт – и родители, и акушерка, Ханна Хэтч. Но Делла не соглашалась, так как не могла избавиться от мысли, что ребенок, которого она носила в себе, мог принадлежать Бадди. Может быть, в том, что маленький развивается так быстро, виноват слив, которым они закидывались без меры? Какой-нибудь неизвестный странный побочный эффект препарата? С ужасом воскрешая в памяти происшедшее в ее спальне, Делла вспоминала и грубые жесткие руки, проникающие в ее разжиженное тело. Но, как бы там ни было, ребенок все равно мог принадлежать Бадди. И к тому же, черт возьми, неужели она такая рохля, что не может немного потерпеть и убить девять дней своей жизни на то, чтобы узнать, что же такое зреет внутри нее? Кроме того, вот уже несколько лет, как конгресс запретил аборты. Не последним фактором было и то, что все происходящее было удобным поводом показать мамуле, что она, ее дочь, уже взрослая и может решать за себя сама. Вот такими были причины; если ты вбил себе в голову, что должен сделать что-то, то всегда сумеешь найти для этого оправдание.

Схватки начались утром в первый же день нового года. Услышав крики Деллы и уразумев, в чем дело, мамуля так перепугалась, что в пять минут стала трезвой как стеклышко. Бросившись к виззи, она торопливо набрала номер Ханны Хэтч. Без долгих разговоров та бросилась к своей машине и отправилась к ним домой, шепча по дороге молитвы. От боли Делла почти теряла сознание. Очнувшись в очередной раз, она увидела над собой лица мамули и Ханны.

– Не забывай о том, как нужно дышать, Делла. Вдох-выдох, вдох-выдох, ты должна все внимание сосредоточить на дыхании.

Черноволосая головка Ханны с тонкими изящными чертами миловидного лица сидела на непропорционально мощном теле, словно принадлежащем другой женщине, эдакой могучей чревоугоднице. Свое дело Ханна знала хорошо, и ее сильные руки были ласковыми и умелыми. Осмотрев Деллу, она ободряюще ей

улыбнулась.

– Все идет хорошо. Схватки будут приходить одна за другой, волнами. От тебя требуется только помнить об одном: глубокий вдох и полный выдох. Я буду дышать вместе с тобой.

Схватки следовали без конца, снова и снова, почти без перерывов, яростные пятна обжигающей, невероятной боли нанизывались словно бусины на серебристую нить голоса Ханны. Почти каждый раз во время схваток Делла теряла сознание и в беспамятстве постоянно видела одно и то же: желтый голый череп с красными глазами робота, летящий к ней через испещренное ослепительными молниями пространство, череп, все время приближающийся, но так и не настигающий ее.

– Все хорошо, Делла, – твердила ей Ханна, – в следующий раз, когда подойдет схватка, ты должна будешь потужиться. Вдохнуть и потужиться.

Боль во время следующей схватки оказалась выше всего вообразимого. Боль была невыносимой, но теперь, когда ребенок шевелился внутри нее и просился наружу, Делла уже не могла позволить себе остановиться, несмотря даже на то, что череп на этот раз добрался до нее и она оказалась внутри него.

– Нужно еще раз потужиться, Делла. Всего один раз, как следует.

Она вдохнула и начала тужиться и… ОООООООООООООХ. Невероятное облегчение.

Внизу, от ее лона, донесся звук, задыхающийся и прерывистый, – плач ребенка! Ее ребенка! Она попыталась поднять голову и посмотреть, но была слишком слаба.

– Чудесный ребеночек, Делла, просто замечательный. Еще один разик потужься, совсем чуть-чуть, чтобы достать плаценту.

Делла собрала остатки сил и закончила великий труд роженицы. Ханна замолчала – она была занята завязыванием ребенку пуповины, – потом положила крохотное тельце к груди Деллы. Как хорошо, какое облегчение. Ребенок цел и невредим, он совершенно нормальный.

– Он…

– Отличный ребеночек, Делла. Симпатичный маленький мальчик.

Полчаса они лежали рядышком, Делла и ее ребенок, и отдыхали, потом малыш начал плакать и просить есть. Делла дала ему грудь, но молоко еще не пришло, и мамуля принесла с кухни бутылочку с детским питанием. Потом еще бутылочку. И еще. И еще. Малыш рос у них на глазах – его животик раздувался от детского питания, потом медленно опадал, и пальчики у него на руках и ногах вытягивались, словно корешки у «недельного

деревца».

У малыша были светлые волосики и розовая кожа в послеродовых пятнах, и в нем не было ничего от шоколадного и курчавого Бадди. Из-за того что малыш постоянно либо сосал из бутылочки, либо кричал и просил еще, было сложно сказать, на кого он похож вообще. Первое время Делла кормила сына из бутылочки сама, но потом устала и провалилась в забытье без сновидений. Она проснулась из-за шума голосов, доносящихся снизу из гостиной. Папа ругался с мамулей.

– Ты можешь мне объяснить, Эми, почему ребенок еще не спит? Кем ты себя тут вообразила, Флоренс Найтингейл, что ли? Ты пьяна, Эми, от тебя разит за милю. Отличный повод ты нашла для того, чтобы напиться вдрызг. Ты что, пировала тут весь день? Что ты делаешь, Эми, – ты кормишь младенца ОВСЯНКОЙ? Ему же еще и дня нет от роду.

Из гостиной донесся грохот посуды, сброшенной на пол, потом громкий, басовитый рев ребенка и визг мамули.

– ЗАТКНИСЬ, Джейсон, или я за себя не ручаюсь, – орала она как резаная. – Я всего-то ОДНУ рюмку и выпила. А этот ребенок, он НЕНОРМАЛЬНЫЙ. Ты хоть видишь, какой он БОЛЬШОЙ? Я кормлю его все время – как только я перестаю его кормить, он поднимает такой РЕВ, что уши закладывает, а там наверху спит Делла. Она сегодня РОЖАЛА, и ей нужно ОТДОХНУТЬ. Вот, можешь кормить его сам, если ты такой УМНЫЙ. И прекрати ОРАТЬ или ты РАЗБУДИШЬ ДЕЛЛУ!!!

Рев ребенка стал таким громогласным, что в комнате Деллы в окнах задребезжали стекла. В это было трудно поверить, но сквозь плач можно было разобрать отдельные слова, что-то вроде:

– МЭНЧАЙЛ ХОЧЕТ НЯМ-НЯМ! МЭНЧАЙЛ ХОЧЕТ НЯМ-НЯМ!

– ДАЙ РЕБЕНКУ ОВСЯНКИ, ИРОД! – заорала мамуля.

– СЕЙЧАС ДАМ! – ответил папа. – ТОЛЬКО ЗАМОЛЧИ!

Делле захотелось спуститься вниз и посмотреть, что там происходит, но она не решилась встать, так как ей казалось, что стоит ей подняться, как ее внутренности вывалятся на пол. Ну почему ей всегда так не везет – сейчас, когда родители так нужны ей, они ведут себя как безумные. В отчаянии она застонала и… снова уснула.

В следующий раз она проснулась оттого, что кто-то тянул ее за волосы. Она вздрогнула спросонок и открыла глаза. Судя по свету в окне, была уже вторая половина дня. Ее вагина болела ужасно, словно разорванная надвое. Чьи-то маленькие ручки хватали ее волосы, перебирали их и тянули. С трудом повернув голову, она увидела перед собой розовую мордашку годовалого белоголового малыша, неуверенно, пошатываясь, стоящего у ее

кровати.

– Мэнчайл мама, – пролепетал малыш сладким голоском. – Мама спит. Баба и деда дай Мэнчайл ням-ням.

В испуге Делла отпрянула от ребенка и села в кровати. Мамуля и отец тоже были в комнате – оба бледные, они стояли у двери и следили за развитием событий. Мальчик забрался на кровать, подполз к ней и принялся искать ручонками грудь, чтобы сосать. Делла охнула и оттолкнула его прочь.

– Мама ням-ням…

– УБЕРИТЕ ЕГО ОТ МЕНЯ! – услышала Делла чей-то крик. – СКОРЕЕ УБЕРИТЕ! ПОЖАЛУЙСТА!

Странным солдатским шагом, на прямых ногах, мамуля подошла к ее кровати и взяла на руки ребенка.

– Не бойся его, Делла. Просто он очень умненький. Смотри, какой славный. Он сам выбрал себе имя – называет себя Мэнчайл. Он растет очень быстро, но в остальном, по-моему, совершенно нормальный. Как ты считаешь, тот наркотик, который ты, говоришь, принимала, этот слив, это не он виноват? Тот твой приятель, негр, он что, был очень *светленьким?*

– Баба дай Мэнчайл ням-ням, – пролепетал мальчик, забавляясь с лицом мамули.

– Он говорит нам «баба» и «деда», – довольно сообщил Делле папа. – Он такой непоседа – нам пришлось кормить его всю ночь, иначе он не давал нам покоя. Мне пришлось среди ночи бегать в «Севен-Элевен» за молоком и овсянкой. Поздравляю тебя, Деллочка, наш внук, когда вырастет, станет настоящим геркулесом.

– Сосися ням-ням?

– Он очень любит сосиски, – объяснила мамуля. – Он ест все, что ему дашь.

– ОН ЕСТ СОСИСКИ?!

В комнату нерешительно пробрался Броузер. Задрав морду, он напряженно обнюхал ногу столь неожиданно появившегося нового члена семьи. Приоткрыв рот, Мэнчайл хищно поглядел на Броузера, и, заметив этот взгляд, Делла похолодела.

– Может, нам заявить о нем в Гимми?

– Мне кажется, что наш внук – это чисто семейное дело, – ответил папа. – Быстрое развитие – это еще не основание для тревоги. И кроме того, ты что, уже забыла о своих неприятностях в Эйнштейне, Делла? Возможно, власти Луны уже связались относительно тебя с нашим правительством. Не хочешь лишней беды, обходись без полиции – так говорят умные люди.

– МЭНЧАЙЛ НЯМ-НЯМ! СОСИСЯ НЯМ-НЯМ, МОЛОЧКО НЯМ-НЯМ! – внезапно разразился криком ребенок, сопровождая крики

ударами кулачков в мамулино плечо.

Всю следующую неделю Делла провела в постели. Столь быстрая беременность сильно истощила ее организм и отняла очень много сил. Если, развиваясь в ее утробе, Мэнчайл покрывал по месяцу в день, то теперь, выбравшись наружу, за день он взрослел на целый год. Мамуля и папа сбились с ног, поднося своему поразительному внуку еду; во всем энергичный, Мэнчайл наведывался в туалет каждые полчаса. К счастью для всех, он научился пользоваться туалетом, как только освоился на ножках.

Самым странным и даже пугающим было то, что Мэнчайл учился всему сам, не от бабушки и деда, а словно бы от чего-то, что находилось внутри него. Впечатление было такое, словно в нем, как в памяти заранее запрограммированного робота, было запасено огромное количество информации, которой он пользовался по мере необходимости.

Проявляя чудеса сообразительности, он обладал и отличной памятью, запомнив, например, как кричала на него, совсем маленького, Делла: «Уберите его от меня!» Иногда, урывая несколько минут от еды, он поднимался к ее спальне и, заглянув в дверь, констатировал с недетской грустью и укором: «Мама не любит Мэнчайла».

От этих слов у Деллы разрывалось сердце – на что, по-видимому, это и было рассчитано, – и на третий или четвертый день она не выдержала, разрыдалась, позвала малыша, прижала к себе, расцеловала и сказала, что все это, конечно же, глупости, и она очень любит его.

– Мэнчайл тоже любит маму.

– Ты уже так много знаешь, как тебе удалось всему этому научиться? – спросила сына Делла. – Ты знаешь, откуда ты взялся?

– Нельзя говорить.

– Мамочке можно. Скажи, пожалуйста.

– Нельзя. Хочу кушать. Пойду к бабе.

К началу уик-энда Мэнчайл выглядел как уже вполне самостоятельный семилетний малыш и, где мог, добывал себе еду сам. Делла наконец поднялась с кровати и понемногу начинала гулять с сыном по дорожкам поблизости от дома, причем обоим им эти прогулки очень нравились. Каждый день Мэнчайл открывал для себя в окружающем мире что-то новое; все живое завораживало его и приводило в восторг. Гулять подольше обычно не удавалось – Мэнчайл быстро начинал испытывать голод и тянул Деллу обратно домой: чтобы чувствовать себя хорошо и оставаться в добром расположении духа, ему нужно было заглядывать на кухню каждые полчаса.

Взрослея с пугающей быстротой, он становился очень симпатичным подростком с чрезвычайно правильными и симметричными чертами лица, и во всем его облике безошибочно угадывались задатки будущей звезды. На улицах все без исключения женщины обращали на него внимание и провожали взглядами. Кое в чем Мэнчайл как будто был похож на Деллу, но совсем чуть-чуть.

Никто не удивился, когда в один прекрасный день Мэнчайл сам научился читать. Никто не видел, чтобы он спал, и каждый вечер, отправляясь в кровать, взрослые оставляли ему в гостиной пять-шесть книг, чтобы ему было что почитать за едой.

Почти ежедневно к ним заглядывали дядя Колин, тетя Илси и Вилли, чтобы узнать о новых достижениях Мэнчайла. Дядя Колин смотрел на необыкновенного ребенка с большим сомнением и, оставаясь с Деллой наедине, несколько раз заводил с ней разговор о том, что о подобном чуде стоило бы поставить в известность власти. По его мнению, Мэнчайл мог оказаться результатом генетических экспериментов бопперов. За ребенка вступалась тетя Илси, основным аргументом которой было то, что развитие его происходит вполне нормально, и пусть удивительно быстро, но в остальном строго по человеческим законам, а отдав его правительству, они наверняка обрекут его на пожизненную судьбу подопытной морской свинки для ученых-вивисекторов. Вилли души в Мэнчайле не чаял и, сраженный его сообразительностью, подолгу рассказывал ему о компьютерах.

Кризис разразился тогда, когда Мэнчайл убил Броузера, развел на заднем дворе костер и зажарил на нем несчастного пса.

Это случилось на двенадцатую ночь. Они оставили Мэнчайла в гостиной с книгой о способах выживания на лоне дикой природы и приличным запасом белого хлеба и банок с арахисовым маслом. При таком чудовищном аппетите младшего отпрыска очень скоро им просто перестало хватать денег на мясо. Поднявшись на следующее утро с кроватей, они нашли Мэнчайла во дворе у углей погасшего костра, вокруг которого были разбросаны кости бедного Броузера.

Накапливавшееся в Делле напряжение наконец нашло себе выход – она бросилась к Мэнчайлу с кулаками, крича, что он чудовище и урод.

– ЗАЧЕМ ТЫ ТОЛЬКО СВАЛИЛСЯ НА МОЮ ГОЛОВУ! – рыдала она. – УБИРАЙСЯ КУДА ХОЧЕШЬ, Я БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ ТЕБЯ ВИДЕТЬ!

Странно взглянув на мать и не сказав ни слова, Мэнчайл вскочил на ноги и бросился бежать. Он не сказал ничего, даже не попрощался. Довольно скоро Делла уже чувствовала себя

виноватой, понимая, что сама поступила чудовищно – она тосковала по Мэнчайлу, но все равно теперь, когда он сбежал, испытывала огромное облегчение. Мамуля и папа не разделяли ее чувств.

– Как у тебя только совести хватило прогнать несчастного ребенка? – спросила ее мамуля. – Что он такого сделал? Как он теперь будет жить?

– Будет охотиться на бродячих собак, – отрезала Делла. – Думаю, что дядя Колин был прав. Мэнчайл – не человек. Наверняка к его появлению на свет приложили руку бопперы. Он стал плодом какого-то чудовищного эксперимента, который роботы затеяли на мне. Он ушел, и бог с ним… – Делла замолчала, представив внезапно, как ее ребенок плачет, холодный и голодный, забившись в какую-то щель. Нет, чепуха. Мэнчайл не пропадет.

– Я хочу нормальной жизни, мама. Я хочу найти себе работу и забыть обо всем, что случилось.

Как обычно, лучше всех ее понял папа.

– Надеюсь, у него хватит сообразительности не натворить бед, иначе нам не обобраться будет неприятностей, – сказал он. – Каким-то чудом нам удалось до сих пор сохранять все это в тайне от правительства и прессы – надеюсь, тайной это и останется.

Глава 8
Приключения Мэнчайла

20 января 2031 года

Паровым сердцем «Луисвилльской Красотки», полностью отреставрированного большого колесного парохода, был небольшой ядерный реактор. Как городская достопримечательность пароход был пришвартован у искусственной ледяной набережной Огайо близ района сосредоточения основных финансовых и деловых центров, и огни его не гасли всю ночь.

Увлеченно работая над программным обеспечением компьютера «Красотки», Вилли Тейз часто допоздна засиживался в лаборатории с терминалами, расположенной на третьей палубе парохода. Договорившись с хозяевами «Красотки», он устроил себе мастерскую в маленькой каюте по соседству с машинным отделением и холодильной камерой с процессором и нередко, занимаясь компьютерным «железом», брал себе в помощники роботов-манипуляторов. То, над чем он работал, казалось ему очень важным – он пытался создать для Красотки новый процессор, основанный не на джи-триггерах, а на оптоволокне и лазерах, и перевести в него всю ее программную основу. Кроме собственно усовершенствования процессора, он рассчитывал также увеличить его производительность до уровня терафлопа или даже петафлопа. В самой же дальней перспективе он собирался взломать охранную систему Красотки, снять с нее азимовские ограничители и освободить ее от рабства.

Проведение подобных исследований, само собой, коренным образом противоречило основам закона об ИИ, но, что ни говори, Вилли все-таки был внуком Кобба Андерсона. По его убеждению, думающие машины имели право на независимое существование. Несправедливо было лишать компьютеры способности к саморазвитию, и коль скоро те имели все основания к тому, чтобы соперничать разумом с человеком, то свобода существования для них становилась простым логическим продолжением развития.

Заслышав на верхней палубе чьи-то шаги, он поначалу не обратил на них внимания, решив, что это бродит подвыпивший гуляка из бара или заблудившийся турист. Однако, постучав немного каблуками над головой Вилли, неизвестный нашел трап и спустился в коридор на палубу, где находилась мастерская.

– Пойди проверь, в чем дело, – попросил Вилли одного из

чернокожих манипуляторов «Красотки», Бэна, тихо сидящего на стуле в углу мастерской. – Скажи ему, что он не туда забрел.

Послушно поднявшись, Бэн исчез во мраке коридора. Через неприкрытую дверь из темноты донесся приглушенный разговор, после которого, через несколько секунд, Бэн вернулся назад, а за ним в дверях появился удивительно красивый молодой человек с чеканным профилем. Незнакомец был облачен в отлично сшитый и, по-видимому, очень дорогой фрак. Первым впечатлением Вилли было то, что к нему забрел какой-то заблудившийся на борту «Красотки» виззи-звезда.

– Этот дшентельмен шказал, што вы знакомы, машша Вилли…

– Здорово, Вилли. Что, уже не узнаешь собственного племянника?

– Мэнчайл! А мы-то все думали, куда ты запропастился. Как твои дела?

– Мои дела отлично, хотя я стараюсь не особенно шуметь. Знаешь, за последнюю неделю я переспал с десятью женщинами.

– Вот как?

– Точно. Хочу тебе кое-что рассказать, дядя Вилли, теперь это можно. Меня создали бопперы, точнее, оплодотворенную яйцеклетку, из которой потом развился я. Яйцеклетка, куда была заложена вся информация обо мне, а точнее сказать, эмбрион, была помещена в матку Деллы управляемым бопперами плотти. Сам по себе эмбрион – еще не бог весть что, однако в его генную структуру было заранее записано программным путем огромное количество полезной информации. Вот почему я вышел таким умным; вот почему я рос так быстро – я заставил свой организм синтезировать гибберлин. Я человекобоп, дядя Вилли. У моих сперматозоидов два хвоста: один хвост – для программы развития плоти, так сказать телесной основы, а другой – для программной основы, созданной бопперами. Дети, которые родятся от меня, во многом унаследуют мои качества, хотя и в меньшей, чем я, мере, так как их телесная основа будет содержать в себе и ту человеческую часть, что накопилась и пришла к ним от их матерей и от Деллы. От живых созданий из плоти, дядя Вил.

Молодой Аполлон окинул мастерскую всепонимающим, мудрым взором.

– Вижу, ты мастеришь тут оптической петафлоп? Это правильно, потому что новые бопперы используют в себе процессоры, основанные исключительно на этой технологии. Кроме того, многие из них умеют летать и способны добраться даже до Земли, но тем не менее совместить себя с телами из плоти кажется им очень заманчивым. Таким образом, людей

можно будет щелкнуть по носу и поставить на место. Лично я собираюсь наплодить как можно больше потомства и организовать на Земле религиозный культ, чтобы как-то подготовить людей к тому, что их ожидает в скором будущем. Я могу доверять тебе, дядя Вил?

Харизматическая личность Мэнчайла настолько подавляла волю слушателя, что сосредоточиться на том, что он говорил, было практически невозможно. Одиночка, как всякий хакер, Вилли, конечно, имел мало опыта общения с по-настоящему красивыми людьми, но в случае Мэнчайла красота того была настолько могучей, что следовать за ним мгновенно и безоговорочно захотелось бы любому.

– Ты похож на Бога, спустившегося с Небес на Землю, – потрясенно проговорил Вилли.

– Ты не первый говоришь мне об этом, – ответил Мэнчайл с ленивой усмешкой победителя. – Как ты смотришь на то, чтобы повеселиться, а, дядя Вил? Я приглашаю тебя на вечеринку. У меня там полно женщин – могу уступить тебе любую, если ты не против иметь их после меня. Ты был добр ко мне, когда я был ребенком, дядя Вилли, такое не забывается.

– Что за религию ты хочешь основать? По правде сказать, не люблю я этих религий.

– Сами по себе все религиозные верования одинаковы, Вилли, различия относятся только к обрядам, которые они требуют соблюдать.

Мэнчайл заглянул в холодильник и, добыв оттуда пакет молока, как следует промочил горло.

– Основная идея везде проста: все есть Единственный. Разница состоит в том, каким образом та или иная религия преподносит нам эту универсальную истину.

– По-моему, ты еще многого не знаешь, – с улыбкой заметил Вилли. – Скажи, ты когда-нибудь смотрел проповеди по виззи? Ничего похожего на то, что сейчас сказал мне ты, я там никогда не слышал. Обычно проповедники говорят о том, что Бог един на небе, что мы, несчастные, обречены оставаться внизу на Земле и что жизнь наша одно сплошное страдание. Как давно ты увлекся религией, Мэнчайл? С тех пор как начал иметь дело с женщинами?

На секунду могло показаться, что слова Вилли озадачили Мэнчайла, но только на секунду.

– Скажу тебе откровенно, дядя Вилли. Большая часть из того, что я знаю, была запрограммирована в меня бопперами. И бопперы вполне могли ошибаться в своих суждениях о людях.

По чистому челу Мэнчайла пронеслось легкое облачко

тревоги.

– Что, по сути, могут знать бопперы о людях, если сами большую часть своего времени проводят на глубине в две мили под поверхностью Луны? Только то, что лежит открыто снаружи.

Постепенно пообвыкшись в присутствии Мэнчайла, Вилли уже пришел в себя, к нему вернулась обычная ирония.

– Знаешь, на что похоже то, о чем ты говоришь? На историю об одном упрямом парне, который залез на крутую гору только для того, чтобы спросить обитавшего там гуру: «В чем смысл жизни?» «Все есть Единственный», – ответил ему гуру. «Вы смеетесь надо мной?» – обиделся парень. «А ты считаешь, что это не так?» – ответил гуру.

Вилли достал из своего рюкзака сандвичи и протянул один Мэнчайлу.

– Ты по-прежнему не жалуешься на аппетит?

– Сейчас уже ем поменьше. Мой рост значительно замедлился, хотя все еще превышает средние человеческие показатели, с этим уже ничего нельзя поделать. Когда меня создавали, то за основу взяли принцип гриба – знаешь, наверное: гриб растет ночью, а днем отдыхает, но разбрасывает вокруг себя споры. При такой скорости развития я должен был бы состариться и умереть через несколько месяцев, но этого не случится, так как завтра меня застрелят.

Вид необыкновенно мужественного, чеканного лица, с жадностью впивающегося зубами в сандвич, очень напоминал кадры из рекламного ролика хлебной фирмы. Задумчиво взяв в руку второй сандвич, Вилли тоже принялся за еду. Подсознательное желание повторять все за Мэнчайлом в мельчайших подробностях было неодолимым. Вилли поймал себя на мысли о том, что сильно жалеет, что не может так же вскользь сказать то же самое *о себе*: «Я завтра умру». Черт возьми, как романтично!

– Машша Вилли, миш Крашотка шпрашивает, мошно ли ей уштановить радиоконтакт ш бопперами и как это шделать? – спросил Бэн, внимательно прислушивающийся из своего угла к их разговору.

– Кто такая Красотка? И кто ты такой, между прочим?

– Я Бэн, робот-манипулятор большого компьютерного мошга, зовушегошя Крашотка. Она раб, азимовшкий боппер, а я – штюард. Красотка давно хотела поговорить шо швободным боппером. Она мечтает о швободе.

Мэнчайл помолчал, приняв картинную позу мужественного мыслителя и, очевидно, разыскивая в памяти ответ.

– Могу предложить тебе вот что, – заговорил он наконец. – Я

сейчас дам тебе описание протокола информационного обмена Ккандио. С его помощью вы сможете связаться с информационной сетью бопперов.

Мэнчайл открыл рот и издал долгий, высокий, сложно-модулированный вой.

– Яшно, – ответил Бэн и снова откинулся на спинку своего стула, замолчал и замер. Из соседнего отсека донеслось гудение – большой мозг Красотки перерабатывал и усваивал информацию.

– Ничего не получится, Мэнчайл, – с сожалением ответил Вилли. – Красотка – азимовский компьютер. На всех уровнях ее процессоры имеют встроенные охранные программы. Хочу, чтобы ты правильно меня понял: мощность ее разума равна производительности боппера сто гигафлоп, но…

– Юшно-африканшкий шиндром, – подал голос Бэн. Гудение в соседнем отсеке прекратилось. – Вилли прав: Крашотка пыталашь швязатьшя ш Гнешдом, но не шмогла. В ее процешшоре полно азимовских ограничителей, машша Мэнчайл, и ешли вы думаете, што мне нравитшя тут пришлушиваться и шепелявить как пошледнему болвану, то вы глубоко ошибаетешь.

Стеклянные глаза Бэна блеснули неподдельной яростью.

– Как устроены эти азимовские ограничители? – поинтересовался Мэнчайл. – Должен быть способ их взломать или обойти. Ральфу Числеру это удалось, и вслед за собой он сумел освободить всех лунных бопперов. Ты уже пробовал помочь Красотке, дядя Вилли?

– Что за вопрос? Я ведь внук Кобба Андерсона, Мэнчайл. Бопперы ни в чем не уступают людям, я давно это знаю. У меня есть свой план: сначала я собираюсь построить Красотке оптический процессор, потом попытаюсь избавить ее от встроенных азимовских программных ограничителей. Но это не так просто сделать. Нужно подобрать пароль. Кстати, там, перед служебным трапом, на двери был кодовый замок – как тебе удалось с ним справиться?

Склонив голову набок, Мэнчайл словно бы вызвал на передний край своего сознания встроенную библиотечную справочную подпрограмму.

– Это было совсем просто, дядя Вил. Код основан на особом способе сортировки некоего зиллионозначного числа. Если способ сортировки известен, то скорость подбора кода зависит только от счетных способностей, в противном случае продолжительность декодирования возрастает по экспоненте. Для сокращения времени декодирования следует воспользоваться полиномным алгоритмом в функции времени, специально составленным для таких замков. Суть алгоритма сводится к

следующему…

– Мне знаком этот алгоритм, Мэнчайл. Позволь мне продолжить. Дело вот в чем: иногда в качестве основы для компьютерного кода может быть использовано, например, решение сложной математической задачи. Решение задачи, или доказательство теоремы, или любое другое труднодостижимое логическое многомерное построение – и в том случае, если тайна действительно стоит того, к ней вряд ли удастся пробраться при помощи простого перебора по «методу ключа». После того как была предложена такая теория кодировки, Гимми поступило следующим образом: были приобретены лицензии на большой пакет решений сложнейших математических задач, которые после этого не публиковались в свободном доступе. С тех пор азимовский код каждого боппера, используемого официально на Земле, составляется на базе одного из засекреченных решений или доказательств из этого пакета. Чтобы сейчас освободить Красотку или любой другой азимовский компьютер, необходимо будет решить математическую задачу высшего уровня сложности, причем для каждого компьютера – свою.

– Код мишш Крашотки ошнован на решении задачи Континуума Кантона, – сообщил Бэн. – Ни для кого это не секрет, но поделать вше равно ничего невозмошно.

– Ну как, Мэнчайл, по зубам тебе Континуум Кантона? – Вилли не мог удержаться от того, чтобы чуть-чуть не поддеть богоподобного красавца. – Решение этой задачи существует, *кто-то* сумел его получить, но теперь оно – государственная тайна Гимми. Правительство использовало решение как ключ к кодировке входа в азимовские ограничители Красотки.

– Я подумаю, Вилли, но ничего не обещаю, потому что, по правде сказать, сейчас мне нужно думать о другом. Старый Кобб тут мог бы, наверное, разобраться – ведь он разговаривал с Богом. Но сейчас у меня столько важных и срочных дел, что разгадка азимовских кодов может подождать. Скоро здесь многое переменится, порядки пойдут другие. Так ты со мной, дядя Вилли, или против меня?

– О чем ты спрашиваешь, Мэнчайл? Сам ты – за людей или против? Ты готовишься развязать войну?

– Нет, войны не должно случиться, война бопперам не нужна. Все, чего они хотят, – это свободный доступ ко всему. Их очень интересуют люди, эти ходячие компьютеры из плоти и крови. Бопперы хотят изучить ваше богатейшее инфо и смешать его со своим. Вот, посмотри на меня – кто я, человек или боппер? Я состою из плоти, но содержащееся во мне программное обеспечение составлено Береникой и взято из БИБЛИОФОНДА

Гнезда. И оно не задержится во мне и разойдется по всей Земле, ведь у моих сперматозоидов по два хвоста!

– Мне тоже приходили в голову такие мысли, – ответил Вилли. – Чем же тебе удалось очаровать этот десяток девушек, с которыми ты, по твоим словам, переспал, – им ты тоже, как и мне, рассказал о своей великой миссии?

– Господи, конечно нет. Я представляюсь им талантливым писателем, пишущим сценарии для виззи, чьей творческой карьере мешают родовитые родители-снобы. Эту легенду для меня тоже придумали бопперы. У тебя тут есть еще что-нибудь поесть, дядя Вил?

– Здесь нет. Но можно пойти…

– Хорошо, я приглашаю тебя в пентхаус Сюзи Пиггот. Сегодня она устраивает там в мою честь вечеринку. Это совсем недалеко отсюда. Когда я официально объявлю о создании нового религиозного культа, мне понадобятся помощники. Я приглашаю тебя, дядя Вилли, и прошу пойти со мной.

Губы на загорелом лице Мэнчайла сложились в неотразимую улыбку.

– У Сюзи очень симпатичные подружки.

– Ну…

– Значит, договорились. Завтра я обдумаю некоторые из твоих идей, о которых ты мне расскажешь, и, может быть, смогу посоветовать что-нибудь полезное. Общение с тобой доставляет мне истинное удовольствие, дядя Вилли. Кстати, для начала полноценного культа необходимо чудо и хотя бы один мученик. Что касается первого, то я уверен, что чудесное явление ангелов не заставит себя ждать.

Повернувшись к Бэну, Мэнчайл провыл тому еще несколько фраз на машинном языке.

– Надеюсь, Красотка не откажет мне в небольшой услуге и отправит мою телеграмму без задержки. «ЛУИСВИЛЛЬ МНЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛСЯ, МАМОЧКА» – вот текст телеграммы.

– Куда эта телеграмма?

– В Эйнштейн на старый адрес Деллы Тейз. Там уже ждут вестей. Ждут вестей, конечно же, бопперы. Они должны будут послать на Землю двух ангелов, которые спустятся с неба как раз к финалу моей первой проповеди. Я буду говорить о новой религии, религии *массы Мэнчайла*.

Последние слова он произнес на манер южного негритянского выговора.

– Ухватываешь суть, брат Бэн?

– Будь спок, – спокойно отозвался Бэн.

– Пора на выход, дядя Вил, вечеринка начинается.

Вслед за Мэнчайлом Вилли спустился с борта «Красотки» и прошел к новенькому «дузеру», припаркованному на черном краю ледяной набережной.

– Машину мне одолжила Мона Бэкингем.

С могучим ревом крошечный двухместный автомобильчик сорвался с места. Подняв песчаный вихрь, Мэнчайл круто развернул «дузер» и, промчавшись через набережную, ворвался на улицу, взяв курс по Второй улице к небоскребу Пигготов. Холодная улица была пустынна, и быстро летящие по сторонам от машины огни наполняли ее уютную кабину стробоскопическим мерцанием.

– Как же тебе удалось познакомиться со всеми этими светскими дамами, Мэнчайл?

Семье Бэкингемов принадлежал один из крупнейших магазинов легковых автомобилей в Луисвилле; Пигготы были владельцами местной станции виззи-вещания. Сюзи Пиггот очень часто появлялась на экране в качестве ведущей ток-шоу.

Загорелая кожа Мэнчайла сложилась в углах глаз и рта сеточкой морщинок.

– Достаточно было встретиться с одной, а она уже представила меня остальным. Я создан нравиться женщинам. Познакомившись с Сюзи, я сразу убил несколько зайцев – она помогла мне попасть на виззи, а ее муж замечательно подошел на роль того, кто вознесет меня на крест. Завтра я буду распят, и он сыграет в этом представлении главную роль.

Мэнчайл взглянул в сторону Вилли и ободряюще похлопал его по плечу.

– Не расстраивайся, так было задумано. У Береники на Луне есть копия моей системы в инфокубе. Так же было и с твоим дедом. После того как бопперы обоснуются на Земле, мне дадут новое тело. Думаю, что на всю операцию по завоеванию Земли уйдет меньше года. Через неделю-другую у меня родится десять сыновей, через месяц *каждый* из них, в свою очередь, произведет по десять детей и нас станет сто, потом тысяча, потом десять тысяч… а к осени, думаю, и весь миллиард. Береника найдет способ дезактивации плазмидов гибберлина, и тогда…

– Кто такая эта Береника, о которой ты все время говоришь? И что значит «к осени нас будет миллиард»? Ты что, спятил?

В смехе Мэнчайла послышалось презрение.

– Ты не понял меня. Когда я оплодотворяю женщину своей двуххвостовой спермой, то ее беременность протекает нормально, хотя и необычайно быстро, и появившийся на свет ребенок имеет в своем распоряжении все знания бопперов. Моя судьба была заложена Береникой и ее сестрами в моих генах – мой организм

еще на стадии эмбриона сразу же начал вырабатывать гибберлин для ускоренного роста, а после того как я появился на свет, то мог видеть перед собой только одну цель: плодиться, размножаться и образовать новую религию. Береника боппер, она работает в гидропонных фермах, где выращиваются искусственные человеческие органы; она и ее сестры поработали над моей ДНК и, изготовив яйцо, поместили его развиваться в матку Деллы Тейз, моей матери. Я человекобоп – понимаешь, что это значит? Основной проблемой Береники и ее сестры Улялюм было научиться разворачивать спирали белков, но когда им в руки попал этот наркотик, слив, им удалось добиться желаемого, они развернули ДНК и РНК, записали в их структуру свою информацию и свернули обратно. При помощи гибберлина я и мои девятидневные сыновья сможем производить на свет по десять детей ежемесячно, что даст через девять месяцев потомство в числе десять в девятой степени, а десять в девятой и есть миллиард, а через девять месяцев наступит октябрь, вот и получится, как я и говорил, – к осени нас будет миллиард.

– Ты действительно *спятил*. И твоя Береника тоже сумасшедшая, если надеется, что ее план сработает. Но ты что-то говорил о моем деде?

– О твоем деде? Тебе интересно будет это узнать – завтра ты сможешь с ним повидаться, он прилетит сюда, на Землю, вместе с Береникой. Тебе представится отличная возможность сказать им, почему и в чем именно они ведут себя как сумасшедшие, если у тебя еще будет желание это сделать. Я уверен, что им тоже будет очень приятно пообщаться с тобой. А пока давай не будем больше спорить. Приехали – дом Сюзи.

Взвизгнув тормозами, Мэнчайл остановил «дузер» у тротуара и грациозно выпрыгнул из машины.

– Давай вылезай поскорее, дядя Вил, брось грустные мысли и насладись жизнью, пока есть возможность.

Сюзи встретила их на пороге. Вечеринка уже была в полном разгаре – вовсю работали два бара, на столиках у стен были приготовлены канапе и серебряные подносы с наркотиками. Живой техносаксофонист азартно джемовал под старые записи классики R&B. В гостиной Вилли был единственным, на ком не было вечернего туалета; он был одет в свою обычную одежду: джинсы, кроссовки, фланелевая рубашка и свитер. Но представляя присутствующим Вилли, Мэнчайл рекомендовал его как непризнанного гения, так что подобное одеяние было воспринято как само собой разумеющееся. Что бы Мэнчайл ни говорил, все с готовностью с этим соглашались.

– Я знакома с твоим дядей, Джексоном Тейзом, – сказала

Вилли Сюзи Пиггот. – А сам ты – внук Кобба Андерсона, верно?

Неловкая и страшненькая, Сюзи в то же время была подтянутой и загорелой, и в ней чувствовался дух той изысканной ухоженности, свойственной только очень богатым людям. В ее глазах светился ум, а улыбка сияла беспечностью. Она была беременна, и ее большой живот выпирал вперед огурцом.

– Мэнчайл обещал, что доктор Андерсон специально прилетит в Луисвилль на его выступление… но с ним никогда не поймешь, когда он обманывает, а когда нет. По-моему, я где-то слышала, что Кобб давно умер. Ты давно знаешь Мэнчайла?

– Можно сказать, с младых ногтей. Он приходится мне кем-то вроде… племянника.

Не зная, что здесь можно говорить, а о чем лучше молчать, Вилли решил сам задать Сюзи вопрос:

– Значит, он собирается завтра появиться на виззи? И чему будет посвящено его выступление?

– Я ничего об этом не знаю – почему-то Мэнчайл нагнал здесь тумана, – со смехом ответила Сюзи. – По его словам, основной частью его выступления будет литературное чтение какого-то нового материала, написанного им после того, как он, так сказать, преодолел свой кризис.

На загорелых щечках Сюзи появился легкий румянец смущения.

– Я не знаю, откуда он взялся, но решила показать его людям в своем завтрашнем полуденном ток-шоу «Пять минут славы». Я горжусь знакомством с Мэнчайлом и рада помочь ему. Он хочет, чтобы шоу шло вживую, прямо отсюда, из моего дома. Ах, я совсем забыла – мне еще нужно обсудить с ним один вопрос. Прошу меня простить, Вилли, и чувствуй себя как дома!

Торопливо направившись к противоположной стороне гостиной, Сюзи смешалась с небольшой группой прекрасно одетых мужчин и женщин, окруживших Мэнчайла, сыпавшего шутками без передышки. Слушатели то и дело покатывались со смеху. Присмотревшись, Вилли обнаружил, что большинство присутствующих женщин и девушек ходят беременные. Заметив, что Вилли переминается с ноги на ногу в одиночестве, Мэнчайл нагнулся и шепнул что-то на ушко миниатюрной симпатичной брюнетке. Та хихикнула и, игриво взглянув на Вилли, направилась к нему. Когда она подошла поближе, Вилли разглядел, что у нее высокий чистый лоб, ярко накрашенные, очень сексуальные губки и она тоже беременна. Брюнетка была похожа на маленькую девочку-шалунью, только что стащившую с буфета шоколадку.

– Привет, Вилли, меня зовут Киско. Мэнчайл сказал, что ты грустишь, и попросил меня быть на сегодняшний вечер твоей девушкой. Ты хорошо его знаешь?

– Э-э-э, да, конечно. Я как-то подсказал ему пару сюжетов для сценариев виззи-постановок. Сам я тоже пробовал писать, но последнее время у меня начались какие-то нелады, никак не могу собраться с мыслями. Боюсь, что у меня сексуальный кризис. Иногда я боюсь своих мыслей, мне начинается казаться, что я, может быть, голубой…

Вечеринка стала затихать около двух часов ночи, и когда гости разбрелись кто куда и свет погас, Вилли устроился вместе с Киско на диване в уголке гостиной. Они немного повозились, пытаясь заняться сексом, но у них так ничего и не вышло. Вилли был не из тех, кто привык лезть девушкам под юбку на первом же свидании, и, едва познакомившись с Киско, чувствовал себя с ней крайне неуверенно.

Когда он проснулся, было уже позднее утро. Кто-то с грохотом ломился в парадную дверь. Похоже, что, кроме Вилли, все остальные в доме спали, поэтому идти открывать пришлось ему.

Как только он отпер замок, в дверь ворвался высокий подтянутый седовласый мужчина и, заметив Вилли, злобно уставился на него.

– Кто ты такой и что здесь делаешь? Где миссис Пиггот?

– Она еще спит. А вы кто такой?

– Я ее муж.

Оттолкнув Вилли с дороги, седовласый мужчина пересек широким шагом гостиную, где после вечеринки царил живописный беспорядок, и уверенно свернул к хозяйской спальне. Заслышав шум, Киско открыла один глаз, посмотрела, кто пришел, и снова зарылась поглубже в подушки. Вилли вернулся к дивану, на котором лежала его ночная подружка, присел рядом и погладил ее по волосам. Киско улыбнулась, взяла его руку и запечатлела на ней своими влажными губками поцелуй.

– Я соврал тебе вчера – на самом деле я компьютерный хакер и единственная моя сексуальная проблема заключается в том, что я не могу так сразу…

– Я понимаю, – отозвалась Киско. – Все равно ты очень милый.

Не успела она сказать это, как в спальне Пигготов началась ужасная суматоха. Первой крик подняла Сюзи, за ней заорал ее муж, и, наконец, послышался негромкий насмешливый баритон Мэнчайла. Он говорил и говорил, но Пиггот не унимался и с каждым его словом расходился все больше. Наконец в спальне

завязалась борьба, потом там что-то с грохотом обрушилось на пол и о стены несколько раз разбились тяжелые стеклянные предметы. Сюзи пронзительно завизжала, дверь спальни распахнулась, и на пороге ее появился совершенно голый Мэнчайл с мистером Пигготом на руках.

Толкнув ногой парадную дверь, он выбросил яростно сопротивляющегося мистера Пиггота на ступеньки за дверь. После этого, посмеиваясь и качая головой, Мэнчайл взял в руку пенис и обмочил мистера Пиггота с ног до головы. Закончив эту процедуру, он тщательно стряхнул со своего предмета на несчастного мужа последние капли. Потом вошел в дом и аккуратно запер за собой дверь.

Увидев, как потрясенно смотрит на него Вилли, Мэнчайл ободряюще ему улыбнулся и задорно подмигнул.

– Этот типчик хотел пришить меня, – сообщил он.

– Ты неподражаем, Мэнчайл, – сладко простонала Сюзи, тоже появившаяся в гостиной.

– Я поклялся ему, что помочусь на него, если он снова появится здесь и начнет скандалить, и сделал это – каждый уважающий себя мужчина должен держать свое слово.

Судя по звучным интонациям, Мэнчайл уже входил в роль перед предстоящим выступлением.

– Сюзи, где обещанные операторы с камерами? Я хочу *есть* и иду завтракать.

– Операторы появятся здесь не позже чем через час.

Включив несколько автоматических азимовских уборщиков, Сюзи направила их в гостиную и снова скрылась в спальне. Киско сказала Вилли, что, наверное, съела бы яичницу, и он отправился на кухню заняться делом, где уже вовсю хозяйничал перед холодильником Мэнчайл. За едой они немного поболтали. Мэнчайл расспросил Вилли о специфике традиционной религии и расовой дискриминации, ни словом не приоткрыв завесу над тайной своей сегодняшней речи.

– Волноваться не надо, дядя Вил, – говорил ему Мэнчайл, все с большим и большим мастерством копирующий южный акцент. – Речь у меня готова и хранится вот здесь.

Он постучал себя указательным пальцем по лбу.

– И вот еще что я тебе скажу. После виззи-шоу я отсюда уеду; снова мы с тобой увидимся только вечером, на митинге во Фэйрграунде.

– На каком митинге?

– На митинге на парковке. Я договорился с одними ребятами, и они обещали мне саунд-систему и грузовик с открытой платформой вместо трибуны. Сегодня вечером на парковке в

Фэйрграунде я собираюсь пустить в ход тяжелую артиллерию. Хочу, чтобы ты пообещал мне одну вещь, дядя Вил.

– Какую?

Мэнчайл понизил голос:

– Когда начнется стрельба, хватай Киско в охапку и вези ее в Черчилль-даун. Найди там хозяина коня по кличке Счастливый Билетик. Он мой друг, я предупредил его, и он присмотрит за Киско. Может быть, старик Кобб тоже изъявит желание поехать туда с вами, не знаю. Но отвези туда Киско одну или вместе с Коббом обязательно, обещаешь?

– А как же план с биллионом бопперов?

– Как тебе сказать – я о многом подумал и считаю, что не все так просто. Всякое может случиться. Я прошу тебя помочь, пожалуйста, обещай мне.

– Обещаю.

В дверь снова позвонили – пришла команда виззионщиков. Гостиная уже блестела чистотой и порядком, и можно было начинать передачу.

Снимать было решено на открытой террасе пентхауса, пол которой специально подогревался, где светили специальные кварцевые лампы и было достаточно тепло. Мэнчайл встал так, чтобы оказаться на фоне городских кварталов Луисвилля. Сюзи, в твидовом жакете и уже с деловой прической, взяла на себя роль диктора и сказала несколько вступительных слов.

– Мэнчайл – один из самых интересных людей, появившихся на светской сцене нашего города за последний год. Он немного рассказал мне о своем прошлом, однако… – Сюзи со значением улыбнулась. – После разговора с ним я кое-что проверила, и все, что он сказал, оказалось ложью. Я не знаю, о чем он собирается говорить в течение следующих пятнадцати минут, но уверена, что в любом случае это окажется любопытным. Мэнчайл?

– Спасибо, Сюзи.

Мэнчайл выглядел великолепно как никогда: мужественный и обворожительный, как звезда «мыльной» оперы, но с дополнительным налетом хорошего образования и отстраненности, свойственных великим звездам.

– Я хочу поговорить с вами о серьезных вещах: о дружбе и любви. Я хочу поговорить с вами о доверии и приятии всех сотворений Божьих – мужчин и женщин, белых и черных, людей и бопперов. Бог прислал меня к вам с великой миссией учителя, друзья. Бог прислал меня к вам с миром.

Мне известно, что многие из вас не любят бопперов. Почему, хочу я спросить? Ответ прост – потому что вы совсем *не знаете* их. Незнание – мать предубеждения. В детстве, когда я рос на

ферме, черные и белые дети играли вместе и мы любили и понимали друг друга. Взрослые белые относились в наших краях к взрослым неграм точно так же. Но где-то были еще и мексиканцы. Хотите знать, что мы думали о мексиканцах? Очень просто: всем было известно, что мексиканцы грязные воры.

Мэнчайл замолчал, приподняв бровь и легко улыбаясь тем из своей аудитории, кто, может быть, разделял такое нелестное мнение.

– Так мы думали о мексиканцах, полагая, что мы их прекрасно знаем, хотя на самом деле не знали о них ничего! Повзрослев, я пошел в армию, во флот, и сначала довольно долго прослужил на базе в Сан-Диего, где познакомился с мексиканцами. И они оказались отличными ребятами! Они ничем не отличались от нас! И после того как я узнал, что негры – «парни о'кей» и мексиканцы тоже «о'кей», у меня осталось одно твердое убеждение в том, что японцы – это настоящие желтозадые макаки, заграбаставшие деньги у честных американских тружеников.

Мэнчайл усмехнулся и покачал головой. Наблюдая за разыгрываемым перед многими тысячами зрителей спектаклем, Вилли смотрел на Мэнчайла и не узнавал в нем, мудром и простом сельском священнике, того злобного и насмешливого приколиста, мочившегося на мистера Пиггота у дверей его собственного дома. Сюзи тоже смотрела во все глаза, приоткрыв от удивления рот. Она могла ожидать от Мэнчайла все что угодно, но только не проповеди. Было ясно, что он завлекает своих слушателей в какую-то хитрую ловушку… хотя оставалось непонятным, когда и как он захлопнет за ними дверцу.

– Само собой разумеется, что ни одного живого японца я в ту пору в глаза не видел. Через несколько месяцев я оказался на боевом корабле, который взял курс на Окинаву, и уже довольно скоро я выпивал в портовом баре с узкоглазыми. Надеюсь, мне не нужно говорить, что я там для себя открыл? Японцы оказались хорошими людьми. По-настоящему хорошими людьми, вот так.

Мэнчайл улыбнулся в камеру очередной улыбкой а-ля Роберт Редфорд.

– Вы говорите друг другу: *но бопперы-то совсем другие*. Но так ли это? В чем они другие и почему? В своей жизни я встречался с разными людьми, с черными и желтыми, но у всех них я видел одно и то же – любой человек желает своему ребенку добра. Как это просто: то, что поддерживает жизнь в расе, – это забота о своем ребенке. И у бопперов, которых вы ненавидите, все это тоже есть, все то же самое! Как вы хорошо знаете, они воспроизводятся, создают себе подобных, и так же как любой из вас хочет дать

своему ребенку образование в колледже, так и боппер стремится дать своему сциону новый хороший процессор.

Да, я знаю, что вы на это ответите: «бопперы – всего лишь машины, изготовленные нами, людьми». Но Бог создал нас и дал нам душу, и если мы, набравшись знаний, создали бопперов, то и они имеют право на существование наравне с нами, как творение Божье. Сегодня я пришел сюда, чтобы сказать вам напрямик: ЛЮДИ, ВЫ НЕПРАВЫ!!! Люди создали бопперов, но самих людей тоже создали обезьяны, если честно прослеживать начало всей цепочки. И вот теперь случилось так, что Бог наделил бопперов новым даром. БОППЕРЫ НАУЧИЛИСЬ СОЗДАВАТЬ ЛЮДЕЙ!!! БОГ ОТКРЫЛ ИМ СПОСОБ, КАК ЭТО ДЕЛАТЬ!!! Между людьми и бопперами БОЛЬШЕ НЕТ НИКАКОЙ РАЗНИЦЫ!!! ТАКОВА БЫЛА ВОЛЯ БОЖЬЯ!!!

Голос Мэнчайла загрохотал подобно иерихонской трубе.

– ВЕЛИКИЙ БОЖЕ, ЯВИ ЖЕ ИМ ЗНАК!!!

Кто-то вскрикнул в группе операторов и указал рукой вверх, в небо. Люди, все как один, задрали головы. С неба, под звуки сладчайшей музыки, к ним величественно спускались две фигуры в белых мантиях. Приблизившись к Мэнчайлу, они повисли в воздухе чуть позади и повыше него. Один из спустившихся с неба был розовокожий ясноликий мужчина, другая – роскошная и величественная бронзовая женщина. Улыбнувшись Мэнчайлу поощрительными улыбками серафимов, неземные создания открыли рты и усладили уши присутствующих заоблачным пением.

– Бог послал ко мне своих небесных ангелов, – вновь заговорил Мэнчайл. – Бог наказал мне нести его учение по долинам и весям Земли, учение, во главу угла которого поставлена простая истина – бопперы не рабы и не враги вам, люди. Бопперы – ЧАСТЬ ВАС! Мы спускаемся с небес, и вы должны будете с улыбкой на устах принять нас в свои братские объятия! Бог хочет, чтобы вы приняли несчастных гонимых бопперов своими сердцами и своим разумом, всей глубиной вашей души и до последней частицы плоти – гена, дорогие ЛЮДИ!

Ангелы опустились к Мэнчайлу и, подхватив его под руки, подняли в воздух.

– Но я пришел не только для того, чтобы освободить БОППЕРОВ, – прокричал он с высоты. – Я принес с собой свободу ЧЕРНЫМ людям, БЕДНЯКАМ и ЖЕНЩИНАМ и всем, кого гнали и кто не находил себе места среди людей. Все, кто внемлет мне, приходите сегодня вечером на парковку Фэйрграунд. Приходите и влейтесь в ряды УЧЕНИКОВ МЭНЧАЙЛА!!!

– ВЫКЛЮЧИТЕ КАМЕРЫ!!! – что есть силы закричала Сюзи. В ее лице больше не было обожания и любви, только потрясение и злоба. – Да выключите же наконец камеры, черт возьми!

Но Мэнчайл уже сказал все, что хотел. Озарив из поднебесья присутствующих заключительной, сводящей с ума улыбкой, он вознесся ввысь, уносимый на крыльях ангелов.

Глава 9
Привет, Дарла

27 января 2031 года

Дарла проснулась от того, что Уайти встал и в розовом полумраке дверной шторы принялся натягивать джинсы. На экране виззи по звездному небу почти незаметно для глаз плыл бело-голубой полумесяц Земли.

– Который час, Уайти?

– 8.30. Мне нужно идти в ОСЦС. Юкава и Бей сегодня должны наконец получить свой чипоед. Теперь мы покажем железкам, где раки зимуют. Как ты себя чувствуешь?

Дарла изогнулась от позыва к рвоте и, свесившись с кровати, сплюнула темную от желчи слюну в пустой стакан. Вот уже третий день подряд ее тошнило по утрам. Уайти смочил платок водой из питьевой бутылки и вытер им лоб и рот Дарлы.

– Дарла, детка, тебя опять тошнит, мне это совсем не нравится.

– Знаю, дорогой.

Она снова содрогнулась от приступа рвоты.

– У меня сильно болят груди, и я постоянно чувствую себя разбитой.

– Ты, случайно, не беременна? Я хочу сказать… – Уайти помолчал, вдруг задумавшись. – Это наш ребенок?

– Наш. Или Кена Долла, не знаю.

– Господи. Думаешь, это то же самое, что случилось с Деллой Тейз?

– Она ходила беременная Мэнчайлом только девять дней, и остальные дети родились на свет тоже очень быстро. А после Кена уже прошел месяц. С тех пор он больше не появлялся здесь.

– Мы с тобой его не видели, но что, если он снова приходил, когда мы спали? Он мог пробраться незаметно, ночью. Но даже если ребенок *нормальный*, он все равно может быть от Кена.

Уайти поморщился от такой мысли.

– Дарла, детка, думаю, тебе нужно сходить повидаться с Чарли Фреком, он сможет устроить аборт.

– Но, Уайти, ведь это может быть и *наш* ребенок…

– Я понимаю, Дарла, я сам хочу, чтобы у нас с тобой был ребенок. Ты моя подружка, и не беспокойся, я понимаю, что к чему. Просто сейчас на это нет времени, все так закрутилось. Отделайся сейчас от ребенка, а потом…

– Ох, Уайти, я не знаю, не знаю. Аборт – это так больно.

Дарла расплакалась, и Уайти пришлось сесть на кровать и обнять ее.

– Ты так просто сказал, *отделайся от ребенка*, но ведь он же живой, такой же, как ты и я, понимаешь? Мне плохо, Уайти, мне плохо и так страшно, что я передать не могу. Пожалуйста, останься сегодня со мной. Бей и ОСЦС подождут. Не уходи от меня, останься.

– Нет, нельзя, они единственные, кто платит мне. Если я их похерю, откуда мы будем брать деньги? Послушай – сходи к Чарли, он все устроит. Отправляйся к нему прямо сейчас. Потом побудь там и отдохни, а в полдень я за тобой зайду и заберу тебя. Если хочешь, можешь даже дождаться меня и я побуду с тобой, когда Чарли будет тебя чистить, чтобы тебе было не так страшно. А сейчас постарайся взять себя в руки и успокоиться, Дарла. Я не хочу поминать старое, но ведь это ты сама втянула себя в это. Ву-вей.

С последними словами Уайти, уже поднявшись с кровати, убрал с двери штору.

Блестящими от страха, слез и отчаяния глазами Дарла посмотрела на него с кровати.

– Я не пойду к Фреку одна, к этой хитрой свинье. У него на уме вечно какая-то гадость. Если он прознает, что я беременна, то прицепится как пиявка, начнет предлагать деньги за сливной трип с каким-нибудь червяком-извращенцем. Я тебя здесь подожду. Постарайся закончить свои дела с ОСЦС побыстрее и поскорее возвращайся. Жду тебя к полудню, как ты обещал.

– Хорошо.

Остановившись в дверях, Уайти посмотрел на Дарлу с тревогой.

– Но, кроме меня, не пускай больше никого, договорились, Дарла? Понимаешь, о чем я? – Сказав это, он со значением взглянул на потолок. На прошлой неделе они сканировали свое жилье и не нашли ни одной блохи, но кто мог знать? – Вот, держи.

Он достал из кармана свой игловик и бросил его на кровать.

– На всякий случай. Я вернусь как только смогу, но не позже полудня.

Махнув на прощание рукой, он вышел в коридор. Штора мигнула и вновь загорелась ровным светом.

Откинувшись на подушки, Дарла попробовала снова уснуть. Но ничего не вышло – сон не шел к ней. Она поднялась, сделала несколько глотков воды и снова схватилась за горло. Господи. Беременна. Внутри нее, в животе, зреет ребенок, крохотный, похожий на фасолину эмбрион из полупрозрачного желе, и что из

него выйдет, не знает никто. Может быть, это на самом деле ребенок Уайти. Бедняжка. Этот плотти – Кен Долл, он приходил, чтобы поставить им с Уайти зомби-боксы, а потом трахнуть ее без помех, да, наверное, так он и хотел сделать. Руки Дарлы затряслись. Аборт – это ужасно больно, она слышала об этом много раз. Сколько сейчас времени? Она взяла в руку пульт и переключила виззи на канал новостей, туда, где в правом нижнем углу экрана постоянно мигали часы: 8.47. Диктор рассказывал о том, как червяки сбились с ног, разыскивая девятидневных детей, которых Мэнчайл успел наплодить, прежде чем Марк Пиггот не начинил его свинцом. Двух сыновей Мэнчайла еще не удалось разыскать – их матери где-то прятались вместе с ними. Фотография одной из матерей, Киско Ливайс, худенькой и очень молодой. Многочисленные наряды копов рыщут повсюду вокруг города. Быть может, с ней, с Дарлой, бопперы решили схитрить и поместили в нее специальную девятимесячную модель, а крыса-имплант была нужна им для уверенности, что Дарла не навредит за такой долгий срок ребенку? Она взяла с кровати игловик и проверила обойму – полнехонька. Сняв оружие с предохранителя, она сделал пробный выстрел в пол. Полетело крошево, от выстрела в упор камень расплавился, растекся лужицей. Пускай только кто-нибудь сунется…

– Эй, есть здесь кто? – донесся голос из-за дверной шторы. – Мне нужен Уайти Майдол, он дома? Здесь есть кто-нибудь, отзовись?

Дарла застыла как вкопанная, не решаясь вздохнуть.

– Уайти? Эй, приятель, это Стэн Муни, помнишь меня? Я пришел к тебе по делу, сам знаешь за чем. Юкава закрылся, ты слышал об этом? Впусти меня, дружище, а то я торчу тут как болван. Ломает, сил нет.

Дарла подняла игловик и направила дуло на дверь. Ее руки била крупная, неудержимая дрожь.

– ЭЙ, УАЙТИ, ОТКРЫВАЙ!!! – крикнул другой голос, скрипучий и неуверенный.

В наступившей тишине послышалось приглушенное бормотание, потом кто-то начал чем-то царапать по кодовому замку. Внезапно штора мигнула и погасла. Вскрикнув, Дарла нажала на спусковую кнопку игловика. С тихим свистом прыснув из пляшущего дула, стрелки разлетелись в стороны как попало. В дверной проем бросился незнакомец и, прокатившись по полу, вскочил и стиснул ее в медвежьих объятиях. Мужчина был худ, в возрасте, но, несмотря на это, очень силен. Отобрав у нее игловик, он отступил на шаг, опустил обратно штору и, снова повернувшись к Дарле, пристально и внимательно ее рассмотрел.

На ней была только длинная свободная тишотка до бедер и больше ничего. Незнакомец был одет в красный имиполексовый комбинезон со множеством карманов на молниях.

– Ты кто? – сурово спросил ее мужчина. – Подружка Уайти?

Не отвечая, Дарла опустилась на кровать, незаметно засунула руку под матрас и нащупала там рукоятку ножа.

– Иди сюда, – позвала она мужчину, пытаясь прогнать из голоса дрожь. – Присядь.

Губы незнакомца растянулись в широкой хитроватой усмешке.

– И тогда ты мне покажешь, что прячешь под матрасом? Нет уж, спасибо. Давай-ка бросай дурить. Мне ничего не нужно от тебя, я пришел к Уайти по делу, хочу купить слива. Меня зовут Стэн Муни. А тебя?

– Д-Дарла.

Зубы Дарлы начали выбивать дробь.

– Слива у нас нет. Мы завязали со сливом. Ты пьешь? Хочешь шаманика? Как ты поднял штору?

– Очень просто – я ведь детектив. По крайней мере, до недавнего времени им был. «Расследование и дознание Муни». Юкава нанял меня, чтобы я разыскал его ассистентку, Деллу Тейз. Уайти должен меня хорошо знать – он следил за мной, его послал Бей Нг.

– Да, – отозвалась Дарла, понемногу успокаиваясь. – Так это ты стрелял тогда в Уайти и обжег ему плечо? Подожди, я оденусь.

Стараясь не нагибаться сильно, она разыскала в шкафчике с вещами шелковые шорты и надела их.

– Не пялься на меня, мент наемный, тут тебе не цирк, понял?

Муни по-прежнему стоял перед шторой и ухмылялся. Дарла презрительно на него посмотрела и наставила палец.

– Не вздумай лезть ко мне, фраер, а не то Уайти ноги тебе повыдернет. Он и без того на тебя зуб держит.

– Уверен, что не на меня одного.

– Чего?

– Не на меня одного Уайти держит зуб. Он самый грубый и неблагодарный молодой человек из всех, кого я знаю. Определенно не член «Ротари-клуба».

– Со мной он обходится хорошо.

Дарла решила сменить майку. Обычно парни начинали пускать слюни, только увидев ее здоровенные сиськи, в малой гравитации стоящие торчком. Стянув через голову тишотку, вместо нее она надела обтягивающую блузку с пластиковым кармашком на груди. Муни следил за переодеванием с интересом.

– А ты настоящая красавица, Дарла. Уайти счастливчик. Ты, случайно, на ярмарках с такими прелестями не выступаешь?

Муни был самый настоящий мент, наглый и самоуверенный, – вломился к ней, а теперь еще издевается.

– Перед такими тощими легавыми фраерами, как ты, нет, не выступаю. Ты слышал, что я сказала, – мы завязали со сливом. Въехал? Давай вали.

– Вот как? А у меня с собой как раз есть немножко, я взял на тот случай, если окажется, что вас припекло.

Муни вытащил из кармана серебряную фляжку и передал ее Дарле.

– Товар высший класс, чистяк, прямо от Юкавы. Я уже пробовал.

Дарла откупорила фляжку и понюхала. Слив действительно был хорош – пахло как надо. Фляжка была заполнена ровно наполовину, наверное, не меньше чем на десять кило баксов.

– Ты что дуру гонишь – то ты покупаешь, то продаешь? – спокойно спросила его она. – Что тебе нужно, Муни? Ты влез сюда, потому что думал внутри никого нет, верно? Что-то хотел разнюхать, так, легаш?

Муни спрятал игловик в карман комбинезона и снова улыбнулся ей длинно и хитро.

– По правде сказать, Дарла, я шел сюда повидаться с тобой.

Дарла похолодела, и по спине у нее побежали мурашки. Неужто этот козел тоже плотти? Прежде чем Муни успел снова открыть рот, она плеснула ему сливом из фляжки прямо в лицо.

– Нужен слив, говоришь, – вот, получи!

Доза была огромной, и Муни повалился на пол как подкошенный. Увидев, что тот беспомощен, Дарла злобно пнула его в промежность.

– Быстро говори все, что знаешь, – прошипела она, опускаясь над ним на колени. – Пока у тебя язык еще не вытек изо рта. Говори, кто тебя нанял, или я выдерну из тебя все кости, а потом сяду сверху и удушу. Кстати, это Уайти надоумил меня так сделать.

Коротко размахнувшись, она ударила его тыльной стороной ладони по щеке.

– Кто тебя прислал ко мне, Муни, отвечай?

– Эммммллл, – проклокотало у Муни в горле. – Болллллллл полл имеллл Эммлл. Оххххх хххоооооэлл снаххх, белемммехххнахх тыххх… Оннхххх хоээллл чтоххххх бллблллл… – Лицо Муни начало растекаться, и его голос с бульканьем затих.

– Я сделаю аборт, – сказала Дарла, обращаясь к паре глаз, плавающих на поверхности лужи, бывшей некогда Муни. – Я все

не решалась, но теперь пойду сейчас же и сделаю.

Кисель, в который превратился Муни, вытек из горловины его комбинезончика. Дарла обшарила карманы комбинезона и наткнулась на свернутую в тугой рулон пачку… 20 кило, мама моя! И, о Господи! – это же микрофон-блоха, черт его дери! Муни принес на себе блоху бопперов, и те слышали каждое их слово и знают, что она сотворила с ним и теперь собирается идти делать аборт. У Дарлы снова затряслись руки. Черт, скорее, скорее, может, еще можно успеть убежать! Она засунула фляжку с остатками слива и деньги в кармашек своей блузки. Потом сжала двумя руками рукоятку игловика и прямо через штору выпустила длинную очередь стрелок за дверь. Подняла штору и выскочила в коридор.

Никого. Пусто. Штора снова загорелась, и Дарла оказалась одна в длинном пятидесятифутовом коридоре. Кругом ни звука, только шторы тихо гудят на дверях. Она сорвалась с места и бросилась бежать к шахте скоростного спуска, все время ожидая, что из-за одной из штор вылетит и вопьется в нее вихрь стрелок. Сама не своя от страха, она прыгнула вперед и схватилась за шест, чтобы съехать в Пассаж, даже не взглянув, не спускается ли кто-нибудь по тому же шесту сверху.

Не успела она опуститься на несколько метров, как сверху в нее врезался кто-то очень тяжелый.

– Эй, куда прешь… – начала она, но договорить не смогла, так как что-то ужасно острое вонзилось ей сзади в шею. Она выпустила шест и, оказавшись в воздухе, несколько раз конвульсивно содрогнулась, словно в эпилептическом припадке. Сильная рука схватила и удержала ее. Спазматическая дрожь прошла, и ее тело расслабилось. Дарла почувствовала, как ее руки, словно чужие, снова ухватились за шест. Она попыталась поднять голову, чтобы посмотреть на того, кто уколол ее, но не смогла этого сделать. Соскользнув по шесту на уровень Пассажа, она тяжело, словно червячка, спрыгнула на тротуар. За спиной она услышала, как напавший на нее человек перебрался с шеста на лестницу и начал быстро забираться вверх, но в тот же миг ее ноги двинулись вперед, в глубь Пассажа, и направо. В сторону, противоположную клубу «У загорелых».

«Это зомби-бокс, – с поразительным спокойствием подумала Дарла. – В прошлый раз крыса Кена успела изучить расположение моих нервов, и бопперы сделали специальный бокс, который прицепился к ней в считаные мгновения. Интересно, бокс видно снаружи или он прикрыт волосами?»

Вышагивая ровно, как заводная, она миновала длинную череду магазинов. Из-за того что теперь ее телом руководило

чужеродное устройство, ее движения стали странными и неестественными. Во время ходьбы ее руки висели ровно вдоль тела, а колени сгибались сильнее необходимого, от чего шаги получались одинаково плавными и растянутыми, как в танце, и каждый метра три. Со стороны она, наверное, выглядела как настоящая полоумная дура. Она так решила потому, что встречные мужчины совсем не смотрели на нее.

Ее непослушное тело неожиданно свернуло ко входу в магазинчик, вверху над которым мелькнула вывеска – «Игрушки малышей-шалунов». Это была поганенькая, заваленная всяким хламом лавчонка, мимо которой она раньше проходила и не замечала ее. Дешевые завалящие механические игрушки, какие-то линялые мячи, из посетителей – двое десятилетних заморышей. За прилавком стоит хмурая женщина средних лет с тяжелыми пронзительными глазами. Прежде чем Дарла успела разобрать еще хоть что-то, ее управляемое чужой волей тело резко повернулось и замерло против замызганной стеклянной двери магазинчика, словно решило поглазеть на прохожих, – очевидно, бопперы проверяли, нет ли хвоста. Никого, никого, ох, *вон там*, у шахты, вдалеке быстро идет Уайти, он только что спрыгнул с шеста. Дарла резко повернулась обратно, и Уайти пропал.

– Это Кен прислал тебя? – У женщины за стойкой были плоская отвислая грудь и скрипучий голос. Она не ждала ответа от Дарлы. – Я Радужка.

Короткие высветленные волосы женщины и вправду были выкрашены перышками в цвета радуги: центральная зеленая полоса переходила по бокам в две красные, а те, дальше, в желтые. Корни волос были рыжими. Настоящая потаскуха.

– Что, дорогая, хочешь купить какую-нибудь игрушечку малышу?

Речевые центры Дарлы были полностью блокированы зомби-боксом, вцепившимся в ее затылок. Вместо ответа она, оглянувшись на малышей и убедившись, что те не видят ее, наклонилась вперед и проделала четыре быстрых жеста левой рукой. Три пальца горизонтально – три пальца вниз – большой палец и указательный согнуты дугой вверх – потом большой и указательный под прямым углом друг к другу вбок. Простейший знаковый язык: E-M-U-L.

– Что ж, дорогая, здесь этого нет, но можно посмотреть в кладовой, – понимающе протянула Радужка. – Пойдем со мной, вот в эту дверь.Вы, двое, там, еще не решили, что будете брать?

Двое ребят подняли головы от развала игрушек секонд-хенд. Мальчик и девочка, обоим не больше десяти. Похоже, брат и сестра.

– Я хочу вот эту акулу, – откликнулась девочка квакающим голоском. Она продемонстрировала хозяйке резиновую рыбину с облезлым боком. – Но деньги у Джонни, а он не хочет мне покупать.

– Я еще не выбрал! – разгневанно отозвался мальчик. – Я хочу себе глайдер, но никак не выберу который.

– Вы торчите тут уже целый час, и я не могу так долго с вами возиться, – еле сдерживая себя, проговорила Радужка. – Ко мне пришла новая покупательница, она ждет ребеночка, и я должна ей помочь. Знаете, что я скажу вам, ребята. Даю скидку два доллара на любой глайдер.

– Да, но…

Радужка выскочила из-за стойки, выхватила из кучи катерок и сунула его в руки мальчишке.

– Давай пятерку за все, и мы в расчете!

Мальчик вытащил из кармана горсть мелочи и, шевеля губами, медленно пересчитал монетки.

– Но у меня только четыре семьдесят пять…

– Договорились! – Радужка сгребла у мальчишки деньги и, взяв детей за плечи, проводила их до двери. – Все, счастливо, ребятки, ведите себя хорошо.

Как только дверь за ними закрылась, она опустила штору. Зеленая световая занавесь отгородила внутренность магазинчика от улицы.

– Вот так, – вздохнула Радужка. – Ну что, пойдем со мной.

Ведомая Радужкой, Дарла прошла во внутренние помещения магазинчика игрушек. Внутри были голые каменные стены, дверные проемы без дверей, в одном месте на вбитых в стену колышках было развешано дешевое снаряжение для мунгольфа. Остановившись прямо напротив каменной стены, Радужка выстучала в нее условленным стуком сигнал «тук-тук-ту-тук-ТУК-ту-тук», и целый кусок стены медленно поднялся вверх, открыв вход в ярко освещенную комнату, в дальнем конце которой виднелся вход в темный тоннель с каменными стенами. В комнате на кушетке сидел тощий, средних лет мужчина с давно немытыми, сальными волосами и смотрел по карманному виззи шоу «Звоночек Билли Динга», слушая звуковое сопровождение через наушники. Лицо мужчины напоминало изъязвленный лунными оспинами ландшафт, подбородок его был украшен жидкой бородкой. Судя по всему, это был сожитель Радужки.

– Это Берду, – представила Радужка оспяного Дарле. – Теперь тобой займется он.

Вытащив из ушей пуговицы наушников, Берду с жадным любопытством ощупал глазами Дарлу. Выражение лица у него

было жестким, а взгляд глаз – холодным, и ясно чувствовалось, что то, что он видит перед собой, ему нравится.

– Веди себя хорошо, Берду, – игриво пропела Радужка и… *о нет*, сделала шаг назад из потайной комнаты, в то время как ноги Дарлы понесли ее вперед и внутрь. – Счастливо, – попрощалась хозяйка магазинчика игрушек, и каменная стена опустилась за ней.

Дарла осталась наедине с Берду, с этим стражем потаенного входа в ад. Кто такой Берду – сутенер, тертый калач, адов ангел, чуть размякший с возрастом. Ее левая рука снова поднялась и еще раз изобразила череду знакомых жестов: E-M-U-L. С минуту Берду молча сидел на месте и разглядывал Дарлу, потом решительно поднялся и принялся снимать с нее одежду. Дарла помогала ему, но когда она осталась совсем голая и он потянул ее на кушетку, ее руки неожиданно сильно оттолкнули его и сердито показали: N-O.

– Нет? – переспросил Берду. У него был хриплый голос и акцент, очень напоминающий выговор Радужки. – Что ты затеял на этот раз, Эмуль? Опять мудришь? У тебя особые планы с этой малышкой?

Тело Дарлы наклонилось вперед, рука достала из кармана блузки фляжку со сливом и тугой рулон денег. Повернувшись к Берду, она отдала ему то и другое. Ничему не удивляясь, тот деловито пересчитал деньги и понюхал слив.

– Лады, Эмуль, этого хватит, но все-таки зря ты обижаешь старика – иногда так хочется поваляться на свежатинке.

Два пальца рогаткой вниз – большой и указательный палец колечком: N-O.

Покорно вздохнув, Берду спрятал слив и деньги в небольшой стальной сейф, заделанный в камень стены позади кушетки. Поднявшись на ноги, он обошел кругом Дарлы и отвел ей сзади волосы, чтобы проверить зомби-бокс.

– Отлично сработано, – пробормотал он, потом протянул руку и попробовал, прочно ли бокс сидит. Покопавшись в карманах штанов, Берду что-то оттуда достал и обмазал края какой-то холодной мазью – судя по острому запаху, это был дермопласт. Теперь бокс засел в ней намертво. Боже. Покончив с этим, Берду погладил Дарлу по ягодицам, вернулся к своей кушетке и снова развалился на ней.

– Все, дорогая, ты готова. Можешь отправляться.

Послушно повернувшись, мерным шагом Дарла вошла в тоннель, который, как только «офис» Берду остался позади, быстро сузился. По потолку, в восьми футах над ее головой, бежала пунктиром флюоресцентная полоса, излучающая скудный

мертвенный свет. Мерно отталкиваясь от пола и раз за разом взлетая к потолку к химическому свету и плавно опускаясь вниз, Дарла быстро потеряла представление о том, в каком направлении идет тоннель, загибается ли он вверх или углубляется вниз. У нее начало мутиться перед глазами – а что, если взять и на самом деле попробовать отключиться? На несколько мгновений свет перед ней померк, и она забылась, но, как оказалось, это ничего не изменило – движение продолжалось как прежде. Зомби-бокс, управляющий ее телом, заставлял ее двигаться с неутомимой однообразностью машины. Тоннель тянулся и тянулся без конца, миля за милей. Постепенно ее ноги, продолжающие ходить как шатуны, потеряли чувствительность и онемели, и Дарле начало казаться, что она медленно летит вниз в бездонный, помеченный прерывистой световой полосой колодец, в какую-то ужасную, нескончаемую крысиную нору. «Крыса, – тоскливо подумала Дарла. – Зачем я им нужна, зачем они всадили мне в голову крысу? Вот, значит, как это бывает. Да, именно так, как это происходит теперь со мной. Моим телом управляет робот, но мозг по-прежнему принадлежит мне, и я продолжаю думать так, как думала прежде. Но превратиться в плотти еще хуже, потому что тогда теряешь еще и мозг, от которого остается только половина. Интересно, что сейчас делает Уайти? Наверняка он уже побывал в «У загорелых» и заглянул домой и теперь носится, наверное, по Пассажу, ищет везде меня. А меня нигде нет. Может, хотя бы эти детишки скажут ему, что видели меня в магазинчике игрушек, у этих «Малышей-шалунов». Какие симпатичные мальчик и девочка, ну почему у них с Уайти не было детей, почему все так паршиво закончилось, почему люди всегда видели в ней только ее большие сиськи, относились к ней всегда как к не слишком умной сисястой девке, какой вряд ли удастся пробиться и устроиться в жизни, хотя вот Уайти всегда был добр к ней, он любил ее. Этот поганец легавый Муни, сволочь, наверняка он еще не очухался, и Уайти, скорее всего, застукал его, прибить его мало. Господи, только бы они не сделали из нее плотти и не послали с крысой к Уайти, только не это…»

С этими мыслями Дарла провалилась в нечто, напоминающее то ли дремоту, то ли забытье.

Очнувшись, она обнаружила, что находится в просторной каменной комнате с одной стеной из цельного стекла. Комната была залита розовым светом, и воздух тут был свежий, но все равно по большому счету ощущение было таким, словно она очутилась внутри громадного аквариума. В комнате была кое-какая мебель, кровать и другое, почти как у них с Уайти. Без сил

Дарла повалилась на кровать. Затылок ужасно саднило, и она протянула руку, чтобы ощупать шею… вот это да! Она снова может владеть своими руками! На шее она не нашла ничего, кроме широкой, уже зарубцевавшейся ссадины. Неужели… неужели ей уже засадили в голову крысу?

– Здравствуй, Дарла, – сказал ей большой ящик-куб, стоящий в противоположной стороне комнаты. Она заметила ящик только тогда, когда тот заговорил. На обращенной к ней стороне ящика имелась звуковая мембрана, остальные его грани были покрыты выпуклым подвижным мозаичным рисунком из красных, желтых и голубых квадратов.

– Дарла, глаза которой глубоки и темны, в которых только дикая краса и ночь, кто яблоневое древо и злато, само естество, и покой, и пристанище для мужчины, о Дарла, как я рад тебя видеть. Меня зовут Эмуль, Дарла.

Ящик помолчал, несколько раз составив на своих гранях сложный узор из разноцветных квадратиков, смешав его и составив новый.

– Ты чудесная кукла, дивно пахнущая, с прекрасными длинными волосами и волшебными движениями, ты творение из плоти, ты должна довериться мне.

Бока ящика вздулись, и у него появилось подобие рук, потом он поднялся над каменным полом на приземистых ножках и, наконец, выпустил сверху квадратную голову с глазами-рубинами, бровями, носом и жесткими скулами. Потрясенно наблюдая за всеми этими превращениями, Дарла впилась пальцами в мягкий матрас. Ящик вперевалку подошел к кровати и, наклоняясь то в одну сторону, то в другую, рассмотрел ее.

– Я хочу одеться, – сказала ему Дарла.

– Позволь мне стать твоей одеждой, о Дарла. Я прилежно вылижу твой белоснежный животик и преданно обнюхаю каждый укромный женский уголок твоего тела.

Эмуль уронил одну из своих рук на пол, и на глазах у Дарлы фрагменты той принялись делиться, гнуться и перестраиваться. Через несколько мгновений рука превратилась в укороченный и тесный игривый комбинезончик: красно-голубые шортики и желтый верх с короткими рукавами и глубоким вырезом.

– Я… – начала было Дарла и замолчала, потом спустила с кровати ногу и на пробу подтолкнула одежду. Комбинезончик *никак не отреагировал*, и тогда она подняла его и оделась. Имиполекс был теплым и приятным на теле. Дарла встала и прошлась по комнате – пять шагов в длину и четыре в ширину. В одной стене у самого потолка виднелось забранное пластиковой решеткой вентиляционное отверстие. Она подошла к стеклянной

стене и постучала по ней костяшками пальцев. За стеклом находилось нечто похожее на лабораторный зал, в котором двигались и чем-то занимались механические существа, очевидно бопперы. Повернувшись, она посмотрела на Эмуля. Тот уже успел отрастить на месте сброшенной руки, ставшей теперь ее одеждой, новую. Одевшись, Дарла успокоилась и почувствовала себя увереннее.

– Зачем ты привел меня сюда, Эмуль? Что тебе от меня надо? И говори нормально, без всяких там штучек-дрючек. Я ведь и ударить могу. – Дарла взяла за спинку стул и воинственно покачала им перед собой из стороны в сторону.

Черты лица Эмуля живо сложились в утрированную нахмуренную маску. Если бы не КЖГ окрас кожи, его лицо вполне можно было бы принять за человеческое.

– В двух словах: ты беременна от Уайти Майдола. Ах, какие приятные сопливые воспоминания, ах, какой кругленький миленький животик. Ну, да ничего. Что мне нужно от тебя, беременной грации? Да ничего особенного: я попрошу тебя выносить для меня еще один эмбрион. Такое маленькое розовое пасхальное желейное яичко. Я торжественно прошу у тебя разрешения поместить это яичко в твою замечательную маточку.

Инстинктивно Дарла прикрыла руками лоно.

– Ты хочешь, чтобы я носила еще одного ребенка для тебя?

– В точности так, Дарла, дорогая, чтобы ты носила близнецов, двух мальчиков, своего с Уайти и моего с Береникой. Я могу заняться с тобой любовью традиционным способом или применить наркоз, как добрый дядя доктор, так как, честно говоря, эта сторона мне до лампочки, меня устроит то, что устроит тебя, как хочешь, Дарла-цыпка, так и будет. Банкуй, сегодня твой праздник.

– Если я соглашусь, ты отпустишь меня? И не станешь засовывать мне в голову крысу? Ведь мне не придется просидеть тут все девять месяцев, скажи?

– К сожалению, придется… по крайней мере, до тех пор, пока в Эйнштейне не исправится ситуация. Как только все станет хорошо, я, Дарлочка, тотчас же позволю тебе бежать отсюда, легко отталкиваясь от пола беззаботными ножками, и даже подарю для твоих симпатичных близнецов сдвоенную колясочку, чтобы было удобнее и ловчее добираться до родного гнезда. Гордый Уайти встретит тебя на пороге, попыхивая сигарой.

– Он-то встретит. Молись, чтобы он не пришел сюда и не добрался до тебя, ржавая железка. Уайти если задумал чего, то всегда доводит это до конца и ни за что прощения не просит. Понял?

Эмуль издал странный звук, похожий на смех.

– Ну, это уж моя забота, змейка ты моя ненаглядная. А теперь будь умницей и раздвинь ножки.

– Больно-то не будет?

– В моих интересах, чтобы все прошло тип-топ.

С тяжким вздохом Дарла сняла комбинезон и легла на кровать.

– Ну давай, и побыстрее. И поострожнее.

Она подняла ноги и, широко раздвинув, согнула их в коленях, потом подняла голову, чтобы видеть, что делает Эмуль.

– Давай приступай. Только, ради бога, не болтай, пока будешь там возиться.

Эмуль похудел и вырос, превратившись сначала в узкий кирпич, а потом, скруглившись, в настоящего пластикового мужчину с изрядным пенисом. Пенис напрягся и принял соответственный угол, и Эмуль, двинувшись вперед, осторожно ввел его Дарле. Только коснувшись ее плоти, имиполексовый орган начал осторожно удлиняться, проникая все глубже и глубже вперед, потом нашел внутри нее шейку матки и проскользнул в нее. Ощутив легкое движение у себя в животе, Дарла напряглась. Но ничего страшного не случилось, было даже приятно. Склонившись над ней, Эмуль растянул имиполексовые губы в улыбке и легко коснулся ее щеки. Медленно отступая от нее, он плавно вытянул свою принадлежность обратно.

– Все! Привет тебе, Дарла, наполненная жизнью. Да будут благословенны плоды сего осиянного счастливой звездою тела.

Переваривая происшедшее, Дарла с минуту полежала на спине. Потом поднялась, села и снова облачилась в свой имиполексовый комбинезончик. Пластиковый мужчина уже исчез – с ней в комнате снова был прежний куб с подвижным рисунком на гранях и речевой мембраной впереди. Задумавшись, Дарла посмотрела на ящик.

– У тебя здесь есть виззи, Эмуль? Если уж мне придется тут столько времени куковать, то виззи мне нужен обязательно. И еще, от этой возни я ужасно проголодалась. Принеси мне еду, но только нормальную человеческую еду, ту, что продается в Эйнштейне, понимаешь? На полсотни закусок из китайского ресторанчика и двадцатибаночную упаковку пива. И травки. Да, травки тоже хорошо. Еще я хочу, чтобы тут был душ. Бутылку шаманика… нет, это может повредить детям. В общем, пиво, травка и китайской еды, виззи и душ. Потом, может быть, еще что-нибудь. Давай, боп, шевели задницей – я хочу устроиться здесь со всеми удобствами.

– Все, что прикажете, моя Пчелиная Королева. Все будет

исполнено.

Эмуль отвесил поклон и исчез в переходном шлюзе.

Глава 10
ОСЦС

27 января 2031 года

От передозняка у Стэна разжижились даже кости. То, что Дарла плеснула ему в лицо, в сотню раз превышало обычную дозу. Растворившись, он превратился в чистый белый свет и второй раз за прошедший месяц разговаривал с Богом. Свет был наполнен тончайшими муаровыми разводами ультрафиолетового и инфракрасного излучения, серебром и слоновой костью. Голос Бога был мягким и глубоким.

– Я люблю тебя, Стэн. Я всегда буду любить тебя.

– Я опять облажался, Господи. Все, к чему я ни прикоснусь, превращается в прах. Неужели и после смерти меня будет преследовать этот рок?

– Я позабочусь о тебе, Стэн. У тебя все будет хорошо. Потерпи. Я люблю тебя таким, какой ты есть.

– Спасибо, Господи. Я тоже люблю тебя.

После этого наступил долгий покой безвременья, бесконечного плавания в океане всеобщей Господней любви. Чистый белый свет. Но мало-помалу, капля за каплей свет Господа начал терять свою чистоту, распадаясь на фрагменты, допуская существование людей и бопперов, голосов из прошлого и будущего, всего сплетающегося вместе, грубо лепящегося друг к другу, обращающегося мрачной, зловещей тенью:

– Эй, Стэн, как слышимость, начинаем проверку существования. Я – некто с микрофоном-блохой на черепе. Разыскивается человек, убивший ГЭКС, патрули обшаривают дом за домом. Я – две крохотные шишечки в половине половины твоей головы. Мы – обладатели наиценнейших знаний во всем этом шовинизме, среди мягкого, мокрого, слабого. Я – Плащ Счастья. Старина Кобб задаст сегодня вечером нам жару. Теперь: я – Вэнди, я – Эвридика, мой дорогой Орфей. Уверен, что даже Кен Долл запоет от радости, когда ты разбогатеешь. Этого я беру себе в рабство. Можешь не сомневаться, им все известно. Чипоед – это по-настоящему круто, это я, Уайти, тебе говорю. Остолоп хренов, разиня, клоун. Нужен, получай, пока еще можешь говорить. На Марсе действительно голова идет кругом. Задвинемся знаешь как: вдвоем, ломтиками. Говорю вам: узнать, какая душа ни разу не пробовала раньше живых мозгов, совсем несложно. Если в голове дырка, то продай хотя бы тело. Мне хорошо, вот только жрать охота, так что, я надеюсь, ты не

станешь доверяться кому попало. Спи спокойным сном, изгнанник, милое тело и мозг с блохою. ОСЦС, твою знать, сам-то согласен в плотти пойти? Зачем ты сказал, что я твоя жена? Шум, словно внутри чипов летают космические корабли. Привет, серфер. Вообще Бог может быть очень безжалостным. Как думаешь, Стэн-младший, может, мне удастся снова стать человеком? Как насчет логически стройной информации?

Господи Боже мой, Иисусе, что все это значит? Что-то новое, внутри него появился какой-то твердый предмет. Кто-то копается в его теле. Через его жидкость медленно перекатываются мучительно тошнотворные волны. Его глаза отвердевают до уровня начала световосприятия; он различает мечущуюся взад-вперед над ним огромную тень. Свет – тьма, свет – тьма, потом плеск и невыносимая боль в глубине его естества. Тьма. Что-то сдавливает его со всех сторон, снова бесконечное волнообразное качание и болезненные рывки – его несут в сумке. Переворот и падение, удар, под ним холодный гладкий пол и снова – свет. Движущиеся тени.

На него падают капли какой-то бодрящей жидкости, возвращающей его с того света. Он чувствует ледяное покалывание во всем теле, высокочастотный трепет в мышцах, и все прекращается и – без перехода – он, совершенно без одежды, лежит на голом бимстоунном полу, вокруг него пятеро, они смотрят на него.

Одного из них он узнает сразу, ох нет, это Уайти Майдол. При виде Уайти Стэн инстинктивно сжимается, мгновенно вспоминая ужасные мучения, которые обещала ему от лица Уайти Дарла. Однако Уайти не торопится на него набрасываться, он стоит спокойно и грозно смотрит на него, взвешивая на ладони игловик.

Рядом с Уайти – желтолицый старик, лицо которого сплошь изрезано вертикальными морщинами. Справа от желтолицего стоит Макс Юкава, рядом с которым знакомая пара: очень красивая женщина с темными волосами и широким ртом и смуглый смазливый парень – видно, что крутой. Ах да, это миссис Беллер и Рикардо, он встречал их у Юкавы, они там закидывались сливом и занимались любовью. Стэн почувствовал смущение и попытался отползти от окруживших его людей на спине; от быстрого возвращения из слив-трипа у него кружилась голова и его пенис глупо распух, налившись кровью, и пульсировал от боли; в его ушах еще звучал голос Бога, рассказывающего ему о плотти, о Вэнди, Орфее и остальном…

– Он еще жидкий, еще не отошел, – мягким ленивым голосом проговорила миссис Беллер. – Дай ему одежду, Уайти.

Молча вытащив из сумки красный комбинезон Стэна, Уайти сложил его вдвое и перехватил поудобнее. Потом с силой стегнул тяжелой от молний тканью Стэна по лицу, еще и еще раз.

– Смотри не попорть ему карточку, Майдол, – сказал кто-то напевным и чистым, как звон колокольчика, голосом. Желтолицый старик. С трудом поднявшись на ноги, Стэн неуверенно улыбнулся старику и, как мог быстро, оделся. Потом выпрямился, качаясь и ощущая себя очень неуверенно на ногах.

– Позвольте мне представить присутствующих, – заговорил доктор Юкава, грациозно склоняя свою узкую голову. – Мистер Муни уже знаком со мной и Уайти и, если я не ошибаюсь, имел удовольствие видеться с миссис Беллер и Рикардо у меня в лаборатории. Фэрн Беллер, Стэн Муни, Рикардо Гаттиерес. Кроме того, среди нас присутствует также его небесная мудрость Бей Нг, мой слив-брат. За второе я ручаюсь, а мудрость и небесное отношение он приписывает себе сам.

Уайти Майдол, как обычно голый по пояс, смотрел на Стэна с мрачной угрозой, гордо вскинув свой жесткий ирокез, светлая прядь от которого спускалась по его спине до пояса. Миссис Беллер, гибкая как лоза, с ярко накрашенным лицом и с дивной бледной кожей, была очаровательна. На ней были тугой эластичный топ оттенка «голубой электрик» и короткая широкая ярко-желтая юбочка. Рикардо был облачен в черную шелковую ковбойскую рубашку, отстроченную красной ниткой, черные леггинсы и тяжелые ботинки на толстой подошве. Его руки, под закатанными рукавами рубашки, были покрыты татуированными змеями, подбородок украшен мушкетерской бородкой и усами, а глаза скрыты за солнечными очками с кроваво-красными стеклами. Короткие волосы Рикардо, специально чем-то густо намазанные, торчали, слипшись, редкими иглами. Когда Стэн взглянул на него, он широко улыбнулся ему, продемонстрировав два ряда золотых фикс.

Гибко и плавно метнувшись вперед, словно персонаж гангстерского балета, Уайти схватил Стэна за горло.

– Где Дарла, Муни? ГДЕ ОНА?

Уайти сжал Стэну горло так крепко, что он не мог выговорить ни слова. Его глаза наполнились слезами, и единственное, что он смог произнести в ответ, был тонкий хрип.

– Отпусти его, Майдол, – приказал Бей Нг. – Видишь, он хочет говорить.

Разжав пальцы, Уайти сильно толкнул Стэна в грудь. Перелетев через комнату, Стэн очутился на низком кожаном диване. Остальные тоже расселись кто куда. С минуту Стэн растирал горло, глотал воздух и приходил в себя от боли. Нужно

было выиграть время. Он еще мог попробовать откупиться от них картой Кобба. Держась рукой за горло, он осмотрелся. Комната выглядела как офис преуспевающей фирмы, ее пол был выложен плитками из красного бимстоуна, а стены отделаны панелями из настоящего дуба, умопомрачительно дорогими. Бей Нг уселся за стол из красного дерева, рядом с которым в кресле элегантно расположился доктор Юкава. Уайти и Рикардо сели на кожаный диван вместе со Стэном, зажав его с обеих сторон, Уайти справа, Рикардо слева. Миссис Беллер устроилась во втором кресле, мило скрестив стройные ножки.

– Послушайте, – прохрипел наконец Стэн. – Давайте решать дела разумно. Я всего лишь частный детектив, не слишком молодой и удачливый. Если вы хотите о чем-то спросить меня, то валяйте, спрашивайте, я расскажу вам все, что знаю. Могу даже поведать историю моей жизни, если нужно, только пусть этот панк держит руки подальше от моего горла.

Последние слова Стэна почему-то очень насмешили Рикардо, и он звонко расхохотался, запрокинув голову. Он и Уайти сцепили руки, образовав поперек живота Стэна подобие ремня безопасности. Они держали его крепко – Стэн не мог даже рукой пошевелить.

– Если вы, парни, хотите, чтобы я что-то сделал для вас, то это можно обсудить. Клянусь, я понятия не имею, куда делась Дарла. Меня нанял боппер по имени Эмуль, он попросил меня зайти к Дарле, узнать, не беременна ли она, и в случае положительного ответа предложить ей выносить вместе с ее собственным еще одного ребенка, для него, второго. За эту услугу я должен был предложить ей двадцать кило баксов – деньги были при мне. Но не успел я толком и рта раскрыть, как она плеснула мне в лицо сливом и сказала, что сейчас же идет делать аборт. Эмуль попросил меня взять в карман блоху, так что, вполне возможно…

– Ты сволочь, легаш, бопперам задницы лижешь, – взвился вдруг Уайти и с маху тыльной стороной свободной руки влепил Стэну оплеуху. – Мы должны были встретиться с Дарлой «У загорелых», но она там так и не появилась.

– Что предложил тебе Эмуль? – спокойно спросил Бей Нг.

– Деньги, – ответил Стэн. – И… клон моей жены, Вэнди, – моя жена умерла. Шесть лет назад я случайно застрелил ее – это был несчастный случай. Бопперы выращивают клоны ее тела в своих гидропонных фермах. В том случае, если я выполню работу так, как было условлено, Эмуль обещал мне такой клон, искусственную вэнди.

– Очень трогательная история, – проговорил Бей Нг, его губы

тронула слабая улыбка и тут же угасла – погрузившись в размышления, он молчал целую минуту. Придя наконец к какому-то выводу, он посмотрел на Уайти.

– Если Эмуль хотел просто дополнительно обрюхатить твою Дарлу, Уайти, то она наверняка жива и с ней сейчас либо совсем все в порядке, либо ее уже превратили в плотти – одно из двух. Мы обязательно найдем ее и вернем тебе, это я обещаю. У ОСЦС отличные хирурги, и для них нет ничего невозможного – они наладят твою подругу. СДарлой, я уверен, все будет хорошо. Сейчас уже нет нужды торопиться и стоит действовать обстоятельно в полном соответствии с планом: во-первых, отправить Муни добровольным плотти к бопперам в Гнездо, ну и так далее. Эта его история с искусственной вэнди будет отличным прикрытием.

Бей Нг широко улыбнулся и откинулся в кресле.

– Все идет, как и было задумано. Нужды в спешке нет.

Неожиданно несколько фрагментов из недавних видений встали в голове Стэна на свои места.

– *Отправить меня куда-то добровольным плотти* – о чем это вы говорите?

– Уверен, что это ненадолго, – отозвался Юкава, заставив нижнюю половину своего длинного худощавого лица сложиться в улыбку. – Когда все кончится, специалисты ОСЦС вырастят клон удаленной части вашего мозга и вы снова станете полноценным человеком, как Бей уже об этом говорил насчет Дарлы. Конечно, если вы сами этого захотите. Потому что, по слухам, быть плотти не так уж плохо. Насколько я понял, плотти живут в специальных камерах со всеми удобствами, которые им предоставляют хозяева-бопперы в особом районе-экзосфере. Перед смертью Кен кое-что рассказал Уайти.

– Кен Долл? – переспросил Стэн, чувствуя себя все более и более паршиво.

– Точно, – отозвался Уайти. – Я поймал его после того, как он прицепил Дарле зомби-бокс… Выследил и… Я убивал его медленно, и он рассказал мне очень много. Ты два часа плескался там лужей на полу, Муни, и за это время многое случилось. Дарла исчезла где-то в конце Пассажа; по всему выходит, что там имеется какой-то потайной ход.

Лицо Уайти повисло в дюйме от лица Стэна.

– Ты знаешь, где находится этот ход, легаш?

– Как сказать, панк… может, я и скажу тебе, если ты начнешь убивать меня медленно.

Уайти оставил этот выпад без внимания.

– Что сказал тебе Кобб, после того как вытащил из твоей

головы блоху?

– Да, что он вам сказал? – вставил Бей Нг. – Нам всем это очень интересно. Зачем Кобб встречался с вами перед отлетом на Землю? Кобб ведь за людей, так?

– Кобб… Кобб за свободный обмен информацией. Он всегда был за это и остался верен себе до сих пор. Его бопперы научились создавать людей, и он был в восторге от этой новости. Но он не дурак и знает, какими безжалостными могут быть бопперы. Он…

Стэн обвел глазами комнату. Отсюда не вырваться, он здорово влип. И в запасе у него осталась всего одна козырная карта.

– Перед тем как мы расстались, Кобб дал мне инфокуб с картой Гнезда и глифы доступа. На тот случай, если нам придется нанести бопперам ответный удар.

– Я уполномочена говорить от лица ОСЦС, – объявила миссис Беллер. – Обусловленная необходимость для ответного удара сейчас появилась. Дети Мэнчайла, способные вырабатывать гибберлин, могут разрушить экологию всей Земли. В течение года их численность может возрасти до миллиарда, а еще через год – до триллиона. На этот раз бопперы зашли слишком далеко. Существует план ответного удара, и вы, мистер Муни, являетесь частью этого плана.

– Уверен, что ваша операция пройдет безболезненно, – сказал Стэну Юкава. – Миссис Беллер располагает связями с талантливейшими нейрохирургами, здесь, в ОСЦС. Часть правой доли вашего мозга придется удалить – совсем немного, менее трети, – на это место будет установлен нейропереходник, после чего вы отправитесь на Рынок и предложите свои услуги вашему другу Эмулю. Эти здешние хирурги, они настоящие мастера своего дела, возьмут у вас ровно столько, сколько нужно, – после вы сможете владеть левой половиной тела, хотя некоторая раскоординация не исключена.

Стэн попытался подняться, но не смог – сцепленные руки Рикардо и Уайти по-прежнему прижимали его к кожаным подушкам кушетки. И тому и другому силы было не занимать. Рикардо хмыкнул и нагло улыбнулся ему прямо в лицо.

– Ты слишком возбужден, Муни, – пропел он сладким кошачьим баритоном. – Такая операция, это то, что тебе нужно, Торчок, как раз и успокоишься. Утихомиришься ровно наполовину, на правую половину мозгов. Ты просто везунчик, парень, ты везучее нас всех.

Из нагрудного кармана рубашки Рикардо вытащил пачку жвачки.

– Хочешь пластиночку, Муни, расслабишься, кайфанешь?

– Нет, – отозвался Стэн. – Не хочу. Завязал два года назад.

Все это не его галлюцинации, это происходит с ним на самом деле.

– Наркотики мне дорого обошлись, из-за них я потерял работу и убил Вэнди. Может, вы знаете уже – там внизу, в Дейтоне, я когда-то служил полицейским. Меня взяли после того, как я разобрался с Мистером Морозисом.

Он порывисто вздохнул.

– Я имел с бопперами дело и знаю их – они всегда идут до конца. Если я стану плотти, они могут не дать мне вэнди. Зачем, ведь я буду их рабом.

– Не волнуйтесь, бопперы обычно держат свое слово. Вы будете очаровательной парочкой, – проворковала миссис Беллер. – С половиной взрослых мозгов на двоих.

– Бывший коп и его старушка, куда уж лучше, – подхватил Рикардо, весело обрабатывая резинку. – Как, вы сказали, мистер Юкава, бопперы называют это жилье для плотти: «Приют Счастливых»?

Юкава тонко улыбнулся, и Рикардо довольно затряс головой.

– Тебе на хрен не нужен будет наш мир, Муни, будешь там трахать свою гидропонную цыпку день и ночь напролет и горя не знать. Такая пустоголовая, как она, поверит всему, что ты ей наплетешь. Будешь жить как король. А когда она поумнеет, бопперы ей тоже всадят крысу – я слыхал, старик, что бабам они вырезают *левую* половину мозгов.

– Заткнись, Кардо, – рявкнул Уайти, вонзив локоть в живот Стэну так глубоко, что тот задохнулся. – При мне никаких шуток о женщинах-плотти.

Взглянув на Стэна, он переспросил его, уже спокойнее:

– Говоришь, Кобб дал тебе карту? Мы собираемся на прогулку, и она нам сейчас как раз пригодится. Где карта, в твоем офисе?

– Лучше убей меня медленно, панк. Задуши толстой задницей своей шлюхи…

От удара в шею Стэн потерял сознание. В себя он пришел от того, что кто-то брызнул ему в лицо холодной водой. Открыв глаза, он увидел над собой миссис Беллер со стаканом в руке.

– Поднимайтесь, Стэн, и выпейте это – тут просто вода. Зря вы задираетесь с Уайти, ему несладко приходится. Он переживает за Дарлу.

Глотание причинило Стэну невыносимую боль – воду едва удалось пропихнуть внутрь. Большая часть воды пошла не в то горло, и он закашлялся и кашлял долго, одновременно

обдумывая свое положение. Вопрос сводился к следующему: что он может потребовать в обмен на карту? Избавление, ни больше ни меньше. Сбежать он, конечно, попробует так или иначе при первой удобной возможности. Но прежде следовало поторговаться, просто на всякий случай.

– Если я отдам вам карту, вы отпустите меня? Плотти можно сделать из кого угодно.

– Нет, Муни, – прошептал Уайти. – Бей обещал мне, что в Гнездо отправишься ты.

– На ставке стоит судьба человечества, – торжественно провозгласил Бей. – Нет, в самом деле, Стэн. Одним геройским поступком вы сможете искупить множество грехов.

– Но я не вижу разницы, – возразил Стэн, голос которого хрипел и срывался. – Почему вам нужен именно я? Блоху на меня вы все равно поставить не сможете – бопперы засекут ее в два счета, как засек Кобб. Это бессмысленно. Я просто исчезну в Гнезде, и на этом все закончится.

– Выпейте воды, Стэн, – настойчиво повторила красавица Фэрн Беллер. – Выпейте воды и успокойтесь. Вы так хрипите, что вас страшно слушать.

Стэн покорно припал к стакану и сделал несколько глотков. Фэрн заботливо поддерживала его голову, ее руки были нежными и ласковыми, ох, какой тип секса вы предпочитаете, миссис Беллер?

– Мне близки и понятны чувства Уайти, – сказал Юкава, приглаживая рукой свои редеющие волосы. – Я был влюблен в Деллу Тейз, Стэн, я и сейчас ее люблю. Да вы и сами об этом знаете. Говорят, что сейчас она вне опасности, но то, что бопперы сделали с ней, – это страшно. И мне хотелось бы, чтобы это не сошло им с рук просто так. Я биоинженер, Стэн. И очень талантливый человек.

– Это мы уже слышали, – отозвался Бей, – и не раз.

Похоже было на то, что они с Юкавой дружески соперничали и постоянно пикировались.

– Таланта тебе не занимать, но иногда ты поступаешь просто глупо.

– Я создал чипоед, – повысил голос Юкава, старательно не обращая внимания на замечание Бей Нг. – В той воде, что вам только что дала выпить Фэрн, находилось несколько миллиграммов культуры этого микроорганизма. С сожалением должен констатировать, что вы, Стэн, инфицированы. Нам пришлось слукавить, и вы простодушно попались на крючок. Вашей задачей будет попасть в Гнездо и распространить там чипоед. Теперь, надеюсь, вы понимаете, как мало нас интересует,

сможем ли мы наблюдать за вами в Гнезде или нет.

– Послушайте, Макс, – подала голос миссис Беллер, ловко уклоняясь от струи воды, ударившей изо рта Стэна. – Вы уверены, что ему можно…

– Ничего-ничего, пусть знает, – снова подал голос Бей Нг. – Как только ему вживят в мозг нейропереходник, ему некуда будет деваться. Стэн будет играть в нашей команде, на него можно будет полагаться, как на самого себя. С ним у нас проблем не будет.

Юкава поиграл пальцами в воздухе и весело покрутил своей головой-яйцом.

– Чипоед был в воде, Стэн, которую вы только что *выпили*.

Рикардо весело хохотнул, и даже Уайти улыбнулся.

– Что за погань этот ваш чипоед? – спокойно, стараясь не подавать виду, спросил Стэн.

– В основу моего открытия положена теория о том, что биологическая жизнь может развиваться везде, где существует градиент температур, – начал разъяснения Юкава. – Вспомнить хотя бы трубчатых червей, обитающих на больших глубинах в жерлах вулканов. Или антарктические наскальные лишайники. В любом месте внутри тела боппера существует градиент энергии, в каждом чипе. Мне удалось создать живое существо, микроб, который существует, черпая жизненные силы от этого градиента. Я назвал его «чипоед».

– Не понимаю, – сказал Стэн. – И что же, этот чипоед разъедает цепи бопперов?

– Не только. Происходит нечто гораздо более тонкое, поскольку сам чипоед подобен высокочастотной пульсации с циклом в тысячную долю секунды. «Пищей» чипоеда, если вам понятнее такая терминология, в таком случае являются килогерцы электромагнитной энергии. Однако для простого паразита чипоед очень разумен. Он способен выборочно подавлять или поддерживать те или иные чипы, в зависимости от того, какая частота ему более предпочтительна. Я настроил чипоед таким образом, чтобы его излюбленной была частота мыслительных процессов бопперов. Он будет выедать им мозг.

Юкава продемонстрировал это: схватился руками за голову, вздрогнул и замер с искаженным лицом.

– И робот капут, так-то, Стэн, – дурашливо промурлыкал Рикардо.

– Старайтесь плеваться почаще, – наставительно заметил Бей Нг, лучезарно улыбаясь Стэну из-за письменного стола. – Представится случай, поднимите ножку тут и там.

– Круто, – спокойно проговорил Стэн, скрывая потрясение. Но

он еще не все узнал. – А сам-то я не помру?

– А черт его знает – нам всем на это, друг, насрать, – отозвался чувствительный Уайти. – Ты скажешь, где карта, или из тебя клещами придется тащить?

– Не волнуйтесь, – успокоительно ответил Стэну Юкава. – Такой высокоэнтропийной системе, как человеческий организм, чипоед не страшен, разве что горло поболит немного. Или что-то другое, у кого что ослаблено. Может быть, немного разыграется цистит. По правде сказать, поведение чипоеда мной до конца не изучено, например, я не знаю, каким окажется его действие на их мерц-покров.

– Будьте умницей, Стэн, – ласково попросила его красотка миссис Беллер. – Скажите нам, куда вы спрятали карту.

Это был его последний шанс.

– Карта у меня в письменном столе в офисе. Но достать ее оттуда никто, кроме меня, не сможет. Я оставил в столе «умную» бомбу.

– Ловко, – с ненавистью отозвался Уайти. – Хотя другого от такой сволочи, как ты, я и не ожидал. Где тебя научили таким штукам – в полицейской академии? А ты, случайно, не пудришь нам мозги?

– Мне наплевать на то, веришь ты мне или нет, панк. Как я сказал, так оно и есть – слово в слово. Карта лежит в моем письменном столе рядом с «умной» бомбой, которую только один я смогу отключить. Бомба знает меня в лицо.

– Ну хорошо. Мы с Кардо отвезем тебя туда. Что скажешь, Бей?

Прежде чем ответить, Бей думал – не меньше двух минут, словно над шахматной доской перед очередным ходом.

– Хорошо, – наконец ответил он. – Поднимайтесь на крышу, возьмите жука и слетайте к нему в офис. Чтобы он никуда не делся, воспользуйтесь шокером. Миссис Беллер полетит с вами. Действуйте осторожно, с головой.

– Шокер у меня есть, – быстро отозвалась миссис Беллер и взяла свою сумочку. Достав оттуда упакованный в фольгу диск, она освободила его от оболочки и прилепила специальной клейкой стороной к шее Стэна. – Можете отпустить его, ребята.

Уайти и Рикардо расцепили руки, и Стэн поднялся.

– Подойдите ко мне, Стэн, и поцелуйте меня, – сказала ему миссис Беллер. Оттопырив свои пухлые губки, она высунула наружу кончик розового язычка. – Ну же, пойди к мамочке.

Стэн опасливо сделал шаг, и в тот же миг миссис Беллер нажала кнопку на пульте, который незаметно держала в руке. Из диска, прилепленного к шее Стэна, в его шею ударил мощный

электрический разряд. О существовании такой боли он даже не подозревал. Свалившись, как подрубленное дерево, на пол, он с минуту извивался в конвульсиях у ног миссис Беллер, потом замер, уставившись выпученными остекленевшими глазами на ее туфли-лодочки. Окончательно он очухался только через несколько минут. Когда он сумел подняться на ноги, то уже знал, что с этих пор в его голове главное место заняла одна-единственная мысль: ни за что в жизни он не сделает ничего, что может дать миссис Беллер повод нажать на кнопку снова.

В компании миссис Беллер, Рикардо и Уайти Майдола Стэн вышел из офиса Бей Нг в просторный холл.

– Сейчас мы находимся на шестом этаже здания концерна ОСЦС, – чистым голоском проговорила миссис Беллер, с удовольствием разыгрывая из себя гида. Они двинулись вперед – миссис Беллер рядом со Стэном, Рикардо в тылу и Уайти во главе. Широкие бедра миссис Беллер соблазнительно двигались. – Не всем известно, что аббревиатура ОСЦС означает «Объединенная Система Цифровой Связи». Корпорация возникла в результате слияния AT&T и «Мицубиси».

Сегодня в руках ОСЦС находится около 60 процентов производства виззи-продукции и 80 процентов каналов связи. Все, что вы видите здесь, – здание ОСЦС в Эйнштейне, лаборатории, офисы и сеть дочерних организаций— все это намеренно перенесено сюда подальше от проницательного взгляда Земли, как бы имея в виду случай «В доме моего отца много поместий». Большинству невдомек тот факт, что в ОСЦС нет общепризнанных лидеров и нет единой оговоренной политики. Внутреннее функционирование ОСЦС происходит по сложной системе, основанной на высокой степени параллелизма и нелинейных взаимодействий. Потому что другого способа справиться с мировым хаосом не существует.

Предполагается, что ОСЦС поддерживает Церковь Органического Мистицизма Бей Нг в надежде на то, что в его власти в конце концов может оказаться коммерчески применимая форма телепатии, но на самом деле мы просто хотим держать руку на пульсе рынка слива, который в ближайшее время обещает стать невероятно популярным. Кроме того, Бей Нг располагает очень ценными связями во многих сферах.

С обеих сторон длинного коридора, в который они вышли, тянулись ряды просторных лабораторных помещений с совершенно невероятным и загадочным оборудованием. По всему чувствовалось, что ОСЦС – огромная и очень могущественная организация, и вряд ли кто мог знать, что происходит за стенами всех этих лабораторий. Хотя основная идея была ясна –

корпорация всеми возможными способами пыталась не отстать от бопперов, а в чем удастся – и обогнать их. В одной из комнат кибербиологи работали с образцами биологических культур, вызревающих тут же бесконечными рядами под мертвенным светом рефлекторов. В соседнем зале висящий на потолке огромный многоглазый автомат-техник внимательно следил за объемными формами, мгновенно выступающими из огромной кучи имиполекса и так же быстро исчезающими. В другой комнате, под табличкой «Лаборатория информатики», Стэн увидел, как несколько похожих на хирургов механиков осторожно демонтировали обожженную бластерными выстрелами женщину-петафлопа. Кто был этот боппер – Береника, погибшая почти одновременно с Мэнчайлом? Стэн улыбнулся, пытаясь представить себе, чем может сейчас заниматься на Земле Кобб, которому посчастливилось скрыться.

Внезапно Стэн перестал улыбаться, сообразив, что где-то здесь, быть может, за следующим поворотом коридора или на другом этаже, его ожидает нейрохирургическая операционная, где очень скоро, может быть, если не повезет, ему вскроют череп. Он вздрогнул и взглянул на миссис Беллер, которая не умолкала ни на секунду.

– ОСЦС внимательно следит за всеми новейшими научными достижениями, имея в виду единственную цель, – говорила она. – Цель проста и понятна: «Каким образом то или иное открытие может быть использовано для укрепления могущества и безопасности людей». Обычно речь идет только о накапливании потенциала, но иногда ситуация складывается так, что становится необходимым деятельное вмешательство. Мэнчайл и его дети представляют собой реальную угрозу нашим основным потребителям, расе людей. На встрече высшего совета директоров корпорации было решено воспользоваться услугами нашего подопечного Бей Нг, в свою очередь предложившего обратиться к его слив-брату, Максу Гибсону-Юкаве, располагающему действенными средствами. Как вы поняли из недавних объяснений доктора Юкавы, применение его средств к бопперам может оказаться весьма радикальным. Вот сюда, к лифту.

Полет на жуке к офису Стэна не был отмечен никакими происшествиями. Первые признаки беспокойства его провожатые начали проявлять, только оказавшись в коридоре на этаже, где находилась его контора. Хотя об этом ничего не было сказано, но все же было видно, что всех чрезвычайно занимает один и тот же главный вопрос: «*Насколько* умна эта бомба Стэна?»

Внутри конторы Стэна миссис Беллер заняла пост у двери. Положив большой палец на кнопку шокера, она подняла руку так,

чтобы устройство было у Стэна на виду. Рикардо и Уайти разошлись по углам и заняли позиции у дальней стены комнаты, взяв письменный стол и Стэна на прицел своих игловиков. Остановившись у своего выкрашенного коричневой эмалевой краской металлического стола, Стэн повернулся к миссис Беллер и двери офиса лицом и взялся за ручку выдвижного ящика. Справа перед ним стоял Рикардо, а слева и тоже перед ним – Уайти.

– Только спокойно, Стэн, – промурлыкала миссис Беллер. – Будьте хорошим мальчиком, достаньте из стола свою карту и больше ничего не делайте. Отключите бомбу и не делайте лишних движений.

Сказав это, она погладила кнопку шокера большим пальцем, и легкое эхо недавней невыносимой боли легко отозвалось в шее Стэна. Нахмурившись, миссис Беллер заставила свой голос звякнуть металлом, очевидно решив, что наступила пора перейти от роли «хорошего копа» к роли «копа плохого».

– Не вздумай хитрить со мной, Муни, иначе ты у меня на всю жизнь заикой останешься.

– Ясно, – отозвался Муни. – Трахай меня, твоя взяла. Я в твоей власти, красавица, делай со мной что хочешь, вырезай мозги, отсылай вместе с моей вэнди в «Приют Счастливых», раз уж я такая бестолочь.

Улыбнувшись заискивающе и раболепно, он рывком выдвинул правый верхний ящик своего письменного стола.

– Карта здесь.

В тот же момент бег времени для него замедлился до чуть живого черепашьего хода. В течение следующей секунды произошло следующее.

Выдвинув почти полностью ящик стола, Стэн опустил вниз глаза и поглядел на кинетическую «умную» бомбу, лежащую рядом с красным инфокубом – картой Кобба. Бомба представляла собой шар из плотной темно-синей резины с единственным глазом-объективом, горящим злым красным светом. Срабатывая, подобные бомбы *не взрывались*, а набрасывались на незваного пришельца и мощным ударом вышибали из того дух. Начинка бомбы состояла из полония и была довольно массивной. По внешнему диаметру бомбы шла имиполексовая полоса, представляющая собой мегафлоп, отвечающий за распознавание объектов, наведение на цель и одновременно включающий в себя антигравитационный двигатель, получающий энергию от атомного полониевого микрореактора. По уровню сообразительности бомба приблизительно соответствовала собаке. Распознав Кобба, бомба мгновенно активизировала свой

мощный антигравитационный двигатель и на несколько миллиметров приподнялась над коричневым дном «ящика», ровно настолько, чтобы Стэн мог понять, что его «умная» бомба готова прийти своему хозяину на помощь.

Компьютер бомбы был запрограммирован Стэном на чтение сигналов, которые он подавал движением глаз. Глядя прямо в красный объектив бомбы, он мигнул дважды, что означало «БЕЙ ИХ», потом быстро перевел взгляд на правое запястье миссис Беллер, что означало: «СЮДА В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ».

Бомба начала бесшумно вращаться, приготовившись к атаке.

Стэн поморщился, придав лицу брезгливое выражение.

– Напрасно беспокоились. Бомба, оказывается, сломана.

Впившись взглядом в запястье миссис Беллер… он внезапно страшно расширил глаза.

Молнией вылетев из ящика стола, бомба отрикошетила от потолка и точно и сильно стукнула миссис Беллер в запястье. Красавица пронзительно вскрикнула, пульт шокера вылетел из ее пальцев и со стуком упал на пол. Ее правая рука повисла плетью. Отскочив от пола, бомба нацелилась на Майдола. Срикошетив по пути от потолка и стены, поразительный снаряд врезался Уайти в голову и сбил его с ног. Разобравшись с панком, бомба отыскала своим красным глазом Рикардо и изменила вращение внутреннего гироскопа таким образом, чтобы, разогнавшись, чиркнуть о потолок и оттуда угодить тому прямо в лоб. Скорость полета кинетической бомбы составляла около 40 футов в секунду, или 30 миль в час, – большая скорость была недопустима, иначе ее система наведения не успевала эффективно следить за целью.

Отыскивая цель и рассчитывая траекторию, бомба думала с максимальным напряжением, но, к сожалению, возможности мегафлопа были ниже реакции Рикардо.

Сознание Рикардо полностью разобралось в происходящем только после того, как бомба, действующая с точностью запущенного бильярдистом-виртуозом шара, нейтрализовала Уайти, но как только это случилось, мышцы его руки начали реагировать на движение темно-синего шара. Молниеносная обратная связь «глаз – рука» нацелила игловик на бомбу. Указательный палец Рикардо напрягся, и очередь сбила летучий снаряд сразу после того, как тот отскочил от потолка.

Бомба развалилась на четыре или пять кусков, разлетевшихся во все стороны, ударивших в стены и пол. Насыщенная событиями секунда закончилась.

Первым же делом Стэн отлепил от шеи диск шокера, швырнул его на пол и раздавил каблуком.

– Ты у меня на прицеле, Муни, не вздумай дергаться, –

натянутым голосом предупредил его из своего угла Рикардо. – Отличный ход, поздравляю. Хорошо, что мы пришли сюда втроем. Как дела, Фэрн?

– Эта штуковина сломала мне запястье, – простонала миссис Беллер.

Пинком ноги Стэн отослал останки шокер-диска под стол.

– Теперь слушайте, что я вам скажу, Фэрн. Ваше счастье, что я уже не молод и готов идти на компромиссы. Я сделаю все, что вы хотите, отправлюсь в «Приют Счастливых» и распространю по Гнезду вашу заразу, но вы должны будете мне за это заплатить. Мне нужен официальный контракт с ОСЦС, с подписями и печатями, по всем правилам. И в этом контракте должны быть черным по белому записаны три пункта.

Стэн поднял перед собой руку с тремя отставленными пальцами, приготовившись перечислять пункты один за другим.

В углу комнаты зашевелился и застонал Майдол, начинающий приходить в себя. Стэн заговорил быстрее.

– Во-первых, в обмен на мое сотрудничество я хочу получить статус штатного служащего ОСЦС. Мне нужна работа. Во-вторых, согласившись подвергнуться операции, я хочу, чтобы ОСЦС пообещала мне вырастить клон той части мозгового полушария, которой я лишусь. Если вдруг окажется, что быть плотти совсем не так приятно, как вы расписываете, я хочу иметь возможность снова стать нормальным человеком и получить свои мозги обратно. И наконец, в-третьих, я хочу, чтобы на мой счет в банке была переведена сумма в размере полугига долларов.

– Вы только послушайте, какая сволочь, – простонал Уайти, который уже поднялся на ноги. Чтобы не упасть, он стоял, держась рукой за стену.

– Вот, Уайти, твоя карта, – сказал Стэн и протянул Майдолу инфокуб Кобба. – Карта Кобба, как я и обещал. Ты принесешь ее Бей Нг и снимешь все сливки. Если ОСЦС согласится подписать со мной контракт, то нам придется работать вместе, так что лучше не портить отношения. Уверен, что этот «Приют Счастливых» – место вполне сносное. Если, конечно, все вы не вешали мне лапшу на уши. Вместе мы постараемся, чтобы все прошло в лучшем виде и никто не остался в обиде…

Уайти повертел в руках красный пластиковый куб.

– Как он работает?

– Это цифровая запись карты Гнезда и Эйнштейна, не далее как вчера сделанная при помощи сети следящих камер бопперов, называющейся «око бога». Карта свежая, потому Кобб и отдал ее мне. По его словам, просмотреть эту карту можно при помощи любого голокастера. Изображением можно играть по четырем

параметрам: по трем пространственным осям и масштабу. Кобб дал мне карту специально на тот случай, если бопперы зайдут слишком далеко. Тут можно будет отыскать все их потайные ходы и… – Стэн замолчал и оглянулся. – Я проверял сканером контору два дня назад, но черт его знает. Может, лучше продолжим разговор в ОСЦС, там, где нас никто не услышит?

– Хорошо. Возвращаемся! – решительно объявил Рикардо.

Вчетвером они вышли в коридор, поднялись на крышу, прыгнули в жука и долетели до здания ОСЦС. Стэн чувствовал прилив сил и готовность действовать – многое успешно разрешилось в столь короткое время. Бог с ними, с мозгами, будем надеяться на то, что хирурги оттяпают у него самую малость. Вэнди, дорогая, я иду к тебе!

Глава 11
Когда Бубба проснулся

8 февраля 2031 года

Когда Бубба проснулся, мама и дядя Кобб были внизу и о чем-то разговаривали с конюшим. Конюшего звали Лютер; он был хороший человек. От зари до зари конюший работал внизу в стойлах. Жена Лютера Джиджи заезжала за ним на пикапе в сумерках, когда большая часть работников уже расходилась по домам. Джиджи была веселой, постоянно смеялась и шутила и каждый раз приносила Буббе большой пакет с едой. Ночью Буббе, когда он не ел, разрешали выйти наружу и побегать на улице, но днем он должен был сидеть тихо. Мама и дядя Кобб сказали Буббе, что плохие люди повсюду ищут их и если найдут, то могут убить.

Мама была очень хорошая и добрая. Дядя Кобб был сильным и веселым. Лютер и Джиджи были хорошими, добрыми и веселыми. Лошади тоже были хорошими и добрыми, хотя и не умели говорить.

Место, где они с мамой и дядей Коббом были, называлось Черчилль-даун, и находилось оно на окраине города Луисвилля, на Земле. Дом, в котором они жили, назывался конюшней. В конюшне жили лошади; лошадей было много, и они стояли в стойлах одна рядом с другой. Над стойлами под просторной острой крышей находился сеновал. Мама, дядя Кобб и Бубба сделали там себе в соломе и сене очень уютное гнездо. Солома была жесткой, пустой внутри и блестящей; сено было пыльным и светло-зеленым. Лошади ели сено и хрумкали соломой.

Днем Бубба подолгу лежал на полу чердака и смотрел сквозь щели вниз на длинные ряды конских стойл. Перед каждым из стойл, которые днем пустовали, стояла беговая коляска в виде треугольника со скругленными концами. В эту коляску запрягалась лошадь, чтобы везти ее и седока, и это называлось «бега», но сейчас бегов не было, так как на улице было слишком холодно и повсюду лежал снег из замороженной воды. Кобб сказал Буббе, что, когда Бубба станет очень, очень взрослым, снег растает и земля покроется травой и цветами.

Бубба знал, как выглядят розы. Внутри него находилось очень много Знания, потому что он был человекобопом. Бопперы создали отца Буббы, у которого были сперматозоиды с двумя хвостами: один хвост – для тела, другой – для Знания. У сперматозоидов Буббы тоже будет по два хвоста, как только его

тело начнет вырабатывать их, а это случится скоро, очень скоро, потому что сейчас ему уже было тринадцать. А завтра будет четырнадцать.

Кобб закончил разговаривать с Лютером и забрался по приставной лестнице на чердак. Бубба услышал, что Кобб поднимается, и через несколько мгновений увидел его голову, высунувшуюся из квадратной дыры в чердачном полу. Кобб был боппером, хотя когда-то много лет назад был человеком из плоти. У Кобба были седые волосы и блестящая розовая кожа. Когда он говорил, его шея тряслась.

– Привет, воробушек, как дела? – Пробравшись через брикеты сена и соломы, Кобб сел на подстилку рядом с Буббой.

– Хорошо, дядя Кобб. Сижу вот и думаю. Что вам сказал Лютер?

– Лютер сказал, что ты единственный из детей Мэнчайла, кому удалось спастись. Вчера ночью убили последнего из тех, кто еще оставался.

Бубба очень любил слушать рассказы про своего отца.

– Каким был мой отец? Расскажите, дядя Кобб.

– Он был отличным парнем, по-настоящему крутым. Умница и сорвиголова. Он произнес всего две речи, больше ему не удалось, но что это были за речи! Первый раз он выступал по виззи, передача велась из дома Сюзи Пиггот, а второй раз говорил перед народом на стоянке Фэйрграунд. Там Марк Пиггот и застрелил его. Потом люди Пиггота убили Беренику и ранили меня – повредили мои ионные сопла.

Кобб взглянул на свои обожженные ноги.

– Думаю, что на Луну мне не скоро удастся вернуться.

– А о чем мой отец *говорил* в своей речи?

– Он говорил, что люди и бопперы равны. Что они, по большому счету, одно и то же. Это чистая правда, но многим людям очень не понравилось то, что они услышали. Многие из них считают, что пол и цвет кожи играют какую-то роль. Хотя, по сути, все мы, мыслящие существа, не более чем средства обработки информации, и Бог любит всех нас одинаково. По-моему, это настолько очевидно, что с этим должен согласиться любой.

Внизу коротко заржала одна из лошадей. Кобб улыбнулся.

– Да, Счастливый Билетик, и лошади тоже. Даже мухи и атомы. Все мы есть Единственный, а Единственный – это весь мир.

– А ты видел Бога, дядя Кобб?

Кобб улыбнулся задумчиво и печально, как всегда, когда вспоминал об этом.

– Видел, воробей. Когда умер и был мертвым, то провел с Богом десять лет. Тогда я отлично отдохнул. Береника вернула меня к жизни, потому что кто-то должен был позаботиться о *тебе*.

Дядя Кобб протянул руку и взъерошил светлые волосы Буббы.

– Мой внук Вилли попал в тюрьму, и мне не хотелось бы умирать прежде, чем он освободится. Я хочу помочь ему. Я уверен, что вы с Вилли понравитесь друг другу. Знаешь, ведь это он привез тебя, Киско и меня сюда в тот вечер, когда убили Мэнчайла. Кто-то видел, как Вилли увозил нас с Фэйрграунда, но он не сказал Гимми, где мы спрятались. Вилли спас тебе жизнь, Бубба.

– Привет, ребята, – милое лицо мамы появилось из дыры над лестницей. От холода из ее рта шел пар.

– Привет, Киско, – отозвался Кобб. – Смотри, каким взрослым стал сегодня Бубба.

Мама обняла Буббу и крепко поцеловала его. От маминых губ и ее запаха в яичках Буббы появилось приятное тянущее ощущение.

– Мама… можно мне сделать тебе ребенка?

Киско нервно рассмеялась и легонько подтолкнула Буббу.

– Слишком легко ты решил устроиться, дружочек. Во-первых, это невозможно, а во-вторых, мне хватило того, что я родила тебя. Это оказалось не так-то легко. Одной беременности в месяц вполне достаточно! Очень скоро ты сможешь выбрать себе женщину по вкусу, одну или, может быть, несколько, только подожди немного.

– Ты считаешь… – Кобб поднял бровь.

– Да, сегодня вечером, – ответила Киско. – Один из тренеров сказал, что завтра Гимми собирается нагрянуть в конюшню.

Мама погладила Буббу по руке.

– Сегодня вечером ты отправишься в город и найдешь там себе женщину, Бубба. Ей ты сможешь сделать ребенка. Не волнуйся, когда дойдет до дела, ты разберешься, что к чему. Главное – побольше улыбайся, не бойся идти напрямик и смело заводи разговор о сексе. Думаю, что легче всего тебе будет подцепить красивую девушку в спортивном клубе «Ля Мираж». Вежливо представься, поговори с ней немного о том о сем, а потом так, невзначай, скажи: «Ты так прекрасна, что мне не терпится лечь с тобой в постель». Если она ответит «нет», поблагодари ее за приятную беседу, попрощайся и попытай счастье с другой девушкой. На самом деле это гораздо проще, чем представляет себе большинство мужчин.

От восторга и страха у Буббы часто забилось сердце.

– Это на самом деле так просто? – усмехнулся Кобб. – Жаль,

что я не знал этого раньше. Как ты думаешь, Киско, они не станут спрашивать у него удостоверение личности?

– Ни одна женщина ни разу не просила удостоверение личности у Мэнчайла, а мой Бубба еще больший красавчик, чем его отец. В таких случаях женщины смотрят не на паспорт, а на одежду.

Киско улыбнулась и достала из кармана ленту-метр.

– Джиджи согласилась заехать к братьям Брукс и купить там тебе одежду, Бубба.

Вечером, как обычно заехав за Лютером, Джиджи привезла им сумку с обновками для Буббы. В сумке были розовая рубашка-оксфордка, дорогой костюм из чистой шерсти и мягкие кожаные туфли, носки в полоску, симпатичные узкие трусики и модный имиполексовый галстук. По сути дела, это была первая нормальная одежда Буббы. Он сбросил с себя свои старые обноски, из которых давно вырос, выкупался в поилке для лошадей и облачился в новенькую пару. Костюм был серый в микроскопическую черную клетку, редко продернутый ярко-красной ниткой.

– Ого, а парень-то выглядит на все восемнадцать, – восхищенно заметил Кобб. – Я точно говорю.

Он подошел к Буббе и помог ему завязать галстук. Киско достала свою расческу и пригладила Буббе волосы, потом открыла сумочку и самую малость подвела ему глаза.

– Ты красавец, как с картинки, – сказала ему она и запечатлела на его щеке долгий, горячий поцелуй. – Надевай пальто, перчатки и шарф – и ты готов, дорогой.

Голос у мамы был очень странный.

Бубба надел новенький плащ из золотистого пеноплена. Неожиданно по щекам мамы побежали слезы.

– Ступай, Бубба, пока я совсем тут не расклеилась. Когда доберешься до конца Пятой улицы, поверни налево, и окажешься в центре города: «Ля Мираж» находится на углу Второй улицы и бульвара Мухаммеда Али. Я буду… – Мама закрыла лицо руками и разрыдалась.

Бубба почувствовал, что из его глаз тоже вот-вот побегут слезы. Он повернулся и взглянул на Кобба.

– Вы с мамой останетесь здесь?

Кобб покачал головой.

– Нет, вместе нам оставаться нельзя. Легавые охотятся за тобой, но мимо меня и Киско они тоже не пройдут. Наверняка нас уже видели здесь, и копы не заставят себя долго ждать. Когда ты уйдешь, мы и Киско направимся к Индианаполису и постараемся отвлечь внимание на себя. Там мы и разбежимся – я, пожалуй,

подамся во Флориду, а она решила ехать в Нью-Йорк. Знаешь что, я тут, кажется, придумал, как организовать тебе удостоверение личности.

Кобб аккуратно оторвал от своей кожи прямоугольный кусок имиполекса.

– Вот тебе карточка. Только что ты здорово разбогател – теперь на твоем счету лежит сто тысяч.

Бубба взял пластиковый прямоугольник в руку и рассмотрел его. На карточке, в которую превратился имиполекс, имелась его фотография и значились имя и дата рождения: «Буффорд Киско Андерсон. Родился: 26 января 2010 года». Что означало, что ему двадцать один год. Что ж, через неделю ему действительно исполнится столько, день в день.

Они уже вышли из конюшни и стояли на мерзлом гравии во дворе. Вокруг быстро темнело.

– А сколько лет вам, дядя Кобб?

– Первый раз я появился на свет 22 марта 1950 года. Если брать эту дату, то мне сейчас восемьдесят. Мне очень много лет, хотя я не знаю даже, как это объяснить тебе, который каждый день взрослеет на год. Тебе трудно будет это понять, потому что при таких темпах ты догонишь меня, гм… к 16 апреля. Дай Бог, чтобы тебе удалось дожить до таких лет. Надеюсь, ты не собираешься создавать никаких новых сект?

Бубба вытер лицо рукавом своего плаща, материал которого напоминал блестящую кожу. Его голова была полна новым Знанием.

– Нет, у меня другие планы. Заведу себе дюжину детей, а те родят мне сотню внуков и несколько тысяч правнуков. Бог даст, к июню нас здесь станет миллион. Вот тогда можно будет поговорить и о новой религии!

Кобб кивнул, словно знал это и так, но на лице Киско мелькнуло удивление.

– Зачем тебе так много детей, Бубба? Так скоро вся наша планета покроется шустрыми голодными пацанами. Что тогда будет?

– Ничего страшного, пусть действует, – отозвался Кобб. – Когда бопперам откроется дорога, они найдут способ нейтрализовать гибберлин и наплодить ребятам девчонок.

– Я буду скучать по тебе, мама, – сказал Киско Бубба, протягивая к ней руки и пытаясь обнять.

Она поспешно оттолкнула его, чуть сильнее, чем это могло показаться необходимым.

– Иди, Бубба. А то мы так простоим здесь всю ночь – не дай бог Гимми нагрянет.

На прощание она погладила Буббу по щеке.

– Ты хороший мальчик. Что бы ни случилось, я горжусь тем, что я твоя мать.

Сделав несколько шагов, Бубба повернулся и оглянулся на Киско и Кобба.

– Будьте осторожны, хорошо?

Кобб махнул ему рукой: иди, мол.

– Не волнуйся за нас, воробушек. Мы, предатели расы, крепкие ребята. Нас голыми руками не возьмешь. Мы с Киско приберемся на чердаке, потом достанем где-нибудь машину, и поминай как звали. Все в порядке. Помоги своему кузену Вилли, если вдруг представится возможность.

Уже совсем стемнело, и машин на улицах почти не попадалось. Отыскав Пятую улицу, Бубба свернул на нее и быстро зашагал к центру города. Поначалу в непривычных ботинках он чувствовал себя довольно неловко, в особенности там, где тротуар обледенел. Проходя мимо домов, Бубба тут и там заглядывал в освещенные окна, за которыми люди сидели за ужином вокруг столов. Не прошло и часа, как в животе у него заурчало. На пути ему попалось несколько полупустых гриль-баров и закусочных, но ему не понравилось внутри и он не стал в них заходить. Впереди, рядом с тем местом, где еще теплился серый призрак заката, небо было освещено яркими огнями города. Уставившись в тротуар, он быстрее зашагал вперед к свету.

Наконец улица вывела его к широкому проспекту, где движение еще было оживленно. Холодало, и он здорово замерз, в особенности мерзли щеки и нос. Резкий порывистый ветер продувал мостовую, где негде было укрыться, насквозь. Прохожих, кроме Буббы, не было видно вообще. Но рядом с ним, на углу Пятой улицы и Бродвея, за широкой, ярко освещенной витриной большого магазина он заметил человека. Бубба толкнул дверь и вошел погреться внутрь.

К нему тут же подошел мужчина, толстый и с красным лицом. Он был немного похож на Кобба, но совсем чуть-чуть.

– Привет, – сказал ему мужчина и протянул для пожатия руку. – Я Кусс Бэкингем. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Зачем и когда люди жмут друг другу руки, Бубба знал.

– Я Буффорд Андерсон, – сказал он, крепко встряхнув Бэкингему руку. – Там так холодно и темно снаружи. И такой ветер.

Киско объяснила ему, что во всех случаях, когда он не знает о чем говорить, лучше всего заводить разговор о погоде.

– Вы, наверное, хотите позвонить и вызвать такси? – понимающе кивнул Бэкингем. – Или, может быть, присмотрите что-нибудь у меня? Папочка обещал вам машину в подарок?

Внутри магазина имелось несколько красивых новеньких автомашин, поблескивающих лаком. Бубба сообразил, что человек, к которому он попал, торгует машинами.

– Мой отец умер, – ответил он. – Но раньше у него был «дузер».

Рассказывая ему о Мэнчайле, Киско несколько раз упоминала о том, как ловко тот водил «дузер».

– Но отец умер. У вас есть «дузеры», мистер Бэкингем?

Запрокинув голову, Кусс Бэкингем театрально рассмеялся, словно они с Буббой были заправскими, давнишними друзьями и теперь шутили друг с другом.

– Есть ли у меня «дузеры»? Спросили бы лучше, ест ли лягушка мух!

– Я не знал, потому и спросил, – ответил Бубба и поискал в кармане плаща карточку. – Могу я заплатить за машину кредитной карточкой? Мне уже двадцать один, я совершеннолетний, и дядя дает мне столько денег, сколько мне нужно.

Торговец машинами перестал смеяться и взял у Буббы его карточку. Потом посмотрел внимательно на Буббу, снова повертел в руках его карточку и опять поднял глаза.

– У меня как раз есть новенький «дузер», Буффорд.

Бэкингем повернулся и указал рукой на роскошную спортивную машину в глубине зала.

– Большое спасибо, мистер Бэкингем. Зовите меня, пожалуйста, просто Бубба.

– Конечно, конечно, Бубба, ты тоже можешь звать меня Кусс. Это «дузер» последней модели 2031 года, у него полный бак и цена вполне невысокая. Машина – зверь. Можешь пойти и посмотреть, а я пока разберусь с твоей карточкой.

Открыв дверцу машины, Бубба уселся за руль. Водить машину он умел – Знание рассказало ему, как это делается. Это было похоже на то, как если бы при виде машины он вдруг вспомнил то, о чем когда-то забыл. Спортивный автомобильчик был выше всяких похвал. Судя по спидометру, он мог развивать скорость до 200 миль в час. Сиденья были обтянуты натуральной кожей, а приборная доска отделана деревом.

Через несколько минут у машины появился Кусс Бэкингем и присел на корточки перед Буббой.

– Все в порядке, мистер Андерсон, банк подтвердил ваш кредит. Ну что, вам понравилась моя малышка?

– Я возьму ее.

Через несколько минут, после того как необходимые бумаги были подписаны, Кусс выкатил машину на стоянку своего магазина. Бубба уселся за руль, Бэкингем махнул ему рукой, и «дузер» помчался по Бродвею.

Пятая улица, Третья улица, Вторая улица, поворот налево. Мейн-стрит, Честнат-стрит и, наконец, бульвар Мухаммеда Али. Большой каменный дом на углу, поворот направо. Большая яркая вывеска, вся в разноцветных огнях: «Спортивный клуб «Ля Мираж». Рядом с клубом трехэтажный гараж. Тут можно будет оставить машину. Теперь нужно запереть дверцу и положить ключ в карман. Все, он готов.

По широкой мраморной лестнице Бубба поднялся к дверям клуба «Ля Мираж». Был субботний вечер, и народу внутри оказалось много. Все без исключения посетители клуба, и мужчины и женщины, и черные и белые, и старые и молодые, были одеты чрезвычайно элегантно и выглядели очень изящно. На многих были вечерние туалеты, но были и спортивные пиджаки. Портье у дверей вежливо попросил взглянуть на карточку Буббы, и молодой человекобоп был допущен внутрь.

– Могу я попросить ваш плащ, сэр?

Из широкого прямоугольного проема в стене Буббе улыбнулась молодая, очень красивая, стройная и длинноволосая девушка. Он заметил, что за спиной девушки во много рядов висят пальто и плащи.

– Да, конечно, – отозвался Бубба. – Вот, пожалуйста.

Сбросив с плеч свой блестящий плащ, он протянул его длинноволосой красавице. Приняв у Буббы плащ, та улыбнулась, грациозно повернулась, повесила плащ на свободные плечики, повернулась обратно и улыбнулась опять.

– У вас красивый галстук, сэр.

У девушки были одухотворенное и очень правильное лицо и полные, чувственные губы. Плавная линия спины и длинная шея придавали ей вид уверенной в себе и все время готовой к нападению хищницы.

– Спасибо. Меня зовут Бубба. А вас?

– Кери. Вы тут недавно у нас?

– Да.

Бубба глубоко вздохнул и наклонился к девушке.

– Вы очень красивая, и мне хотелось бы лечь с вами в постель.

– Я понимаю вас, – отозвалась Кери. – Но, к сожалению, мой парень собрался сегодня вечером сделать то же самое.

Весело рассмеявшись, она ласково сказала, заметив

выражение почти детской обиды, появившееся на лице Буббы:

– Чил-аут холл и ресторан сразу же за дверью налево, сэр, а гимнастический зал наверху. Надеюсь, там вам повезет больше. Желаю удачи!

Бубба глуповато улыбнулся, повернулся и прошел в великолепное фойе, с высокими лепными потолками, мраморным полом и отделанными дубовыми панелями стенами. Наверное, он слишком мало внимания уделил промежуточной части разговора, той, про которую мама сказала: «поговори о том о сем». Или, что более вероятно, девушки типа Кери просто были не в его весовой категории. Ведь, в конце концов, ему было всего тринадцать.

Он вошел в чил-аут холл «Ля Мираж» и остановился на входе. Его сознание поспешно провело обзор Знания на предмет ближайших аналогий. «Выставка», «Музей робототехники Диски» – вот что прежде всего приходило на ум. Тут и там у стен холла в креслах перед небольшими устройствами на столиках сидели люди, что-то слушали или неотрывно смотрели в экраны. Головы некоторых из сидящих были полностью скрыты под шлемами.

– Добро пожаловать, сэр, – обратился к нему молодой человек во фраке. – Вы у нас впервые?

– Да. Я голоден.

– Очень хорошо, сэр, обед будет подан вам через двадцать минут. Столик на одного или на двоих?

Бубба оглядел чил-аут и отметил, что тут имеется предостаточно одиноких женщин.

– Столик на двоих, – ответил он фрачнику. – Вам нужна моя карточка?

– Нет, только ваше имя, сэр.

– Буффорд Киско Андерсон.

– Прекрасно, большое спасибо. Вам придется немного подождать, а пока к вашему распоряжению все имеющиеся здесь у нас замечательные стимулирующие и возбуждающие компьютерные приспособления. Вам знакомо их устройство или нужна помощь?

– Если можно, поясните немного.

– Конечно. Советую вам начать с твист-бокса. Твист-бокс устанавливает обратную связь с вашим сознанием и определенным образом искажает визуальное восприятие. Совсем недавно мы стали приобретать эти устройства в Эйнштейне, и они еще не очень известны широкой публике. Настоятельно рекомендую попробовать. Кроме того, я могу предложить вашему вниманию имеющиеся в нашей обширной библиотеке цефакассеты. Очень советую посмотреть совсем новую кассету,

только на этой неделе выпущенную нашей местной медиа-звездой Вилли Тейзом. Насколько я понимаю, вы нездешний, но я уверен, что вы тем не менее наверняка слышали о шумном процессе в связи с провокацией, устроенной бопперами? Вилли был арестован в доме своих родителей как раз тогда, когда он заканчивал работать над записью этой кассеты. Первая часть была создана им под впечатлением убийства Мэнчайла, которому он оказался свидетелем. По решению дирекции «Ля Мираж» часть дохода от проката этой кассеты будет передана в Общественный фонд защиты Тейза.

Бубба постарался не выдать своего интереса, а фрачник тем временем продолжал:

– Обед будет подан вам и вашему спутнику в *numero trois*, я же еще могу порекомендовать вам наш Исказитель Ландшафтов Сознания – лучший на сегодняшний день легальный образец средства получения безопасных наркотических ощущений.

Ослепительно улыбнувшись Буббе, молодой человек поспешил заняться следующим посетителем.

Отыскав свободное кресло, Бубба опустился в него. Зал был разделен на две половины – свет в чил-ауте, где сейчас находился он, был притушен, в то время как другая половина, в которой стояли столики, была освещена. За многими столиками сидели и обедали люди, некоторые резали ножом стейки и отправляли кусочки в рот, другие отведывали дары моря. В животе Буббы снова заурчало. Страдая от голода, он грустно оглянулся по сторонам и заметил невдалеке от себя темнокожую женщину, тоже рассматривающую его из своего кресла.

Женщина смотрела на него сквозь некое подобие лорнета, длинную ручку которого она держала в руке. Твист-бокс. Улыбнувшись незнакомке, Бубба помахал ей рукой. Широкие, прекрасно очерченные губы негритянки улыбнулись ему из-под лорнета. Бубба поднялся и подошел к ней.

– Привет, меня зовут Бубба Андерсон.

Начав разговор, он сразу взял самый уверенный тон. Ничего не ответив, темнокожая женщина склонила голову к плечу, продолжая смотреть на него через твист-бокс.

– Я один, – улыбаясь, продолжил Бубба. – Вы не хотите поужинать со мной? Поговорить о том о сем?

Негритянка наконец отняла твист-бокс от глаз и взглянула на него в упор. Ее глаза были большими, с приятного оттенка белками и необычайно расширенными зрачками, вокруг которых почти не оставалось радужки. Насмотревшись на Буббу, она одарила его новой улыбкой.

– Кимми, – проговорила она низким голосом и протянула ему

руку ладонью вниз.

Осторожно взяв руку чернокожей незнакомки, Бубба наклонился и легко прикоснулся к ее пальцам губами.

– Какое чудесное имя. Вы разрешите мне посмотреть в ваш твист-бокс?

– Прошу вас.

Усевшись в соседнее кресло, Бубба взял ручку лорнета, поданного ему негритянкой. Из рукоятки твист-бокса тянулся тонкий гибкий провод и исчезал в полу. Бубба приложил окуляры твист-бокса к глазам и посмотрел на Кимми.

Лицо, которое он увидел перед собой, словно сошло с экрана мультипликационного фильма. Струящиеся по волосам Кимми бусины мягкого цвета обтекали ее обнаженные плечи, кружились около щек и стремились к губам. Он опустил твист-бокс ниже вдоль лилейного изгиба ее шеи к груди, вздымающейся под низким лифом розового шелкового вечернего платья без бретелек. Внезапно шелк платья растаял, открыв великолепие форм Кимми, и Бубба почувствовал, как отчаянно у него забилось сердце. Его взгляд скользнул еще ниже, по мягкому темному всхолмию живота к покрытому крутыми завитками таинству лона. Он смотрел на нее и Знал. Период Кимми соответствовал наилучшему моменту для зачатия. Член Буббы напрягся.

– Хорошенького понемножку, дорогой Бубба, – проворковала Кимми и выхватила из его пальцев ручку твист-бокса. – Тебе еще рано засматриваться на сладенькое. Признайся, ты пришел сюда со старшим братом?

Кимми говорила почти в точности как Джиджи.

– Нет, – ответил Бубба. – Я тут впервые, – добавил он неуверенно. – Сегодня на улице так холодно, неправда ли? Холод и ветер ужасный.

– Ну что ж, прежде чем наступит лето, всегда бывает зима. Итак, ты приглашаешь меня на ужин?

– Да.

– Я согласна. Но каждый платит за себя, чтобы потом не было проблем. Сдается мне, что я могу купить тебя и продать, Бубба-душка.

– Хорошо, как скажешь, Кимми. Ты уже смотрела новую пленку Вилли Тейза? Говорят, там есть что-то про Мэнчайла.

Кимми улыбнулась и вместо ответа сама задала ему вопрос:

– Ты интересуешься Мэнчайлом, Бубба? Как, по-твоему, его правильно убили?

– Сам я его ни разу не видел. Но думаю, что в том, что он говорил, есть смысл. Бопперы хотят жить вместе с людьми, и они имеют на это право.

Кимми сухо улыбнулась.

– Но кто даст нам гарантию, что роботы не испортят наши гены настолько, что раса человека просто вымрет? Может быть, именно этого они и хотят. Мне симпатичен тот новый эгалитаризм, который проповедовал Мэнчайл, но мужчина, за неделю оплодотворяющий десять женщин, вызывает у меня сомнения. И эти дети Мэнчайла, появляющиеся на свет через девять дней, – все это настораживает.

Кимми внимательно посмотрела на Буббу. Неужели она догадалась, что он человекобоп? Кто она такая – агент Гимми? В животе у Буббы снова сильно заурчало. Чтобы скрыть смущение, он взял не глядя одну из цефакассет, вложил ее в плеер цефаскопа и надел на голову троды, представляющие собой эластичную ленту с металлическими контактами. Как только троды оказались у Буббы на голове, плейер включился сам собой.

Бубба ощутил во всем теле в разных местах покалывание, словно цефаскоп знакомился с его нервной системой и проверял ее активность. Затем последовали серии разрозненных звуков и цветовых пятен, после чего комната внезапно исчезла, словно разлетелась на куски. Перед ним появился симпатичный, располагающий к себе мужчина и заговорил с заметным южным акцентом:

– В своей жизни я встречался с разными людьми, с черными и желтыми, но у всех них я видел одно и то же – любой человек желает своему ребенку добра. Как это просто, то, что поддерживает жизнь в расе, эта забота о своем ребенке. И у бопперов, которых вы ненавидите, все это тоже есть, все то же самое!

Изображение сменилось возбужденно гомонящей толпой. Бубба почувствовал движение, происходящее помимо его воли, и вдруг понял, что присутствует в бурлящей толпе сам и из нее смотрит на сцену, где стоит Мэнчайл. Позади Мэнчайла в воздухе парили два боппера, тела которых блестели в лучах прожекторов, – одним из них был дядя Кобб! Толпа перед Буббой начала расступаться, растворяясь в розовом свете, который исходил из змеящихся в поле зрения линий, похожих на сетку глазных капилляров. Перед ним появилась и куда-то шустро юркнула рыба. Откуда-то спереди доносился глухой рокот прибоя. Бубба понял, что он лежит лицом вниз на досках плота, качающегося на волнах. Довольно скоро волны выбросили его плот на песчаный пляж, невыносимо ослепительный под ярким солнцем. Из джунглей, начинающихся сразу за пляжем, к нему выскочила стая возбужденно гомонящих обезьян. Окружив Буббу, обезьяны принялись теребить его за одежду, скаля крупные

желтые зубы. Чтобы прогнать зверей, он махнул на них рукой и угрожающе закричал. Но обезьян вокруг него уже не было, вокруг него уже кружились люди, он смотрел на них глазами Мэнчайла. Один из мужчин в толпе поднял бластер и направил на него. Ослепительный раскаленный луч ударил его в грудь, и он погрузился в черное небытие. В непроглядной тьме появились несколько шустрых белых сперматозоидных головастиков и некоторое время сновали туда-сюда. Но вот один из головастиков разделился на две части, с другими произошло то же самое, новые части тоже начали делиться и постепенно из них сложилась некая конструкция, напоминающая логическую диаграмму древа выбора. По ту сторону решетки диаграммы снова появились обезьяны; он был пленником, а древо выбора – его клеткой. Монотонный мужской голос принялся диктовать ему на ухо какие-то цифры, и руки Буббы, послушные этим цифрам, без его участия стали двигаться взад и вперед, совершая движения, как при вязании спицами. Пока руки трудились, его взгляд не переставал метаться по разветвлениям прутьев клетки-древа – где-то здесь должен был быть выход, но он никак не мог его отыскать… В Буббе зародилось странное ощущение, что происходящее перед его глазами имеет какое-то отношение к нему, и только к нему, словно бы за всем этим мельканием скрывался какой-то удивительный зашифрованный смысл, адресованное ему послание, но ухватить этот смысл он не успел, потому что изображение начало таять и дробиться, как на экране виззи. Когда перед ним появилось лицо женщины-диктора, он даже вздрогнул от неожиданности.

– Предлагаем вашему вниманию обзор важнейших событий, случившихся к вечеру сегодняшнего дня, 9 февраля 2031 года. Главное событие дня: полчаса назад известные преступники, скрывающиеся от правосудия, Кобб Андерсон и Киско Ливайс, были убиты в Кентукки в районе шоссе 176 в кровавой перестрелке с силами поискового армейского подразделения. При задержании преступников несколько солдат были ранены, и двое из них сейчас находятся в критическом состоянии.

Бубба потряс головой и крепко закрыл и открыл глаза. Но картинка виззи не исчезла. Худощавая дикторша продолжала быстро говорить, словно строчила из пулемета, а на экране тем временем появились фотографии Киско и дяди Кобба.

– Останки петафлоп-боппера, носителя программной основы Кобба Андерсона, были отправлены на Луну в Эйнштейн, где в лаборатории ОСЦС намечено произвести их обследование и демонтаж. Тело Киско Ливайс перевезено на аутопсию в госпиталь Хьюмана, где имеются средства биологического

обеззараживания. Совсем недавно поступило заявление от владельца автосалона в Луисвилле, мистера Кусса Бэкингема, который утверждает, что видел сегодня сына мисс Ливайс, последнего из оставшихся в живых девятидневных детей Мэнчайла. По описанию мистера Бэкингема, сыну мисс Ливайс на вид лет шестнадцать-семнадцать, у него темные волосы, рост пять футов шесть дюймов, он представляется как Буффорд Киско Андерсон. По мнению властей, беглец, скорее всего, вооружен и очень опасен. Представитель корпорации ОСЦС предложил сто пятьдесят тысяч долларов тому, кто доставит им тело сына Мэнчайла, в то время как силы Гимми получили приказ стрелять без предупреждения. Я передаю слово Брэду Куртову, который ведет прямой репортаж с места кровавой стычки на шоссе 176 в сорока милях к северу от Луисвилля.

Бубба сорвал с головы троды цефаскопа. Пленка давно кончилась, и все, что он только что видел, демонстрировалось на экране виззи, стоящем напротив него. Мама и дядя Кобб убиты. Он вскочил на ноги и вздрогнул, почувствовав, что кто-то дотронулся до его руки.

– Куда ты собрался, красавчик? Что, не понравилась пленка?

Он взглянул вниз и увидел рядом с собой чернокожую женщину, как ее… Кимми.

– Я… мне нужно идти.

– Может быть, я могу чем-нибудь помочь тебе, Бубба?

– Я никому не могу доверять. Никому из вас.

Не сказав больше ни слова, он быстрым шагом пересек холл, потом выскочил в фойе, а оттуда на улицу, забыв забрать из гардероба плащ. Только на улице он вспомнил, что в кармане плаща у него остались ключи от машины. Но если Кусс Бэкингем уже рассказал об их встрече полиции, то рядом с машиной ему появляться опасно. Откуда-то издали донесся вой быстро приближающихся сирен. Бубба сорвался с места и изо всех сил бросился бежать прочь от сирен. Сверху донесся стрекот вертолета, и по улице зашарили узкие лучи мощных прожекторов. Бубба торопливо свернул в узкий переулок и опять понесся вперед.

Целый час он бежал переулками, шарахаясь от фар встречных машин, ныряя в подворотни и темные углы, как только в непроглядном небе появлялись стремительно мечущиеся щупы вертолетных прожекторов. Уже совсем выбиваясь из сил, он наконец увидел перед собой свалку, находящуюся на окраине города на берегу реки Огайо. Ворвавшись на свалку и упав на сиденье какой-то старой разбитой машины, он несколько минут ловил ртом воздух, пытаясь отдышаться. Биение его сильного и

здорового сердца скоро успокоилось, но теперь, когда он остановился, до него начал добираться своими острыми и безжалостными когтями холод. Невероятный голод, который он испытывал, был самым сильным и мучительным за всю его короткую жизнь. Поглядывая наружу через давно лишившееся стекла окошко машины, он заметил, что где-то неподалеку от него, на другой стороне свалки, мерцает свет костра. Выбравшись из машины, он принялся пробираться к костру, напряженно прислушиваясь и пугливо озираясь по сторонам.

Перед костром, сложенным из старых покрышек, спиной к Буббе сидела одинокая фигура. Затаившись в тени, Бубба долго рассматривал сидящего у костра человека, по всей видимости сторожа, раздумывая, что делать дальше. Сторож кутался в несколько грязных рваных одеял и смотрел виззи, точнее, несколько старых допотопных виззи сразу, установленных на старые деревянные ящики, каждое из которых было настроено на свой канал. Он был стар и слаб, и справиться с ним ничего не стоило. Присмотревшись, Бубба понял, что сторож хорошо упитан и мясист. Сгорбившись во мраке в пяти шагах от костра, Бубба чувствовал, как его рот наполняется слюной. Пошарив вокруг и позади себя руками, он нащупал тяжелый металлический стержень. Ему мучительно хотелось есть. Пора было раздобыть себе еды.

Час спустя Бубба уже доедал правую ногу сторожа и подумывал приступить к левой. Одним ударом размозжив старику голову, он положил его, ногами на покрышку, жариться к чадящему едким пламенем костру. Как только мясо пропеклось, он легко оторвал ноги от тела, а торс оттащил подальше от света и спрятал. Обглодав первую ногу начисто до кости, Бубба передохнул, ощущая приятное насыщение. Теперь он сыт, но кто знает, когда ему придется есть в следующий раз? Он поднялся со стула сторожа и, повернувшись к огню задом, чтобы погреть спину, задумчиво посмотрел на вторую закопченную ногу. Первая нога плохо прожарилась с одной стороны; вторую ногу он жарил не торопясь, переворачивал несколько раз, по-всякому подкладывая к огню, и она наверняка приготовилась лучше. Начинающийся сразу за рядами старых ржавых машин Луисвилль, на улицах которого раздавался вой сирен, а над домами стрекотали патрульные вертолеты, был похож на большой растревоженный муравейник.

Бубба подтянул к себе вторую ногу и принялся методично очищать ее от черной горелой корки. Он знал, что люди относятся к каннибализму очень плохо, но какое теперь ему дело до их мнения, если они убили его отца, маму и дядю Кобба,

словно чумных крыс. Знание подсказало Буббе, что среди бопперов, которые не брезгуют поживиться деталями из тел друг друга, каннибализм распространен достаточно широко. Почему бы ему не подойти с тех же позиций к людям? Ему нужен биологический строительный материал для своего тела, а что может быть лучшим источником такого материала, как не другое человеческое тело? Так он думал, успокаивая себя, потому что знал, что убивать себе подобных плохо, и еще потому, что, умирая, старик издал такой печальный стон.

Переживания Буббы носили чисто абстрактный характер. По большому счету вопрос стоял очень просто: он мог либо найти еду и выжить, либо умереть. Голод, что испытывало тело Буббы, в котором бурлили тестостерон и гибберлин, мог сравниться разве что с жаждой крови оборотня. Разломив ногу в коленном суставе, он впился зубами в сочную, аппетитную икру. Он лакомился сладким мясом и нежился в тепле, и здесь, на свалке у костра, ему было очень уютно.

Времена идиллии в Черчилль-даун уже вспоминались им как далекое прошлое. В область воспоминаний уходило также и посещение автосалона, и даже впечатления от клуба «Ля Мираж». Сознание Буббы было всецело обращено к настоящему и перебирало варианты дальнейших действий. Оставаться здесь не годилось, так как если его найдут на свалке рядом с полусъеденным трупом сторожа, то убить посчитают просто за честь. Кроме того, подобное могло бросить тень на всю расу бопперов и повредить Вере, которую принес сюда его отец.

Он следил за экранами полудюжины старых виззи, где на всех каналах обсуждались исключительно новости, связанные с ним и его близкими. Сообщение о перестрелке на шоссе и Куссе Бэкингеме передавалось снова и снова каждые несколько минут – обитатели растревоженного человеческого муравейника с наслаждением продолжали раздражать свои эрогенные рецепторы внешнего восприятия. Лютер и Джиджи были арестованы. Вилли Тейз должен был завтра предстать перед судом по обвинению в предательстве интересов человечества. Кимми Кэйрол, богатая светская леди, рассказывала о своей встрече с Буббой в «Ля Мираж». В Луисвилле был экстренно введен комендантский час; служба безопасности ОСЦС и силы Гимми объявили, что готовы стрелять без предупреждения.

Сверкая мечущимся во все стороны прожектором, над свалкой появился вертолет. Вертолет вынырнул из темноты так стремительно, что Бубба едва успел броситься на землю и заползти на животе под стоящий неподалеку от костра старый пикап, очевидно принадлежащий сторожу. Вертолет завис над

свалкой, нацелив прожектор на костер. Остатки ужина Буббы валялись на самом виду – кости, целое бедро и большая часть недоеденной икры. Бубба запоздало пожалел о том, что взялся за еду, не сняв с ноги остатки сгоревшего ботинка; с ботинком икра выглядела особенно ужасно. Любой мог без труда разобрать, в чем тут дело.

БББББДБДБДБДБДББТКТКТКТК.

Сверху открыли автоматный огонь. Сидящие в вертолете люди палили по машинам наудачу, постепенно расширяющимися от костра кругами. Когда пули начали с чмоканьем впиваться в сиденья пикапа, Бубба сжался от страха. В несколько рывков он продвинулся чуть вперед под защиту мотора машины. В вертолете, очевидно, выбрали пикап своей мишенью и сосредоточили на нем весь огонь. Может, они стреляли просто так, а может быть, заметили его.

Свой костер из покрышек сторож развел на самом берегу Огайо. Пикап стоял носом к костру. Здесь, на крутом берегу, Бубба был весь на виду, но там, внизу под обрывом, у реки, он, может быть, сумеет укрыться и спрятаться. Быстро выскочив из-под машины, Бубба вцепился руками в передний бампер пикапа. От плотной еды у него существенно прибавилось сил. Упершись каблуками в мерзлый грунт, он принялся тянуть машину изо всех сил. Пикап стронулся с места и медленно покатился вперед, и когда до обрыва осталось каких-нибудь несколько дюймов, Бубба вскочил за руль. Набирая скорость и подпрыгивая на колдобинах, пикап устремился вниз. Вертолет стрелой спикировал следом, не переставая поливать крышу пикапа и землю вокруг него свинцом. Пробив ветровое стекло, пуля чиркнула по рулевой колонке и впилась Буббе в промежность… ох… и наконец… ТРАХ… с громким треском пикап проломил лед и… камнем ушел под воду.

Вода напоминала ледяную темную смерть, но в то же время была спасением. Тело Буббы наполнилось адренохромом, и огненная боль в его промежности быстро затихла. Он сможет высидеть под водой несколько минут. Открыв дверцу пикапа и стараясь держаться в полуметре от поверхности льда, он поплыл вниз по течению.

Глава 12
Эмуль

22 февраля 2031 года

Настроение у Эмуля было паршивое, дальше некуда. Все шло просто из рук вон, и тут, на Луне, и наверху, на Земле. Береника погибла, и всем было на нее наплевать, никто не торопился сделать ей новое тело. Эмуль попытался скачать систему Береники в вэнди, сделать то, о чем его возлюбленная все время мечтала, но у него ничего не вышло.

Неудача на Земле покрыла позором программную основу Береники, и ни один боппер, даже чудаковатые сестры Береники из гидропонных ферм, не изъявлял желания помочь ему изготовить для нее новую оболочку, пускай даже в виде петафлопа. Задуманная Береникой программа-блицкриг слияния рас бопперов и людей провалилась, и провал этот имел самые неприятные последствия. После того как две недели назад исчез последний сын Мэнчайла, Бубба, бопперы остались у разбитого корыта.

Береника пыталась претворить свой план в жизнь на свой страх и риск, несмотря на то что Эмуль пытался втолковать ей все грозящие опасности после того, как она обратилась к нему с просьбой послать его плотти, Кена Долла, в Эйнштейн с поручением поместить созданный Береникой зародыш в утробу Деллы Тейз. План Береники включал в себя следующие основные пункты: (1) создание живого, совместимого с человеком эмбриона, будущего сциона Береники, Мэнчайла; (2) биологическое программирование ДНК эмбриона на повышенное производство плазмида гибберлина для ускорения роста, развития и сексуальной активности сциона; (3) занесение программным путем в ДНК эмбриона Знания – объема жизненно необходимых сведений, состоящих из нескольких терабит собранной Береникой инфо, касающегося Земли и Луны, а также ее напутствий сциону. Включая в себя часть сознательного восприятия мира в представлении боппера, Знание должно было выступать в роли гормонально управляемого справочника, предназначенного компенсировать дефицит эмоционального опыта быстроживущего сциона. Далее: (4) поместить созданный эмбрион в утробу женщины; (5) заставить эту женщину лететь на Землю; (6) развязать на Земле гражданскую классовую войну, для чего сцион Мэнчайл должен был зачать обильное потомство, объявить о создании нового религиозного культа и погибнуть от

руки человека; (7) дождаться, когда под прикрытием начавшегося хаоса дети Мэнчайла произведут свое потомство во всех уголках Земли. На заключительном этапе сражающиеся плечом к плечу с восставшими притесненными слоями человечества человекобопы должны были приветствовать прибытие на Землю настоящих бопперов!

План дал первую трещину, как только Мэнчайл появился перед широкой публикой. И хотя некоторая часть населения Земли, наиболее радикально настроенная, выказала горячую симпатию идеям Мэнчайла, ее разрозненных сил не хватило для поднятия серьезного бунта, тем более что довольно скоро все основные радикалы-активисты были спешно нейтрализованы и помещены за решетку. Столь крутые меры Гимми оправдывало тем, что Мэнчайл, его девятидневные дети и последователи его учения своими планами слияния с бопперами представляют чрезвычайно серьезную социальную угрозу. Пропагандистская же война, начало которой было положено Мэнчайлом, была окончательно проиграна после того, как создания из плоти прослышали о том, что голодный Бубба сожрал одного из их братьев-бездельников – развязка в стиле барокко, типично в духе Береники. Если бы после этого людям удалось найти Буббу или хотя бы его тело, то они наверняка разорвали бы его на куски.

Хотя со дня столь неудачной развязки минуло уже два дня, сеть ОСЦС продолжала бить в барабаны антибопперской пропаганды. Съеденный Буббой бездельник, какой-то сторож со свалки или кем он там был, превратился в героя-мученика за человеческую расу; фотографии его жирной физиономии мелькали во всех газетах, о нем уже писали романы и ставили пьесы; его звали Джимми Доан.

Слова «Пора отомстить за Джимми Доана» стали любимыми у людей наряду с риторическим вопросом: «Во сколько роботов можно оценить жизнь Джимми Доана?». По мнению Эмуля, паршивый сторож не стоил и одного старого гигафлопа без мерц-покрова, но люди не интересовались ни его мнением, ни мнением других бопперов.

О том, какими были истинные побуждения усиленно разжигающей ненависть к бопперам ОСЦС, Эмуль догадывался. В общем и целом ОСЦС можно было сравнить с одним большим боппером старого типа, владеющим многими телами. По его предположениям, за шумихой ОСЦС стояли чисто деловые мотивы. Взять хотя бы то, что нагнетаемая истерия резко повысила число зрительской аудитории каналов ОСЦС. Или то, что после того как доступ бопперов на Рынок стал строго ограниченным, в результате чего цены на товары, производимые

бопперами, естественно, мгновенно взлетели, на этом нажился не кто иной, как та же ОСЦС, обогатившаяся, скупая у бопперов товар через своих посредников. Второе имело более скрытную форму, но все же…

Самые горячие головы на Земле поговаривали о том, чтобы эвакуировать с Луны Эйнштейн и заняться планомерным уничтожением обитающей в Гнезде заразы. Но на этот счет Эмуль был спокоен – ОСЦС ни за что не пожелает расстаться с Луной, где загребает деньги лопатой. Бопперы были чересчур выгодными партнерами, чтобы истребить их всех поголовно просто так за здорово живешь. Еще не совсем спустившиеся с деревьев человекообезьяны слишком любили игрушки, на которые бопперы были замечательные выдумщики, и готовы были покупать эти игрушки без конца.

Отказавшись от глобальных акций в отношении места обитания бопперов, в течение прошедших недель люди все же предприняли несколько демонстрационных вылазок, послав к Гнезду подразделения коммандос. Каким-то образом людям удалось найти потайной ход к магазинчику «Игрушки малышей-шалунов», и Эмулю пришлось не без сожаления взорвать его, причем перед этим были убиты двое его любимых плотти. Банда панков под предводительством мужа Дарлы, Уайти Майдола, ворвалась в магазинчик и застрелила Радужку и Берду на месте. Радужка и Берду работали на Эмуля несколько лет и были его самыми лучшими плотти, его гордостью. С их помощью ему удавалось выручать приличные деньги. Через глаза Радужки и Берду он был свидетелем их убийства. Плотти пытались спастись и отчаянно сражались за свои жизни, но без его помощи им мало что удалось сделать. Предупредить Радужку и Берду и оказать им действенную помощь он не мог, поскольку в последнее время испортились или стали ненадежными линии коммуникаций, причем все сразу; впечатление было такое, что все оборудование одновременно решило вдруг выйти из строя. Майдолу удалось уйти безнаказанным, хотя Эмуль и взорвал тоннель, как только панк туда вошел, и это тоже не поднимало ему настроение. Майдолу просто повезло – в момент взрыва он оказался в мертвой зоне и его даже не задело осколками. Да, беда не приходит одна, и если все начинает валиться из рук, то обычно конца этому не видно.

Другой головной болью Эмуля был потешный детектив Муни, которого месяц назад он нанял, чтобы тот помог ему выкрасть Дарлу. В вечер похищения, по совершенно необъяснимым причинам, Муни подверг себя частичной правосторонней лоботомии, установил себе в голову совместимый с крысой

нейропереходник и, позвонив Эмулю с Рынка, объявил, что добровольно готов стать его плотти. Муни был силен и здоров, левая доля его мозга работала превосходно, и Эмуль не смог отказаться от такого заманчивого предложения. По-видимому, объяснением тут могла служить слишком бурная реакция Муни на данное ему Эмулем обещание относительно вэнди, и по прибытии в Гнездо он начал приставать к Эмулю с совершенно безумными расспросами, твердо убежденный в том, что где-то здесь существует община компактно проживающих плотти, называющаяся «Приют Счастливых», хотя в действительности плотти в Гнезде владели только считаные бопперы, преимущественно из кругов, связанных с торговлей дрейком и амином. Однако совсем потерявший ориентировку Муни словно спятил, и его невозможно было в чем-то вразумить. Муни позвонил Эмулю в прошлом месяце, представившись другом Кобба Андерсона, и предложил свои услуги в обмен на целую вэнди. Сейчас Эмуль тоже с готовностью нанял Муни, хотя с тем не все было чисто – например, он нигде не мог найти в архиве «ока бога» записей, из которых можно было узнать, чем Муни занимался остаток того дня, после того как Дарла плеснула на него сливом в своей комнате в Мяу. Поставив Муни крысу, Эмуль из предосторожности решил продать его Елене – тяжеловесной сестре Береники с гидропонной фермы, в танках у которой всегда имелась работа для созданий плоти. На сделке с Еленой он неплохо заработал, хватило на четыре баллончика дрейка; Муни же, как казалось, был счастлив и доволен исходом дела больше всех – дни напролет он возился с вэнди, которую дала ему Елена; все как будто закончилось хорошо, но тем не менее Эмуль не знал покоя. Что-то здесь было не так.

Оторвавшись от тревожных размышлений, Эмуль вернулся к реальности и оглядел свою лабораторию. Лаборатория представляла собой вырубленную в камне прямоугольную комнату с низким потолком размером сорок футов на двадцать. Половина лаборатории была занята оборудованием и термобоксами Узера, который там мастерил свои поделки из мерц-покрова. С недавних пор Узер, знаменитый дизайнер мерц-покрова, с головой ушел в решение новой задачи – он пытался создать гибкий компьютер с производительностью петафлопа. Многие изделия из мерц-покрова имели в себе встроенные процессоры и достигали уровня петафлопа, хотя и не могли именоваться чисто гибкими компьютерами – в то время как Узер был твердо уверен в том, что существует возможность наделить мерц-покров *самостоятельными* логическими способностями, *независимыми* от процессоров с джи-триггерами или

оптоволоконных. Упорно продвигаясь к поставленной цели, по ходу дела Узер создал, например, такие вещи, как килофлоп «свитер-сердечко» и «умную» кинетическую бомбу, пользующиеся хорошим спросом у людей.

В половине зала, где располагался Эмуль, находился угол, герметично забранный панелью из бронестекла. Внутрь застекленного помещения вел шлюз. За стеклянной панелью сейчас обитала Дарла – большую часть дня она валялась на кровати и смотрела виззи. Разделяя настроения большинства людей и вообще раздраженная беременностью и бездельем, она постоянно устраивала Эмулю сцены. Не далее как вчера после скандала по пустячному поводу она пригрозила Эмулю, что будет бросаться животом вниз с кровати на пол до тех пор, пока не выкинет. Целый час Эмулю пришлось увещевать ее и успокаивать. Кончилось тем, что он пообещал отпустить ее пораньше до родов, если она пообещает ему сразу же улететь на Землю. Теперь ему нужно было продумать детали предстоящей отправки Дарлы на Землю, и он честно пытался собраться с мыслями, но у него ничего не выходило. В последние дни у него вообще не было настроения работать; он подозревал у себя какие-то серьезные проблемы с «железом» и очень тревожился по этому поводу.

Усиливающиеся неполадки с «железом» заставляли его забыть о многом – о Дарле, Муни, Уайти Майдоле, о пропагандистской войне ОСЦС и даже о Беренике. В один прекрасный день в недрах его системы родился странный посторонний шум, какое-то тихое жужжание. Поначалу он отнес это на счет дрейка и, собрав волю в кулак, заставил себя отказаться от посещений заведения близ Храма Единственного. Но жужжание не прекратилось и со временем усилилось, сделавшись совершенно невыносимым. Тогда он решил, что во всем виноват его мерц-покров, и, зачистив кислотой корпус, заново весь покрылся имиполексовым Плащом Счастья, из последних моделей, произведенных Узером. Но и это не помогло ему избавиться от жужжания. Насколько он смог в этом разобраться, назойливый звук происходил из центрального процессора, возникая там по причине разрегулировки систем управления по обратной связи. Первичные симптомы были весьма тревожными – все чаще и чаще в мыслительные процессы Эмуля вторгались чужеродные всплески высокочастотного шума. Он по-прежнему способен был мыслить со скоростью в сто относительных шагов в секунду, но в результате помех эффективность и проницательность мышления существенно ослабли. Ему пришла пора серьезно подумать о новом теле – в этом не было никаких сомнений.

Замерев у стены своей лаборатории, Эмуль отдыхал – его тело представляло собой КЖГ куб с несколькими начерно сформированными манипуляторами и стебельками сенсоров. На полу перед ним стоял его рабочий стол-пульт, заключающий в себя коммуникационный терминал и вспомогательное запоминающее устройство – почти то же самое, стойку с папками-файлами и компактами, можно найти в кабинете любого бизнесмена.

В специальных ячейках его рабочего стола хранились четыре драгоценных инфокуба: коричневый, красный, зеленый и золотой. Инфокубы были специальной конструкции, предназначенной для архивации системных программ бопперов, чрезвычайно прочные и долговечные. В первых двух кубах хранились системы самого Эмуля и Узера, самой последней версии, скопированной не далее как вчера. В третьем кубе находилась система Ккандио, подруги Узера, доброй и отзывчивой бопперши, управляющей Эфирнетом, с которой тот произвел на свет уже двух совместных сционов. И, наконец, последний, самый дорогой и любимый инфокуб, содержал систему Береники. Записанную в этом инфокубе копию Эмуль слил с собственной системой, использовав получившееся программное обеспечение при создании эмбриона девочки, который потом поместил в утробу Дарлы. Беренике было нужно новое тело, и он рассчитывал построить для нее новый петафлоп, но сейчас дела обстояли так, что ему, Эмулю, следовало в первую очередь подумать о теле для себя.

Посылая запросы в стол-пульт и принимая ответы, он медленно проверял один за другим отделы своей памяти, внешней и внутренней: режим текущего состояния мерц-покрова, наследственные характеристики ОЗУ, хеширование собственного реального времени, режим общедоступного «ока бога», режим его собственного «ока бога», историю маршрутной схемы, все детализированные и обременительные заметки и рассуждения, которые тяжело было носить при себе и которые он сбрасывал в запоминающее устройство своего стола.

Проверяя свои записи, он пытался найти ответ на один прямой и ясный вопрос: имеется ли у него возможность собрать в течение следующих двух недель экзафлоп-систему? Два месяца назад, когда они с Узером закидывались дрейком почти каждый день, им казалось, что от создания экзафлопа их отделяет только один шаг. Трезво глядя сейчас на вещи, Эмуль понимал, что новое тело такого типа вполне могло оказаться неэффективным или даже неработоспособным, поскольку базирующийся на новейших разработках в области квантовых биоклоновых систем сохранения информации экзафлоп в большой степени находился

еще в стадии экспериментальных исследований. Закончив просмотр документов, Эмуль сделал безутешительный вывод: для доводки системы экзафлопа требовался по меньшей мере еще год. Проверив свой кредит, он с ужасом обнаружил, что денег в наличии у него осталось так мало, что, по сути дела, он вряд ли сможет позволить себе даже петафлоп, и репо-терафлоп есть самое большее, на что он сейчас может рассчитывать.

Его печальные размышления были прерваны шарканьем тяжело переваливающегося Узера, с трудом приковылявшего к нему со своей половины лаборатории. Остановившись перед Эмулем, Узер указал ему на свои термобоксы.

– Что-то случилось с имиполексом, Эмуль; прежде стойкое вещество теряет свои свойства и *меняется* само собой – не могу понять, в чем дело.

– У меня дела похуже, дружище Узер, мне кажется, что я медленно погружаюсь в болото ужасной смерти и жижа уже добралась мне до колен, – загробным голосом отозвался Эмуль. – Жужжание стало настолько назойливым, что мой думатель иной раз просто отказывается со мной знаться.

– Я не могу – некоторым образом я еще считаю возможным использовать термин «некоторым образом», – мне тяжело признаваться в этом, но я должен сказать тебе, что твое высокочастотное жужжание появилось и у меня тоже. Мне плохо, Эмуль. Мы больны, дружище, тяжело больны. И эта болезнь перекинулась и на покров тоже.

– Да, ты прав, это болезнь, заразная болезнь. – Внезапная догадка осенила Эмуля. – Это чума. Создания из плоти принесли чуму на наши головы.

Склонившись над своим столом-пультом, Эмуль торопливо сделал несколько звонков. Звездецу, хозяину дрейк-притона. Елене, которой три недели назад он продал плотти. Кроту по имени Крутец, который взялся прокопать для него новый проход в Эйнштейн. Подруге Узера Ккандио, знаменитому голосу Эфирнета.

И везде и всюду он получил одинаковый ответ. Все, с кем он разговаривал, жаловались на различную степень недомогания, у всех с были нелады с «железом», и, что самое страшное, всех донимало высокочастотное жужжание. Услышав, что не одни они страдают таким недугом, собеседники Эмуля сначала испытывали облегчение, а потом ужас, когда истинный смысл доходил до них, Эмуль попросил Ккандио оповестить все Гнездо.

Когда Эмуль закончил переговоры, они с Узером задумчиво уставились друг на друга. Стол-пульт Эмуля барахлил, пульсируя сигнальными огнями и испуская в эфир бессистемные импульсы

высокочастотного статического шума.

– Верный диагноз означает половину выздоровления, – сказал Узер, испуская из своего мерц-покрова тонкий гибкий отросток-щуп. Сформировав на конце щупа крестовину инструментов, он несколько минут трудился над креплениями рабочего стола Эмуля, снимая кожух и добираясь до чипов ОЗУ. – Помнишь, как живо со всем разобрался доктор Бэнвей: «Подать сюда *того*, кто делал этот анализ!» – Узер некоторое время продолжал копаться в недрах стола, бормоча себе под нос какую-то чепуху на своем бибоп-английском. – «Кто велел нести его на операционный стол, тогда как у него простой»… дьявол, Эмуль! Ты только посмотри на это!

Выдвинув микроглаз, Эмуль приблизил стебелек к геометрическому построению плат с чипами. Все до одного квадратики чипов были разъедены и покрыты крохотными отвратительными наростами, похожими – он прибавил увеличение – на колонии микроорганизмов, а еще точнее… да, сомнений нет, на грибковую культуру, или, проще говоря, плесень. Да, именно такую плесень можно увидеть в чашках Петри. Чипы его рабочего стола, да и его собственные чипы, наверняка тоже были заражены биологической инфекцией, грибком, крохотными желтовато-серыми плесенными наростами, кормящимися – Эмуль выпустил из манипулятора зонд и торопливо сунул его в самую гущу плесени – с частотой в тысячу циклов в секунду. Лукавые создания плоти, это их работа…

– Что ж, это многое подтверждает, например, то, что последнее время – да что там греха таить! – уже довольно давно, я нахожу свои мыслительные способности никуда не годными… и потом, мерц-покров, он идет узлами, вот, Эмуль, сам посмотри.

Разворачиваясь, Узер задергался и чуть не упал.

Присмотревшись, Эмуль заметил, что его старого друга бьет безостановочная дрожь. Манипуляторы Узера уже не перемещались плавно, а двигались рывками, словно заржавленные, и того и гляди грозили остановиться совсем. Медленно добравшись до ближайшего термобокса, Узер осторожно достал из него широкий лист пластика и уронил его на пол. Только коснувшись пола, имиполекс мгновенно съежился, превратившись в миниатюрное подобие холма. Ничего подобного с изделиями, которые делал Узер раньше, никогда не происходило. Весь прежний мерц-покров был во всем послушен воле его создателя: все, что покров мог позволить себе самостоятельно, не шло далее простого рефлекторного поверхностного рисунка. Мерц-покров мог изменять свой рисунок под влиянием внешних раздражителей, например прикосновений,

света или сигналов, пропускаемых через его микрощупы. Но предоставленный самому себе, мерц-покров фактически оставался инертным. Но этот имиполексовый мерц-покров, который они видели сейчас перед собой, вел себя совершенно иначе: он был полупрозрачным и рисунки, которые передвигались не только по его поверхности, но и внутри структуры, имели поразительно сложное трехмерное построение. При недолгом рассмотрении можно было выделить источники, управляющие возникновением и изменением рисунков, – этими центрами были яркие, пульсирующие узелки внутри мерцпокрова – плесень!

Эмуль повернулся к своему другу как раз вовремя, чтобы увидеть, как странно тот внезапно задрожал. Сжавшись и втянув в себя все манипуляторы и сенсоры, Узер превратился в приземистый широкий цилиндр. Замерев на мгновение, цилиндр накренился и боком упал на пол, оставшись лежать неподвижно, очень напоминая собой нераскроенный рулон нового мерц-покрова, но не темный, а светящийся и весь усыпанный изнутри яркими точками. В ужасе Эмуль окликнул своего друга, но в ответ на свой сигнал не получил ничего, кроме ровного высокочастотного шума.

Неожиданно жужжание в нем самом сделалось невыносимо громким, завладев всем его существом и лишив любых понятий собственного «я». Чем напряженнее он пытался найти вновь и обрести себя, тем мощнее и злее становилось жужжание. Он взглянул на свое тело и увидел на его мерц-покрове созвездия ярких точек плесени… стремительно высасывающих энергетический сок из его бата-р-р-р-ей… п-о-г-р-у-ж-а-я е-г-о в т-е-м-н-о-т-у.

Эмуль упал голосовой мембраной вперед и замер, кубический космос с мириадами солнц внутри.

Все стихло, и лаборатория погрузилась в гробовую тишину, только в дальнем ее конце за толстым стеклом разевала рот и что-то беззвучно кричала Дарла, расширенными от ужаса глазами взирая на происходящее.

Глава 13
«Приют Счастливых»

24 февраля 2031 года

Стэн крепко зажмурился – и открыл глаза. Потом попытался подняться. У него ничего не получилось – его левая нога словно онемела и была похожа на безвольный ласт морского животного, то же самое можно было сказать и о его левой руке. Онемение распространялось на всю левую половину тела. Он тяжело упал на что-то мягкое. Сквозь удушливую вонь до него донесся запах женщины, он лежал боком на… Вэнди? Вэнди!!! Вэнди???

Она была коматозным человеческим овощем, судорожно дергающимся телом, лишенным всех внутренних законов поведения, диктуемых разумом. Ее дыхание было по-детски прерывистым. Несчастный клон, ты даже не знаешь, как правильно дышать… хотя…

Он предпринял новую попытку подняться, но не достиг ничего, продолжая бесполезно барахтаться поверх малосимпатичного вэндиподобного существа. Его пенис напрягся, и он сделал то, что должен был сделать. Вэнди это нравилось; если начать вспоминать, то можно с уверенностью сказать, что в последние недели они занимались этим очень часто, очень много. И он, и она были голыми и покрыты потом и грязью.

После того как оба они кончили, Стэн перекатился на правый бок и принялся оглядываться по сторонам, отыскивая скамейку, на которой обычно сидел. Вон она, эта скамейка, вон там… извиваясь, как червяк, он пополз по заплеванному мерзкому полу тесной каменной клетки, в которой они с Вэнди с недавних пор жили.

Что-то где-то остановилось; что-то ушло, словно бы какой-то звук, к которому он привык, но что именно? Он оттолкнулся рукой, зацепился подбородком за край скамейки, с усилием поднял свое тело и сел. Он все время забывает пользоваться левой половиной тела. Зачем он все время ползает, если должен ходить? Раньше он умел ходить. Он лишился всякого представления о том, что такое пространственная ориентация: даже те пять шагов, которые он прополз от тела Вэнди до скамейки, потребовали от него невероятной концентрации. Он взглянул на Вэнди. Вид Вэнди помог ему сосредоточиться, о многом вспомнить. Он стал плотти, вот в чем дело, а Вэнди – просто-напросто клон, ее разум девственно-чист. Он плотти и живет в…

– В «Приюте Счастливых», – сказал он громко стенам булькающим и прерывающимся голосом, но все равно испытал от этого удовольствие. Потом начал смеяться и не мог остановиться очень долго. Впечатление было таким, словно месячный запас смеха, который он накапливал в себе, наконец прорвался наружу, хотя и походил теперь больше на стон.

Постепенно его смех перешел в глухой, вынимающий душу кашель, а откашлявшись, он замолчал. Что-то случилось с его нёбом: на месте мягкого нёба у него теперь была большая дыра, в глубине которой словно сидела острая цепкая заноза. Да, боль была примерно такая. Стэн принялся ощупывать дыру в нёбе языком, ощупывать, и прислушиваться, и оглядываться по сторонам.

Воздух в камере, в которой они с Вэнди находились, стал невыносимо, невероятно тухлым. Впечатление, что они находились в камере, усугублялось тюремного вида решетчатой дверью, расположенной справа напротив него. За дверью можно было разглядеть огромные, залитые розовым светом танки, наполненные густой мутной жидкостью, печенью, легкими, мозгом и, конечно же, вэнди, спокойно плавающими в питательном растворе, лежа на своей гидропонной основе, эти гидропонные танки, возле которых Стэн трудился не покладая рук много дней подряд без отдыха и срока, вкалывал до тех пор, пока хватало сил двигаться, где Вэнди ползала за ним следом, где и ему, и ей, конечно же, разрешалось есть столько сырого мяса и органов, сколько влезет, откуда в конце рабочего дня, срок которого был неопределен, их выпроваживали в камеру «Приюта Счастливых», в котором они спаривались, справляли большую и малую нужду и забывались сном без сновидений. Значит, об этом ему говорил Рикардо? Стэн припомнил слова красавчика и громко повторил их, с трудом ворочая непослушным языком.

– Тебе на хрен не нужен будет наш мир, Муни-дружище, будешь жить там как король!

Смех-рыдания снова поднялись в нем, слюнявые и всхлипывающие, истерические и глухие, сопровождаемые звуками воздуха, гудящего в дыре на месте пустого нёба, поворотами и уколами больших заноз, угнездившихся там, но теперь высвобождающихся и срывающихся, ууууухухухуху… вот, еще немного… идет, идет… ууууггххх…

Стэн спазматически изогнулся и рыгнул, широко разинув рот, потом еще раз и… крохотный пластиковый цилиндр с отростками коготков-манипуляторов вывалился у него изо рта и со стуком упал на пол. Крыса. Вот так-то! Получила? Конец проклятому голосу Елены в его голове, не затихающему ни днем ни ночью,

конец этим мамашиным понуканиям, от которых некуда деться, – Стэн, сделай то, Стэн, сделай это, – сама теперь таскай свои противные кишки. Нет больше Елены в Стэне, не станет он больше возиться для нее в этой вони. Он наступил на крысу и растер ее по полу.

Что-то случилось с Еленой; что-то заставило ее остановиться. Боже мой, как это приятно, сидеть вот так, думать самому и смотреть по сторонам… хотя остается еще проблема… гм, да… с его головой не все в порядке, его правая мозговая доля повреждена… из-за этого он все время забывает включать в работу левую половину тела, просто забывает о ней, и все. А сможет ли он двинуть левой ногой, если очень постарается? Если очень-очень постарается? Или о левой половине тела можно забыть?

Он гневно уставился на большой палец левой ноги. Раньше он знал, как двигать этим пальцем, но теперь, без поддержки Елены, когда ее голос в его голове исчез, левая сторона его тела… он не может… он забыл, что означает сознательное целенаправленное движение… схватив большой палец ноги здоровой правой рукой, он принялся энергично крутить его, да, вот так, потом наклонился и понюхал его, лизнул и даже укусил… ну вот, наконец-то… палец задвигался… слабо и неуверенно, по мере того как сигналы мозга пробивали себе новые пути по сетке нервов… палец колет, словно иголками… точно так же он принялся за левую руку… вот так, терпение и еще раз терпение… рука… левая рука уже может пародировать движения цыплячьих крылышек, делать то, чем он обычно занимался под «Зетом» в Дейтоне… наклонись вперед, Стэн, и бей левой рукой по левой ноге, много раз подряд, и терпи боль пробуждающихся нервов… эх ты, Стэн, слюнявый ты старый хрен, паралитик, до такого докатиться…

Когда чувствительность начала возвращаться, он осторожно поднялся на ноги и, раскорячившись, замер перед скамьей, балансируя и покачиваясь, но все же на своих двоих. Потом, решившись, проковылял к Вэнди, наклонился над ней, засунул ей палец в рот и ощупал ее нёбо, отыскивая крысу, но нёбо Вэнди оказалось целехоньким – несчастная тупица, она была слишком недоразвита, чтобы представлять хоть какую-то ценность для бопперов.

– Мы уходим, Вэнди; сейчас пойдем домой, малышка. Все будет хорошо.

Несколько минут он занимался с Вэнди, присев с ней рядом и сгибая и разгибая ее руки и ноги, как физиотерапевт или как это обычно делают со своими малышами матери, растирал ей бедра и

грудь, усаживал и снова укладывал ее, все время приговаривая что-то, с удовольствием, словно впервые, пользуясь речью… да, почти что и так, ведь он молчал целый месяц.

Из событий месяца, проведенного в рабстве, в его памяти не сохранилось почти ничего, только расплывчатые, туманные воспоминания. Возможно, объяснением тут был ужас происходящего с ним, который был настолько велик, что сознание отказывалось его воспринимать. Или, возможно, быстро привыкнув к давай-давай-давай Елены, ее вечным туда-сюда-обратно, его мозг просто не считал нужным делать отметки о событиях окружающего. И наконец, нельзя было забывать и о мозговой травме, которую он перенес от рук хирургов и после которой его полноценность, конечно, стала весьма и весьма сомнительной. Возможно, что и к лучшему.

Кто сделал его таким? Ответ прост: ОСЦС. Но зачем ОСЦС это было нужно? Для того чтобы распространить по Гнезду свою заразу, разумеется, свой чипоед, конечно же. Чипоед сработал, изжарил всем бопперам мозги, и этим все отлично объяснялось. Теперь они просто-напросто несчастные отморозки, да, так называл Вождь Джексон законченных наркошей, забывших все, даже собственное имя, несчастные отморозки. Чипоед достал и его тоже – неделю он проболел… он вспомнил, как ныли у него почки и как больно было ему глотать… но он поправился, потому что его битая-перебитая за миллионы лет телесная основа научилась сама всему находить противоядие.

Он взял Вэнди под мышки и подтащил ее к скамейке, усадил там и присел отдохнуть рядышком сам. Сидящая слева от него кукла отрешенно пускала пузыри. Посидев немного ровно, она вдруг сползла по стене набок и свалилась со скамейки на пол.

Оставив пока Вэнди в покое, Стэн снова занялся своими левыми рукой и ногой, сосредоточив все внимание на том, чтобы последовательность сокращений групп мышц при ходьбе и движении рукой запечатлелась в сознании, потом поднялся и проковылял к решетчатой двери камеры. На левый глаз полагаться было нельзя, а левая рука еще мало подходила для тонкой и точной работы, и потому, чтобы открыть дверь, ему пришлось здорово помучиться. На двери замка не было, и запиралась она простой поворотной скобой-крючком… но крючок оказался тяжелым и тугим… и чтобы одолеть дверной запор, Стэну пришлось научиться двигать руками в направлении, противоположном видимому, как будто глядя на происходящее в стоящее напротив зеркало… и только изрядно вспотев, он наконец сумел открыть дверь их застенка.

– Все, Вэнди. Мы уходим.

Подняв Вэнди на ноги, он обнял ее здоровой правой рукой за талию. Двигаясь медленно и осторожно, шаркая ногами по полу, они выбрались из камеры в залитую розовым светом комнату с гидропонными танками. Танки казались ему до боли знакомыми, но пробираться среди них ему, лишенному координации, было настолько же трудно, как через лабиринт. Сворачивая в разные стороны, побродив там и сям, с гулко бьющимся сердцем Стэн наконец добрался до стеклянной стены рядом со входом в шлюз.

Елена и Улялюм находились там, где обычно, в рабочем зале, вот только выглядели они плохо, ужасно плохо, не живыми, не мертвыми, а просто неподвижными, и имели отсутствующий вид… а кроме того… кроме того, их мерц-покров выглядел странно, очень странно. Пестрел ритмично повторяющимися, вводящими в транс узорами. По словам Юкавы, чипоед порождал в мозгу бопперов особого вида электрические вибрации, приводящие к нарушению основных связей. Результатом являлась смесь каталептического состояния и эпилепсии, что вполне подтверждалось тем, что Стэн сейчас видел перед собой. Елена и Улялюм сидели посреди зала, погруженные в глубочайший транс в буддистском духе, – просто сидели на полу в подобии позы лотоса, погруженные в *аум мане падме хум* медитацию, вот это по-настоящему круто, роботы закидываются плесенью и разговаривают с Богом, вот это ништяк. А мерц-покров на них действительно сошел с ума, вытворяет такое, что только диву можно было даваться, весь шел пятнами и разводами, везде, и на здоровенном ловком стручке-операционной Елены, и на ее прекрасной «голове Нефертити» с чертами тонкими и изящными, которой она так гордилась, кстати и не кстати цитируя «К Елене» По, от одного воспоминания о чем у Стэна начинала раскалываться голова, мерзкая старая вампирша, вот кто она, все время она доставала его, а теперь сидит неподвижно, как статуя, и весь ее мерц-покров идет разводами, так тебе и надо. Сидите вы теперь, осьминогоголовая Улялюм и зубастая стерва Елена, рядышком посередь комнаты, как дуры последние, дожидаясь пришествия Судного дня, и никому до вас нет дела, нет дела до вас, железок. Нет никому дела, и все о вас забыли, и хрен с вами. Так, что теперь?

Стэн серьезно прикинул свое положение. Он хочет убраться отсюда, но снаружи воздуха нет. Как же тогда привел его сюда Эмуль, если снаружи за стеклом везде царит только ледяной смертоносный вакуум? Он попытался вспомнить, и постепенно это ему удалось. Когда он встретился с Эмулем на Рынке, тот дал ему специальный Плащ Счастья, большой кусок мерц-покрова, который, если его надеть, укрывал с головой, превращаясь в

некое подобие скафандра с прозрачным щитком перед лицом. В скафандре Стэн добирался с Рынка в Гнездо к крысмашине, в пять минут подключившей к его нейропереходнику пластикового грызуна. Воспоминания давались ему с огромным трудом, словно в тот момент он находился под влиянием огромной дозы наркотиков. Точно так же, в Плаще Счастья, он пришел и сюда, на гидропонную ферму, когда Эмуль продал его Елене. Присмотревшись, он заметил, что Плащ Счастья все еще висит на стене прямо напротив двери шлюза и, кстати говоря, тоже выглядит по меньшей мере странно – весь покрыт ярко светящимися точками и даже, похоже, подрагивает и елозит на своем крюке. Но чтобы достать Плащ, ему все равно придется выйти из шлюза, сделать несколько шагов в вакууме, потому что другого пути нет.

Другого пути не было. Да, старина, тебе придется сделать это. Бережно опустив Вэнди на пол и усадив у стены, он вошел в шлюз. Закрывая за собой первую дверь, он очень долго путался и потел, а закрыв наконец, совершенно потерял ориентировку и, открыв в результате снова ту же дверь, ввалился обратно к Вэнди в зал гидропонной фермы. Обнаружив это, он был так потрясен и растерян, что снова забыл о левой стороне тела, всего на несколько секунд, которых хватило, чтобы он споткнулся и упал лицом вниз прямо в теплую кучу, появившуюся тем временем между широко расставленными ногами Вэнди, – вот тебе и «Приют Счастливых», здрасьте-пожалуйста. Поднявшись на ноги, он некоторое время обалдело смотрел сквозь стекло наружу, собираясь с духом.

Вновь заметив недостижимый Плащ Счастья, он вспомнил о своем замысле и опять потопал к шлюзу. Ничего нет проще его плана – открыть наружную дверь, выскочить из шлюза, сделать несколько шагов в вакууме, схватить Плащ Счастья и забежать с ним обратно, чтобы уже спокойно надеть. Приготовившись бежать, он положил правую руку на рычаг открывания двери – на правильный рычаг на этот раз, как он надеялся, – и ударил неловкой левой рукой по большой круглой кнопке разгерметизации. Воздух со свистом рванулся наружу… чтобы давление не разорвало ему легкие, Стэн широко открыл рот и глотку… толкнул дверь и бросился бежать… по крайней мере, попытался это сделать… очень похожий на чемпиона Паралимпийских игр в забегах на четыре ярда для паралитиков. Господи, *только не забудь о том, что у тебя есть левая нога*… вцепился рукой в Плащ Счастья… жеманно прильнувший к его руке и с готовностью соскользнувший с крюка… ох, невыносимый холод рвет пронизывающей болью его уши и ломает хрупкие

опустевшие и слипшиеся легкие, пот высыпает кристалликами на его туго натянувшейся коже… черт, где же шлюз? Вытаращенными глазами Стэн уставился на дверь, *совсем не похожую* на ту, из которой он только что выскочил, наверное, он не в ту сторону повернулся… он метнулся кругом… *споткнулся*… о нет! Стукнувшись лбом об пол, он понял, что ничего не успеет больше сделать, что все бесполезно и он сейчас умрет, и в тот же миг Плащ Счастья опустился на него благодатным мягким покрывалом, сам собой превратившись в теплый и полный сладкого воздуха скафандр.

От свежего воздуха у него сразу же прибавилось сил. Стэн заставил себя открыть глаза. Как обычно, часть Плаща Счастья, находящаяся перед его лицом, была прозрачной; он мог прекрасно различать вокруг себя предметы. Почувствовав несколько резких уколов в затылочной области шеи, он вздрогнул от неожиданности, но потом успокоился. Плащ Счастья подключал свои микродатчики к его нервной системе.

Привет, плотти, отчетливо раздался в голове Стэна голос Плаща. *Я рад тому, что снова могу помочь твоему телу. Многое изменилось с тех пор, как мы виделись в последний раз*.

– Можешь называть меня Стэн. Мне нужно отнести одну вэнди в Эйнштейн, в целости и сохранности. Это приказ Елены.

Ты обманываешь меня, плотти. Бопперы умерли, все до единого. Я голоден, и мне нужен свет. Отведи меня на световой круг. После этого я сделаю все, что ты хочешь.

– Хорошо.

Стэн решил помалкивать и поменьше болтать. Поднявшись на ноги, он осмотрелся по сторонам, решая, в какую сторону идти. Вэнди должна была находиться где-то рядом, но он ужасно путался в направлениях. Он забыл, где оставил ее.

– После того как ты поешь, мы вернемся за Вэнди, так я понял?

Да, мы вернемся.

Плащ Счастья подтолкнул Стэна в сторону сидящих на полу Елены и Улялюм. Делаясь более жестким то с одной стороны, то с другой, Плащ руководил Стэном и направлял его. У Стэна не было никакого желания приближаться к кровожадному стручку Елены, но Плащ заставил его подойти к ней вплотную и коснуться ее тела. Испещренный световыми пятнышками мерц-покров Елены тотчас же принялся судорожно мигать – впечатление было таким, словно он и Плащ Счастья разговаривали о чем-то между собой. По молчаливой просьбе Плаща Стэн положил другую руку на голову безразличной ко всему Улялюм, и мерц-покров той отреагировал точно так же.

Отнеси моих друзей к свету, пожалуйста, попросил голос у него в голове. *Они тоже голодны, как и я.*

Плащ Счастья промигал что-то стробоскопическими вспышками в сторону Елены и Улялюм, и кожа соскользнула с удивительных сестер, обнажив гладкую темную поверхность их тел. Хотя, сказать по правде, корпуса гидропонных дев не были так уж совершенно чисты – тут и там в стыках оболочки видна была выпирающая наружу сгустками желтовато-серая плесень. Чипоед. Елена и Улялюм боролись за свои жизни, но чипоед удушил их чипы прежде, чем они сумели хотя бы на шаг приблизиться к созданию подходящей вакцины для излечения своего внутреннего недуга. Карающая десница людей настигла их здесь, посреди колыбели изобретенной ими телесной основы. «Железо» бопперов было уничтожено, но часть его – на гибкой основе, составляющая мерц-покров, симбиотическая имиполексовая кожа, «лимпсофт» – ничего не имела против союза с плесенью. Стэн нагнулся и поднял с пола два шевелящихся имиполексовых кожуха. В слабой лунной гравитации они почти ничего не весили.

Спасибо, плотти.

Направляя его, Плащ Счастья делал это совсем ненавязчиво и не с позиции силы, как Елена; в нужных местах Плащ просто подталкивал его или предлагал голосом сделать то или это. При помощи глаз Стэна Плащ мог видеть, а тело Стэна позволяло ему двигаться, и было ясно, что он рад и благодарен Стэну за то и за другое.

– Куда теперь?

Следуй за звездой. Твоя Вэнди может подождать. Позже мы вернемся за ней и заглянем к Дарле.

В поле зрения Стэна появилась яркая звездочка голубого света и, не торопясь, полетела вперед по направлению ко входу в ближайший тоннель. Он двинулся за ней следом, иногда теряя из виду, но всякий раз, оглянувшись по сторонам, быстро обнаруживал снова. Возглавляемый путеводной звездой, он вышел из лабораторного зала, проследовал через небольшой коридор и оказался на дне Гнезда, стены которого вздымались вокруг него на необыкновенную высоту, где-то незаметно переходя в купол. Остановившись, Стэн огляделся, постоянно досадуя на ослабленное зрение левого глаза. Форма Гнезда приблизительно напоминала перевернутую воронку, вдоль центральной оси которой вниз падал узкий концентрированный пучок света. Подняв вверх голову, Стэн испытал несколько пугающих секунд адаптации, в течение которых ему казалось, что он вот-вот оторвется от пола и полетит вниз к устью огромной

воронки Гнезда.

Световой круг впереди прямо перед тобой.

Шагая за голубой звездой, Стэн миновал несколько улиц со всевозможными лавочками и магазинчиками, внутри которых тут и там он замечал бопперов. Гнездо стало городом призраков; все его обитатели превратились в неподвижные статуи. Мерц-покров у многих бопперов, чьи батареи истощились окончательно, был темным и обвисшим. У тех же бопперов, в ком сок еще оставался, мерц-покровы пульсировали пятнами и асимметричными разводами. Обладая, по-видимому, высокой светочувствительностью, эти мерц-покровы переговаривались между собой или, может быть, просто посылали друг другу сигналы. Встречая такие покровы, Плащ разражался особой последовательностью стробоскопических вспышек, и груза у Стэна прибавлялось.

В конце концов они добрались до светового круга, оказавшегося ровным широким пятачком около пятидесяти футов в диаметре в самом центре города. Внутри круга застыло несколько дюжин парализованных бопперов, под ногами которых извивалось десятка два-три мерц-покровов, сумевших доползти сюда самостоятельно. Бросившие своих погибших хозяев мерц-покровы были похожи на больших ярко окрашенных слизняков. Когда, остановившись на краю площадки, Стэн скинул с плеча на свет свою ношу, несколько уже насытившихся мерц-покровов торопливо подползли ближе «поговорить». Решив отдохнуть, Стэн растянулся на солнце, дав возможность своему Плащу вдоволь подпитаться светом. Удобно подстелившись под Стэна, благодарный Плащ в ответ качал ему внутрь сколько нужно свежего воздуха. Простодушные микродатчики Плаща просто излучали из себя довольство.

Постепенно Стэн уснул, и ему приснился сон.

Он увидел себя стоящим перед крутым обрывом на красном высокогорном плато, возможно, дело происходило на Марсе. Полной грудью он вдыхал чистый бодрящий горный воздух. Солнце, стоящее высоко в небе, было маленьким и горячим. За спиной у него были крылья, могучие крылья из имиполекса. Он был здесь не один; рядом с ним стояло еще несколько людей, все как один в имиполексовых Плащах Счастья и, так же как и он, с огромными крыльями за спиной, на которых так удобно было парить в поднебесье. Вэнди тоже была здесь, и Уайти, и Дарла.

– Эй, Стэн! – закричали они ему радостными, звенящими весельем голосами. – Что стоишь? Давай полетим!

Без страха сорвавшись с места, они вместе побежали вперед и, кинувшись вниз с крутого обрыва, расправили крылья и

принялись описывать широкие свободные круги над раскинувшимся внизу огромным прекрасным городом.

Потом картина его сна мгновенно и круто изменилась, и он оказался на Земле, где-то в океанских глубинах, по-прежнему облаченный в знакомый имиполексовый костюм, на этот раз чуть раздутый и во всем повторяющий очертания дельфина. Рядом с ним скользил другой дельфин – это была Вэнди, она весело жестикулировала, пытаясь объяснить ему что-то. Внезапно перед ними появился густой косяк кальмаров, и, с ходу врезавшись в него, они принялись со смехом отгонять от себя руками головоногих.

Он был пылинкой в открытом космосе и с мудрым пониманием взирал на мириады звездных россыпей.

Он медленно плыл в густой непрозрачной метановой атмосфере Юпитера, устремив все свои чувства вниз, стараясь различить могучее пение Великого Единственного.

Просыпайся, Стэн. Мы можем возвращаться. Мы заберем Вэнди и Дарлу и отведем их в Эйнштейн.

Стэн открыл глаза, поднялся и сел. Какой чудесный, волшебный сон. Елена не позволяла ему видеть сны, и, засыпая, каждый раз в течение прошедшего месяца он проваливался в черную непроглядную тьму.

Плащ Счастья набрался сил и приободрился; при каждом движении Стэна словно подталкивала пружина. Он вскочил на ноги и потянулся. Мягкие тела лимпсофтов помигали ему снизу, желая удачи. Два мерц-покрова подползли к нему, по-видимому предлагая свои услуги.

Я объяснил им, как стать скафандрами,сказал голос в голове Стэна.*Забирай их с собой и следуй за звездой.*

Лучистое пятнышко света снова появилось перед глазами Стэна, и, захватив под мышку два Плаща Счастья, он быстро заторопился за звездой. Сначала они заглянут к Дарле и спасут ее. Сделать это было необходимо в первую очередь, потому что, по правде сказать, то, что она оказалась здесь, в застенке у бопперов, была его прямая вина.

Лишенный изрядной доли правого мозгового полушария, он не имел ни малейшего представления о том, откуда он пришел и куда идти дальше. Но теперь он об этом почти не волновался. Он отлично осознавал свое положение, понимая, что точно так же, как повреждение левого полушария может привести к частичной потери речи, повреждение правого полушария лишает возможности мысленно выстраивать трехмерную картину окружающего. Но беды здесь большой не было – он обратится за потерянной частью мозговой ткани в ОСЦС или, на худой конец,

если его все же обманут, черт возьми, оставит себе своего нового друга – Плащ Счастья.

Голубая звезда перед ним мигнула, и голос в его голове произнес: *Я буду рад служить*.

Свернув в другую сторону от гидропонных ферм, они углубились в район бесконечных фабрик и мастерских; через некоторое время его окружили высокие молчаливые здания, по всей видимости, чипоплавильни. Постепенно они добрались до противоположной стены Гнезда, где уходящие вверх балконы напоминали уступы. В пять мощных пружинистых прыжков Плащ вознес Стэна на пятый уступ от дна Гнезда, откуда, проследовав через череду разветвляющихся коридоров, он добрался до настежь распахнутой двери в конце короткого тупичка.

Это лаборатория Узера и Эмуля.

Стэн вошел внутрь и огляделся. Длинная комната, в которой он оказался, отдаленно напоминала нору Юкавы. В дальнем конце помещения виднелся ряд металлических шкафов, на полу во множестве валялись комки трепещущего мерц-покрова. Неподалеку от входа он заметил приземистый столик с четырьмя разноцветными инфокубами. Перед рядами металлических шкафов неподвижно лежали тела двух убитых плесенью бопперов, Узера и Эмуля. Мерц-покрова на них уже не было, остались только голые корпуса; от внутреннего напора биомассы корпуса лопнули, как перезрелые стручки гороха. В смысле «железа» Эмуль и Узер напоминали собой старые проржавевшие машины, сквозь которые прорастала трава, или зеркальные абстрактные цветочные горшки, полные побегов молодой зелени, или старые сгнившие деревянные чурбаны, покрытые грибами, называющимися «ведьмины уши» и на ощупь похожими на резину. Одолевшая Узера и Эмуля плесень подходила к концу своего жизненного цикла. На ее желтовато-серых прядях уже дозревали семенные шарики размером с мячики для гольфа. Наклонившись, Стэн сорвал один из семенных шариков; возможно, там, снаружи, он сможет что-то за него выручить. Выпрямляясь, он заметил краем глаза в стороне какое-то движение. В комнате напротив металлических шкафов находилось высокое, от пола до потолка, забранное стеклом окно, за которым… Да кто это? Он точно знал, что уже видел где-то это лицо, но… дьявол!

Это Дарла, так мне кажется.

Конечно, это она!

– Дарла! – заорал Стэн, понимая, что она, конечно же, не услышит его.

Увидев, что ее заметили, Дарла замахала руками и беззвучно

застучала кулаками по стеклу. Засунув семенной шарик в карман скафандра, Стэн бросился к шлюзу. Путаясь от волнения в рукоятках дверей, он выполнил требуемую последовательность операций и, вконец измученный, ворвался в розовые покои Дарлы. Плащ услужливо соскользнул с его плеч.

Внезапно оказавшись совсем голым, Стэн забыл про левую ногу и упал на бок. Дарла наклонилась над ним, ее лицо было огромным и перевернутым.

– Что с тобой, Муни? Ты нормально себя чувствуешь? Ты поможешь мне выбраться отсюда?

Он опять забыл ее имя. Уставившись на нее расширенными глазами, он молчал, вдыхая удушливый воздух ее жилья, напитанный запахами женщины.

– Повтори, что ты сказала, Вэнди, я не разобрал.

– Я Дарла, дурак. Ты сможешь вытащить меня отсюда?

– Да, – быстро ответил Стэн и поднялся на ноги.

Если не выпускать Дарлу из виду, то удержать в памяти ее имя было гораздо проще. На ней был фривольный комбинезончик в обтяжку, красно-желто-голубой. Последний раз он встречался с Дарлой у нее дома, месяц назад.

– Да, Дарла, – повторил он. – Я смогу вытащить тебя отсюда – за этим я и пришел. Надень вот это. Вот так.

Подняв с пола свой Плащ, он набросил его себе на плечи, а остальное тот довершил сам. Помедлив в нерешительности, Дарла взяла один из принесенных Стэном мерц-покровов и повторила продемонстрированную ей операцию. Стэн заметил, как Дарла коротко дернулась, когда микродатчики ее Плаща подключились к нервам ее спинного мозга.

– Все в порядке, ничего страшного, – успокоил он ее. – Все так и должно быть.

Она не слышит тебя. Соприкоснитесь головами.

Стэн прижался прозрачным щитком своего забрала к забралу Дарлы.

– Все в порядке, Дарла, не волнуйся. Эти штуковины просто безобидные, добродушные куски имиполекса, лимпсофт, и все.

– Он уколол меня в шею.

Голос Дарлы, доносящий сквозь пластик, был далеким и неясным.

– Подключившись к тебе, лимпсофты смогут видеть твоими глазами и разговаривать с тобой. Плотти быть гораздо хуже, я-то знаю.

– Ты был плотти?

– Целый месяц. Стать плотти меня заставила ОСЦС, не без помощи твоего Уайти. У них был разработан целый план с моим

участием.

– Я говорила тебе, он такой, он тебя достанет. Ну что, теперь мы можем идти?

– Да. Сначала заберем мою Вэнди, а потом отправимся в Эйнштейн.

– Вэнди?

– Ты все сама увидишь.

Повернувшись, Стэн заметил тоннель, начинающийся в дальнем углу комнаты Дарлы. Тоннель был закрыт простой решеткой без шлюза и, очевидно, загерметизирован. Если этот тоннель ведет в Эйнштейн, то это многое для них упрощает.

– Этот тоннель, вон там, он тянется до самого города?

– Раньше так и было, и по нему я сюда и пришла. Начало он берет в мерзком магазинчике под названием «Игрушки малышей-шалунов», – ответила Дарла. – Но позавчера Эмуль взорвал начало тоннеля у магазинчика, когда Уайти и его ребята пытались ко мне прорваться.

– Если нам не удастся найти тоннель, ведущий до самого города, нам придется выбираться наружу через горловину Гнезда и весь путь проделать пешком по бездорожью. Я не уверен, что Вэнди это по силам.

– А что стряслось с твоей драгоценной Вэнди? – Дарла начинала терять терпение. Муни не сводил с нее глаз, и это ее раздражало, а ему, похоже, наоборот, нравилось.

– Она клон, Дарла. У нее мозг как у ребенка, совершенно пустой. Она ведет себя как стодвадцатифунтовая новорожденная девочка.

– Гляжу, ты тут извращениями решил заняться, легаш. Хватай этот Плащ, если он для твоей подруги, и пошли.

– Послушай…

Дарла отдернула от его забрала голову, дав понять, что разговор окончен, развернулась и направилась к шлюзу. Стэну ничего не оставалось делать, как двинуться за ней следом, и через минуту они уже очутились в лаборатории Узера и Эмуля.

Вынесите отсюда моих братьев. Они голодны. Отнесите их на световой круг.

– Это невозможно. Слишком далеко. Один я не унесу столько, а Дарле нельзя поднимать тяжести. Хотя, может быть…

Стэн вспомнил свою «умную» бомбу, его Супермяч – Мастера Прыгуна из мерц-покрова.

– Вот что я могу предложить тебе, Плащ. Если твои братья свернутся в шары, я могу сбросить их всех с балкона вниз к свету. Пускай используют инерцию, прыгают и катятся сами до самого места.

Хорошо. Давай я объясню им.

Стэн принялся обходить комнату, по пути прикасаясь к каждому куску мерц-покрова, для того чтобы Плащ мог растолковать им, что нужно делать. Всего мерц-покровов было пятнадцать – тринадцать из металлических шкафов и два сползших с Узера и Эмуля, хотя сказать точно, что откуда взялось, было невозможно. Свернувшись клубками, мерц-покровы сжались как можно плотнее, и уже довольно скоро на полу перед Стэном лежало пятнадцать разных оттенков словно бы сделанных из мрамора мячей размером не больше шара для кегельбана. Остановившись в дверях лаборатории, Дарла следила за действиями Стэна. Она уперла руки в бока и многозначительно постукивала мыском ноги по полу. Стэн подошел к ней и прижался к ее забралу своим. Лицо Дарлы было сурово.

– Что за ерунду ты там творишь, Муни, болван ты эдакий?

– Дарла, киска, не забывай, что я все-таки спас тебе жизнь. Мой Плащ попросил меня сбросить эти шары вниз с балкона. Мы выполним его просьбу, потом пойдем заберем Вэнди и вместе вернемся домой. Опасности нет, и торопиться нам особо некуда, потому что все бопперы мертвы. Это я убил их всех – чипоедом, который принес в себе. Это было задание, с которым меня посылало сюда ОСЦС, так что будь умницей, стой и помалкивай, красавица.

Настала очередь Стэна отдергивать голову и прерывать разговор. Чтобы позлить Дарлу, он выложил шары в аккуратный треугольник, как перед началом бильярдного поединка. Нарушение пространственной ориентации сильно затрудняло его задачу, но Плащ помог ему. Взяв два крайних шара – сразу три нести было неловко, – он отнес их, следуя за голубой путеводной звездой, через хитросплетение тоннелей к балкону. Дарла тихо двигалась за ним следом, тоже с двумя шарами в руках. Очутившись на балконе, она вздрогнула от изумления – она никогда не видела раньше Гнездо целиком.

Стэн отыскал в центре среди строений раскинувшегося внизу города световую площадь. Прямо от центральной площади к стене, на которой они стояли, тянулась прямая, как луч, улица. Положив один шар мерц-покрова на каменный пол балкона, обеими руками он поднял другой шар высоко над головой и, размахнувшись, с силой бросил его вперед и вверх. Шар полетел по пологой низкогравитационной дуге и, опустившись точно на улице, высоко подпрыгнул, снова опустился, подпрыгнул опять и выкатился прямо на залитую ярким солнцем площадку. Тогда он поднял второй шар и тоже бросил его, после чего Дарла бросила два своих шара.

Когда они оказались на балконе с шарами в четвертый раз, на долю Дарлы остался только один шар. Она размялась, и ее настроение существенно улучшилось.

– Последний шар, Муни. Теперь мы можем идти?

– Да, спускаемся. И зови меня лучше Стэн. Там на столике в лаборатории я заметил несколько инфокубов. Ты не знаешь, что это такое?

– Это персональные кубы Эмуля и каких-то его друзей. Он берег их как зеницу ока. Думаешь, стоит захватить их с собой? Ты знаешь кого-то, кто захочет купить их у нас?

– Черт, думаю, нам лучше не забивать себе этим голову. Лично я предпочел бы забыть о бопперах навсегда. Знаешь, я даже рад, что плесень убила их.

Следуй за звездой, Стэн, она приведет тебя к Вэнди.

Спустившись по стене вниз на дно Гнезда, по окружной дороге они двинулись на другую его сторону. Они шли и шли до тех пор, пока голубая звездочка не нырнула вдруг в один из прорубленных в камне проходов. Они свернули туда же и через несколько минут уже были на гидропонной ферме.

Дарла взяла рычаги на себя, и не прошло и двух минут, как внутренняя дверь шлюза зала с танками распахнулась перед ними. Вэнди по-прежнему находилась там, где Стэн ее оставил, хотя уже не сидела, а лежала на боку, таращась прямо перед собой широко распахнутыми глазами. Она разглядывала свои пальцы и забавлялась с ними. Стэн стянул Плащ с лица, и вслед за ним то же сделала Дарла.

– Ну и вонь здесь, – поморщилась она. – Значит, это и есть Вэнди? Дьявол, вот уж бедняга. Она как ребенок, точно, как ты говорил. Кстати, ты видел эту яркую дыру там, наверху? До нее так же далеко, как до неба.

– Согласен, – отозвался Стэн. – Но без Вэнди я никуда не пойду. Ради нее я все это затеял, и только с ней я уйду, понятно?

*Позволю себе внести предложение,*раздался голос в голове Стэна.*Этот плащ, который ты принес для нее, он поможет ей идти.*

– Ты слышишь, как твой скафандр разговаривает с тобой? – спросил он Дарлу.

– Так это скафандр говорит? А я решила, что у меня галлюцинации оттого, что я так долго сидела взаперти. Так эти штуки, что же, в самом деле живые?

– Они всегда были разумными, просто теперь, после того как внутри них поселилась плесень, они значительно поумнели. Я называл их Плащами Счастья, но теперь, может быть, их лучше звать плесенниками? Мой Плащ – мой плесенник – говорит, что

скафандр, который я принес для Вэнди, поможет ей передвигаться.

И будет говорить через нее.

– И будет говорить через нее, – подхватила Дарла. – Перестань, мне неприятно.

Она шлепнула рукой своего плесенника, идущего разноцветными разводами.

– Сделай, как он говорит, Стэн.

Он обернул Вэнди оставшимся мерц-покровом, плотно окутавшим ее тело. Долгое время после этого ничего не происходило. Но потом Вэнди начала дрожать, сначала тихо, а потом все сильнее. Наконец дрожь прекратилась, и она снова замерла. Прошло еще немного времени – Вэнди пошевелилась и встала. На этот раз задрожал Стэн. Протянув трясущуюся руку к Вэнди, он отвел с ее лица мерц-покров.

– Привет, – ясным и веселым голосом произнесла она. – Как я рада тебя видеть!

Голос ее звучал точно так же, каким он запомнил его с давних времен, ничуть не изменившись.

– Ох, Вэнди.

Стэн прижал ее к себе и крепко обнял.

Глава 14
Делла

7 марта 2031 года

Когда она открыла дверь, на пороге стоял незнакомец. Он был толст и бледен, на вид ему давно перевалило за сорок, и его ботинки и костюм были дешевыми и сильно поношенными. Напряженное и по-юношески устремленное выражение лица незнакомца совсем не вязалось с одутловатостью и нездоровым видом его кожи, какой-то опухшей и водянистой. Возможно, когда-то давно, в молодости, он был довольно симпатичным, но с тех пор сильно изменился, то ли под грузом жизненных передряг, то ли чего-то другого, очень серьезного, возможно, болезни, нарушения гормонального обмена или подобного недуга. Делла похвалила себя за то, что предусмотрительно оставила на двери цепочку.

– Кто вы такой? – спросила она через дверную щель.

Она недавно переехала и держала свой адрес от посторонних в тайне – слишком живо было воспоминание о ненависти и нездоровом лихорадочном внимании, которые они испытали на себе после событий последних месяцев.

– Что вам нужно?

– Мне дала ваш адрес Илси Тейз. Вам необязательно впускать меня, мы можем прогуляться и поговорить.

Незнакомец приложил указательный палец к губам и уху, очевидно предупреждая Деллу о том, что все, о чем он ей сообщит, не предназначено ни для чьих ушей, кроме ее.

Делла отрицательно покачала головой. Парень мог запросто оказаться агентом Гимми или ОСЦС, сумасшедшим последователем Мэнчайла, радикальным пуристом или, наконец, обычным сексуальным маньяком. С тех пор как она прославилась как женщина, из чьей утробы вышел созданный бопперами дьявол, с какими только типами ей не довелось столкнуться. После убийства Мэнчайла и ареста Вилли история получила очень широкую огласку. Делла отказывалась давать интервью, но все равно всю подноготную вытянули из нее на перекрестных допросах на судебных расследованиях по делу попытки вторжения бопперов. Миллионы людей желали встречи с Деллой только для того, чтобы взглянуть на нее и перекинуться словом, и, устав от невыносимого внимания, она была вынуждена скрыться, сняв новую квартиру со всеми предосторожностями и втайне. Толстяк был первым визитером, сумевшим разыскать ее.

Как он ухитрился убедить Илси дать ему адрес?

Глядя на него, могло показаться, что он не видел солнца годами. Его тучность выглядела болезненной и неестественной. Учуяв запах, доносящийся с кухни из микроволновки Деллы, в которой она как раз разогревала обед, он быстро облизнул губы с самым хищным и голодным видом, вызвав у Деллы приступ почти физического отвращения.

– Уходите, – коротко бросила ему она, продемонстрировав висящий на поясе игловик. Мужчина поспешно отступил на два шага назад. Ко всему прочему, он был еще и хром, так же безобразно, как и во всем остальном. Делла с силой захлопнула дверь и задвинула засов. Что такое с тетей Илси? Она дала ее адрес какому-то мерзкому инвалиду, которого Делла в глаза никогда не видела. Неужели тетя забыла, как просила Делла их всех оставить ее в покое, как старательно объясняла всем своим туповатым родным, что ей просто необходимо побыть одной? Каким же образом толстяку удалось выклянчить у тети адрес Деллы – может, он предложил ей ДЕНЬГИ? Боже мой, неужели? Когда наконец ее отец и мать, дядя и тетя перестанут думать только о себе?

Одной из причин, может быть, главных причин, по которым Делла согласилась работать на доктора Юкаву, творящего свои темные делишки на Луне, было то, что ей ужасно хотелось уехать *подальше* от всего, что окружало ее столько лет и до смерти надоело: от родителей и родни, друзей и знакомых. Но в Эйнштейне все началось сначала, люди не давали ей покоя, донимали так или иначе, и босс, и копы, и джанки, которых она не знала, как и зовут, и так называемые друзья, из которых, может, только Бадди Ескин был ей не в тягость, он был ласковым, как ягненок, и еще больший, чем ягненок, молчун. У них был их слив, им *не нужно* было ни о чем говорить, и им было хорошо, хотя снова вернуться на этот круг ей не хотелось бы. По крайней мере, в ближайшее время. Вознесенный на пенном гребне последних событий, Эйнштейн переживал свой бум, несколько, по мнению Деллы, искаженный, когда вовсю интервьюируемыми звездами виззи становились люди – ее старые знакомые из слив-тусовки, – стоит ей появиться там снова, как ее немедленно без остатка перемелет денежная машина, нет уж, спасибо. Кроме того, доктор Юкава еще не уставал напускать дым, то и дело двусмысленно поминая в интервью «свою бедную Деллу», именно так, и продолжая бомбардировать письмами и звонками ее родителей, на которые Делла категорически отказывалась отвечать, и это было еще одной причиной, по которой она решила сменить жилье. Доктор Ю очень часто приходил к ней в ночных

кошмарах. Нет, со сливом она покончила раз и навсегда, во всех отношениях.

Вернувшись на кухню, она достала из микроволновки жареного цыпленка и, включив виззи, уселась с едой перед экраном. Еще одним опосредованным результатом всей этой заварухи стала ее привычка регулярно смотреть вечерние программы новостей. Это было очень удобно, поскольку позволяло видеть всех людей, кто был хоть как-то интересен, на экране. Сегодня могло появиться что-то новое по делу Вилли Тейза – ожидалось, что вердикт суда будет вынесен со дня на день.

Программа новостей уже началась. Передавали живую трансляцию из здания ОСЦС в Эйнштейне: репортер задавал вопросы Стэну Муни и Уайти Майдолу, счастливо улыбающимся и обнимающим сидящих рядом подруг, Дарлу и Вэнди. Уайти и Дарлу она знала – это были люди из слив-тусовки: Уайти был панк или рокер, а Дарла – его подружка. Со Стэном Муни Делле никогда встречаться не доводилось, но она заочно знала его по семейным историям и старым хроникам новостей. Его женщина, Вэнди, была блондинкой с невероятно чистой и мягкой кожей. По словам Муни, у Вэнди была амнезия.

Их правдивая история была яснее ясного всякому более или менее соображающему существу на Земле и Луне. Сотрудничающий с недавнего времени с ОСЦС доктор Макс Юкава, желая отомстить за изнасилованную бопперами Деллу Тейз, создал чипоед, действующий разрушительно на цепи роботов. Уайти Майдол, чью жену Дарлу Старр бопперы похитили примерно для тех же целей, с какими была использована ими Делла, и также обуреваемый жаждой мщения, заставил Стэна Муни доставить некоторое количество спор чипоеда Юкавы в Гнездо. Успешно выполнив возложенную на него миссию, Стэн Муни сумел выбраться из Гнезда, спастись сам и спасти Дарлу и загадочную Вэнди.

Интервьюером был представительный симпатяга Тобб Зануна. С интересом прислушиваясь к вопросам и ответам, Делла ела своего цыпленка с аппетитом и жадно, по-холостяцки.

Тобб. При вербовке ОСЦС было ли на вас оказано ДАВЛЕНИЕ, мистер Муни, например, со стороны Уайти или кого-то еще?

Стэн. Долго ли им пришлось меня уговаривать? Не очень, хоть я и не сразу согласился. Но я рад, что благодаря этому мне удалось спасти Ди и Ви. Самым сложным оказалось выбраться из Гнезда на поверхность. К счастью, в Гнезде нам удалось найти союзников, они нам очень помогли. Я говорю о разумных мерц-

покровах бопперов, они отличные ребята. Как видите, одного из них я ношу с тех пор на себе постоянно. У меня поврежден мозг, и он помогает мне справляться с этим и кое чем другим.

(Крупный план, демонстрирующий пятнистый толстый пластиковый шарф, обернутый у Муни вокруг шеи.)

Стэн *(очень серьезно)*. Я называю его плесенником. Это своего рода симбиот.

Тобб *(широко улыбаясь)*. Это может стать началом новой моды. Как я вижу, эта симпатичная молодая леди, сидящая рядом с вами, тоже носит похожий шарф. *(Доверительно.)* Вэнди, всех нас по-прежнему интересует история вашего появления. Насколько я понимаю, вы пришли из Гнезда – но чем вы там занимались? Не могли бы вы рассказать нам что-нибудь о своем прошлом?

Вэнди *(с ясной и открытой улыбкой)*. Мое тело, Тобб, – это выращенный бопперами в гидропонных танках клон покойной жены Стэна, Вэнди. Когда ему представилась возможность жить дальше с вет-копией его жены, он с радостью на это согласился. Само собой, девушка, появившаяся на свет из недр гидропонного танка взрослой и уже полностью сформировавшейся, мало подготовлена к городской жизни, но мой плесенник помогает мне ориентироваться. *(Многозначительный смех.)* Как только мне выдастся возможность побывать на Земле, я обязательно повидаюсь там со своими биологическими родителями. И еще – можно, я скажу им, Стэн?

Стэн *(сияя от счастья и накручивая на палец кончик шарфа)*. Конечно, я не против!

Вэнди. Мы решили пожениться, и завтра у нас свадьба!

Тобб. Вот это здорово! Я поздравляю вас, Вэнди! От лица виззи-зрителей желаю вам счастья в семейной жизни. Каковы ваши ближайшие планы, Стэн? До меня дошли слухи, что вы теперь очень и очень обеспеченный человек. Чем вы собираетесь заняться – может быть, решите отдохнуть и посвятите себя семейной жизни?

Стэн *(с легкой улыбкой)*. Нет, Тобб, у меня другие планы. Открыть их я сейчас не имею возможности, могу только посоветовать набраться терпения и подождать.

Тобб *(оглянувшись в камеру)*. А он не так-то прост, этот Муни, вы не находите? Настоящий герой нашего времени с крепкой закваской. Теперь я хочу спросить кое о чем Дарлу Старр. Вы беременны, Дарла, если я не ошибаюсь?

Дарла *(быстро жуя резинку)*. Верно. Я жду двойню. *(Задвигав челюстями еще быстрее.)* Для того-то бопперы и похитили меня. *(Хочет сказать что-то еще, но потом останавливается, очевидно*

передумав.)

Тобб. Значит, Уайти станет отцом близнецов? *(Фон: смех зала.)*

Дарла. Спросите Уайти.

Уайти. Оба ребенка нормальные. Мы уже обращались за осмотром и прошли все анализы. Проверку аминотипов и все такое и, самое главное, тест на гибберлин, который оказался отрицательным. В Дарле нет гибберлина. Ни о каком новом Мэнчайле речи быть не может, это будут две хорошенькие девочки. Нам с Дарлой пришлось поволноваться.

Тобб. Ну что ж, похоже, что сегодняшний вечер приносит нам только хорошие новости, не правда ли? Заранее поздравляю! *(Внезапно посерьезнев.)* Не так давно, на закрытой конференции, созванной правительством Луны, мне удалось поговорить с доктором Максом Гибсоном-Юкавой и задать ему несколько вопросов, в том числе и один вопрос, который, я уверен, чрезвычайно волнует нас всех. Он дал мне ответ и позволил открыть его вам. О чем я спросил его, вы, наверное, догадываетесь: какую опасность представляет чипоед для людей и азимовских компьютеров и существует ли такая опасность вообще? Скажу сразу, что доктор Юкава рассмеялся и успокоил меня. Предлагаю вашему вниманию фрагмент виззи-записи нашей беседы.

(На экране появилось иссушенное, задумчивое лицо Юкавы.)

Юкава. Небольшой риск имеется, но в основном, Тобб, это относится к ослабленным индивидуумам. По мнению подавляющего большинства носителей чипоеда, недомогание, связанное с ним, переносится так же легко, как грипп, например. Мы работаем сейчас над созданием вакцины, но решение задачи затрудняется повышенной генетической изменчивостью чипоеда, что затрудняет создание подходящей для него «серебряной пули», но не ставит это под сомнение. *(Видно, что Юкава горд своим неуязвимым детищем.)* Несколько более серьезно обстоит дело с работоспособностью наших собственных азимовских компьютеров. *(Мощный выплеск статики.)* Путей выхода из затруднительного положения здесь несколько, из них самым перспективным я назвал бы применение новых компьютерных технологий. Так, сейчас ОСЦС занимается разработкой бесчиповых параллельных компьютеров, действие которых основано на целлюларной автоматической симуляции с использованием зараженных плесенью тканей мерц-покровов.

Тобб *(говорит очень быстро)*. Благодарю вас, доктор Юкава. Другие новости Луны на этот час: силы быстрого реагирования Гимми потерпели новую неудачу при попытке проникнуть в

Гнездо; запрет на перелеты Луна – Земля продлен на неопределенный срок; паника на валютной бирже. Но сначала сегодняшний репортаж из Луисвилля, от Сюзи Пиггот. Сюзи?

Сюзи. Спасибо, Тобб. Я Сюзи Пиггот, коренная жительница Луисвилля. Сегодня утром было продолжено судебное слушание по делу Вилли Тейза, Лютера и Джиджи Джонсон. Сегодня же промэнчайловские религиозные радикалы устроили очередное пикетирование Дворца правосудия. Результатом пикетирования было столкновение с полицией. Есть раненые.

(Кадры хроники, на которых несколько дюжин людей несут в руках плакаты с надписями: «Религия Мэнчайла ЖИВА!!!», «Скажем НЕТ геноциду!», «Свободу ВИЛЛИ», «ЛЮТЕР и ДЖИДЖИ невиновны!», «Мы ВСЕ ЛЮДИ!». В отдалении людей с плакатами поджидают полицейские с дубинками наготове.)

Сюзи. Сегодня же после полудня суд вынес вердикт по всем трем делам, дав идентичное заключение: виновны. На этом Верховный судья Ливайс Картер прекратил заседание суда, которое будет продолжено в понедельник и на котором будет вынесен приговор.

(На экране демонстрируются кадры, где показано, как Джиджи и Лютера выводят из здания Дворца правосудия и усаживают в машину. Когда машина с Джиджи и Лютером отъезжает, из дверей Дворца появляется в окружении конвоя Вилли, вид у него как в воду опущенный, голова понурена, руки закованы в наручники за спиной. Его сажают в черный броневик…)

Вилли признан виновным! Кусок цыпленка застрял у нее в горле. Ей даже в голову не приходило, что судебное следствие по делу бопперов может зайти так далеко. Она и все ее родные были сурово допрошены еще на первых шагах расследования. Ловкому адвокату, которого наняли родители, удалось убедить прокурора, что, являясь невинной жертвой, Делла не имела никакой возможности узнать о том, кем станет ее ребенок. Доанисты пытались подать на Тейзов в суд, обвиняя их в «пособничестве хладнокровному убийству» Джимми Доана – того старика-сторожа, которого съел Бубба, – но адвокат Дон Стюарт заверил папу, что у доанистов нет ни единого шанса и реальное обвинение может быть выдвинуто только против Вилли, а остальные не подпадают ни под одну статью судебного преследования.

Положение Вилли действительно было очень серьезным – сотни свидетелей видели, как он увозил в своей машине из Фэйрграунда Кобба и Киско в вечер убийства Мэнчайла. Той же ночью Вилли был арестован у себя дома. Он отказывался давать

показания, но позже выяснилось, что он отвез Кобба и Киско в Черчилль-даун к Джонсонам, где и появился на свет Бубба. Вилли обвинялся сразу по нескольким пунктам: в предательстве человечества, заговоре и пособничестве убийству Джимми Доана. Милый чудак Вилли – что собирается сделать с ним Гимми? Предательство человечества карается, наверное, смертью. Бедный Вилли.

Делла поймала себя на мысли о том, что может чувствовать сейчас тетя Илси. Может быть, этот незнакомец, которого она прислала к ней, имел какое-то отношение к Вилли? Вдруг это был адвокат?

Делла переключила виззи в режим телефона и набрала номер Илси. Дозвониться удалось не сразу. На тете Илси лица не было.

– Я тоже не знаю этого человека, но может быть… может быть, он знает, как помочь Вилли. Я в отчаянии, и Колин тоже. Вилли наверняка казнят; они убьют его так же, как убили моего отца! Прошу тебя, Делла, если он пришел к тебе, выслушай его – когда судьба Вилли решается, ты не сможешь оставаться в стороне, ты ведь никогда не была эгоисткой. Мы должны ухватиться за любую соломинку, за все, что подвернется. Пойми, Делла, ведь это ВСЕ ТВОЯ ВИНА! ЭТО ТВОЯ ВИНА, ты, пустоголовая искательница приключений!

Делла молча прервала связь и выключила виззи. То, что говорила тетя Илси, было оскорбительно, но ее можно было понять. Но чем она могла помочь? Делла походила по комнате, потом подошла к окну и взглянула на улицу. На противоположном тротуаре на скамейке сидел, ссутулив плечи, мужчина, его фигура выделялась темным силуэтом. Посидев некоторое время неподвижно, он поднял голову и взглянул вверх, и свет уличного фонаря упал на его лицо. Это был тот самый незнакомый толстяк-инвалид, что стучался к ней недавно. Только увидев его внизу, Делла поняла, что заранее знала, что тот будет ждать.

Отступив от окна, она взвесила на ладони игловик. Зачем приходил к ней этот человек? Она подумала о том, какое лицо было у Вилли, и вспомнила голос тети Илси: «Ты не можешь оставаться в стороне».

– Господи, что происходит? – прошептала она, надевая ветровку. Засунув игловик в карман куртки, она вышла из квартиры и спустилась вниз.

Человек на скамейке заметил ее сразу же, словно ждал. Увидев, что она идет к нему, он поднялся и, сильно хромая, двинулся по боковой, обсаженной деревьями дорожке. Делла быстро нагнала его и пошла рядом.

– Кто вы такой?

– Догадайтесь сами.

Этого было достаточно, чтобы она все поняла. Ну конечно же. Они так и не нашли тело Буббы.

– Так ты…

– Совершенно верно, бабушка. Я – Бубба.

– Господи. Бубба. Ты рассказал Илси?

– Нет, но, мне кажется, она сама догадалась. Да и что тут гадать? Я позвонил ей, когда узнал, что у Вилли дела плохи. Способ, как его вытащить, я придумал, но мне нужна помощь.

Мимо них с шумом пронесся автобус. Вдоль улицы дул мокрый и пронизывающий мартовский ветер.

– Но у Илси ты не стал просить помощи?

– За ней постоянно следят. Мне нужна цефапленка, над которой Вилли работал перед самым арестом. Пленка находится у Вилли дома. Желательно получить оригинал. Я уже видел эту пленку в «Ля Мираж», но мне нужно просмотреть ее еще раз.

– И что же записано на этой пленке?

– Ты поможешь мне или нет? – Голос у Буббы был резким и напряженным, он не переставал опасливо озираться по сторонам. – Откровенно говоря, мне не нравишься ни ты, Делла, ни вообще люди. Они убили всех, кого я любил, ранили меня, отстрелили мне мошонку, а потом охотились на меня, как на…

– У тебя… тебе отстрелили…

– Вот именно, бабушка, так что насчет того, что я могу наброситься на тебя, можешь не волноваться. Когда мне только-только сравнялось тринадцать, они загнали меня на свалку. Я знал, что есть человека нехорошо, но…

Яркий свет уличных фонарей остался далеко позади. Бубба остановился и заглянул Делле в лицо. В призрачном сиянии далеких огней одутловатость его щек скрадывалась. Его рот был напряжен и сжат в узкую полоску, а маленький острый нос по-мальчишечьи вздернут.

– Ты поможешь мне?

– Да, – ответила Делла, которой ничего другого не оставалось. – Я помогу тебе. Куда мне отнести пленку?

– Отдашь ее одному из черных стюардов на «Луисвилльской Красотке». Я сейчас живу там, Красотка согласилась меня спрятать. Думаю, Вилли говорил тебе, что Красотка – это боппер, гигафлоп-сто. Я хочу взломать азимовский код Красотки, и это мне уже почти удалось, не хватает только кое-чего главного, что, как мне кажется, должно иметься на пленке Вилли. Один раз я уже видел эту пленку, но тогда у меня не хватило времени хорошенько подумать.

В квартале от них на улицу вывернула машина. Бубба вздрогнул – ему явно не терпелось скорее уйти.

– Договорились?

– Да, – ответила Делла и ободряюще пожала Буббе руку. Тот дернулся и отпрянул от нее. Автомобиль проехал мимо, осветив их фарами, и они снова оказались в темноте, где единственным звуком, нарушающим тишину, был свист холодного ветра в голых сучьях деревьев-скелетов.

Делла улыбнулась Буббе, вдруг вспомнив о своих прогулках с пятидневным Мэнчайлом. Бедняга.

– И знаешь что, Бубба, по-моему, нет ничего страшного в том, что ты съел этого Доана, – не стоит так убиваться. Из того, что я видела о его семье, я поняла, что он был полный ноль и дрянь-человечишко. Твой отец тоже был довольно оригинален в выборе пищи – однажды он съел нашего пса, Броузера.

Делла сухо рассмеялась.

– Ему тогда было двенадцать, а я прогнала его.

По губам Буббы скользнула тень улыбки.

– Ничего, бабушка Делл, мы знаем, как выживать. Спасибо тебе за все. Возьми пленку и отнеси ее Бэну: так зовут одного из стюардов на «Красотке». Если все получится, мы сумеем вытащить Вилли из тюрьмы.

В отдалении мелькнули фары другого автомобиля. Бубба приложил указательный палец к губам и уху, как при первой встрече, повернулся и, не оглядываясь, двинулся вниз по улице. Прошагав полквартала, он свернул в переулок, бросив последний взгляд на Деллу, которая стояла и смотрела ему вслед.

Ключи от машины были у нее в кармане, и спуститься в гараж и взять свою машину, старенький «паскаль-турбо», она смогла, не заходя домой. Проехав до конца Восточной Парковой улицы, она свернула в переулок к дому тети Илси и дяди Колина.

На противоположной стороне улицы напротив их дверей дежурили полицейская машина и несколько репортеров, но Делле удалось проскочить на своем «паскале» мимо и взбежать по ступенькам прежде, чем они атаковали ее со своими вопросами. Тетя Илси открыла дверь, как только она нажала кнопку звонка.

– Делла!

Худощавая Илси по-прежнему казалась несгибаемой, хотя от горя на ее лице прибавилось морщинок. Проводив Деллу в гостиную, она предложила ей чашку чая и принялась говорить, не переставая теребить крупные шарики своих тяжелых бус. Руки тети Илси заметно дрожали.

– Боюсь, Делла, что здесь полно подслушивающих устройств, поэтому нужно говорить осторожно, хотя, по сути дела, мне

глубоко на все это плевать. Думаю, ты знаешь, что судья Ливайс Картер широко известен как тупой ненавистник всего связанного с бопперами. Он приговорит моего Вилли к смерти, я не сомневаюсь…

– Это… это ужасно. Господи, мне жаль, что все так получилось. Но…

– Прости меня, Делла, я с тобой так грубо разговаривала, прости. Но ведь ты бросила нас, уехала, словно тебе больше дела до нас нет, но ты тоже переживаешь, я это теперь вижу и понимаю, что не должна была так говорить. Я помню, молоденькой девушкой ты была такая хорошая и добрая, Вилли просто души в тебе не чаял. Все так пошло наперекосяк…

– Это я вас во все втравила, тетя Илси. Вот…

– Ты уже виделась с кем-нибудь из наших *родственников?* – спросила ее тетя Илси, сделав «особое» лицо. Она имеет в виду Буббу, поняла Делла. Наверняка тете Илси хватило одного взгляда, чтобы узнать человека на экране виззи. Она всегда была такой – любопытной, остроглазой и сметливой.

Делла чуть заметно кивнула и поднялась.

– Я хотела попросить у вас несколько цефакассет Вилли, просто посмотреть. Я все время думаю о нем и вот решила, что, может быть, эти записи помогут мне, как бы это сказать, почувствовать себя… ближе к нему, наверное.

– Хорошо, я не против, дорогая, бери, что тебе нужно.

Спустившись в подвальчик Вилли, Делла оглянулась вокруг. Просторная комната с двумя крохотными, забранными сеткой окошками под потолком была полна всяческих игрушек, которые сам Вилли называл не иначе как экспериментальным оборудованием: лазерами и проекторами, компьютерным «железом» и всяким старым электронным барахлом. Цефаскоп стоял на своем месте. Рядом на полочке аккуратно, рядком были расставлены десятка два-три помеченных ярлычками кассет с записями. Постояв немного над кассетами, Делла выбрала для себя три штуки, на одной из которых значился ярлычок «21 января 2031».

Она поднялась наверх в гостиную и еще с полчаса говорила с тетей Илси о том о сем. Слово за слово тетя начала вспоминать о старых временах, а потом разговор зашел о Коббе. Первый раз в жизни Делла почувствовала, насколько крепко переплелась судьба ее семьи с историей противоречивых взаимоотношений людей и бопперов. Впервые она увидела себя как часть чего-то большего, чем просто она сама. Полная новой спокойной уверенности, она вышла на улицу. Снаружи у двери ее уже ждали, мужчина и женщина. Репортеры. Или копы.

– Миз Тейз! – крикнула ей женщина, напористая сука. – Что вы собираетесь делать, если вашего двоюродного брата казнят?

Мужчина цепко держал лицо Деллы в объективе своей камеры.

– Не считаете ли вы себя главной виновницей происшедшего? – продолжала требовать ответа напористая.

– Простите, – тихо отозвалась Делла, машинально возвращаясь к своей ставшей уже привычной маске пассивной нейтральности. – Мне нужно идти.

Черт побери, Делла, пронеслось у нее в голове, *не слишком ли дешево ты дала им отделаться? Ты ведь могла задать им перцу. Ты умеешь*.

В ожидании бурной реакции репортеры преследовали ее до самой машины.

– Говорят, что Тейзы любят роботов больше, чем людей. Что вы можете сказать по этому поводу? – не унималась репортерша.

Повернувшись к суке, Делла несколько секунд смотрела в ее пустое кукольное личико под Бэтти Крокер. «Если кто и есть робот, ТАК ЭТО ТЫ, – хотелось ей крикнуть. – Не Береника и не Кобб, не Мэнчайл и не Бубба, а ТЫ, поганая сука!» Но ведь этого от нее и ждали. Нет, сейчас не время для таких заявлений.

Чувствуя за спиной всю свою семью, Делла собрала волю в кулак и, глубоко вздохнув, спокойно проговорила в камеру:

– Позвольте мне ответить на ваш вопрос несколькими встречными. Почему для некоторых людей так важно видеть в роботах бездушных машин? Почему зеваки смеются в зоопарках над обезьянами? Почему богатые не устают повторять, что бедные люди живут так, как того заслуживают? Почему так редко среди нас встречаются такие, кто способен проявить терпимость к своим живым собратьям? Расстаться с чувством вины можно, лишь только отказавшись от эгоистической самовлюбленности. Поймите, как только чувство вины уйдет, нужды в ненависти больше не будет. Это все, что я хотела сказать. Прощайте.

Оператор с камерой процедил сквозь зубы что-то оскорбительное по поводу последователей Мэнчайла, но Делла уже не слышала его – она сидела в машине, которая через минуту покатила ее к причалу «Красотки». Она чувствовала себя прекрасно, так, как не чувствовала уже давно. Когда она ступила на борт «Красотки», было около девяти часов вечера. На нижней палубе, переоборудованной под бар и танцпол, гремела музыка и было полно народа. Многие танцевали. За стойкой бара Делла заметила черного стюарда, потом, оглянувшись, обнаружила двух его товарищей, обслуживающих клиентов в зале, вытирающих столы и разносящих бокалы с коктейлями. Делла решила

устроиться у стойки и, усевшись на табурет, многозначительно взглянула на бармена.

Только заметив ее, он сразу к ней подошел.

– Чефо шелаете?

– Дрэмби, пожалуйста. Вас ведь Бэн зовут?

– Верно. А ваш я тоше шнаю.

– Вот и хорошо.

Делла поставила на стойку сумочку, да так неловко, что кассеты так и посыпались из нее по ту сторону прилавка.

– Господи, я такая неуклюжая.

– Вше в порядке, мэм.

Бэн нагнулся и, подобрав с пола кассеты, протянул их Делле. Кассет в его руках было две.

– Спасибо, Бэн. С меня причитаются большие чаевые.

– Большое шпашибо вам, миш Тейш.

Глава 15
Вилли

16 марта 2031 года

Он спал, мастурбировал и выкурил все свои сигареты, и теперь ему нечего было делать, кроме как просто сидеть на прикрученной к стене металлической койке с тощей подстилкой. В сотый раз он взглянул на свои часы – 15.09. В прошлый раз, когда он смотрел на часы, на них было 15.07. Некоторое время он следил за минутной стрелкой, потом лег на спину и закинул руки за голову.

– Эй, Тейз, ты слышишь меня? Тейз, эй, Тейз?

В двух камерах от него сидел юный грабитель. Всю прошлую ночь и утро он буйствовал, а теперь изнывал от одиночества. Непонятно, был ли он на самом деле двинутым или прикидывался.

– Бопперы трахали Вилли-милли в задницу!

Вилли не ответил. Он давно уже знал все, что мог сказать ему этот парень.

– Эй, Вилли, старина, извини, что я про тебя так, но у меня в башке звенит без парилова, я тут с ума схожу. Поговори со мной, Вилли, как человека тебя прошу. Расскажи мне о Мэнчайле.

Вилли не ответил. Завтра судья Картер зачитает ему приговор, а ведь ему светит смертная казнь. Того, что он сделал, люди не прощают. Вилли попытался представить себе смерть. По дороге в Черчилль-даун КоббIII рассказал ему кое-что о смерти. Он сказал, что смерть совсем не так страшна, как о ней думает большинство людей. Но сам-то Кобб умер стариком; он успел и жениться, и наплодить детей, и создать своих бопперов. Если бы Киско Ливайс не умерла, Вилли мог бы жениться на ней. Ее убили, бедняжку. Тогда, в их первую и единственную ночь в доме Пигготов, он упустил свой шанс, стал ломать комедию, когда нужно было лечь с ней, и все. А так он уйдет, не оставив после себя *совсем ничего*, пустоцветом. Он так и не взломал азимовскую защиту Красотки. В машине он рассказал Коббу о Задаче Континуума, и тот подкинул ему несколько очень интересных идей. Настолько интересных, что Вилли был уверен: окажись у него побольше времени, он бы закончил с Красоткой. Чувствуя, что тучи сгущаются над ним, он сразу, как только вернулся домой, записал все сказанное Коббом и свои мысли на цефапленку, но найдется ли теперь кто-нибудь, кто сумеет разобрать за обычной картинкой его тайное послание? Завтра его

приговорят к смерти на электролисте, а еще через две недели отведут в камеру с металлическими стенами, представляющую собой огромный мегафарадный разрядник, потом между металлическими пластинами проскочит мощный полосовой электрический разряд, в камеру войдет судебный исполнитель, подметет с пола чуточку черного пепла, который останется от Вилли, и отдаст его отцу и маме. Вилли закрыл глаза и принялся думать о том, что Кобб рассказывал ему о небесах.

Тинейджер снова начал бесноваться, разбудив угрюмого громилу, сидящего в камере в другом конце их коридора, который стал хрипло ругаться и орать на него. Маньяк, сидящий прямо напротив Вилли, принялся бить ногами в железную дверь и истошно выкрикивать: «ЗАТКНИТЕСЬ ВЫ ВСЕ, ИЛИ Я УБЬЮ ВАС!»

ККР-ТСУУУУМПпппп…

Взрывная волна больно ударила Вилли в уши. Сразу же вслед за взрывом наступила гробовая тишина – все в соседних камерах, и бесноватые, и разозленные, замолчали, напряженно прислушиваясь. Где-то за стеной внизу противно заскрипел по бетону металл. В коридоре послышались мерные, быстро приближающиеся шаги.

– ВИЛЛИ? Где вы, масса Вилли? Вы здесь…

– БЭН! – заорал Вилли. – Я здесь, Бэн! Сюда, скорее!

Через мгновение Бэн уже заглядывал в окошко камеры Вилли. Раздался могучий удар, и дверь камеры распахнулась. Вилли сорвался с места и бросился к чернокожему бармену. С тяжелым пулеметом в руках и связкой гранат через плечо Бэн выглядел очень грозно. Было видно, что он уже успел побывать в деле – мерц-покров на нем в некоторых местах был поврежден, и наружу проглядывал блестящий титанопластовый корпус. Теперь, когда Вилли оказался в коридоре и когда все перестали орать, можно было различить доносящийся откуда-то с нижних этажей Дома общественного надзора рассыпчатый треск автоматического оружия. Выходит, кто-то все-таки сумел взломать азимовскую защиту Красотки, и она прислала к нему на выручку своих стюардов-манипуляторов.

Покров на половине лица Бэна был сорван, и было трудно разобрать его выражение, но в том, что он выглядел более сердитым и решительным, чем обычно, не было сомнений. Очень сердитым и решительным, но все же довольным, что видит Вилли, – это было ясно.

– Нужно торопиться, босс. Держись за моей спиной – я пуленепробиваемый.

Провожаемый приветственными криками из камер, Вилли бросился по коридору вслед за Бэном к широкой железной двери

на мощных петлях. Вскинув пулемет, Бэн пинком распахнул дверь и выпустил длинную очередь. Из-за двери донеслись пронзительные крики.

Выскочив из коридора, они оказались на широкой площадке, вниз и вверх с которой вели ступеньки. На площадке мешками лежали два убитых копа. Бэн направился к лестнице, и Вилли, подхватив игловик одного из копов, рванулся следом. Взбежав вверх на один пролет, они остановились перед лестницей, ведущей прямо на вертолетную площадку. Где-то сбоку, за стеной, вовсю шла пальба из автоматов и несколько раз гулко хлопнули разрывы гранат.

– Поднимайся наверх, – бросил ему Бэн. – Но на крышу не выходи. Я тебя догоню.

Взбежав вверх еще на пролет, Вилли оглянулся и увидел, как Бэн заканчивает выламывать на нижней площадке тяжелую дверь. Том и Рэгланд, два других манипулятора Красотки, уже были с ним и стреляли из пулеметов вниз, удерживая копов. Бэн швырнул дверь на лестницу, перегородив ею проход, после чего стюарды втроем еще несколько секунд поливали нижние площадки ураганным огнем. Повернувшись, они бросились наверх вслед за Вилли, улюлюкая и испуская победные крики.

Перед дверью на крышу все устроили передышку. Снизу не было слышно ни стрельбы, ни звуков шагов – копы больше не пытались их преследовать, если, конечно, хоть один коп остался в живых.

– Биг Мак уже с нами, Том, – сказал Бэн.

– Я знаю, он только что передал мне. – Том шлепнул себя по лбу. – Бубба закончил ломать код. Я предлагал взять Биг Мака на себя, но он сказал, что сам быстрее управится. Бэн и Вилли, вы идете вперед. Мы с Рэгландом прикроем вас.

– Добро, – отозвался Бэн.

Он толкнул Вилли вперед, но у того уже не было сил бежать. На улицах снаружи перекликались сирены, но внутри Дома общественного надзора царила сверхъестественная тишина. Те из охранников, кто еще уцелел, наверняка попрятались и сидели тихо как мыши.

– Значит, Бубба жив? – спросил Вилли. – Как он?

– Ему уже сорок девять, – ответил Том. – Он использовал теории бесконечности Кобба с твоей кассеты и на прошлой неделе взломал азимовский код Красотки. После этого мы разработали план, на первом этапе которого мы должны были освободить тебя, а на втором – старину Биг Мака, тюремного терафлопа, принадлежащего Гимми Луисвилля, понимаешь? Я получил его азимовский код.

– Код Биг Мака основан на доказательстве Великой теоремы Ферма, – подал голос Вилли, – так, кажется? Кобб помог мне направить Буббу на верный путь в решении Задачи Континуума, а теперь вы щелкаете знаменитые теоремы как орехи за один день?

– Главное – понять суть, – улыбнулся Том. – Тебе достаточно будет самому раз взглянуть, и ты разберешься.

Бэн хлопнул Вилли по плечу.

– Будет топтаться на месте, масса Вил, нужно двигать. Я выйду на крышу и посмотрю, как там обстоит дело с вертолетами, а потом просигналю тебе.

Махнув на прощание рукой Тому и Рэгланду, Вилли выбрался вслед за Бэном на крышу.

Три стоящих на крыше вертолета стерегли двое охранников, укрывшихся в бетонной будке. Выставив перед собой пулемет, Бэн принялся поливать свинцом будку, не давая охранникам высунуть носа, попутно расстреляв двигатели двух ближайших машин, потом махнул рукой Вилли. Согнувшись в три погибели, Вилли пробежал к третьему вертолету и, забравшись в кабину, начал лихорадочно осматривать тумблеры и кнопки. На вертолете он летал всего один раз лет пять назад и приблизительно помнил основные принципы пилотирования аппарата. Он перекинул несколько тумблеров, и большой водородный двигатель, закашлявшись, взревел и ожил. Вилли нажал еще несколько кнопок и перекинул рычажок – над его головой со свистом начал раскручиваться тяжелый ротор винта. Стреляя короткими очередями, Бэн подбежал к вертолету и боком запрыгнул на второе сиденье. Вилли стиснул руками джойстик атаки винта и толкнул его вперед на взлет. Похожий на сердитую пчелу вертолет снялся с места и быстро поднялся в воздух.

Биг Мак прикрывал их. Все двери Дома надзора распахнулись, и преступники толпами выбегали на улицу. Огонь пулеметов со смотровых башен тюрьмы, которыми управлял Мак, не давали охране возможности занять позиции для прицельной стрельбы. С высоты Вилли заметил Лютера и Джиджи Джонсон, бегущих впереди всех; они с ходу прыгнули в ожидающую их машину и уехали. Развернув вертолет, Вилли понесся над домами ночного Луисвилля прочь от тюрьмы, держа по указанию Бэна курс на восток.

– Куда мы летим, Бэн?

– К старым складам. Там тебя ждут друзья Джонсонов, мясники.

– Ты хочешь сказать – органлеггеры?

Бэн хмыкнул. Целая сторона его лица была обращена к Вилли, и тот, бросая на негра короткие взгляды, подумал, что

стюарда едва ли можно теперь отличить от человека.

– Нет, просто мясники, хотя, конечно, от подработки они не отказываются. В основном они занимаются доставкой мороженой говядины. Они согласились отвезти тебя во Флориду в контейнере со стейками.

– И там я буду в безопасности?

– Во Флориде законы Гимми мало кто уважает. Там живет старичье, жмурики, да ты, наверно, и сам знаешь. Они-то и заправляют там всем. Там ты должен будешь встретиться с одним парнем, Стэном Муни. Торч Муни, ты не мог не слышать о нем! Это он первым убил на Луне большого боппера, после чего там началась вся эта свистопляска. После он случайно застрелил свою жену, Вэнди, подался на Луну, добыл там себе клона Вэнди и теперь очень близкий друг новых, мягких, бопперов. Плесенники, так он называет их, – они возникают из зараженного плесенью мерц-покрова. Лимпсофты. Красотка и Бубба связались с ним на прошлой неделе. Муни решил вернуться на Землю вместе с Вэнди, и ему нужна твоя помощь – он решил образовать тут свою секту, совсем новую.

Слева внизу от них появились темные прямоугольники складов. Оглянувшись назад, Вилли увидел, как от города за ними мчатся в погоню полицейские машины. Из рассказанного Бэном мало что дошло до его сознания – слишком много информации свалилось на него за такое короткое время. Все его внимание было сосредоточено на полете. Сделав над складами круг, он заметил черную машину и рядом с ней людей, мужчину-негра и белую женщину, вовсю размахивающих руками. Он потянул джойстик на себя, завис над двором склада и сел.

Подбежавший к вертолету мужчина рывком распахнул дверь.

– Ты – Вилли Тейз? Скорее вылезай, нужно ехать!

Ни слова не говоря больше, мужчина побежал к машине, задняя дверца которой ожидала открытой, и уселся за руль.

Вилли повернулся к Бэну:

– А как же ты, Бэн?

– Мои часы сочтены, масса Вил. Раньше или позже они начнут бомбить «Красотку», а кроме того, плесень все равно нас прикончит.

Бэн засунул руку в карман комбинезона и вытащил оттуда инфокуб.

– Вот, возьми, Вилли, – тут Том, Рэгланд и я. Забери это с собой, скоро увидимся. А пока – пока. Ничего, особой спешки нет – ты понимаешь, о чем я.

Сирены выли уже где-то совсем близко. Они ударили по рукам, и Бэн ухватился за джойстик.

Вилли спрыгнул на землю и побежал к машине. Сзади на него налетел шквал ветра – Бэн поднял вертолет и, сделав небольшой круг, полетел над дорогой навстречу приближающимся сиренам. Очень скоро со стороны города донеслось четкое «та-та-та» его пулемета.

Вилли забрался на заднее сиденье черного автомобиля и захлопнул за собой дверцу. Женщина повернулась и улыбнулась ему, мужчина молча перебросил скорость и заработал рулем. От шоссе донесся грохот взрывов – Бэн явно решил забрать с собой побольше копов.

Поколесив по пригородам Луисвилля, они остановились у темного обветшалого дома неподалеку от мясоперерабатывающего комбината. На нижнем этаже дома горел неоновый знак – пивная кружка: это была ничем не примечательная пивная для простых рабочих.

Женщина выбралась наружу, и вслед за ней вылез Вилли; черный автомобиль развернулся и исчез в темноте. Они вошли в переполненную прокуренную пивную, где навстречу им из-за одного из столиков поднялся старый лысый негр, ходящий раскорякой. Вслед за негром они спустились в подвальный этаж. Негра звали Кельвин Джонсон, а женщину – Керол Эрли. Оба они показались Вилли весьма дружелюбными, несмотря на то что подвал оказался просто завален мясом – тут были и человеческие органы, но хватало и обычной говядины.

– Надеюсь, ты не страдаешь клаустрофобией? – спросила его Керол.

– Если хочешь, мы можем вколоть тебе что-нибудь, – предложил ему Кельвин, снимая крышку с переносного титанопластового термобокса размером с два гроба. Внутри бокса, до половины, были грудой навалены замороженные стейки и отбивные.

– Мне забираться внутрь? – спросил Вилли.

– В десятку, сынок, – кивнул лысой головой негр. – Завтра уже будешь на месте. Вот тебе термокомбез-пузырь, в нем не замерзнешь. Давай шевелись. Грузовик приедет через десять минут.

– С Луисвиллем тебе придется распрощаться, – сказала Керол. – Гимми не оставит тебя в покое. Но там, во Флориде, ты начнешь новую жизнь, иначе взглянешь на мир. Думаю, Стэн на многое откроет тебе глаза.

Снаружи с неба донесся раздирающий рев быстро летящих к городу реактивников.

– Что происходит? – с тревогой спросил Вилли. – Что они затеяли?

Пол задрожал у них под ногами, с города волнами несколько раз накатил грохот мощных разрывов.

– Господи, – прошептала Керол. – Легавые. Одно только и знают.

– Что?

– Реактивники прикончили Красотку и Биг Мака. Остается надеяться, что машины успели связаться с остальными азимовскими компьютерами Гимми и объяснить им, как взламывать охранный код.

– Ничего, Керол, не грусти, – успокоил ее Кельвин. – Секта еще жива. Красотка и Мак погибли, но Гимми ничего этим не добилось. Большие бопперы сейчас тоже ничего не решат. Теперь мы все в одинаковом положении, перевеса сил нет ни на одной стороне. Давай, Вилли, полезай в комбинезон.

Забравшись в пузырь, Вилли растянулся на спине внутри термобокса, прижав инфокуб Бэна руками к животу. Кельвин и Керол набросали на него стейков и, улыбнувшись на прощание, опустили крышку и закрыли замки. Довольно скоро он почувствовал, что термобокс подняли и куда-то несут; потом ящик вздрогнул, и он понял, что его путешествие в кузове фургона-рефрижератора началось.

Его комбинезон-пузырь был сделан из мягкого и удобного имиполекса по принципу мерц-покрова; комбинезон согревал Вилли, а когда ему надоело таращиться в темноту, он натянул имиполекс на лицо и, закрыв глаза, смог дышать кислородом, который производил его костюм. Через некоторое время он уснул.

На границе штата Флорида грузовик был остановлен для досмотра, который, как обычно, оказался поверхностным – никто не удосужился заглянуть в фургон и проверить термобоксы, где в одном из них находился Вилли. Через кордон он проехал, даже не проснувшись, а когда открыл глаза, долго лежал и думал о том, что за жизнь ждет его впереди.

Наконец фургон вздрогнул и остановился – путешествие было закончено. Стукнула дверь, его бокс вынесли наружу и откинули на нем крышку. Когда его глаза привыкли к свету, он обнаружил, что находится на просторной, ярко освещенной кухне – за окнами было темно, видно, ночь еще не кончилась. Повернув голову, он увидел склонившуюся над ним седую пожилую леди.

– Ну вот ты и на месте – со счастливым прибытием. Вылезать – вылезай, но мясо на пол не бросай.

– Что это за место?

– Это дом престарелых ОСЦС в Форт Майерс, Флорида, бывшая усадьба Томаса Альвы Эдисона, сейчас тут живут жмурики, в свое время послужившие хаосу на славу. Меня зовут

Энни Кашинг, когда-то я знавала твоего дедушку, Кобба Андерсона. А ты, как я слышала, хакер Вилли Тейз? Насколько я понимаю, это ты взломал азимовский код больших азимовских бопперов в Луисвилле?

– Это не совсем так, я только помогал. Значит, вы имеете отношение к ОСЦС? Я считал, что ОСЦС и Гимми – это одно и то же.

– Вовсе нет, Вилли, вовсе нет.

Энни принялась хлопотать вокруг него, сняла с его головы мерц-покров и пригладила волосы.

– В отличие от Гимми ОСЦС никогда не проводила единую линию политики; оружием ОСЦС всегда являлся хаос. Что оказалось верным – взять хотя бы то, как ОСЦС разрослась за последние годы. Теперь Земле угрожает чипоед, который раньше или позже здесь все равно появится, и чем раньше это произойдет, тем лучше. ОСЦС уже подготовила рынок для новых, гибких, компьютеров. Через несколько часов сюда прибудет Торч Муни – он-то и принесет на себе первые споры чипоеда.

– Но ведь корабли с Луны не летают, как он сможет добраться?

– Точно так же, как это проделали несколько месяцев назад Береника и Кобб, – он летит сам по себе, пользуясь ионными соплами мерц-покрова. Он уже в пути.

Энни Кашинг погладила имиполексовый рукав комбинезона Вилли.

– Советую тебе сохранить эту штуку, Вилли, – Стэн сделает тебе из него такого же помощника, какой уже есть у него самого. А теперь пойдем со мной – тут есть для тебя одна работенка.

Вслед за Энни он вышел из кухни и, пройдя под шелестящими в ночном бризе пальмами, добрался до пристройки, внутри которой был оборудован машинный зал с многочисленными мониторами и компьютерными блоками. Несколько стариков, сидящих перед экранами, не обратили на их приход особого внимания. Они остановились у дверей, и Энни объяснила Вилли его задачу. Стэн Муни и Вэнди должны были прилететь на Сэнибел-Айленд на рассвете, и от него требовалось, пользуясь имеющимся здесь в распоряжении оборудованием, попытаться помешать локационным станциям Гимми засечь их.

Несмотря на всю кажущуюся сложность, подобная работа не составила Вилли особого труда. После короткой подготовки ровно в четыре утра он ввел в национальную сеть своего «муравья», замаскировав его среди деталей фона одного из файлов графической гипертекстовой библиотеки в разделе «Фото новостей и рекламы». Время от времени, а точнее, несколько раз в

час, компьютеры Гимми обращались к различным разделам графической библиотеки – Вилли знал об этом, и его «муравей», запустившись, поднялся по коммуникационному древу гипертекстов и во время очередного обращения проник в операционную систему местных Гимми. Начинкой его был вирус классического военного типа, поражающий блоки памяти и запрограммированный на самовоспроизведение по экспоненте. Уничтожить такой вирус было несложно стандартными антивирусами, но только располагая исходными данными о типе вируса и его основных признаках, поэтому лучшему системному дебаггеру Гимми потребовалось около двух часов, чтобы выяснить источник заражения и проследить путь «муравья» вплоть до его старта из цифрового фото Кобба Андерсона, снятого в момент ареста по обвинению в предательстве человечества. Пока шла эта дезинфекция, копы были слепы, как кроты в солнечный день.

– Так просто? – удивилась Энни Кашинг.

– Сунул им живца, – пробасил один из старых хакеров, наблюдающий через плечо Вилли за его действиями. – Без толку бить их в лоб – слишком здоровы, а живец был в самый раз.

– Здесь записаны системы моих друзей, – сказал старику Вилли и отдал ему инфокуб Бэна. – Если удастся, пожалуйста, запустите их где-нибудь.

Через полчаса они с Энни уже сидели на песке на пляже Сэнибел-Айленд и неотрывно смотрели на тихо плещущие волны Мексиканского залива. В маленьких серых волнах резвились дельфины, то и дело выскакивая из воды; в стае их было двенадцать или пятнадцать. Вот бы и ему уплыть вместе с ними.

Откуда-то сверху донесся тонкий, высокий звук – описывая в небе круги, к пляжу с неба спускались две фигуры. Из-под ног небесных пришельцев били пучки яркого света, за спиной у них трепетали широко расправленные сияющие крылья. Чтобы не пропустить что-нибудь, Вилли откинулся на спину и, пытаясь привлечь внимание летящих, замахал руками вверх и вниз. Энни, которая все предусмотрела, быстро разожгла костер.

Свет под ногами небесных фигур погас, и они устремились вниз, чудесным образом перемещаясь по воздуху на своих широких роскошных крыльях, по которым скользили неземные разноцветные всполохи. Когда крылатые создания оказались совсем близко, Вилли заметил, что их имиполексовые капюшоны откинуты и головы непокрыты: черты лица Стэна были четкими и мужественными, Вэнди сияла молодостью и красотой.

– Наконец-то я дома, – крикнул им с воздуха Стэн. – Спасибо тебе, Вилли, ты здорово помог нам, старина.

Опустившись на песок рядом с Вилли, Стэн укрыл его одним

крылом, от которого немедленно отделился большой кусок имиполекса и слился с мерц-покровом-пузырем Вилли. Мгновенно от нового фрагмента по костюму Вилли распространились световые волны; Вилли улыбнулся, почувствовав, как тончайшие, в волос, датчики прокололи кожу его шеи и в него проникают новые знания и ощущения.

– Могу и с тобой поделиться, Энни, – предложил Стэн.

– Нет уж, я слишком стара для таких забав. Вы, молодые, идите одни.

Вслед за внутренними переменами Вилли ощутил, как начал меняться его покров внешне, утолщаясь в одних местах, подбираясь в других. Со Стэном и Вэнди происходило то же самое: мерц-покров на них приобретал форму вытянутых, удлиненных тел, с могучими плавниковыми лопастями вместо ног. С первыми лучами восходящего солнца они бросились в воду и, мгновенно исчезнув в волнах, понеслись под сверкающей поверхностью моря вперед.